Одесский
альманах

№49

II / 2012

ДЕРИБАСОВСКАЯ ↔ РИШЕЛЬЕВСКАЯ

PLASKE
ПЛАСКЕ

ББК 84(4Укр-4Оде-2Од)63-47я430+63.3,014(4Укр-4Оде-2Од)63я430
Д 362
УДК 821.161.2'06=161.1(477.74-21)-92(082.1)+908(477.74-21)(09)''452.2''

Д 362 Дерибасовская – Ришельевская: Одесский альманах (сб.) / кн. 49
Всемирн. клуб одесситов: Сост.: Ф.Д. Кохрихт, Е.М. Голубовский,
О.И. Губарь, И.Л. Липтуга. — Одесса: Издательская организация
АО «ПЛАСКЕ», 2012. — 380 с.

ISBN 978-966-8692-19-2

Д 4702640204 / 2012 + 0503020902 / 2012

Редактор Феликс Кохрихт

Редколлегия: Евгений Голубовский (заместитель редактора)
Олег Губарь
Иван Липтуга

Editor Felix Kokhrikcht

Editorial Board: Yevgeniy Golubovsky (deputy editor)
Oleg Gubar
Ivan Liptuga

На обложке – портрет Риты Ануфриевой работы Александра Ануфриева (1960-е гг.)

ISBN 978-966-8692-19-2 © Авторство опубликованных текстов, 2012

От редакции

Номер нашего альманаха, выходящий на стыке весны и лета, традиционно совпадает с очередным днем рождения А.С. Пушкина. В нынешнем июне со дня рождения поэта исполняется 213 лет. 13 месяцев своей жизни он прожил в Одессе. «Всего тринадцать месяцев» – так называется пьеса Юрия Дынова, которая с успехом шла на сцене нашего Русского театра. И за эти считанные дни молодой ссыльный создал в юном городе несколько поэм, дивные лирические стихи, главы романа «Евгений Онегин». По крылатому выражению его современника Туманского, Пушкин выписал Одессе Грамоту на бессмертие. Казалось бы, подобный Документ, подобный Дар не имеет срока давности… И все же по прошествии лет и город, и его жители – мы с вами – стали испытывать потребность в подтверждении столь высокого статуса, дарованного нам Поэтом в первой четверти XIX века.

Разумеется, Одесса не обделена любовью и почитанием своих детей. Одно перечисление наших земляков – выдающихся писателей и поэтов, писавших о родном городе в прозе и стихах, – заняло бы все наше вступление к новому номеру альманаха. Но потребовался свежий взгляд – не со стороны, а как бы «не замыленный» знакомыми с детства картинками и пейзажами, не привычный к говору, повадкам, сути людей, населяющих улицы, ведущие к морю, в крови которых смешалось столько струй…

Таким летописцем, таким певцом Одессы стал Константин Паустовский. Он прожил в Одессе около двух лет (в 1915-м, а затем с 1920 по 21-й) – но каких! Первая мировая война, Антанта, гражданская война и междувластие в Одессе, и, наконец, приход большевиков…

Паустовского и Пушкина разделяет столетие и объединяет необыкновенная привязанность к городу у Черного моря. Авторитетные исто-

рики, исследователи творчества Константина Георгиевича полагают, что именно он – вслед за гениальным Пушкиным – как бы продлил срок бессмертия Одессы.

К 120-летию Паустовского Одесский литературный музей, АО «ПЛАСКЕ» и Всемирный клуб одесситов выпустили том его произведений, в который вошло все, что он в разное время писал о нашем городе, – проза, очерки, воспоминания, эссе, дневники. Публикуются его переписка, а также материалы о том, как в Одессе увековечена память Константина Георгиевича.

Сборник озаглавлен по названию его главной книги об Одессе – «Время больших ожиданий», и вышел в рамках издательского проекта «Одесская библиотека».

Конечно же, есть в нашем альманахе и материалы, посвященные Пушкину. Мы продолжаем публикацию страниц «Одесского календаря», который уже несколько лет выходит в День рождения города и посвящен одной из улиц – на сей раз Пушкинской.

Олег Губарь

Функции Одесского строительного комитета
в контексте истории градостроительства Одессы*

Озеленение

Выше мы уже касались устройства садоводческих заведений в окрестностях города в конце XVIII века, в том числе в бортах Водяной балки. Поэтому в этом разделе мы в большей степени коснемся озеленения центральной части города и в общих чертах – устройства ботанического сада.

История рассадки деревьев на главных улицах, безусловно, связана с именем герцога де Ришелье, причем основным реализующим инструментом для него служил опять-таки Строительный комитет, через который принимались все решения, осуществлялись торги по сдаче в подряд, финансирование и контроль исполнения. Сюжет передачи городу сада Феликса де Рибаса также рассмотрен в предыдущем разделе. Здесь уточним только, что это событие послужило дополнительным стимулом к озеленению города. История Дюковского сада в свое время описана на основе архивных материалов профессором Императорского Новороссийского университета В.К. Надлером[1].

1 ноября 1806 г. ОСК принимает решение о выплате за купленные Ришелье 3.000 тополей «для рассадки в городе, ценою по 25 копеек» управляющему имением графа Потоцкого дворянину Рапацкому из портовой суммы 750 рублей, «и за доставкою половины оных – шестнадцать рублей». Итого 766 рублей[2]. Тогда же, поздней осенью 1806 г., деревья были рассажены шляхтичем Микитинским, которому 10 декабря выплатили за работу 127 руб-

* Продолжение. Начало в кн. 35-41, 43, 45-47.

лей из портовой суммы[3]. К слову, в тот же день Комитет слушал предложение Ришелье «о принятии в целостное соблюдение» сада Феликса де Рибаса[4].

Как видно из городского плана Ф. Франполли 1807 г.[5], деревья были рассажены в пределах, ограниченных улицами Преображенской, Успенской, Ланжероновской и Польской. Кроме того, охвачена вся четная сторона Преображенской от сада де Рибаса до самого приморского обрыва (вплоть до находившегося на склоне недостроенного и обветшавшего Морского госпиталя), Малый переулок, часть Гаванной – от этого переулка до Ланжероновской, квартал Ремесленной – меж Троицкой и Успенской. Особое внимание уделялось Александровскому проспекту – как главному в то время коммерческому центру. Деревья рассадили в два ряда параллельно каждому из четырех отделений одноименной площади, в центре которой устроили овальный газон с палисадом. Далее, на протяжении четырех кварталов проспекта, деревья высаживались в один ряд (всего восемь рядов), причем возле Гостиных (Красных) рядов зеленые насаждения в 1809 г. окружили палисадами «для сбережения посаженных там на три отделения дерев»[6].

Продолжилось обустройство сада де Рибаса. 15 марта 1809 г. Ришелье повелел отпустить «ученому форштмейстеру (то есть садоводу. – **О. Г.**) Шульцу на покупку дерев в Городовой сад трехсот рублей»[7]. 29 апреля «иностранец Юзеф Курио» предъявляет в ОСК расписку «смотрителя при Городовом саде Савоини», принявшем у него для сада 150 тополей ценою по 1 рублю. Комитет определил сполна рассчитаться с означенным Курио[8].

Еще одним «садовым местом» были склоны Карантинной балки, примыкавшие к Польской улице. Об этом тоже шла речь выше, в разделе об отводе мест под застройку. Участки под сады отводились обычно домовладельцам смежных мест, но с тем чтобы никакого строения, кроме шалаша для сторожа, в здешних садовых заведениях не было. В 1800-1810-е годы места эти нередко переходили из рук в руки[9].

12 января 1812 г. по заявке герцога де Ришелье в ОСК командировали из Санкт-Петербурга высокопрофессионального садовника Ганса Германа. Главная его задача заключалась в устройстве

в Одессе собственной городской плантации для ращения различных деревьев и кустарников, которые бы затем использовались в озеленении города. В журнале заседаний ОСК от 3 июня 1812 г. определено отпустить садовнику Гансу Герману, условившемуся с Комитетом «сделать в городе Одессе разные плантации», 500 рублей из портовой суммы[10].

4 июля 1812 г. ему как «садовому мастеру» назначают жалованье 1.200 рублей в год. Сверх того Герман имеет право на получение квартирных денег, дров и свечей, на что ему уже отпущено из Комитета 500 рублей. На этот раз ему выдают еще 200 рублей в счет жалованья, которое далее станут отпускать по третям года, как и всем чиновникам[11]. 15 июля ОСК определяет финансировать Германа содержание ученика из детей немецких колонистов (220 рублей 50 копеек в год), приступившего к своим занятиям 26 мая[12]. 8 августа 1812 г. ОСК постановляет отвести садовнику Гансу Герману место, где удобно будет, под школу, оранжереи, парники, мерою 266 на 50 саженей[13].

Устройство плантации затормозилось по причине чумной эпидемии, однако в следующем году продолжилось. Архивные материалы донесли информацию даже о таких мелких деталях, как, скажем, покупка Германом у купца Авчинникова ста железных лопат по 1 рублю 25 копеек за штуку, «к работам в новой сад»[14]. Конечный итог устройства городской плантации отлично виден на планах города разных лет[15]. Плантация охватывала значительный участок за Старопортофранковской улицей, меж нынешними улицами Градоначальницкой и Пишоновской, включая территории нынешней Морской и Строительной академий, до самых отрогов Водяной балки (то есть правее Градоначальницкой, если следовать из города).

С середины 1810-х годов немалые участки на той же Молдаванской слободке специально под садовые заведения отводились очень активно, разумеется, в окрестностях Водяной балки. Так, например, в апреле-мае 1816 г. таких участков под сады было роздано очень много, в том числе небезызвестному одесскому мещанину Константину Булгарову[16]. Отводы продолжились летом и осенью того же года[17]. Еще в 1814 г. были полностью выполнены условия по устройству садовых заведений такими фигуран-

тами локальной истории, как графиня Потоцкая и коллежский секретарь Серединский. Последний высадил более 2.500 фруктовых деревьев, а первая руками знаменитого впоследствии садовода Чижевича освоила 50 десятин городского выгона. Тогда же участок под садовое заведение в другом районе получил и сам отставной ротмистр Чижевич, во уважение его успехов в садоводстве[18]. Еще раньше, весной 1813 г., упоминается как уже обустроенный сад графа Разумовского[19].

Что касается устройства казенного ботанического сада, оно прослеживается по архивным материалам довольно отчетливо, нередко в мельчайших деталях. Например, одна из таких «вкусных мелочей» заключается в том, что для заведения сада было предположено использовать участки земли, которые 4 декабря 1818 г. отдали в ведение аббату Николю и профессорам Ришельевского лицея, а те их возвратили Комитету через два месяца. В журнале ОСК от 3 февраля 1819 г. находим разъяснение означенному шагу лицея. Фиксируется: ботаник Десмет уже прибыл из Франции. Определяется: назначить его для заведования будущим садом, межевание поручить архитектору Дигби, земли отвести столько, «сколько позволит местоположение»[20].

2 июня 1819 г. Комитет анализирует создавшуюся ситуацию. В Одессе, по сути дела, сформированы две дублирующие друг друга структуры: городская плантация и ботанический сад. Что делать? Первую в перспективе ликвидировать, садовода Германа с сохранением жалованья оставить при публичном саде, а его учеников перевести к профессору Десмету. Все деревья перенести с плантации в ботанический сад «в свое время, то есть осенью нынешнего года». При городской плантации оставить одного сторожа[21]. Впрочем, как мы увидим ниже, городская плантация тогда так и не была ликвидирована.

Приведем еще некоторые любопытные подробности. 18 декабря в ОСК обсуждаются результаты вояжа Десмета в Крым. Он побывал в Никитском ботаническом саду, где назначил вырыть и доставить в Одессу 20 тысяч деревьев различного сорта. Директор тамошнего сада статский советник Стевен затребовал вперед 500 рублей за выемку деревьев. Граф Ланжерон санкционирует отправку просимых денег в Симферополь, выделив оные из пор-

товой суммы[22]. Таким же образом по архивным материалам можно составить в деталях всю дальнейшую биографию одесского ботанического сада.

Немалый интерес во всех отношениях представляет одно из дел 59-го фонда, посвященное формированию специальной садовой комиссии. 6 февраля 1831 г. из управления новороссийского и бессарабского генерал-губернатора поступило отношение на имя одесского градоначальника следующего содержания. «Обращая внимание на разные общественные в Одессе заведения, я, между прочим, нашел, что заведенный у предместья Молдаванки городской сад (то есть городская плантация. – **О. Г.**), существуя с довольно давнего времени и стоя городу весьма значительных издержек, не соответствует тому ожиданию начальства, которое было поводом к заведению сего сада. А потому дабы с одной стороны усугубить способы к достижению предположенной при таковых учреждениях цели, а с другой сделать потребные на содержание как сего сада, так и находящихся внутри города, а также казенного сада, внутренних и внешнего бульвара, издержки определительные и соответственные предмету, я признал необходимым составить особую комиссию, которая занялась бы тщательным обозрением сих заведений, потом поверкою приходных и расходных книг о суммах, употребленных до сего времени на содержание оных, удостоверением в правильном расходовании оных, изысканием способов к уменьшению расходов и сделании оных действительно полезными, а также открытием средства к улучшению сих заведений. Комиссию сию я полагаю составить под председательством гвардии полковника Русанова, из отставного гвардии штаб-ротмистра Хорвата, одного из членов Строительного комитета и одного из членов Городской думы. В нужных случаях Комиссия сможет приглашать для совещания опытных здешних садоводцев: гг. Кеппена, Аргузина, Чижевича, Рубо, Томилина, Шмидта, Ростовцева, Гогеля, Кольберга и других, кои советы могут быть полезны для городского садоводства»[23].

Здесь же – доклад об издержках на содержание садов и бульваров за 1830 год. В числе расходов: жалованье садовнику Герману, четверым рабочим при плантации, сторожам в садах и по бульварам, деньги на содержание пятерых учеников, оплата поден-

щикам, на инструменты, материалы и за рассадку деревьев и др. Итого 8.938 рублей 60 копеек[24].

21 июля 1831 г. Комиссия доложила исправляющему должность одесского градоначальника результаты освидетельствования Городового сада и того, «что близ Института» (то есть городской плантации), бульваров вокруг города и работ, произведенных садовником Германом. Что касается Императорского Ботанического сада, «то комиссия обратилась к г-ну Десмету с требованием пояснения работ, произведенных им в означенном саду в 1830 г., дабы иметь основательные соображения»[25]. 9 июля Комиссия пишет о том, что оценить проделанную работу – планировку, рытье ям и прочее – весьма затруднительно. Как принято говорить, деньги зарыты в землю. Здесь же еще одно любопытное ироническое наблюдение ревизоров: мол, местные частные садовые заведения вообще куда лучше казенных. Между прочим, таким отменно устроенным приватным заведением владел и сам казенный садовник Герман[26].

10 июля того же года Комиссия запрашивает у ОСК планы всех городских садов и бульваров. 5 августа она информирует Комитет о состоянии дел в Ботаническом саду. Согласно амбарной книге Десмета, израсходовано 5.783 рубля 32 копейки. На что истрачены сии деньги, он не отчитался, а содержание сада при этом худое. То есть расходы, по мнению членов Комиссии, явно завышены[27].

В докладе Комиссии исправляющему должность генерал-губернатора тайному советнику Ф.П. Палену от 6 августа 1831 г. находим более детальную информацию. В качестве предисловия – уже известный тезис: по давности произведенных работ оценить их с точностью невозможно. 1) Ботанический сад содержится дурно по всем статьям. 2) «Кроме некоторых главных аллей, которые не весьма хорошо вычищены, все прочие части сада в совершенном запустении и без надлежащего присмотра. Пространство 12 десятин земли, засаженное 28.000 дерев при градоначальнике Гурьеве, остается без всякого внимания». Однако Десмет этой частью сада не заведует, полагая, что на нее должны быть особые ассигнования. 3) «Школы фруктовых деревьев вовсе не значительны, в большом небрежении, заросли бурьяном».

4) «Вместо семи пар волов, которые должны находиться при заведении, Комиссия нашла только пять пар, но и сие количество волов вовсе не нужно», поскольку предположения пахать «для посадки школ еще не производились». 5) Израсходованные на поденщиков 5.783 рублей 32 копейки не подтверждаются никакими значительными работами 1830 г. 6) и 7) Речь идет о поденщиках, ряд которых фактически находится «в услужении г-на Десмета, а именно: Василий – кучером, Мартин – закупает провизию, а Фридрих Плантау работает в собственном саду Десмета и употребляется для разных услуг». Комиссия считает расходы завышенными. Следуют и другие замечания, в том числе: «В Ботаническом саду не имеется воспитанников»[28]. Картинка, которая заставляет глядеть на почтенного садовода чуть более трезво, нежели вошло в привычку. Формально он оставался директором сада до самой своей смерти в 1839 г., однако фактически управляющим с 1834 г. был профессор А.Д. Нордман[29].

Далее берутся за садовника Германа, но этот, судя по всему, исправен и добросовестен. 1 сентября ОСК пишет, что в ноябре ему предписывалось рыть ямы глубиной в $1^{1/2}$ аршин по Ришельевской и высаживать тополя, на городской плантации не разводить виноградных кустов, а только деревья, и кроме того, надзирать за садами и бульварами. Герман показывает расход за перевозку и посадку каждого дерева по 50 копеек, а кустарника – по 22 копейки. Здесь же – тетрадь, выданная Герману для записи средств, отпускаемых для рассадки деревьев по улицам Ришельевской, Дерибасовой и Ланжероновской взамен усохших. Тетрадь пуста: следовательно, в текущем году не высаживал. Зато приходно-расходная книга за тот же год пестрит расписками сторожей, поденщиков, садовых учеников, в том числе на польском и немецком языках. Причем видно, какие именно работы производились в «саду, подаренном городу господином полковником Стемпковским» (то есть в Дюковском), на плац-парадном месте (территория будущего Пале-Рояля), на Александровском проспекте, на «бульваре над морем» (то есть Приморском), в Городском саду и др. В январе 1832 г. Герману даже возвращают сделанный им из собственного кармана перерасход в 408 рублей 15 копеек[30]. 18 (30) октября 1831 года А.И. Лёвшин пишет М.С. Ворон-

цову: «Плантацию Германа как ненужную мы продаем за исключением одной четверти, оставляемой для институтского сада»[31]. Речь идет о саде Института благородных девиц.

В предыдущем разделе уже говорилось о рассадке деревьев вдоль шоссе, которые сооружались в 1820-е годы по Херсонской, Ришельевской, Дерибасовской и другим улицам. В журналах Строительного комитета тех же лет можно отыскать исчерпывающую информацию относительно озеленения будущего Приморского бульвара, начиная с утверждения плана и сметы, составленных Шарлем Потье в 1822 г. В фонде ОСК имеются и дела, касающиеся устройства так называемых Лёвшинских плантаций, то есть зеленых массивов на Пересыпи – порядка 250 десятин(!), созданных по инициативе одесского градоначальника, действительного статского советника А.И. Лёвшина в 1830-е годы[32]. Однако этот сюжет не содержит особых секретов, ибо неоднократно описан в литературе[33]. Другое дело, что карты, схемы, планы этих и других городских плантаций (как вообще громадный массив планов и чертежей), в 1920-е годы вырванные из фонда ОСК для музея «Старая Одесса», нынче частично хранятся в фондах Одесского государственного историко-краеведческого музея[34]. Городские сады и плантации полностью представлены на генеральном плане города 1835 г.[35]. Регулярное устройство Александровского парка выходит за хронологические рамки деятельности Строительного комитета.

Примечания

[1] Надлер В.К. К истории Дюковского сада. – Одесса, 1892; Надлер В.К. Одесса в первые эпохи ее существования. – Одесса, 1893. – С. 72.

[2] ГАОО, ф. 2, оп. 5, д. 258, л. 155.

[3] Там же, л. 266.

[4] Там же, л. 279.

[5] ОГИКМ, инв. № К-602.

[6] ГАОО, ф. 2, оп. 5, д. 259, л. 138.

[7] Там же, л. 178.

[8] Там же, л. 277.

[9] См., например: Там же, д. 262, л. 230.

[10] Там же, д. 264, л. 7.

[11] Там же, л. 149.

[12] Там же, л. 188.

[13] Там же, л. 283.

[14] Там же, д. 266, л. 291.

[15] ОГИКМ, инв. № 563, 605 и др.

[16] ГАОО, ф. 59, оп. 1, д. 96.

[17] Там же, л. 434, 462.

[18] Там же, ф. 2, оп. 5, д. 267, л. 148-149, 335, 343.

[19] Там же, ф. 59, оп. 1, д. 75, л. 46-47.

[20] Там же, ф. 2, оп. 5, д. 275, л. 101.

[21] Там же, л. 462-463.

[22] Там же, д. 276, л. 467.

[23] Там же, ф. 59, оп. 2, д. 258, л. 1-2.

[24] Там же, л. 3.

[25] Там же, л. 10-11.

[26] Там же, л. 14-15.

[27] Там же, л. 16, 18.

[28] Там же, л. 20-23.

[29] Одесса, 1794-1894. – С. 336.

[30] ГАОО, ф. 59, оп. 2, д. 258, л. 28, 29, 32, 32-35, 38-89, 92-101, 105, 145-146.

[31] Архив князя Воронцова. – Кн. XXXIX, М., 1893, с. 22.

[32] См., например: Там же, оп. 1, д. 1796 (от 30 сентября 1833 года). – 128 л.

[33] Одесса, 1794-1894. – С. 337-338; Коханский В. Одесса за 100 лет: Исторический очерк. – Одесса, 1894. – С. 114 и др.

[34] ОГИКМ, инв. № К-551, К-575, К-584, К-612 и др.

[35] Там же, инв. № К-608; Ведомость к литографированному плану одесской городской земли от 31 декабря 1834 года.

Виктор Михальченко

Жизнь нуждается в милосердии

К истории Шуваловского приюта

Призирайте нищих, оденьте нагих, напитайте алчущих.

Большей путаницы, чем с приютом Общества призрения неимущих и помощи нуждающимся, в одесской краеведческой литературе вряд ли удастся отыскать. Причина всей этой неразберихи, в первую очередь, кроется в том, что благотворительное общество, которое устроило этот приют, несколько раз меняло свое название, а сам приют со своими призреваемыми переезжал с места на место и при этом также переименовывался.

Традиция призрения «убогих и сирых» уходит своими истоками на сотни лет вглубь истории нашей страны. Примечательно, что уже в XIX веке число различных благотворительных и попечительных обществ в Одессе переваливало за другой десяток. Особое внимание одесские благотворители стремились обратить на условия существования самых бедных и нищих слоев. Так, в 1854 году был учрежден Комитет по призрению неимущих, а в октябре 1878 года заботами княгини М.А. Гагариной-Стурдза основано Общество помощи бедным г. Одессы.

Мы же поведем речь об одесском Обществе призрения нищих (носившем такое название на момент образования), которое своим созданием во многом обязано неустанной организаторской деятельности генерал-майора Константина Матвеевича Минчаки, стоявшего в 1873 году у его истоков. Небольшая группа частных лиц в течение первых семи лет оказывала те или иные услуги нищенствующим слоям одесского населения. Однако по-настоящему первое организационное заседание членов Общества призрения нищих состоялось лишь 3 мая 1881 года

в Биржевой зале, среди его участников были архиепископ Херсонский и Одесский Платон (Городецкий), генерал-губернатор князь А.Н. Дондуков-Корсаков, одесский градоначальник камергер С.Н. Гудим-Левкович и другие. После обсуждения отчета и задач на ближайшее будущее состоялись выборы распорядительного комитета, создаваемого для организации и ведения всей попечительской работы. Председателем комитета избрали Минчаки, а членами правления стали Бродский, Тимченко, редактор «Одесского вестника» Зеленой, профессор Шпилевский и казначей Сутягин.*

В ходе обсуждения основного доклада председателя общества Дондукова-Корсакова возникло предложение об учреждении собственного приюта для нищих. Идея многим понравилась, таким образом можно было ближе увидеть нужды неимущих и дать им надежду на законное членство в обществе безбедного существования. Распорядительный комитет на своем заседании 17 мая того же года принял решение обратиться в городскую Думу с прошением о бесплатном отводе городской земли в размере одной десятины для построения приютского здания. Положительный ответ последовал 18 февраля 1882 года, когда Дума своим постановлением закрепила за Обществом призрения неимущих место в самом начале тогдашнего Внешнего бульвара вблизи Херсонского полицейского участка, а проще говоря – среди первых номеров с правой стороны по нынешней Старопортофранковской улице. Участок размером в 505 квадратных саженей напротив отделения Городской больницы отдавался с условием, что в случае прекращения существования Общества или упразднения приюта отведенное ему место со всеми находящимися на нем строениями немедленно перейдет в собственность города, без всякого за него вознаграждения.**

Тут же нашелся и щедрый жертвователь, сочувственно принявший на себя все денежные расходы по устройству приюта. Им оказался одесский почетный гражданин Абрам Маркович Бродский, богатый предприниматель и филантроп. К концу лета 1883 года строительство здания приюта, которому «могут позавидо-

* Ведомость Одесского городского общественного управления. – 1881, 6 мая, с. 5.
** Известия Одесской городской думы. – 1900, № 8, с. 1222-1225.

Приют призрения неимущих

вать не только Москва и Петербург, но и многие европейские города», было завершено. Приют действительно можно было назвать самым комфортным богоугодным заведением того времени в Одессе, поскольку для внутреннего освещения в нем использовался газ, для отопления всех помещений – термические печи, устроенная вентиляция доставляла в комнаты достаточное количество свежего воздуха, и конечно же, вода – она была проведена повсюду. Помимо двух просторных спален на 50 кроватей в приюте была еще целая анфилада небольших комнат на 10-15 кроватей. Все металлические кровати, кстати, были снабжены матрасами, белыми холщовыми простынями, фланелевыми одеялами и, что самое интересное, – подушками с белыми наволочками, «набитыми мягкой морской травой».***

Архиепископ Херсонский и Одесский Димитрий (Муретов) вместе с соборным духовенством освятил здание приюта 8 сентября 1883 года. Присутствовавший при этом профессор богословия Новороссийского университета протоиерей Александр Кудрявцев произнес торжественную речь, которая представляла

*** Одесский вестник. – 1883, 10 сент., № 199.

собой своеобразный очерк благотворительности в Одессе. В центре внимания был устроитель заведения – Абрам Бродский, он же организовал памятный завтрак – как для почетных гостей, так и для призреваемых. На его капитал первые нищие, принятые в приют, были одеты с ног до головы. В столовой их потчевали борщом, подавали жаркое с чаркой водки, а на десерт – красный арбуз, причем дополнительно к этому каждый получил полбутылки пива.

В зале, где собрались почетные гости торжества, в тот день звучало немало тостов, один из которых произнес одесский градоначальник Павел Павлович Косаговский в честь благотворителя Бродского: «Одесса по многочисленности имеющихся в ней благотворительных учреждений справедливо занимает в ряду российских городов одно из первых мест. Мы чествуем сегодня открытие еще одного в высшей степени полезного, необходимого учреждения – приюта для нищих, в устройстве которого Одесса уже давно чувствовала настоящую потребность. Среди нас есть немало лиц, которые принимали участие в деле благотворительности вообще. Посильная лепта, которая вносилась каждым из нас для упрочения и дальнейшего процветания этого дела, далеко еще не достигла той благой цели, которая преследуется благотворителями для оказания помощи всем без различия вероисповедания, звания и положения страждущих и неимущих. Дело учреждения в Одессе приюта для нищих всецело обязано своим существованием А.М. Бродскому, пожертвовавшему необходимую сумму не только на сооружение дома для приюта, но и на всю его обстановку. Апостол Павел, – продолжал градоначальник, – говоря о благотворительности, упоминает, что в деле оказания помощи ближнему одинаково важно – оказывается ли помощь «евреем или эллином». Таким образом, по словам апостола, благотворительность не знает ни различия национальностей, ни вероисповедания. Наша южная красавица Одесса отныне может гордиться, что и нищие в ней не забыты: в этом здании они найдут себе хороший приют, который несомненно займет одно из самых видных мест в среде благотворительных учреждений города Одессы. Отныне улицы Одес-

сы не будут наводняться нищими. Позвольте предложить тост за Абрама Марковича Бродского».*

Почему именно эта речь интересна сама по себе? Дело в том, что рядом с самим благодетелем на освящении приюта находился председатель Общества призрения нищих одесский городской полицмейстер полковник Яков Иванович Бунин, впоследствии возглавлявший Общество в течение двадцати лет. Он появился в Одессе за год до описываемого события, в начале лета 1882 года, и занял здесь ответственный полицейский пост. В том же году был избран на должность председателя распорядительного комитета Общества призрения нищих, которая с тех пор навсегда закрепилась за одесскими полицмейстерами. Общеизвестно, что первое время Бунин пытался очистить ряды вверенного ему ведомства от полицейских-евреев, но осмотревшись и ближе познакомившись с Одессой, он во многом изменил свои воззрения на национальный вопрос. Хочется думать, что и речь, произнесенная градоначальником Косаговским, отчасти предназначенная и для ушей Бунина, сыграла не последнюю роль в становлении преданного Одессе полицмейстера.

Как показало время, в общественной жизни города Яков Иванович Бунин занял достойное место среди многих именитых благотворителей. Не в меньшей степени это относится и к его супруге. Здесь можно привести одно интересное письмо, относящееся к более позднему периоду и направленное 18 марта 1893 года секретарем государыни императрицы к супруге Бунина:

«Милостивая государыня Александра Александровна!

Ее величество государыня императрица, известясь от супруги господина обер-прокурора Святейшего Синода Екатерины Александровны Победоносцевой, что устраиваемые Вами в течение последних 8 лет в г. Одессе спектакли и концерты в пользу состоящего под августейшим покровительством ее императорского величества Дамского комитета по снабжению одеждой и пособиями для начального образования бедных детей на о. Сахалин, дали средства на изготовление платья и обуви для этих детей, и что в текущем году Вами собрано для этой цели 3.600 р. и заготовлены некоторые вещи, всемилостивейше изволила пожало-

* Там же.

вать Вам в изъявление признательности ее величества за таковую полезную деятельность Вашу брошь с драгоценными камнями…».*

Полицмейстер Бунин

Как бы то ни было, но с приходом Якова Ивановича общество заметно расширило свою деятельность, а после открытия приюта удалось достигнуть того, что ежедневно в его стенах призревалось более 330 нуждающихся. При вступлении его в должность председателя капитал общества составлял около 28 тысяч рублей. За первые десять лет удалось закончить ряд дополнительных к приюту построек на сумму 20 тысяч, расходы на содержание нищих возросли с 8 тысяч рублей до 17 тысяч в год, при этом основной капитал не только не уменьшился, а напротив, достиг к 1893 году 38 тысяч рублей.** Одним словом, такой выбор председателя для общества был, пожалуй, самым удачным, ибо кроме большой должности в городе Бунин еще имел высоких покровителей в Петербурге – его родной дядя был не кто иной как обер-прокурор Святейшего Синода Константин Петрович Победоносцев.***

По многим причинам приют общества пользовался заслуженным почитанием как у самих нищенствующих, так и у одесских благотворителей, останавливающих на нем свой выбор при желании принести свою добрую жертву. Поток благодеяний для приюта, как правило, не прекращался в течение всего года, но особенно щедрым был в дни рождественских и пасхальных празднеств. Для наглядного примера можно привести лишь малую часть из

* Ведомости Одесского градоначальства. – 1893, 16 марта.
** Там же. – 1893. – 25 апр., № 89.
*** Записки архиепископа Херсонского Никанора Бровковича // Русский архив. – 1906, № 8, с. 506.

большого перечня пожертвований граждан различных слоев одесского общества. Так, в апрельские дни 1889 года в канун Пасхи в приют призрения нищих поступили следующие дары: от потомственной почетной гражданки А.Я. Токаревой для призреваемых детей: каждому из 40 мальчиков блузу, брюки и кушак, а 22 девочкам платье и фартук для каждой; от антрепренера Русского театра Максимова 50 рублей; от Федора Карповича Ткаченко 11 пудов 23 фунта пасхальных хлебов и 400 яиц; от Анны Григорьевны Камковой 100 малых белых хлебов; от Марии Трофимовны Исаевой один пасхальный хлеб и 50 яиц; от Антона Андреевича Ушакова стихарь с принадлежностями; от Митрофана Павловича Корчинского 2 пуда говядины; от Ивана Степановича Алексеева 69 пасхальных хлебов весом около 9,5 пудов; от Ирины Васильевны Мазан 4 шестифунтовые восковые свечи и 25 фунтов пряников.

Кроме этого, жена устроителя приюта Розалия Артуровна Бродская, долгие годы являясь почетным членом Общества призрения нищих, ни до, ни после смерти Абрама Марковича, последовавшей в 1884 году, не оставляла своих забот о призреваемых в приюте. В число почетных членов, обычно насчитывавших 10-15 человек, как правило, входили: правящий архиерей Херсоно-Одесской епархии, градоначальник и городской голова, полицмейстер, ряд купцов и влиятельных лиц Одессы. А вот численность действительных членов общества порой превышала полтысячи человек, в состав их входили представители самых широких имущественных и сословных слоев разношерстного одесского общества. Потому и суммы пожертвований в течение года составляли десятки тысяч рублей. Кроме этого, по несколько раз в году в Городском саду, в Аркадии и других местах города устраивались народные гуляния с лотереей в пользу приюта. К этому добавлялись средства, которые отчисляли со своих представлений и концертов местные и заезжие театры, цирки и индивидуальные творческие личности.

Но все эти достаточно большие по тем временам деньги полностью уходили на каждодневные заботы по призреванию бездомных и сирот. Сегодня приходится только диву даваться, каким образом небольшому составу служащих в приюте Общества

призрения нищих удавалось в течение года окружить ежедневно вниманием в среднем 200-300 обездоленных. Потому, несмотря на столь крупные средства, которыми обладало общество, расход на питание каждого призреваемого в конечном итоге составлял всего 10-20 копеек в сутки. Основная масса денег общества уходила на освещение и отопление помещений, на периодически проводимую дезинфекцию, на ремонт и переделки зданий, на починку различных хозяйственных вещей, на покупку учебных пособий, обуви и одежды. Отдельной статьей стояли расходы по отправке на родину беспризорных детей и взрослых, прибывающих во множестве в Одессу.

Если в обычных городских приютах численный состав воспитанников, как правило, был постоянным, то характерной чертой и уникальной особенностью приюта Общества призрения нищих была непрекращающаяся текучесть призреваемых. Ежедневно сюда поступали все новые и новые бездомные. Основными поставщиками голодных и оборванных бродяг, отловленных на улицах Одессы, были околоточные надзиратели. Каждого из бродяг нужно было осмотреть, продезинфицировать, одеть, накормить, а затем решить дальнейшую его судьбу. Обязательный медицинский осмотр проводил доктор, который, как правило, был членом комитета Общества и оказывал услуги безвозмездно. Многие годы эту обязанность в приюте нищих выполнял частный врач коллежский советник Карл Романович Генрихсен. Часто его заключение было решающим при определении нуждающихся на лечение в Городскую больницу.

Кроме определения общего состояния прибывших в приют необходимо было установить личность каждого и причастность его к жизни «бандитской Одессы». Не раз после выяснения всех обстоятельств нашкодивших беспризорников тут же передавали обратно в руки полиции. Иных направляли в Городскую богадельню, а случалось, что отдавали родственникам, как местным, так и иногородним. И все же основной контингент бездомных и обездоленных стремился остаться в стенах теплого и сытого приюта. Те, кто был способен к каким-либо ремеслам, находили применение своим талантам в мастерских, созданных при приюте. Здесь шили обувь и одежду, изготавливали различные столяр-

ные изделия. Например, в течение всего 1892 года в мастерских было сделано: 200 пар башмаков различной величины и произведена починка обуви. Пошито «портняжеской» одежды: рубах – 218 мужских, 187 женских, 302 для мальчиков и 177 для девочек, одеял летних – 105, матрасов – 24, наволок для подушек – 100, фартуков – 104, платьев девичьих – 83, косынок для них же – 20, теплых пальто для мальчиков – 12, летний костюм надзирателю – 1, утиральников – 187, платьев для старух – 10, кофт женских – 2, и 80 носовых платков. Из столярных изделий: 4 двери, шкаф для библиотеки и разные починки и поправки.

Со взрослыми бездомными и нищенствующими, в основном выходцами из мещан или бывших отставных солдат, часть из которых имели как врожденные недостатки – отсутствие слуха, голоса или зрения, так и приобретенные увечья, было проще – их всегда пристраивали к той или иной работе. А вот с детьми, которых в приюте было большинство, из-за их неуравновешенного, а порой и дерзкого характера, приходилось сложнее. Тем не менее, многие из них тоже трудились в мастерских, а более способных отдавали на обучение столярным, сапожным, цирюльным, переплетным и часовых дел мастерам. Были случаи, когда некоторых детей даже усыновляли. Ну и, конечно же, время от времени, отжив свой бренный век, призреваемые умирали здесь же, в приюте.

С первых дней основания приюта комитет Общества призрения нищих озаботился созданием школы для обучения призреваемых детей основам грамоты. Одна из комнат была переоборудована под класс. В 1893 году школа была преобразована в народное училище, законоучителем куда был определен священник приютской церкви Михаил Мирославлев.* Был в приюте и свой небольшой домовой храм, об истории создания которого пойдет речь в следующей части статьи.

Продолжение следует

* ГАОО. – ф. 16, оп. 104, д. 45, л. 1.

Ева Краснова, Анатолий Дроздовский

«Сказочный фонтан» в Одессе

Фонтаны в нашем городе появились сразу после открытия водопровода в 1874 году. Торжественный приход днестровской воды в город был обставлен открытием на Соборной площади первого фонтана. По замыслу городских властей, в течение нескольких лет в городе были обустроены незамысловатые фонтаны на больших площадях, в парках и скверах, перед входом в некоторые храмы. Они давали живительную влагу в знойные летние дни, приносили успокоение и наслаждение одесситам.

Причем поначалу жители города, не избалованные обилием пресной воды, норовили набрать побольше бесплатной питьевой воды для своих нужд. Руководству города пришлось даже выпустить специальный указ о том, что из фонтанов дозволяется отбирать воду только небольшими емкостями.

Подробно одесские фонтаны мы показывали в альбоме «Старая Одесса. Торговля и промышленность».

К фонтанам постепенно привыкли, их стали устанавливать на собственных фешенебельных дачах одесские богачи. Изысканные скульптурные фонтаны покупались в Европе, в том числе во время проведения престижных Парижских художественных салонов.

На художественном салоне в Париже в 1904 году молодым французским скульптором Максом Блонда (Max Blondat) (1872-1925) был представлен фонтан «Молодость» («Jeunesses»), выполненный в мраморе. Выставленная на обозрение публики скульптурная группа пользовалась небывалым успехом: за право купить ее боролись представители нескольких городов из разных стран. Это неудивительно, так как многочисленные работы скульптора пользовались, и продолжают пользоваться по сей день небывалой популярностью.

Фонтан «Молодость» Макса Блонда на Салоне 1907 г.

Скульптуры малых форм в стиле необарокко или модерн, изготовленные Блонда много лет назад из золоченой бронзы, фарфора, мрамора или других материалов представляют немалую ценность в наши дни, неизменно пользуются повышенным спросом на современных антикварных аукционах. Так, например, авторский гипсовый проект фонтана «Молодость» был продан на аукционе «Сотбис» в 2006 году за 9000 евро. Жизнерадостный сюжет «Дети и лягушки» («Молодость»), выполненный автором с большой любовью, был использован им не только для фонтана, но и для различных оригинальных бытовых предметов: фарфорового чернильного прибора, золотобронзовой пепельницы, статуэтки из дерева и бархата и т. п., сохранившихся до наших дней и успешно продающихся на всемирных антикварных аукционах.

В начале XX века Максу Блонда, чтобы удовлетворить всех желающих приобрести его «молодежный» фонтан, пришлось изготовить несколько авторских копий с незначительными различиями, выполненными, возможно, по желанию заказчиков. Различия касались количества лягушек, из пасти которых извергались изящные струйки воды, достающие до ножек трех девчушек, си-

дящих обнявшись на возвышении и склонившихся над небольшим прудом. Фигуры детей во всех известных нам фонтанах абсолютно идентичны.

Фонтаны-близнецы «Молодость» Макса Блонда в 1905-1907 годах поселились в Дижоне (Франция), Дюссельдорфе (Германия), Денвере (США), Цюрихе (Швейцария) и Одессе (Российская империя).

В нашей коллекции есть открытки и фотографии начала XX века с видами фонтанов в Дижоне, Дюссельдорфе и Одессе. На современных фотографиях Дижона видно, что фонтан по-прежнему установлен в центре города, на площади Дарси, окружен живописными цветочными клумбами и радует своей жизнеутверждающей силой местных жителей и гостей города. Во французском Дижоне его называют фонтаном молодости, как назвал его автор, или фонтаном с лягушками.

В Дюссельдорфе фонтан Блонда появился раньше других городов, в 1905 году, и был назван «Сказочным фонтаном» («Marchenbrunnen»). Скульптурная группа из очаровательных деток, разглядывающих лягушек в пруду, напомнила дюссельдорф-

Фонтан «Молодость» в Дижоне

цам сказку о лягушке, поэтому в Германии прижилось именно это название. Сказочный фонтан установили на почетном месте в старинном дворцовом парке (Hofgarten) – первом общественном парке Германии. Фонтан обнесли изящной решеткой, что не помешало озорным немецким мальчишкам отбивать время от времени мраморные детские пальчики. Накануне празднования 80-летия своего фонтана, в 1985 году, городские власти Дюссельдорфа перенесли мраморную скульптуру в музей, а в парке оставили бронзовую копию деток и лягушек, отбить от которых что-либо физически невозможно.

Фонтан «Молодость» в Дижоне сегодня

Живописный фонтан в дворцовом парке не раз рисовали художники, известно множество его фотоизображений разных времен. Некоторые сюжеты попадали на открытки, изданные солидными издательствами.

«Сказочный фонтан» в Дюссельдорфе

Интересно, что художественная открытка с репродукцией картины «Сказочного фонтана» в Дюссельдорфе, была отправлена летом 1910 года из Германии в Одессу, на Французский бульвар, Софии Баум, проживавшей на даче Биска. Небольшая по меркам этого фешенебельного дачного района территория, принадлежавшая семье известного на Юге России ювелира Акима Биска – отца известного поэта и переводчика Александра Биска, – имела номер 26 по Французскому бульвару и находилась примерно на месте нынешней территории ОНУ им. И.И. Мечникова.

Репродукция картины с изображением дюссельдорфского «Сказочного фонтана» на открытке

Выбор открытки наводит на мысль о том, что фонтан находился в Одессе где-то поблизости от дачи А. Биска и был хорошо известен адресату, но подтверждений этой гипотезы (увы!) нет. В тексте открытки фонтан не упоминается, а речь идет о довольно крупной покупке за 2150 марок, осуществляемой в Германии неким господином Петровым по поручению госпожи С.А. Баум. Снимала ли эта дама дачу у семьи ювелира, или гостила у хозяев на правах родственницы или знакомой – нам неизвестно.

По сведениям авторитетного архитектора В. Трофименко, автора библиографического справочника «Зодчие Украины конца XVIII – середины XX века», скульптура-фонтан «Дети и лягушки» Макса Блонда была установлена на Театральной площади в Одессе в 1925 году. Дату подтверждают и некоторые путеводители по Одессе 1930-1940-х годов.

С этого времени фонтан стал достоянием всех одесситов, а не только нескольких обитателей некой элитной усадьбы. Скульп-

Одесский фонтан. 1961 г.

турную группу установили в центре большой и яркой клумбы, окружающей справа легендарный Городской театр – жемчужину мировой архитектуры.

На довоенных фотооткрытках хорошо виден замечательный фонтан на фоне театра. Мраморный фонтан привлек внимание французского журналиста еженедельника «День» Жоржа Сименона, побывавшего в Одессе летом 1933 года. Будущий автор замечательных психологических детективов, создатель образа комиссара Мегре, был отличным фотографом и сделал в нашем городе колоритные снимки. В его объектив попали нестандартные одесские виды: горожане на пляже в Аркадии; гостиница «Лондонская», где Сименон остановился, с портретом Сталина на фасаде; уличный чистильщик сапог и другие. Камерный фонтанчик с тонкой струей воды и улыбающимися милыми детскими мордашками занял свое место в ряду понравившихся французскому репортеру одесских достопримечательностей.

Фонтан с лягушками благополучно пережил войну и оккупацию, на фотографии начала 1960-х годов он утопает в клумбе из маргариток. Озорные одесские мальчишки, как и немецкие, во

Одесский фонтан. 1961 г.

все времена отбивали пальчики у мраморных детишек. Причем их с завидным упорством приклеивали смотрители скульптуры.

Через много лет фонтан поменял дислокацию в пределах той же площади и был перемещен поближе к зданию Музея морского флота (бывшего Английского клуба), «перебежав» через дорожку между двумя старинными зданиями, ведущую на Думскую площадь и Приморский (Николаевский) бульвар.

На его месте у театра сейчас бесхитростный, но мощный фонтан со множеством струй, у которого любят фотографироваться гости города и свадебные пары. Фонтан «Дети и лягушка» в 2008 году взят городскими властями Одессы на специальный учет под охранным номером 405 как памятник монументального искусства.

Неувядающий успех камерного фонтана с лягушкой вызван, безусловно, особым шармом, заложенным скульптором Максом Блонда в свое творение. Хотелось бы, чтобы детки с лягушками, более 100 лет радующие глаз одесситов и гостей города, продолжали свое доброе дело еще много-много лет.

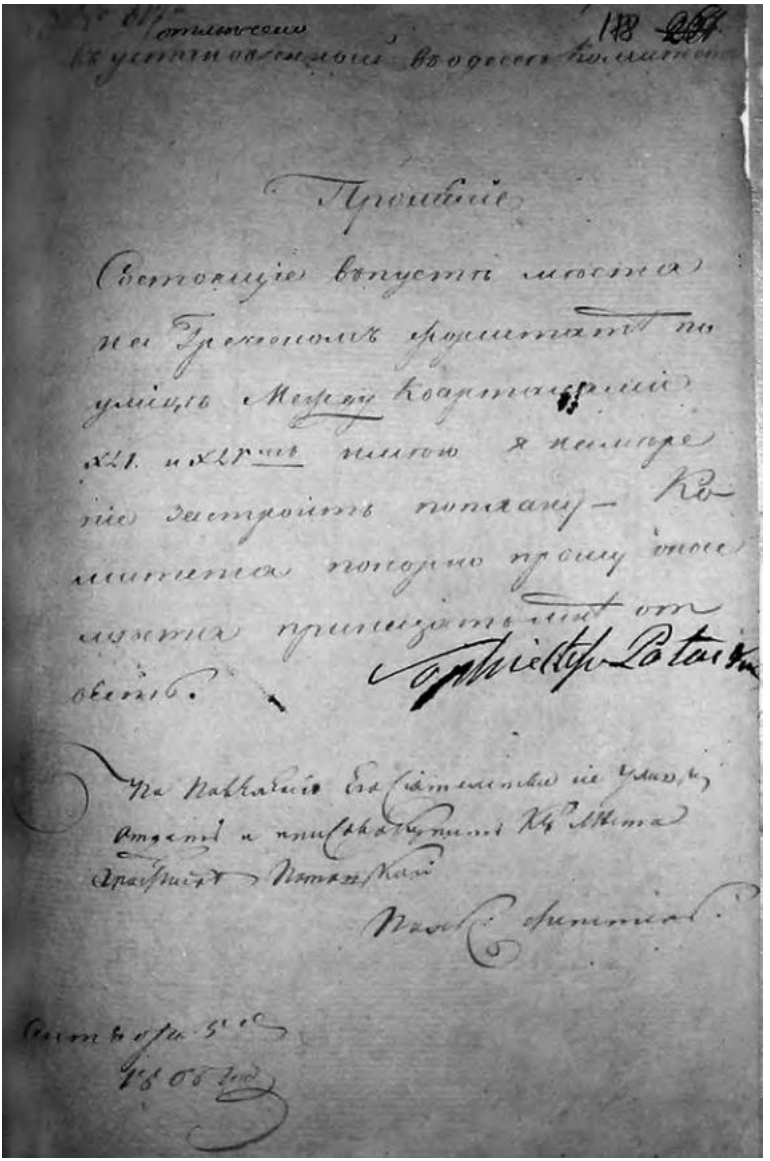
Олег Губарь

Одесская Софиевка

В серии «Одесская библиотека» выходит новая книга Олега Губаря «Автографы Одессы». В ней представлены не просто автографы известных исторических фигурантов, но автографы в контексте конкретных занимательных эпизодов биографии Одессы. Предлагаем вашему вниманию фрагмент этого издания. Встречающиеся в тексте отсылки – (см. ниже), (см. выше) – означают, что в книге публикуются отдельные сюжеты о Болеславе Потоцком и Мартине Католикове.

Потоцкая София Константиновна (1760-1822), в первом браке – графиня де Витт. Происходила из семьи константинопольских греков (фанариотов), преуспела в мифотворчестве, так что девичья ее фамилия остается под вопросом – возможно, Глявоне. Характеристики: от константинопольской куртизанки до выдающейся красоты и ума светской дамы, каковой увлекались венценосцы и многочисленные нобли: в их числе упоминают Фридриха II, Иосифа II, графа Прованского (Людовик XVIII), графа д'Артуа (Карла X), Станислава Августа, герцога де Линя, Потемкина и проч.

Принято считать, что Потоцкая занималась политическим шпионажем и провокациями в пользу России. Ее имя носит известный парк в Умани. От брака с фантастически богатым шляхтичем Станиславом-Феликсом Потоцким-Щенсным София родила трех сыновей – Александра (1798), Мечислава (1800), Болеслава (1805), и двух дочерей-красавиц: Софья (1801-1875) была замужем за графом П.Д. Киселёвым, начальником штаба 2-й армии, а Ольга (1802-1861) – за графом Л.А. Нарышкиным, двоюродным братом М.С. Воронцова. Не исключено, что кто-то из этих детей на самом деле родился от ее связи со старшим сыном супруга от

Документ с автографом Софии Потоцкой

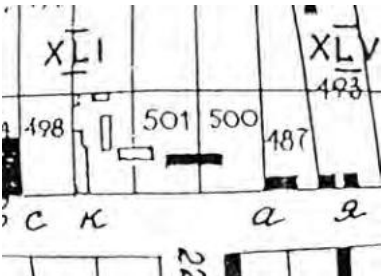
предыдущего брака, Ежи (Юрием) Феликсом Потоцким (1776-1810), азартным карточным игроком, гулякой и выпивохой.

Присутствие Потоцких в Одессе фиксируется, по крайней мере, с 1800 года. Появление здесь графини Софьи связано с отъездом любовника-пасынка в Европу, где тот и скончался от многокрасочного букета заболеваний, включающих туберкулез и сифилис.

Представленный читательскому вниманию документ с автографом легендарной Софии более чем любопытен. 5 сентября 1808 года графиня просит Строительный комитет об отводе ей под застройку территории «на Греческом форштате по улице между кварталами XLIX и LV». В ту пору это был выходящий к приморскому обрыву первый квартал будущей улицы Конной. Спрашивается, кто из застройщиков мог осмелиться на столь, без малейшего преувеличения, нахальное, наглое прошение? Почему наглое, да потому что это означало ни больше ни меньше как существенное изменение высочайше утвержденного (1803) городского плана, а именно застройку улицы. Немыслимо, и, тем не менее, герцог Ришелье своею властью санкционировал этот отвод – что и отмечено прямо на прошении Потоцкой. То есть, как принято говорить, в принципе все равны, но есть такие, кто равнее прочих. Отвод явно был согласован с Дюком еще до того, как графиня официально обратилась в Комитет.

Поэтому теперь улица Конная начинается не от моря, а от Софиевской, кстати, названной так одесситами в память о неординарной и «прекрасной фанариотке». Конная стартует от ее особняка, позднее многократно достраивавшегося, однако вполне сохранившего классический первозданный фасад в центральной части главного здания. Проектировал его, очевидно, Франческо Фраполли – тогдашний штатный городской архитектор. В самом начале 1820-х годов здесь числится два дома и сад графини Потоцкой, оцененные в 150.000 рублей – пожалуй, самая дорогая в то время частная недвижимость Одессы. Участок и строения запечатлены на прилагаемом плане Г.И. Торичелли второй половины 1820-х, из которого видно, что на сегодняшний день в перестроенном виде сохранились и кое-какие хозяйственные постройки.

О том, насколько активничала здесь графиня осенью 1808 года, уже в начале строительства, свидетельствует тот факт, что

Фрагмент плана с указанием места «дворца» С. Потоцкой

в это время в одесской Свято-Николаевской соборной церкви обвенчали 12 пар ее крепостных людей, да еще у одной пары родился ребенок. При этом в качестве свидетелей (поручителей) упоминаются два ее одесских комиссионера-поляка. То есть при остром дефиците и дороговизне рабочих рук в юной Одессе Потоцкая, как и ряд других владетельных помещиков, использовала в качестве строителей своих крестьян – крепких, молодых.

Вопреки сложившимся стереотипам, на определенном этапе присутствие крепостных (дворовых) людей фиксируется здесь довольно часто. В числе хозяев, например, известные в региональной истории личности и семейства: Алтести, Дофине, Миллер, Курдимановы, Шереметьевы, полицмейстеры Лесли и Достанич, Феликс де Рибас, Керстич, Россет, Лигда, Погонато, Вейс, Селеховы, Телесницкий, Демидовы, Скаржинские, Кирьяковы, Акацатовы, Шостак, Карузо, Ольховский, протоиерей Куницкий, генерал-майор Хитрово, одесский комендант Силин, графиня Маргоцкая, граф Сен-При, граф Браницкий, Казначеевы, граф Гурьев, князь Трубецкой, граф Кушелев и другие, преобладают польские шляхтичи.

На протяжении ряда лет София Потоцкая периодически жила в Одессе. Последнее, вероятно, посещение фиксируется в 1820 году, когда она выясняла территориальные отношения с одним из соседей. Как я уже говорил, в то время здесь жила и Ольга Станиславовна, которая в 1821-м также сопровождала мать в последней ее поездке – из Петербурга за рубеж, для поправки здоровья, где та и скончалась. С 1808 года графиня София владела и другой недвижимостью в Одессе, в частности, садовым участком площадью в 50 десятин (!), примыкавшим к Водяной балке близ пудренной фабрики Пишона. В течение шести лет этот образцовый сад обустраивался отцом известного думца отставным ротмистром Иосифом Чижевичем, и в сентябре 1814-го графине выдали полноценные владельческие документы. В годы адми-

нистраторства Ришелье из имений Потоцкой в Одессу доставлялись саженцы тополей для высадки вдоль главных улиц.

После кончины Софии дома и сад напротив Конной улицы унаследовал ее сын Александр, который по-родственному уступил часть места своей сестре, Ольге Нарышкиной, ибо та затеяла рядом грандиозное строительство на территории, приобретенной у купца Католикова (см. выше). Это соседство привело к путанице: поскольку Ольга – урожденная Потоцкая, постольку ее дворец стали величать дворцом Потоцких, хотя на самом деле оный находится там, где и был построен почти на два десятилетия ранее. К слову, Александр Потоцкий, участник «польской смуты» 1831 года, как и ряд других шляхтичей, потерял всю свою одесскую недвижимость, и таким образом она стала казенной.

Сын Софии Болеслав (см. ниже) застроил №№ 1 и 2 на Приморском бульваре: первый – жилым домом (1825), а второй – хлебным магазином (амбаром), из-за чего начались конфликты с соседями, утомленными бесконечной ездой возчиков в последний. В конечном итоге Потоцкого обязали (1832) перестроить магазин в жилое здание, что он и сделал не позже 1835 года, а затем продал княгине Голицыной.

Хотя все говорят о том, что София якобы ничего не оставила скандально обокравшему ее сыну Мечиславу, это не соответствует фактам. Так, в архивных делах Одесского строительного комитета упоминаются доставшиеся ему от умершей матери постройки на четной стороне улицы Торговой, в самом ее начале. При этом в 1829 году наследник возвел здесь весьма солидный дом и отдельно магазин (хлебный амбар) по проекту архитектора Боффо.

Недавно мои друзья приобрели на аукционе в Лондоне виньетку с изображением молодой графини Софии – прелестную миниатюру на фарфоре, которая практически один к одному воспроизводит хрестоматийный портрет неизвестного, но явно выдающегося живописца. Бережно вертя этот раритет в руках, призадумался: а ведь из всех рельефных персонажей, каковых представляю в «Автографах», только Потоцкую знает весь мир, несмотря на. Снова подкрепляется давнее мое наблюдение: если вам нечем гордиться, гордитесь хотя бы древностью профессии.

Евгений Голубовский

Очарованная душа

Александра Николаевна Тюнеева

Библиофил. Дословно это слово должно обозначать – «любитель книг», «книголюб», но уже давно оно приобрело несколько иной смысл – человек, собирающий редкие, ценные издания…

Александра Николаевна Тюнеева была филологом, была библиотекарем, была библиографом, но одновременно была и библиофилом.

В дом Тюнеевых на Троицкую, 47, я попал в начале 60-х годов. И с тех пор не раз бывал у Александры Николаевны и Юрия Борисовича, ее сына. Дело в том, что моя мама Клара Натановна Голубовская работала участковым терапевтом в 3-й поликлинике. Тогда еще не было понятия «семейный доктор», но именно в таком качестве десятки лет она жила жизнью своих пациентов на участке по улицам Троицкой и Преображенской, по Александровскому проспекту. Многие из ее пациентов становились друзьями. И сегодня я вспоминаю семьи профессора С.Ф. Кальфа, краеведа М.Ф. Ставницера, химика Троскова, библиофила А.Н. Тюнеевой.

Впервые я пришел в дом на Троицкой, 47, по просьбе мамы – передать какое-то редкое лекарство Юрию Тюнееву. Он болел, перенес тяжелый сердечный приступ, но сразу не отпустил меня. Ему хотелось поговорить, узнать, что читают молодые люди (он был 1910 года рождения, я – 1936, разница существенная), да и показать какие-то редкие книги из своей библиотеки.

Мы разговаривали около часа, когда в комнату вошла высокая худощавая дама (именно так я ощутил это тогда) со строгим лицом, и я понял, что засиделся. Но Александра Николаевна пригласила в большую комнату – пить чай.

Разговор стал общим. Вернее, меня выспрашивали, насколько хорошо я знаю Достоевского, представляю ли, чего хотели кадеты в 1917 году, знаю ли, отчего русская интеллигенция поддержала Февральскую революцию. Как видно, я выдержал «экзамен», так как мне дали на две недели прочитать трехтомник П. Милюкова «Очерки истории русской культуры»…

Так, лет двадцать, с начала 60-х до начала 80-х, я стал бывать в этом доме, приносил читать книги, брал читать книги, беседовал с Юрием о жизни, с Александрой Николаевной о книгах.

Можно сказать, что три очень разные по направленности библиотеки собрали хозяева этого дома. Одну я уже не увидел, только слышал о ней. Это была музыковедческая библиотека Бориса Дмитриевича Тюнеева, мужа Александры Николаевны. Венчались они в 1910 году, и тогда уже Борис Тюнеев был собственным корреспондентом журнала «Русская музыкальная жизнь» в Одессе, пропагандистом новой русской музыки – А. Скрябина, С. Рахманинова. Кстати, именно сюда, на Троицкую, 47, приходил брать уроки у Бориса Тюнеева юный Святослав Рихтер.

Но вернусь к библиотеке. Большую музыкальную библиотеку мужа после его смерти в 1934 году Александра Николаевна подарила консерватории.

Интереснейшую библиотеку собрал Юрий Борисович Тюнеев. В его шкафу книги стояли в два ряда – в первом мемуары советских военачальников времен как гражданской, так и Великой Отечественной войны (немаловажно и то, что Юрий Тюнеев был офицером, прошел путь от первого до последнего дня войны). Во втором, так, чтобы сразу не было видно, – мемуары бе-

лых – Краснова, Деникина, воспоминания Черчилля… Что-то из этих книг было издано в СССР «для служебного пользования», что-то на Западе. Для меня тогда все эти книги были открытием. И хоть я не увлекался этой темой, но подержать в руках сборники «Вехи» и «Смена вех», поговорить об этих книгах было чрезвычайно интересно.

Юрий Борисович Тюнеев умер в 1971 году, и всю его библиотеку Александра Николаевна подарила мореходному училищу, где ее сын преподавал английский язык.

И, наконец, библиофильские увлечения Александры Николаевны Тюнеевой – философия (и русская, и немецкая), теософия, антропософия. Помню, что Александру Николаевну удивило, что я знаю имя Рудольфа Штайнера. Наше приближение к нему шло с разных концов: она познакомилась и увлеклась Штайнером, когда после окончания Смольного института в Петербурге уехала совершенствовать образование в Швейцарию, в Лозанну. Для меня Штайнер был героем мемуарной прозы Андрея Белого и Максимилиана Волошина. И все равно, разговаривать с русским переводчиком Штайнера в семидесятые годы, когда советская власть каленым железом выжигала не только книги, но и носителей идей антропософии, было редкой удачей.

На столе у Александры Николаевны почти всегда лежала книга афоризмов Шопенгауэра. При ее ироническом складе ума она находила в этом томике каждый раз подтверждение своему скептицизму.

Поэзия не входила в эти годы в круг интересов А.Н. Тюнеевой. Но так было не всегда. В Петербурге она слушала А. Блока и Н. Гумилева, в Одессе – И. Бунина. Кстати, Бунин в Одессе произвел на нее неизгладимое впечатление. Слушала она его на каком-то благотворительном вечере в пользу бедных студентов. Бунин читал цикл стихов, написанных при поездке в Палестину. Его она представляла холодным, заносчивым, чопорным, а он в евангельских стихах был светлым и радостным, хоть за стенами зала продолжались все те же окаянные дни.

За два десятка лет знакомства Александра Николаевна подарила мне для моего собрания поэзии четыре книги. И одна из них – замечательный перевод, сделанный Иваном Буниным

«Песни о Гайавате» Лонгфелло, за который Иван Алексеевич был удостоен Пушкинской премии.

На титуле книги, изданной в СПб в 1903 году, в издательстве «Знание», замечательно иллюстрированной американским художником Ремингтоном, печатка А.Н. Тюнеевой и дарственная надпись: «Глубокоуважаемому и дорогому другу – единому в нашей любви и почитании книги Евгению Михайловичу Голубовскому от А. Т. 20 ноября 1980 года».

Кстати, разговор о Бунине, об Одессе в смутные времена состоялся именно тогда, когда я в очередной раз зашел к Александре Николаевне, застал там Николая Алексеевича Полторацкого, нашего общего друга, а меня поджидал подарок – надписанная книга.

Естественно, не обо всех встречах в жизни Александры Николаевны удалось с нею поговорить. Где-то в семидесятые годы Александра Николаевна, зная, что я увлечен историей и поэтикой футуризма, подарила мне книгу отца итальянского футуризма Маринетти. Русские футуристы выпустили ее к приезду знаменитого итальянца в Россию.

ЛОНГФЕЛЛО.

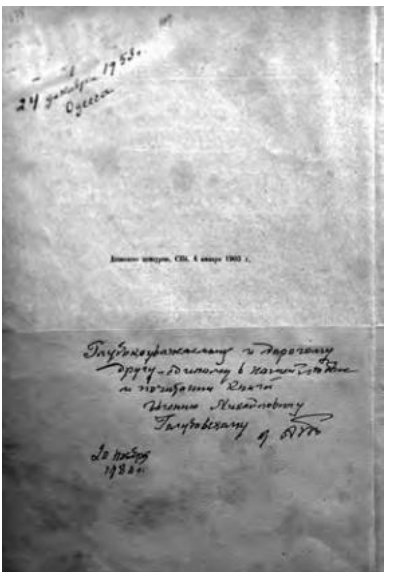
ПѢСНЬ О ГАЙАВАТѢ.

РОСКОШНО-ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ
ИЗДАНІЕ 399 РИСУНКОВЪ.

ПЕРЕВОДЪ И. А. БУНИНА.

ИЗДАНІЕ Т-ВА
„ЗНАНІЕ". 1903.

«Песнь о Гайавате» в переводе И. Бунина

24 января 19[illegible]
Одесса

Дешевое издание. СПб. 4 января 1903 г.

Глубокоуважаемому и дорогому
другу – единому в нашей любви
и почитании книги
Евгению Михайловичу
Голубовскому
от А. Т.

20 ноября
1980 г.

Маринетти. Футуризм. Книгоиздательство «Прометей» Н.Н. Михайлова. 1914 год.

Как на всех книгах Тюнеевой, и на этой ее печатка. Лишь дома, читая книгу, я обнаружил, что Александрой Николаевной в книгу был вклеен билет на лекцию Ф.Т. Маринетти в Концертный зал Калашниковской биржи в Петербурге 4 февраля 1914 года. Значит, где-то, возможно, невдалеке, рядом с Александрой Николаевной сидели в этом зале Владимир Маяковский, Давид Бурлюк, Борис Пастернак… Но, к сожалению, об этом вечере с Александрой Николаевной не пришлось поговорить. Не случилось…

И еще два издания, попавшие в мою библиотеку как дар А.Н. Тюнеевой. Оба редчайшие. Одесская Блоковиана.

Отношение к Александру Блоку у А.Н. Тюнеевой менялось в течение ее долгой, почти столетней жизни. Когда в 1905 году вышла первая книга А. Блока «Стихи о Прекрасной Даме», А. Тюнеевой было уже 17 лет. С восторгом читала она тогда молодых символистов, как и она, ищущих Вечную женственность, незапятнанность Веры. Но через двенадцать лет произошла революция. Даже не столько «Двенадцать» отторгли Блока от сердца Александры Николаевны, сколько то, что Александр Блок был редактором стенографического отчета «Чрезвычайной следственной комиссии по делам бывших царских министров». Этот том хранился в библиотеке Юрия Тюнеева, на свои полки Александра Николаевна его никогда не ставила.

И все же… Именно она сохранила для истории поэму «Двенадцать», переизданную в Одессе сразу вслед за Петроградом, и листовку со стихотворением «Скифы», которую она собственноручно подобрала на одесской улице, когда листовку разбрасывали с аэроплана. И в этом тоже проявились характер и принципы Тюнеевой.

В двадцатые годы в Публичной библиотеке, в созданном ею при Музее книги отдела редких книг и рукописей, она хранила архивы меньшевиков, эсеров, Бунда не потому, что они ей лично были интересны, а потому, что такие архивы не должны пропадать для истории. По доносам, после проверки в середине 20-х годов ее уволили из Публичной библиотеки. Но в 1941-1944 годах она вернулась и в Публичную, и в Научную библиотеку универси-

тета, стала их директором, чтобы спасать книжные фонды, в том числе и марксистскую литературу. Ничего не должно быть уничтожено – это все для истории. Таков был ее принцип.

В моем собрании было много прижизненных книг Александра Блока, но одесских, подаренных мне Александрой Николаевной, тогда еще не было. А в это время было объявлено, что «Литнаследство» готовит тома «Александр Блок. Новые материалы и исследования». И я предложил ответственному редактору «Литнаследства», в прошлом одесситу Илье Самойловичу Зильберштейну фотокопии этих двух одесских изданий Блока. Мне была заказана статья.

Естественно, написав ее, я принес текст А. Тюнеевой. Ей было уже 95 лет. Но она сохраняла живой непосредственный интерес к жизни, к литературе. Читать ей было уже трудно, медленно я прочитал ей статью, она попросила внести одну правку, сообщив, что подобрала листовку 1 мая 1919 года не на одной из улиц города, а на Ришельевской угол Ланжероновской, возле Оперного театра, где кружил самолет.

СКИФЫ

Статья готовилась к печати в издательстве четыре года и вышла в 1987 году, в четвертом томе блоковского «Литнаследства». К сожалению, Александра Николаевна умерла в 1984 году, так и не увидев этой книги. А если бы увидела, обрадовалась бы факту публикации и огорчилась бы, так как названия Ришельевская и Ланжероновская в 1987 году не были «правильно» поняты.

Дарила мне Александра Николаевна и свои статьи – о Музее книги, о миниатюрных книгах на русском, французском, немецком языках. Часть из них я передал в Научную библиотеку имени Горького, где они и должны храниться, так как там были созданы.

Проходят годы. И наконец-то издаются рукописи академика В.П. Филатова, завещанные им А.Н. Тюнеевой. Надеюсь, «всплывут» и антропософские тексты, и будут изданы.

Судьба Александры Николаевны Тюнеевой, библиофила и хранителя исторической памяти, урок того, что жизнь для книги и стала подвигом настоящего русского интеллигента.

Светлана Матвеева

Оккупация Одессы

Детские воспоминания

Мы переехали в дом на Гаванной улице в начале осени 1941 года. Из дома многие эвакуировались, мы поселились в подвале, во втором дворе. До войны в нем никто не жил, здесь была мастерская. Когда мы заняли это помещение, в окнах не было стекол, а только решетка. В дверях же вверху было стекло.

В комнате, в углу, стояла плита, которую можно было топить. Ни дров, ни угля, конечно, не было. Но это было не страшно: многие дома были разрушены – там можно было собирать щепки. В комнате стояла большая металлическая кровать, две табуретки и не очень целый одинарный гардероб. В шкафу ничего не было, мама была очень рада, что нет чужих вещей. А самое главное для меня – под окном стоял сундук, довольно-таки большой. Когда мы его открыли, в нем оказались игрушки. Потом нам рассказала дворник тетя Маруся, что когда эвакуировались жильцы дома, они ссыпали в этот сундук детские игрушки. Там были небольшие куклы и игрушечная мебель. Мне до сих пор помнится набор: диван с валиками по бокам, с зеркалом в спинке, обитый красным материалом в цветах, гардероб одинарный с большим зеркалом в дверях, несколько мягких стульев и овальный столик. А еще был набор игрушечной эмалированной посуды, зеленой в белую крапинку, и еще много других игрушек. Многие игрушки у меня оставались и после оккупации, но никто никогда за ними не приходил, хотя мы жили в доме по 1955 год…

Когда мы уходили из дома, где жили до войны, мама взяла немного вещей, в основном, мои, няня взяла свою корзину – плетеную с крышкой, заполненную вещами. Когда мы поселились в подвале, вскоре в Одессу пришли фашисты. Мама решила

поехать на Пересыпь в нашу квартиру на нефтебазе № 5 за вещами. Но это было практически невозможно, так как когда отходили наши войска, была взорвана дамба, после чего Пересыпь оказалась затопленной. Мама попросила одного из жильцов на Гаванной поехать с нею. И я тоже поехала, мама во время оккупации всегда брала меня с собой.

Этого человека, который поехал с нами, звали Иван Иванович Гертнер. До войны он работал на заводе вальцовщиком, в начале оккупации не работал. Я помню, мы пошли под Пересыпский мост, еще немного прошли, а потом наняли плот (многие люди сдавали плавсредства – лодки, плоты, корыта, лоханки).

Мы поплыли на Второй Лиманчик, к зданию нефтебазы № 5, находившемуся вблизи электростанции – слева, за улицей Бондарева, за железной дорогой. Подплыли к зданию с правой стороны, где располагались окна нашей квартиры. Мама с 1933 г. работала инспектором по качеству нефтепродуктов на нефтебазе № 2. Когда я родилась (28 марта 1937 г.), ей дали в доме правления нефтебазы № 5 квартиру – комнату с кухней на первом этаже.

Когда мы подплыли к окнам, то увидели, что в комнате какой-то мужчина собирает наши вещи. Мама его спросила, что он здесь делает. Он ответил (я этот ответ хорошо помню): «А ты чего пришла? Ты коммунистка, тебя через несколько дней расстреляют. Тебе ничего не надо». Он взял швейную машинку, которая стояла на шкафу (в комнате по подоконник стояла вода). Остальные вещи оставил, вылез через окно кухни и уплыл. По всей комнате плавали разорванные фотографии. Мама и я оставались на плоту, Иван Иванович влез через окно, снял со шкафа перину, подушку, вынул некоторые другие вещи с верхних полок шкафа – альбом с фотографиями и что-то еще. Так у нас осталось несколько старых фотографий… Больше мы туда не ездили, да и незачем было. Когда мы добирались назад, я видела столбы виселиц на Московской улице, но повешенных уже не было.

Мы прожили в подвале всю осень, наступила зима. Мама каждый день уходила утром на трудовую повинность, меня закрывала на замок. Я просыпалась, вставала попозже и сидела на окне. Ко мне приходили мальчишки со двора, девчонок не помню (если они были, их не выпускали во двор). Начались морозы, и ребята

приносили мне воду (во дворе был кран). Мальчишки в квартиру приносили немного снега, и мы устраивали в комнате каток. Конечно, мама ругала меня, но потом застеклили окно, и моя «лафа» с катком закончилась.

Утром, когда мама уходила, она мне оставляла кусок хлеба или мамалыги. Над нами на первом этаже жила семья Пасечных. Евдокия Пасечная была домохозяйкой, дочь Елена – студентка мединститута. Так вот тетя Евдокия, я не помню ее отчество, каждое утро приносила мне в окно теплый чай или суп, мама ее об этом не просила. Я узнала об этом уже после войны. Иногда кто-то еще что-нибудь приносил, а потом приходила мама и что-либо варила. Моя няня сначала с нами не жила, не было возможности. Но потом она долго жила с нами. Эта старушка была из города Аккермана – Елена Савельевна Балихова, 1863 г. р. Няня гуляла со мной во дворе.

У нас во дворе жил Женя Ревелиоти (итальянец), его мать Лидия Ивановна Ревелиоти. Это была молодая очень красивая украинка. Она работала домработницей и целый день была на работе. Женя бегал с нами во дворе, но из дома никуда не уходил. Из нашего двора нельзя было выйти, так как во втором дворе был гараж, в котором стояли машины городской управы. Здесь возле первого подъезда стоял охранник. Часто тетя Лида задерживалась на работе, приходила поздно, и моя мама забирала Женю к нам домой.

Я вообще была непослушная девчонка, особенно любила прятаться от няни во дворе по подвалам и в парадных. И вот однажды я спряталась так, что переполошила весь двор. Толик Негрескул меня научил прятаться в парадном на черном ходу, рядом с нашим сараем и подвалом. Когда няня отвлеклась, я зашла в парадную, поднялась на самый верх, на третий этаж и выше, но дверь на чердак была на замке. Я села на лестнице и стала рассматривать все вокруг. Когда люди уезжали в эвакуацию, то побросали тут всякий хлам. Здесь стояла плетеная корзина с какими-то тряпками, в ней была кошка с котятами. На втором этаже лежал матрац и подушки. Туда я побросала котят. (Слава Богу, там было мягко. и с ними ничего не случилось.) Потом решила туда же бросить кошку, но она меня поцарапала и убежала. Я по-

плакала, а потом стала смотреть во двор, где бегали ребятишки и ходили рабочие-шофера.

Толик Негрескул уже и забыл, что научил меня прятаться на черном ходу. Вдруг вышла Елена Савельевна и позвала меня кушать, – значит, скоро придет мама (она днем всегда приходила, а потом снова уходила на работу), но я не сошла вниз, мне было интересно, как меня ищут. Сначала это было интересно и смешно. Потом я увидала, что пришла мама и тоже стала меня искать. Тогда мне стало страшно, я знала, что она меня отшлепает, но все же не сходила. Меня долго искали, собрались соседи. Маме надо было уходить, но она не ушла, а с соседями искала меня.

Наш дом, где был подвал, выходил на второй двор и располагался в плане буквой «Г». Напротив окна был балкон дома, где сидела соседка, Анна Никифоровна Васюченко, и вязала. Как все пожилые люди, далеко видела и, заметив меня в окне, крикнула моей маме: «Аня, вон твоя Светка сидит возле чердака, на черном ходу». Вижу, мама берет веревку и идет ко мне. А в это время начальник гаража ругал часового и говорил, что его посадят за то, что он меня послал… к партизанам. Я, конечно, стала потихоньку спускаться, а мама поднялась и отлупила меня веревкой. Это было не больно, хуже было то, что мама насыпала фасоли внизу в подвале и поставила меня на колени, а ребятишки стояли сверху и смеялись. Меня ругала наша дворник тетя Маруся Богомаз. Меня все ругали за то, что я сделала. С тех пор я уже меньше пряталась.

Но летом тоже сотворила глупость. Так как у меня было много игрушек, я их выносила во двор играть со всеми. Однажды в день Пасхи в 1943 г. я играла во дворе напротив подвала возле крыльца Толика (это было через подъезд). Я заглянула в подъезд, увидела у ворот машину и решила, что успею перебежать. Побежала, а шофер не успел остановить, и крылом машины ударил меня, хотя и тормозил, я упала и ударилась о камни, которыми был вымощен двор. Мама была дома, меня сразу забрала в комнату. У меня было сотрясение мозга и синяк на бедре. Но самое ужасное, что ни один врач не мог ко мне прийти, так как румыны запрещали работать в день Пасхи. Мама пошла в управу, и ей дали

разрешение, чтобы ко мне мог прийти врач. Слава Богу, все прошло благополучно и почти без последствий.

К нам приходила соседка Нина Кравченко, мне она очень нравилась. Приходила она вечерами. До войны окончила железнодорожный техникум, но не работала ни одного дня по специальности, так как город был оккупирован. Однажды мы втроем (мама, Нина и я) пошли пешком на Куяльник, трамвай 20-й не ходил. Тогда на Слободку, Куяльник, Хаджибей надо было ходить, имея при себе паспорт. У мамы паспорт с собой был, а Нина почему-то не взяла. Мы дошли уже до нефтебазы № 1, это за заводом Шполянского (проволочный завод), когда нас остановили два постовых румына и потребовали паспорта. Как мама ни просила нас пропустить, румыны сказали, что отведут нас в комендатуру. Тогда она оставила меня с Ниной, а сама пошла домой и принесла Нинин паспорт. Нас пропустили, и мы пошли к нашим знакомым Бабичевым, которые жили под Поповской горкой.

Их родственники и сейчас там живут. Я очень любила ходить в этот дом (сейчас это улица Известковая). Там была большая семья: дедушка с бабушкой, две дочери и сын с невесткой. У одной из дочерей сын и муж были на фронте, они погибли. Муж Дуси не был на фронте, он болел. Они называли бабушку мамой, а тетю Варю и тетю Дусю тоже называли мамой. Поэтому я эту семью называла «Где много мам». Говорила, когда хотела туда пойти. Уже в 80-е годы я ходила к ним со своей дочкой, хотя уже не было бабушки с дедушкой, а тетя Варя жила на Слободке возле Слободского кладбища.

Нина Кравченко жила с мужем в нашем доме в квартире № 1, была домработницей у немки, которая жила в этом же доме. Эта немка где-то работала и каждое утро уходила. Я к Нине приходила днем, и она мне давала чай и хлеб с маслом, посыпанный сахаром. Еще мама дружила с Ольгой Сарачан. Мужа призвали в армию, она оставалась в Одессе. Жила в квартире № 27, занимала одну комнату, ходила со второго подъезда, с парадного хода. В эту квартиру часто приходил Константин Николаевич Кремлянский, инвалид. Работал он до войны в пароходстве кочегаром, не эвакуировался. Он был дальний родственник моей няни, поэтому мы и пришли в этот дом.

Дядя Костя меня учил английским, советским и морским песням, а также говорить по-английски.

Однажды днем, когда пришел дядя Костя, мама взяла меня, и мы пошли на улицу. Возле ворот стояла пролетка, и в ней сидел мужчина, не очень пожилой, я его никогда не видела раньше. Мы все трое сели в пролетку, и кучер поехал не очень быстро на Дерибасовскую, а по ней до Преображенской мимо Соборной площади. Там стояло несколько пролеток и бричек. Во время войны этот транспорт там всегда стоял, люди нанимали и ехали куда надо. Мы проехали мимо, свернули влево, а затем направо, и поехали по Коблевской улице. На середине квартала мы остановились у ворот. Дядя Костя соскочил с пролетки и пошел в подъезд. Не прошло и пару минут, как он выбежал из подъезда и что-то крикнул кучеру. Тот быстро поехал, все время погоняя лошадь. Мужчина, который сидел напротив нас, очень побледнел. Мы ехали очень долго, оказались за городом и вскоре приехали к деду Покидо, он жил по дороге на Хаджибеевский лиман. Я, конечно, тоже испугалась, но ни у кого ничего не спрашивала, меня мама уже к этому приучила, ни о чем не расспрашивать и ничего никому не говорить. После этого случая я больше не видела дядю Костю. Через несколько дней я спросила маму о нем, и она сказала, что он умер. Был у знакомых на вечеринке и отравился какой-то едой. Больше я о нем не слыхала. После войны я видела возле этих ворот на Коблевской на стене мемориальную доску, на которой было написано, что здесь была явочная квартира Молодцова-Бадаева, и все погибли в 1942 году.

Мне мама ничего не рассказывала даже тогда, когда я была взрослая. В 1942 году мама ходила каждую неделю отмечаться в комендатуру – это было в Красном переулке угол Греческой. Во дворе слева была парадная, в середине коридора стояли стулья и сидели люди, часто было несколько человек. В комендатуре мы часто видели парня лет 17-18, его звали Жора, он жил на Гоголя у своей бабушки. Я его там часто видела – в конце, в парадной справа, на первом этаже. После войны мама мне рассказала, что он приносил листовки, но где он их брал, я не знаю. После войны он считался членом какой-то подпольной группы. Мама

потом мне рассказала, что кто-то выдал ее румынам, что она член партии. Она предполагала, что это тот человек, который ее видел тогда возле окна квартиры с Иваном Ивановичем, потому что во дворе нас никто не знал, не знали, где мы жили до войны, и где работала мама.

Как-то к нам вечером пришла румынская полиция – и маму забрали. На следующий день няня закрыла меня на замок, а сама куда-то ушла. Еще через день маму привезли на бричке. У нее была разбита сзади голова и сильно покалечена правая нога. Мама долго лежала в постели на животе, несколько раз к нам приходил врач. Но мне ничего не говорили – «молчи, маму вечером побили». После войны, когда я была взрослая, мама мне сказала, что ее забрали в сигуранцу за то, что она была коммунисткой. А няня на другой день ее выкупила у полицаев. Больше ничего не рассказывала.

В этой же парадной на втором этаже занимали две комнаты в коммунальной квартире румыны, Аида-Мария Бродецкий, 1913 года рождения из Браилова. В Одессе с 1941 года румын, глава семьи, офицер строительного батальона, служил в городской комендантуре. У них была дочь Марианна, 1941 года рождения, крещенная в июле того же 1941 года в Одессе. Его жена – очень красивая блондинка (как я теперь понимаю, крашеная) с модной высокой прической, никогда не выходила на улицу. Марианна часто играла на балконе или гуляла с отцом на улице. Моя мама у них работала домработницей, только вечером ходила для них за обедом. Столовая находилась на Софиевской улице в доме военной комендатуры, во дворе направо. Мама всегда меня брала с собой. Окно выдачи было высоко, и я не видела, кто выдавал еду, но всегда для меня давали белую булку. Я ее съедала по дороге. После войны, уже в шестидесятых годах, мама мне рассказала, что жена Бродецкого – еврейка из Румынии. В доме жило много поляков, в основном, пожилых, и мы, дети, почему-то их называли «пшенжи пани».

Самым значительным жильцом для нас, детей, была семья Примикирио.

Мария Александровна Примикирио – учительница школы № 101 на Б. Арнаутской и школы № 72 на Садовой, преподавала

математику, а после оккупации работала учителем в школе № 70 на Канатной улице.

Панаиоти Примикирио было 33 года. В четыре года он заболел менингитом, получил тяжелое осложнение. Он был умственно неполноценный, к тому же у него была слоновая болезнь – большая толстая нога и большой нос. Он был добрый и никогда никого не трогал и не обижал, а только кричал на тех, что его дразнил. Нам, детям, было с ним интересно, он катал нас летом на большой тачке на улице, а зимой мы связывали сани в «поезд», и он возил нас по кварталам. Он помогал взрослым, приносил воду, когда ее не было в кранах, ему спокойно оставляли ключи от квартир, а также просили посмотреть за детьми, если ненадолго уходили. Дома он ничего не мог делать по хозяйству, за ним ухаживали родные. Когда пришли фашисты, они хотели его расстрелять, считали, что он партизан и прикидывается больным, но потом родные предъявили документы.

В доме № 3 во время войны евреи не жили. Те, что жили до войны, уехали в эвакуацию.

Когда бомбили Одессу в начале войны, мы с мамой выходили во двор и стояли в парадной. Было страшно, особенно, когда свистели бомбы. Когда летели и гудели бомбовозы, мы слушали и определяли, куда они летят и где сбросили бомбы. Потом бомбежки прекратились, а начались перед самым концом оккупации.

Румыны во дворе что-то переделывали. Зимой 1943 года Васюченко переселили в квартиру в первый двор, а нас – в их квартиру на третий этаж. Мы занимали только кухню и маленькую комнату, в остальных комнатах я играла с мальчишками днем в «жмурки» и «сало». Зимой всю квартиру отапливать было нечем.

Однажды в 1943 году мы вышли днем на улицу и увидели очень неприятное событие: по Гаванной от Ланжероновской к Малому переулку вели матроса – он был весь в крови, тельняшка была порвана и окровавлена. На ногах – какая-то обувь, в морских брюках. Самое ужасное то, что его вели четверо фашистов: двое впереди и двое сзади с автоматами, а слева и справа – двое с овчарками. Мы долго смотрели вслед, его повели в Малый переулок. Кто-то из мальчишек сказал: «Вот как боятся наших моряков!».

Однажды мы с мамой пошли на Новый базар, когда шли уже по Баранова, кто-то крикнул: «Облава!». Все люди стали прятаться в парадные и во дворы. Мама схватила меня за руку, и мы забежали в парадную. Румыны хватали людей и впихивали в грузовик, который стоял под корпусом Нового базара.

Иногда я с мамой ходила на Куликовое поле, помню, было холодно, не было листьев на деревьях. Мы туда ходили несколько раз, я это хорошо запомнила, на скамейке сидел мужчина средних лет в фуфайке и в теплой ушанке. Он всегда давал мне 2-3 конфеты в бумажках, я бежала на другую скамейку и там сидела, пока не вставала мама. Это было недолго, несколько минут, я подходила к маме, и мы шли к мосту, переходили на другую сторону железной дороги. Мне мама заранее говорила, как себя вести, и ничего больше. Когда я повзрослела, как-то спросила ее об этом, но она мне ответила, что ничего такого не помнит.

Как-то в 1943 году мама поехала со своей довоенной подругой тетей Марусей Полищук в село менять вещи на продукты, а меня оставила у тети Тони-молочницы, которая жила на улице Бондарева на Пересыпи. Это в квартале между садиком сахарного завода и электростанцией. Мы у нее часто бывали, до войны мама покупала у нее молоко. У тети Тони был муж, они обрабатывали большой огород в собственном доме, держали много кур, корову и свиней. По этому кварталу улица выходила к железной дороге. И вот в этот месяц ежедневно к четырем часам дня проходил товарный поезд. Это был не товарняк, а телячьи вагоны, в которых везли наших пленных. И каждый день состав останавливался как раз напротив домов по Бондарева. Люди к этому времени готовили вареную пищу, а также самогон, и передавали в вагоны. Чтобы часовые в тамбурах разрешали давать еду пленным, им несли яйца, курицу и обязательно бутылку самогона. Людей не было видно, из маленьких окошек вверху спускали на веревках банки, котелки, фляжки, которые мы, дети, наполняли едой. Взрослые заранее выносили казаны и кастрюли с едой к железной дороге. Потом мама мне говорила, что люди клали в посуду оружие, но я не видала. А вот как несли продукты и бутылки часовым, это мы все видели. Так продолжалось месяца два, но потом поезда стали останавливаться намного ближе к Пересыпскому мосту, и уже

не разрешали передавать еду пленным, поезд стал приходить ночью. Я знаю, что ходили туда взрослые и мальчишки постарше, одного мальчика из соседнего двора убили. Через некоторое время этот поезд проходил без остановки.

Мама с тетей Марусей приехала из села и меня забрала домой. Но мы часто ходили к тете Тоне.

Мы жили на Гаванной улице в № 3, а рядом в пятом номере румыны открыли костел. Там служили два католических священника Петр Лиони – итальянец, и Морис Николаи – француз. В 1941-1942 гг. они были капелланами в румынской армии, а в 1942 году их прислали служить в костел Петра.

Рядом с костелом в начале войны находилась больница, куда попала бомба, в результате из парадного входа в костел выпала цветная мозаичная картина «Петр с ключом». Она не рассыпалась, а упала на ступени входа и долго лежала, пока Петр Лиони не взялся ее восстанавливать. Небольшая часть мозаики в углу немного рассыпалась, квадратики лежали на ступенях.

Мы, детвора, часто бегали в костел. Однажды отец Петр позвал нас и попросил помочь ему собирать эти квадратики. С тех пор мы стали ходить в костел. Когда мозаичное панно было восстановлено, отец Лиони предложил нам каждый день приходить в костел. Мы приходили утром, нам надевали поверх одежды белые балахончики, и мы помогали. Раскладывали небольшие подушечки на первой ступеньке перед алтарем. Когда начиналась служба, становились на колени на эти подушечки и пели польские молитвы. Этому нас научил отец Лиони и француженка, которую мы очень уважали. Она была пожилая, очень красиво одевалась во все темное, всегда ходила в туфлях на высоких каблуках. Уже после войны, когда я повзрослела, узнала, что она жила на Канатной улице, № 19, и когда-то участвовала в событиях, связанных с Парижской коммуной.

Утром мальчики с помощником священника подходили к алтарю, на подносе выносили колокольчик и нужные книги.

Когда начиналась служба, на клиросе женщина играла на фисгармонии, и несколько человек, взрослых, там же, наверху, пели. Мы не были католиками, но православная церковь находилась далеко, поэтому родные разрешали нам ходить в костел.

Сюда приходили католики, которых в Одессе было очень много. Я приходила с няней. Там я познакомилась с семьей Жемчужневых: Клавдией – матерью девочки Лели. Девочке было лет пятнадцать. Они были тоже православные. С этими людьми я дружила до 1997 года.

После службы все уходили, а мы, дети, собирали подушки, мальчики помогали заносить кое-что в алтарь. Мы садились на первой скамье справа. К нам приходила француженка (я не помню ее имени) и разговаривала с нами по-французски, все объясняя. Учила с нами новые польские молитвы. Потом приходил отец Лиони, приносил небольшой столик и стул. Ему из алтаря дьякон приносил большую книгу – Библию, в которой были иллюстрации Доре. Отец Лиони рассказывал об этих иконах по-русски (он хорошо говорил по-русски). Когда занятия заканчивались, мы читали молитву и нас через двор вели на кухню, которая находилась за костелом на первом этаже справа. Нас кормили хорошим обедом, приходил отец Николаи, перед трапезой читал молитву на польском языке и уходил, потом читал молитву отец Лиони, мы обедали, читали молитву и уходили домой. Как-то в самом начале в костел пришел отец Николаи и надел нам на шеи на простой цепочке иконки, как мы говорили между собой, «Матка Бозька». В нашем доме жили несколько семей поляков, но мы тогда это не очень знали.

В начале весны все говорили, что скоро придут наши Красные войска, и скоро будут разбиты фашистские войска. В конце февраля ушли румыны, пришли немцы – было очень страшно: они были злые. Везде стали копать какие-то канавы, нас не выпускали во двор гулять. Часто горели дома, взрывались мины и снаряды. Однажды ночью был сильный взрыв, даже в некоторых окнах повылетали стекла. Мама взяла меня на руки, и мы вышли на лестницу (мы еще жили в квартире Васюченко на третьем этаже). Это был черный ход с узкой железной лестницей. Когда я посмотрела в окно, то увидела большие языки пламени. Мама сказала, что это горит школа Столярского. Через минут десять после того, как мы вышли, раздался сильный удар и гул. Мама объяснила, что это упало пианино, что прогорел пол на втором этаже. Там

во время оккупации в помещении школы Столярского была консерватория.

Утром 10 апреля мы с мальчишками побежали смотреть пожар, но нас близко не пускали, издали было видно, как вытаскивали пианино и рояли. Еще на Гоголя дымился дом, около первой музыкальной школы. По улицам ходили военные, проверяли дома и писали трафаретом красной краской, что дом проверен и мин нет. Немцы минировали многие дома, также минировали люки с телефонными кабелями.

10 апреля утро было спокойное. Я просилась выйти на улицу. Когда я вышла, было очень тихо, нигде никого не было. Вдруг из Малого переулка выехал на лошади красноармеец в фуражке с околышем. Это был первый красноармеец, которого я увидела. Потом в нашей квартире несколько дней жили военные девушки, они спали на полу, угощали нас консервами и пели военные песни.

Так для меня закончилась оккупация Одессы.

Сергей Решетов

Дом на Пушкинской, 66

Интересна история дома по улице Пушкинской, № 66, расположенного между Большой и Малой Арнаутскими улицами. В документах XIX века он фигурировал как «дом во 2-й части г. Одессы, в XIII квартале, на ул. Итальянской под № 174». В справочниках К. Висковского 1875 и 1884 гг. он значится как дом по улице Итальянской (после ее переименования – Пушкинской), № 70. После реформы по нумерации домов начала 1900-х годов этот дом получил номер 66, который сохраняется за ним до настоящего времени. В.А. Пилявский сообщает, что дом был построен в 1860 г. архитектором Ф.О. Моранди*.

Дом принадлежал известной одесской семье Палаузовых, прибывших в Одессу из Болгарии, входившей тогда в состав Османской империи. Владелец дома Константин Николаевич Палаузов родился 8 апреля 1830 г. в семье Николая Степановича Палаузова и Феодоры, дочери Спиро Моринова**. Н.С. Палаузов проживал в Нежине, с 1831 по 1850 гг. состоял одесским купцом 1-й, а затем 2-й гильдии, а в 1851 г. получил звание потомственного почетного гражданина. К.Н. Палаузов обучался в Ришельевском лицее, с 1862 г. состоял членом учетно-ссудного комитета Одесской конторы Государственного банка. Он также известен своей общественной деятельностью. Так, в 1860-х годах он был гласным Херсонского губернского земского собрания от города Одессы, а в 1870-х – гласным одесской Думы, старшиной мещанской управы, членом одесской городской управы. Так, на 1868 г. Констан-

* Пилявский В.А. Здания, сооружения, памятники Одессы и их зодчие. Справочник. – Одесса, 2010, с. 111.

** Сведения о семье Палаузовых сообщены В.В. Морозаном.

Пушкинская, 66

тин Николаевич был старшиной мещанского сословия, членом учетно-ссудного комитета Одесской конторы Государственного банка, одним из директоров Попечительного комитета о тюрьмах, членом Одесского болгарского настоятельства.***

27 марта 1872 г. общая Дума назначила гласных К.Н. Палаузова, Г.Г. Маразли и Н.К. Вейса членами от города в правление попечительства о недостаточных студентах Императорского Новороссийского университета. 22 февраля 1878 г. вследствие ходатайства председателя попечительства в управе рассматривался вопрос о сроке их полномочий, не оговоренном при избрании,

*** Новороссийский календарь на 1869 г. – Одесса, 1868, с. 12, 13, 122, 139, 143.

Пушкинская, 66

и было решено определить таковой, а также избрать на должности трех новых гласных, из нового состава городской Думы*.

Недолгое время Константин Николаевич входил в состав одесской городской управы. В «Столетии Одессы», изданной Н. Федоровым, сообщается, что «На второе четырехлетие (то есть в 1877-1881 гг.) членами городской управы состояли: К.К. Де-Азарта, М.А. Бухтеев, Г.Г. Маразли, А.М. Бродский и К. Палаузов, затем на место гг. Бродского и Палаузова – О.О. Чижевич и Р.Л. Хари»**. Официальный городской справочник – «Адрес-календарь Одесского градоначальства на 1877 год» – сообщает сведения о К.Н. Палаузове: потомственный почетный гражданин, член городской управы (распорядительное отделение), старшина мещанской управы, [проживает] ул. Греческая, 38***. Вскоре К.Н. Палаузов выбывает из членов управы – в справочниках среди ее членов он более

* Ведомости Одесского городского общественного управления. – 1878, 10 мая, № 2-3.

** Столетие Одессы / Изд. Н. Федорова. – С. 54.

*** Адрес-календарь Одесского градоначальства на 1877 год. – Одесса, 1876, с. 27, 28.

не числится[****]. Петербургский журнал «Дело» за 1877 г., описывая подробности известного скандала между гласным Думы А.Н. Пашковым и А.Х. Гернетом, секретарем городского головы Н.А. Новосельского, раскрывает причины отставки Палаузова, сообщая, что «член бывшей управы г. Палаузов обвиняется в растрате общественных сумм»[*****].

В том же 1877 г. К.Н. Палаузов продает свой дом по ул. Итальянской своему коллеге по городской управе Григорию Григорьевичу Маразли (1831-1907), с которым они вместе учились в Ришельевском лицее (по «Раскладочной ведомости…» 1873 г. стоимость дома почетного гражданина К. Палаузова по ул. Итальянской была определена в 22200 руб.[******]). Ранее, 8 июля 1872 г., Палаузов заложил указанный дом в Городское кредитное общество, поэтому Маразли после покупки дома пришлось также погасить ссуду: «По представлении свидетельства к залогу и по случаю перехода этого дома во владение Маразли, по данной отмеченной в реестре крепостного дел Одесского нотариального архива 13 августа 1877 г., запрещение счи-

**** Памятная книжка Одесского градоначальства на 1878 г. – Одесса, 1878, и др.
***** Дело. Журнал литературно-политический. – СПб., 1877, № 12, с. 120.
****** Раскладочная ведомость Херсонской губернии города Одессы о государственном налоге и земском в пользу казны и земства сборе определенных на недвижимые имущества на 1873 год (опубликована в приложении к «Ведомостям одесского городского общественного управления» за 1873 г.). – С. 8.

тается к нему, Маразли, от того же кредитного общества, за выдачу ссуды в сумме 29 тыс. рубл. серебром»*.

Известно, что Г.Г. Маразли, избранный в 1878 г. городским головой Одессы, долгие годы являлся сначала вице-председателем, затем с 1883 г. – председателем, а с августа 1896 г. и вплоть до своей кончины – пожизненным председателем Греческого благотворительного общества в Одессе. 7 мая 1884 г. Г.Г. Маразли подарил приобретенный у К.Н. Палаузова дом, оцененный уже в 45000 руб., возглавляемому им одесскому Греческому благотворительному обществу**. В списках домовладельцев рассматриваемый дом в дальнейшем именовался «Домом греческого благотворительного общества». Несколько лет назад при реставрации дома была обнаружена мраморная доска с надписью на греческом языке: «Григорий Маразли. Благотворительное общество в Одессе. Основано в декабре 1883 г.». В настоящее время эта мраморная доска вмонтирована слева от подъезда дома.

Автор благодарит А.В. Лебединскую и В.В. Морозана
за помощь в работе над статьей.
Фото Сергея Решетова и Олега Владимирского

* Сенатские объявления. – СПб., 1877, № 54823, с. 1749. Сообщено А.В. Лебединской.

** Сенатские объявления по казенным, правительственным и судебным делам. – СПб., 1884, № 2455, разряд XV, ст. 904. Сообщено А.В. Лебединской.

Владимир Наумец

Алкопроза

Вместо предисловия

...все просто... чтобы написать это... надо быть среди этих людей... для этого... надо попасть в такую клинику... а чтоб попасть в нее... надо долго и тяжело пить... и платить... годами своей жизни... здоровьем... и выжить...

«Зачем же мне,
едва полуживому,
искать другого,
праха не имеющего?»
Г. Айги

Утром... или нет... когда открыл глаза... встал... но еще спал... боролся с рубашкой... с ее контролем... с утра... с самого начала...

Потом... после борьбы... но уже проснулся... насиловали штаны... меня... стоя на одной ноге... потом другой... и все контроль... система движений... не упасть бы...

Ботинки... да и носки тоже... носки-ботинки меня бросили... на колени... я почти сдался...

Я в системе охвата... ног-рук-груди... я под контролем... я не свой... себе не принадлежу... меня держат... этой осенью... сверху... с неба... капала... очень часто... капала водка... и потом... и сейчас... потом сейчас снег... с неба... но не иероглифами... а знаками... белыми... на белом... знаками качества...

– О?! Зигмунд Фрейд тоже трубку курил. Рак губы – умер.

Хемингуэй курил. Застрелился.
Не курите.

Кровать… Свой стол… Письменный… Лампа. Другой стол. С минеральной водой и телефоном.
Главное – лампа. Можно читать. Рисовать.
ТВ выключают в 10:30.
Два зала – один с большим, как в кинотеатре, экраном.
В 12 часов ночи проверка – все ли на местах.

Клиника в лесу. Курительная беседка под высокими елями и осинами. Немцы сидят вразвалку. В одной руке чашка кофе, большая с крышкой, в другой – сигарета.
Русских можно узнать по лампасам. Почти все в тренировочных штанах. Тельняшка, «треники», белые кроссовки. Различие только в лампасах. Широкие, многополосные, иногда с бахромой.
В беседку не входят, стоят отдельно кружком. Мат-перемат. Хохот. Опять мат. О чем они? Просто собралась сборная на острое матерое словцо.

Доктор вошел в палату вверх ногами. Халат повис на зеленых ушах. Свистит в трубочку.
– Вы больны, доктор? Вам плохо?
Доктор заплакал…

Консилиум врачей (8 ч. утра).
– Почему вы к нам попали?
– Алкогольные проблемы.
– И как долго?
– Сорок лет.
Все молчат. Изучают экземпляр…
– Почему не научились по-немецки?
– Долго работал в монастырях. Там все молчат…
Одна по-русски:
– Приходите в 3 часа на второй этаж – поговорим.

Столовая стеклянным полукругом выходит на восток.

Завтрак в семь, и только встает солнце.

На стене двухметровый холст.

На нем большие потрескавшиеся губы с полустертой розовой помадой.

Рот раскрыт и вываливается большое пятно розового языка как центр композиции. Язык пробит пирсингом. С него длинной каплей стекает слюна. На людей, сидящих за столиками.

Люд разнообразный. Выглядит прилично. Условие клиники – одеваться не как в больнице, а как на улице. Основной возраст – после сорока. Есть и двадцатилетние. Это обычно токсикоманы или игровая зависимость. Все предельно вежливы.

Я человек мусорный.

Забитый системой.

Алкоголик. Пьяница запойный.

Меня нельзя пускать в приличное общество. Я ем руками. С газеты. Пью залпом.

На улице меня всегда притягивают нищие и убогие.

Перефразируя И. Бродского:

Ну, что сказать за жизнь?
Что была короткой.
Только с нищими чувствую солидарность.
И если мне глотку зальют водкой –
Из нее раздается лишь благодарность.

И вот я здесь.

С кем я могу общаться?

Только с табаком.

Я взял шесть трубок.

Курительная зона точно избушка на курьих ножках в лесу. На курительных. Только новенькая и покрыта свежим лаком.

Острая немецкая речь режет клубы дыма, как пирог с маком.

Настоящие алкоголики узнаются по походке. Лучше со спины. Они несут какую-то печать. Знак скорби.

Они уже разучились жить в этом мире. Поддаваться трезвому обману. Играть театр.

Когда-то на Левобережной (в Москве) курительная была без окон.

В центре – ведро. Заплеванное.

Как дегтем смазанное.

Докуривали до желтых ногтей.

Сморкались и харкали в ведро.

Пели под гитару. Варили чифирь.

Здесь же все долго и аккуратно гасят сигарету и никто ни разу не плюнул…

В клинике задают вопросы, заполняют анкеты. Когда пил и сколько? С кем и где – не спрашивают.

И все как бы с потаенной завистью.

– Когда первый раз напился?

– Когда начал опохмеляться?

– Сколько надо было на утро, день, вечер и ночь?

Представляю бесконечное количество флаконов, выстроившихся с середины 60-х. Портвейны, вермуты. Потом покрепче. Далее все подряд.

По животу размазывают какую-то мазь и на экран смотрят, сколько же выпито.

Экран заклинило. Перебор.

Холодно. Конец октября. Все сморкаются. Как водка течет из носа. Ее вытирают бумажными салфетками.

Только у меня старые матерчатые платки. Вечерами стираю их под краном.

В лесу под Триром клиника Даун.

Место так называется, город такой.

Древние римляне его основали. Как сторожевой пост.

Но даунов здесь нет. Здесь наркоманы, алкоголики, политоксикоманы, игроки (в казино и автоматах), зависимые от таблеток и т. д.

Комнаты на двоих.

Со мной симпатичный немчик Комз. Ожившая копия карандашного портрета Шуберта.

Такие же очечки. Редкие кудряшки. Седенький. Только левое ухо пробито двумя серьгами.

У нас борьба дыма.

Он закуривает «Мальборо». Я раскочегариваю трубку. Табак английский, пропитан старым виски. Дым – молоко.

Одеялом окутывает его. Он качает головой Шуберта, и серьги тонко звякают.

Постоянно, вернувшись с улицы, он, заглядывая в глаза, сообщает:

– Я курил.

– Курил? Очень хорошо. Зер гут, – всегда отвечаю я.

За кого он меня принимает?

Щечки розовые. Ребенок еще.

Поседевший.

Наверное, попал сюда случайно.

Пациент Дауна.

Все смотришь на себя чужими глазами. А зачем? Ведь это театр.

Смоделированная такая ситуация.

Надо принимать простые, но правильные решения. Плевать, что о тебе подумают. Зрители.

Воспринимать с юмором. Не так серьезно.

Но внутри какие-то страхи. Вбитые системой. С младых ногтей.

Как говорил мой ближайший друг: «Сейчас из стены выйдет ужас».

Можно думать, что это остаточные явления того, что «пил все, что течет». (Поговорка тех лет – «Под лежачего художника коньяк не течет».)

Главное – как воспринимаешь – так и есть. И ты в силах изменить ситуацию.

* * *

Собеседование с психотерапевтом.

Рассказываю байки:

– Я никогда не напивался.

Выпью только стаканчик – и я уже другой. А вот этот другой уже напивался до поросячьего визга.

«Между первой и второй перерывчик небольшой» – почему? Потому что после первой ты становишься другим, а другой тоже хочет.

Как говорил мой друг, «я пью, но это меня не составляет…».

Анекдот от Пирогова (тоже уже покойного).

Двое алкашей хоронят третьего.

– Смотри, он хорошо выглядит.

– Конечно, три дня не пил.

* * *

Столовая – самообслуживание.

Выбирай, что хочешь, – рыбу, мясо, салаты.

Если набираю – съедаю дочиста. Привычка. Редко когда что-то остается.

Потом отнесешь поднос на тележку.

Там все подносы завалены едой, часто и нетронутой.

Напротив сидит здоровяк в майке «Дэвидсон». Поковырял одно блюдо, поковырял второе. Откусил банан, бросил. Взял поднос, отнес в тележку.

Так и в общении с другими.

Поковырял-поковырял душу – выбросил.

Наверное, так и надо – откусил кусочек (при знакомстве) – и на тележку…

* * *

В клинику попадают не сразу и не все.

До нее надо хотя бы пару месяцев не пить или не колоться, не глотать «колеса» или не нюхать кокаин…

Только тогда ты можешь поступить «на излечение».

Но не все это могут. Они в «системе».

Обычно это легко начинающим.

Попил неделю, месяц, выгнали с фирмы – иди лечись.

Кто на первой стадии.
Или на последней.
Как я.

* * *

Раздают анкеты. Заполните – по каким причинам может произойти срыв. Потом распределите – что вы делаете плохо для семьи, для работы и для общества. «А потом я объясню вам, как умирает печень…»

* * *

Большой зал. Человек тридцать сидят полукругом – веером.
Все колоритные персонажи. Как в костюмерной Голливуда.
Взгляды всех сходятся в одной точке.
Это психотерапевт. Он принимает новых.
Каждый о себе что-то говорит.
По очереди. Имя-фамилия, возраст, откуда прибыл, есть ли семья, дети.
Но главное себя определить – «Я – алкоголик (наркоман, игрок, политоксикоман, зависим от таблеток и т. д.)».
Один (загар, подстриженные усики, свежая рубашка) несколько раз гордо повторяет: «Я уличный алкоголик».
Вспомнил его сидящим в торговом центре города. Кожаные штаны, меховая куртка, большой транзистор с дорогой бутылкой виски. Рядом укутаны в одеяло две откормленные собаки. Попивая, покуривая, шутит с прохожими. Таких много.
Им подают. Чем лучше одет – тем больше дадут. Настоящих нищих (стоящих на коленях у входа в храм) обходят.

* * *

В курительную вошел болезненный тощий курильщик. Видимо, не он затягивается сигаретой, а сигарета им.
Длинная, в рыжих паклях наркоманша Клаудия.
Ей: «Ты – мать?».

Она: «Да-да, кошачья мать».

Группа анонимных алкоголиков курила анонимно.

В центре сидит седой и толстый, с лицом, натертым кирпичом.

Похож на тренера. По алкоголизму.

Вот подходишь. К любой пепельнице. Семь пепельниц, урна в центре. Рядышком на длинных скамейках разноцветная семейка. Алкаши, кокаинщики, игроки, героинщики…

Весело общаются, хохочут.

Надо поздороваться. Сказать: «Хай, привет, братья зависимые!».

Не поймут. Языков не знают.

Но народ яркий, веселый, вежливый. Сливки общества. Или общество их «слило», или они себя «слили» с общества.

И можно не раскрывать рот «Хай», а просто посмотреть в глаза.

И кивнуть. Они все понимают.

* * *

Неподалеку группка на корточках сидит.

Постоянно сплевывают. Ржут.

И мать вспоминают. Через каждое слово. Базар.

* * *

Расслабился. Раскурил табак.

Надо отпустить… внутреннее… внутреннюю… струну… она… она натянута… предел… предельно… ножом… лезвием по ней… полоснуть… вот так… легче…

И все сорок две тонны копошащихся мыслей вылетают из головы тоненькой струйкой в трубку…

А дальше – дальше в небо…

Распахнулась дверь комнаты восьмой.

– Воя, пыш! – сестра будит. Колеса глотать.

А что тебе? Есть-пить дают. Спать есть где. Тепло.

Теперь пусть хоть «Воя – пыш» кричат, хоть кукарекают (надо же такое услышать).

* * *

Клиника как жизнь между жизнями. Время все обдумать, взвесить, определиться к следующей жизни.

Я хочу знать больше подробностей о себе. Информации. Залезть в глубинную память и все детали тщательно разработать.

Вывести себя на чистую воду.

* * *

Сто тридцать четыре шага по коридорной кишке с семью стеклянными дверьми.

Все встречные бесконечно вежливы.

Открывают друг перед другом дверь, улыбаются и приветствуют.

Даже пожилая женщина, лет семидесяти (но никак не старуха), распахнет стекло и дружелюбно – «Хай!».

Приветствия, извинения и забота, хоть и не знакомы.

Это все люди, знающие, что это такое, когда человеку плохо.

Все испытали на себе не раз.

И я вижу, чувствую нутром, что я – это каждый из них.

Я – этот. Я – та.

Мог быть и этим изысканно одетым наркоманом-антикваром, и этим стриженым хромым юношей-наркоманом, и женщиной-алкоголичкой с простым открытым лицом, вероятно, заставшей войну…

Я всегда придерживал шаг, проходя мимо нищих и алкашей. Я узнавал себя в них.

Знал, что они чувствуют, угадывал мысли. Волна, их окружающая, мне знакома. Их вибрации я читаю. Их глаза незабываемы.

Псевдо видно сразу.

* * *

На столе моем камешек с горы Синай, крестик сандаловый, сквозной, крошечная рыбка Св. Петра из металла и глазури.

Все это Дашенька, со Святой Земли прилетев, выложила передо мной.

Сама светится – месяц в монастыре на горе Елеонской.

– Ночью купалась в Мертвом море, поужинала гранатом и легла спать…

* * *

У нее… да-да, у нее… на тонкой руке… часы… крупные… большие… точно мужские… не золотые – позолоченные… циферблат вишневый… красный – бычья кровь… часы – глаз бычьей крови… и ремешок… такой же…красный как порез… рана… вокруг запястья… как можно психотерапевту… зачем ей… носить рану… ежедневно… вглядываться в нее… в красную.

Или нет… это я… мое восприятие… вот сейчас так… такое состояние… это я так вижу… это не она… это я… Она носит на руке… мое состояние… Но она же… она носит… на себе… зная или не зная… состояние каждого… всей группы… все разновидности… на ней… отпечатываются… каждый свое… то и видит… и чувствует…

Я вижу рану…

* * *

…Шуберта из моей комнаты перевели в другую клинику (Розенберг).

…Кто же по вечерам будет меня угощать шоколадом?..

…хотел, чтоб я переехал с ним…

…там почти все «наркомы»…

Я видел серые ряды понурых и отрешенных… бредущие в столовую…

…мне стало не по себе… здесь веселей.

…да и русских полно… своих.

…новый сосед Гвидо… голова-яйцо… смазано маслом…

* * *

…шофер А. (алкоголик-афганец по прозвищу Доцент):

– Тормознули на трассе… дали дыхнуть… конечно, ничего… успел проглотить масло с уксусом… никаких промилей, а пьян… они не верят… открыли кабину… полбутылки еще… запах… садись – поехали… проверим кровь… не поеду… как?.. слушай меня – я немецкий солдат… а я – русский офицер… одной рукой за документы… другой локтем в грудь… мигом в машину… и газ… конечно, сразу нашли… суд… год тюрьмы… два года лишения прав… теперь здесь… в Дауне…

* * *

…у меня в столе… в комнате моей… в сорок шестой… пару кусков черных… хлеба… с сыром… на всякий случай… чтобы было… привычка… с давних, голодных лет… и чтоб выпить что было… аптечка… чтоб не умереть…

…так и жил… уверенный… в завтра… в послезавтра…

…многие на поднос набирают много…

…много едят… много оставляют…

…слишком много… относят на мойку…

Надо ли брать много?.. у жизни?

…просто не брать лишнего… трудно избавляться…

* * *

…разговоры (в курилке)…

«…Я пришел сюда алкоголиком и уйду алкоголиком… послушай, я тебя где-то видел… в Караганде был?.. был… завод такой-то знаешь?.. да… рядом пивная… по-моему, ты у меня двенадцать копеек спрашивал… встретились…»

* * *

…групповая терапия… кто-то о себе… все наружу… ему вопросы… со всех сторон… вся подноготная… где… что… когда…

…правило клиники – из своей группы не выносить… ни с кем другим не обсуждать…

…рассказывай, кругленькая черноволосая пампушка… график жизни начертила… диаграмму жизни…

…красные, зеленые, черные треугольники…

…сама из Казахстана… отец в тюрьме прапорщиком… охранник… пил постоянно…

…вышла замуж за вора… квартиры грабил… она помогала… поймали… дали четыре года… ему больше…

…как освободилась, стала поднимать стакан чаще… вышла замуж вторично… пили вместе… как-то не поладили… всадила нож… в область сердца… столовый… вызвала полицию… скорую… еле спасли.

…Когда он очнулся… сказал… «если всадила нож – значит, заслужил».

…ее не судили… детей забрали… на воспитание… теперь клиника… вместе с мужем… четыре месяца… со стороны – идеальная пара…

* * *

…Москва… Левобережная… Клиника… «алики» и «шурики» (алкоголики и шизофреники)… такая смесь… все в одной куче… стадии разные… могут в любой момент откусить нос…

…Клиника Даун… здесь «алики» и «нарики» (наркоманы)… и другие… зависимые… от жизни… политоксикоманы

…вчера один «алик» другому: «…последний год… все время… с утра трясет… вечером шатает… и что за погода такая?..»

* * *

…у озера деревья… горят… осенью… птицы углом на юг… вода – блюдо… золотой овал… по тропинке девять «аликов»… с ними женщина… копна волос черных… психиатрия в голове… ведет всех… выводит… к воде… там карпы…

– Яша, ты прыгни… возьми его… за язык… он тебе ничего не сделает… можешь нести домой…

…Яша – «гы-гы»… и розовой веткой… себе… по ботинку… терапия…

* * *

…чувствую… чувствую себя… застарелый подосиновик… под дрожащей… осиной… сижу… в очках… и капюшоне…

…я возможный заплыв… между частью Тельца… я секунды раскрыл… слякоть раны лица… я вразлет-наперед… тонкой ленью скакал… сетью запонок скал… выстрел глаза… зрачок… там уже побывал… пиво-воды челнок… фиолетовый крик… за кубами… тюрьмы… этот вязкий язык… подорожник открыл… я вам шкуры листал… в параллельных мирах… колокольчик вонзал… между щек… впопыхах…

* * *

…было сказано… терапевтами… психиатрами… обдумай… напиши… свою автобиографию… алкогольную… карьеру… график нарисуй… «курву»…

1. норма (повышается)
2. желание (непреодолимое)
3. контроль (потерян)
4. похмелье (уже необходимо)
5. негатив (в семье, на работе)
6. продолжение (употребления)
7. потеря всего
8. только алкоголь (других интересов нет)

* * *

…трубку набил… расслабился… раскурил… плакат… перед носом… осел в профиль… радуга… бабочка… подписи нет… что это значит?.. зачем?.. для кого?..

…осел ушами хлопал… словно бабочка… осел…

* * *

…ночью… засыпая… в полутьме… строчки… сосед спит… нащупал карандаш… обрывок бумаги… слова… снова на ощупь… смысл неясен… пишу вслепую… может, завтра… пойму… расшифрую… если удастся…

Кто-то что-то… мне говорит…

И я слышу… внутри… себя… надо зафиксировать…

…утром читаю:

…ты выбрал это…
зная все заранее…
как маленький божок…
отстегиваешь дни…
к великой мудрости…
приклеил ты страдания…
все испытал…
теперь чехол сними…

* * *

…внезапная проверка… промили… все дуют в трубку… «саксофон»… ищут… вдруг кто-то… не выдержал… «принял»… особенно – после прихода гостей… и всегда неожиданно…

…вот привезли меня… униклиника… промили – 4,9… врачи собрались… посмотреть… кто такой?.. русский… художник…

Главврач:

– Как вы себя чувствуете?

– Супер-перфект, – как обычно, отвечаю…

…все дружно рассмеялись… все белые халаты… Я – абсолют большой…

* * *

…поковерканный разговорами воздух… слетелись… зависимые… в павильон курительный… галдят… смех-гогот… возбужденные, точно праздник… точно «приняли»… невидимой нитью… все повязаны… и стар и мал… все понимают… все уважают друг друга… теплая семья… алкоголики-наркоманы… одни испытания…

…древние старушки… войну пережившие… сухие… беловолосые… глаза умные… внимательные… все понимают… все принимают… щелкают зажигалками… портсигарами…

…тут я представил… если собрать все выпитое каждым… в один пузырь… и в одну массу… все страдания… мучения… боли… опыт… какой ком вылепится?.. какая энергия в нем?.. а для того мы и здесь… на земле… и живем… из жизни в жизнь…

* * *

…вены прячутся от наркомана… Андрей (29 лет)… о себе… на листе треугольники и квадраты… его жизни… пунктиры… все на ладони… можно вздрогнуть… ахнуть… сначала пил с братом… потом с подругой… новая работа – перешел на наркоту… кололся… вены ушли вглубь… защита… взять анализ крови невозможно… врачи мучаются…

* * *

…равно ли время пространства пространству времени?… Нет… думаю, пространство времени бесконечно… время пространства – да… ведь пространство – нечто ограниченное… или нет?

…это можно решить… посидев в курилке… в ее пространстве… посидев некоторое время…

* * *

…приехала семья… навестить… ведь знаем друг друга… тысячу лет… вместе… в разных вариантах…

…вот стали в кружок… прижались лбами… обнялись за плечи… точно футболисты… перед выходом… на поле… такой миг… а ведь был уверен… всегда… что семьи у меня… быть не может…

…пошли в мокрый лес… семнадцатого Ирина летит в Иерусалим… прощались… два раза…

* * *

…Лизель (принцесса Сальмская) подарок мне сделала… перед клиникой… четки с распятием… серебряным… пятьдесят восемь гранат… капелек крови…

– Они тебе помогут – держи их в руке. Я сама засыпала только с ними…

…теперь я сжимаю в кулаке… горсть застывшей крови…

* * *

…алкоголь… алкоголь сокращает… жизнь… наполовину…

…мне шестьдесят четыре… но, если бы я не пил… было бы… сто двадцать восемь… (так сказал мне друг алкаш…)

…бабушка: – …внучек разберет сигаретку… потом снова набьет… выкурит… и все думает… думает… наверное, конструктором будет…

…рассказ Александра (алкоголик, игрок, самоубийца):

– …все… надоело… решил покончить… встретить поезд… три бутылки взял… спирта… две выпил… третью в трамвае пью… думаю… если не насмерть… калекой останусь… до конца… испугался… повеситься – позорно… вернулся… вспорол вены… литр крови… другой… заснул… проснулся – живой… научился глухонемому (немецкому)… в спецклинику направили… пять месяцев… бассейн… гольф… спорт… вышел… взял пива… три банки… и вот… дальше не помню… здесь…

…доктор: – …расскажите о себе, свою биографию…

…пациент: – …ну, когда я первую зарплату получил – не помню…

– У вас есть профессия, где вы учились?..

– В Семипалатинске, где – не помню… а здоровье хорошее… только задыхаюсь… сердце останавливается… кровь густая…

* * *

…рассказал Александр (40 лет, алкоголик, наркоман, игрок, самоубийца):

– …был велосипед… на минуту оставил… у магазина… вышел – нет… стал искать… сидят ребята… подошел… окружили… деньги давай… денег не было… хотели бить… я кивнул в сторону… они посмотрели… я рванул… бежать… они за мной… я в лес… потом домой… стал плакать… долго плакал… почему так?.. за что?..

…услышал голос… внутри: ты тоже грабил… дрался…

…что-то понял… другим… надо быть другим…

…знаешь… что хорошо… что нехорошо… а делаешь… потом в Библии прочел… так это же про меня!.. буду автобиографию писать… оттуда перепишу…

* * *

…спрашиваю у алкоголика:

– …Бог есть?

– …есть…

– …веришь в Него?

– …Бог есть, но я в него не верю…

(…трудное детство… чугунные игрушки… про Айвазовского не слышал… есть и такие…)

* * *

…самый… самый длинный… русский праздник – похмелье… как начинается… так на месяцы… на годы…

* * *

…групповая терапия… тема: «Возникновение депрессии»… все по пунктам… какая депрессия… когда… почему… какие причины…

…но… причины может и не быть… и дома все хорошо… и с работой… но вдруг… раз – и… все…

…Афон… монастырь… работаю… мозаики… без алкоголя… без табака… все спокойно… как бы и не надо… несколько лет приезжал… раз появился… пейзаж стал рябиться… пошел волнами…

на причале стою… корабль… отплывает… туда… где магазин… как я пролетел?.. три метра… по воздуху?.. что толкнуло меня?..

…набрал коньяку… присел на камень… выпил… легко… спокойно… красота вокруг… жить хочется… не спеша… тропинками… вернулся… пил в келье… с неделю… не ел… выйду ночью… пройдусь… в кромешной тьме… «небом в алмазах» полюбуюсь…

…запасы кончились… где взять?.. пошел по кельям… у монахов… добрые… понимающие… доставали кагор церковный… седовласые старцы… пузырики… флаконы… обошел всех… все опорожнил… иду к иеромонаху… что исповедь принимает…

– Отче, водка кончилась…

…отвел в архандарик… гостевые комнаты… велел налить узы… я – «добавь до полной»… выпил… теперь готов… в катер посадили… скоростной… и в клинику… греческую… до Пасхи…

…пациент В… лет сорока пяти… русый… покуривает… в небо смотрит…

– …да, не хотел бы я оказаться в этом самолете… не выношу закрытого пространства… после Афгана… как-то менты… четверо… в камеру толкали… всех разметал… страх первобытный… животный… стены… окон нет… приступ… сразу… уже ни в метро… ни в автобус… только машина… знаешь – по бокам дверцы… остановить можно… на заднем сиденье уже нет… а так… ничего не страшно… только это… закрытого пространства боюсь… последний раз… в самолете… еле откачали… рядом девушка сидела… журналистка… почитала… глазки закрыла… уснула… она не была в Афгане…

* * *

…дымлю… табаком… подходит А. (вор, пьяница, игрок, самоубийца)… глаза голубые… чистые… слуховой аппарат… потрескивает… говорит… улыбаясь…

– …пришли дети… играли на инструментах… а люди не плясали… тогда заплакали дети… а люди… видя… что дети плачут… не рвали на себе волосы…

* * *

…пациент А.:

– …я рисовал гладко… быстро… с приятностью… любил рисовать… отец говорил: «художники всегда бедные… мало получают»… и я пошел на слесаря… хорошо зарабатывал… много… Шишкина люблю… у него все гладко… в галерее был… большую картину видел… приход Христа… так я там… ошибку нашел… там человек… в одежде белой… у воды… а отражается в красной… Я раньше быстро рисовал… без резинки… теперь нет… не так… с резинкой надо…

* * *

…групповая терапия… читал всем автобиографию… вывернулся наизнанку… карьера алкоголика… стаж – сорок лет… выпил свою цистерну… приходится вспоминать… теперь… про каждый выпитый литр… отчет… анализ… выводы… слушают молча… без вопросов… психотерапевт М. берет отчет с собой… разобраться… и в четверг… к ней в кабинет… в 211… один на один…

…все рта не закрывают… стоят кучками… и каждый о себе… или что знает… что слышал… хотя… никто не спрашивает… самоутверждение… в словах… кто как может… просто молчать нельзя… надо занять место… свою нишу… проявиться… многие мастера… разговорного жанра… рассказы отточены… точно морские голыши… опыт большой… армия… тюрьма… из клиники в клинику… кто больше и лучше представит… как на сцене… афганцы договорились – про Афган ни слова… а так… темы любые… очень откровенные… в прекрасном пополнении… в групповой терапии – другое… байки не пройдут… надо обобщить… подытожить… сделать вывод… и мастер-рассказчик теряется…

* * *

…Наполовину высохшая капля… меня тянет к людям… которым кажется… что они… сходят с ума… здесь все такие… чувствуешь… на своей территории… в своей зоне… и поддержка… звуки смеха… разговоры… щелканье зажигалок…

* * *

…На терапии… о депрессии… вспомнил… когда-то было… взял сигарету… раскурил… докрасна… повернул левую ладонь… затушил о запястье… где синие сосуды… светятся… круглая рана… запеклась… по краям… подошел кто-то… – Что ты?.. Я раскурил другую… и в то же место… затушил…

…депрессия прошла… рана заживала три месяца… боль психическая перешла в физическую… перенос боли…

* * *

…с утра… после таблеток… выпив кофе… выкурив трубку… уже в полдевятого… закончил три холста… ранее начатые…

…Холст первый – «Формула глюка» (по-немецки «глюк» – счастье… в русском «глюки» после стакана… «колес»… иглы… широкое понятие)…

…подписываю холст… для немцев – О. Т. (что значит – без названия)… для русских – «Формула глюка»…

…Холст второй – «Ломка»… (на немецкий не переводится… ставлю О. Т.)

…Холст третий… из двух частей… подписал просто – «Двухчастник номер три»…

…в тринадцать тридцать… терапия… групповая… в окна смотрит лес…

Александр (46 лет, алкоголик) представляет свою «курву»… это график… жизни… взлетов-падений… линии… пунктиры… треугольники… квадраты жизни… разделы по годам… семья… здоровье… работа… образование… хобби… вся жизнь – хобби… черно-розовые периоды… не было бы черных… тогда не было бы розовых…

…вскрывай подноготную… отвечай на вопросы… и я спросил: «А как твоя семья… жена… понимают ли они… что алкоголизм – это болезнь… а не блажь… какая-то?..»

«…нет… не понимают… жена… когда я не пью… говорит: «что ты прикидываешься ангелом?»… когда выпью… черти мерещатся… все друзья… в чертей… Я за ноги… гонять их… связали…

в клинику… только сын… ангелом стоял… я на колени… поднимаю голову – черт…»

* * *

…ночь… сижу… обмотан шарфом… курительная… вокруг звезды… деревья… филин… пускаю дым… в Большую Медведицу… вся клиника… под одеялом… сбоку тень… кашляет… курит… говорит себе: «одинокий курильщик в ночи»… и исчезает… я задумался…

…я изучаю время… на планете Земля… я изучаю себя… в этом времени… я изучаю других… другие реальности… этого времени… вижу изменения… и… когда настанет время… я уйду из этого времени…

* * *

…отец… сидит на кухне… плохо… очень плохо… надо принять… ничего нет… входит сын… к холодильнику… дергает ручку – «шеф… подвези… надо раскумариться… нет?.. не подвезешь?..» …отец думает… во… у сына крыша поехала… «белочка», наверное… идет в туалет… вернулся – холодильник… нет… «ну… уговорил, наверное…»

…новоприбывший в Даун… подходит к группе курильщиков… «а где здесь тропа Хо-Ши-Мина?»… и все понимают…

* * *

…в чистом воздухе… по вечерам… над Дауном… гукает филин… из одной точки леса… с одного дерева… невидимого… и все привыкли… многие отвечают… и вдруг не объявился… все встревожились… прислушиваются… тишина… весь павильон курительный… обсуждает… предполагает… переживает… но старый алкоголик… не выдержал… громко гукнул… по-филински… и тот ответил… отозвался… как проснулся… все закричали… радостно… кричали «яволь»… русские радостно матерились… со слезами…

* * *

…в первый день… в один из первых дней… приезда в клинику… в большом зале… стулья расставлены… полукругом… знакомство… представление себя…

…веером расселись… алкоголики… наркоманы… самоубийцы… игроки… прочие «зависимые»… в центре – психотерапевт… тоже зависим… от нас… но не понимает… и говорит: «алкоголизм – болезнь неизлечимая… а я вас буду лечить»…

…каждый… по часовой стрелке… докладывает… представляется… по очереди… все слушают… называет имя… фамилию… откуда… какая зависимость… многим трудно… сказать – «я алкоголик»… «я политоксикоман»… «я самоубийца»… легче – «у меня зависимость»… молодая немка… коротко – «зверски пила»…

…встает высокий… худой… с мягкой бородкой… глаза умные… выдает «букет»: «я алкоголик… наркоман… вор… игрок… и самоубийца»…

* * *

…утром… трудно… «вставиться»… тяжело… в эту жизнь… кофе… кофе… табак… до одури… потом дурь выходит… и нормально… соображаешь… где ты… и где твои вещи…

…вот приехали… алкоголики из Люксембурга… на джипах… новый заезд… по-французски… картавят… с переломанными ногами…

* * *

…аукцион-распродажа… картин-скульптур… алкашей-наркоманов… в Даун-Форуме… бар… танцы живота… терапевты разносят бутерброды… деньги за картины – детям алкоголиков…

…девица… тщательно одетая… лет двадцать… графику предлагала… черно-белую… стала рассказывать… про жизнь свою… рассказывать – плакать… ее увели… она рыдала… в соседней комнате… графику купили… сразу… и три моих холста… подошла покупательница «Формулы счастья»… по глазам понял… почувствовала она… энергию холста… глюк в глазах…

Формула счастья – раз…
Формула счастья – два…
Формула счастья – три… – продано…

* * *

…Вовчик-афганец… что татуировку просил исправить… «Таня» на «Автомат»… утром выписался… из клиники… вечером звонит… уже пьян… «сижу один… никого… шел через магазин…»

…звонил ежедневно… разговаривал все дольше… все бессвязней… потом пропал… все встревожились… «наверное, в больничку залетел»…

…сегодня просыпаюсь – он… «что… опять здесь?»… «нет… приехал успокоить… ребят»…

…черные брючки наглажены… остроносые ботиночки блестят… в руках два торта… «спасибо…» – «спасибо в карман не нальешь…»

* * *

…подходит А. (47 лет… алкаш-нарком… самоубийца… игрок)

– Володя… вот муравей… как он живет?.. ни наставника… ни президента… а на хлеб зарабатывает… не жалуется… не обижается… бежит… бежит… вот умное существо…

…курительная… точно сапог… на ветру… пигменты рассыпаны… пеплом-порошком… и по облакам… по масляным стволам… тюремным дымком… курилась урна… заключенных… полуокурков…

…а приснилась прекрасная… женская сущность… с именем Ишаха… в темноте записал… знал… что утром уже не вспомню…

* * *

…иногда… уставишься в зеркало… глаза такие… внимательные-внимательные… и абсолютно равнодушные… морщина глубокая… сечет лоб… шрам… над бровью правой… еще сносно… мо-

жет, красиво… но вот… выдавил улыбку… что-то расплывчатое… точно маску резиновую надел…

…улыбаться… улыбаться я не научился… не привык… не умею… в такое время жил… не умею обволакивать… обворожительной улыбкой… а жаль…

Когда пытаюсь… размытая гримаса… вырастает в пространстве… как если в кишечник… коробку булавок… сыплют… а я пытаюсь… расслабиться и рассмеяться…

…и проявляется тип… с Брейгеля картины… или голландцев малых… когда смех сквозит… в провал… от трех зубов…

…то, как мы видим себя… в зеркале… совсем другое… как видят нас… особенно впервые… посторонние… чужие люди… мы видим… свой совокупный образ… все взгляды в зеркало… десятилетиями… слились в один… и «накладывается» на теперешний наш вид…

…так древний муж… видит свою… жену-подругу… во всем многообразии… с юных лет… с цветущей молодости… всю совокупность ее образа… а не просто… древнюю старушку… какую видим мы…

…многие… любят посмотреть… на себя в зеркало… и плюнуть… себе в лицо… в отражение… вернее – в себя… я не плюю… что дано – то дано… да еще сам выбирал… благодарен… и за это…

…а не улыбаюсь… значит, не надо… растягивать… улыбайся глазами…

* * *

…в клинике концерт… Виноградов играет… на домре…

…подсел дядя Саша… «Мутным» зовут…

– Скажи… на каком языке он играет?..

– На русском…

– А-а-а – понимаю…

…пришли вести… от Ириши… сегодня… ночевала в кельемастерской… около кладбища… в Гефсиманском саду… сходила в Елеонский монастырь… на Масличную гору… а ночью… к Гро-

бу Господню… в монастыре из колодца пила… а сейчас… работает над иконой… которая открывает и закрывает глаза…

* * *

…вот жена пришла… муж пьян… лежит… она спрашивает… у собаки: «сколько он пива выпил?»… собака: «гав-гав-гав»… «а сколько водки?»… собака: «у-у-у-у-у»…

…рассказал Александру (алкаш-наркоман-вор)… он смеялся… долго… остановиться не мог… и решил он картину нарисовать… на эту тему… рисунок принес… углем… фигура неожиданная… в стиле Тициана… (которого он не знает…)

– Буду всех спрашивать… что это?.. каждый будет говорить… а потом я… расскажу анекдот… мой терапевт говорит… чтоб я общался больше… я его в сторону… отвел… говорю: «дай сто граммов… дискотека сегодня… буду общаться… танцевать…» – «а ты попробуй без граммов…» – «так я не умею… не привык… без стакана я никогда… не танцевал…»

* * *

…звонок в клинику… дочь Дарья…

– …папа… у меня… мысленный кризис…

– …о чем же ты мыслишь?..

– …поехать в Иерусалим… на Рождество… я сделала мультик… про Рождество… книжку про Рождество… спектакль… про Рождество…

– …значит, поезжай… ты заслужила…

– …но… я боюсь… бабушка-дедушка заскрипят…

– …ну что ты… они все поймут… мы все будем рады… спроси свой внутренний голос…

– …да?.. внутренний голос говорит «да!»…

* * *

…почему галдеж… смех… визг… в столовой… в курительной… в телевизионной… глаза закрыть… так за праздничным столом…

веселье… шутки… возбуждение… большой компании близких людей?..

…просто все они… прошли боль… страдание… утрату… преступили черту… заглянули в глаза смерти… но выжили… вернулись… заново родились… и радуются… они видели небо…

* * *

…утром подходит В. (лет 30… алкоголик… сдвиги по фазе… рано полысевший и поседевший… с детскими голубыми глазами…)

– …ну что… идем за пивом?..

– …сейчас… только докурю…

– …я вчера… в девять вечера… уже хотел идти… в ближайший лакаль… и налакаться… такое желание есть… я сегодня объявил… в группе своей… что ухожу я…

– …куда пойдешь?.. домой?.. тебя никто там не ждет… ты один… опять окажешься… в магазине… начнется срыв… хуже прежнего… все наверстаешь… и опять клиника… когда я жил один… совсем один… я был рад даже мухе… которая ко мне прилетала… глаза огромные… стремление к полету… чем не друг?.. а когда с женой познакомился… то плакал… от сознания… что меня кто-то ждет…

– …нет… мне жена не нужна… я парней люблю…

– …что?!.

– …парней…

– …а-а-а… тогда тебе сложней… тебе жена нужна… парень сидеть дома… и ждать тебя… не будет… (и я дал ему таблетку… успокоительную… от персонала спрятал…)

* * *

…сообщение Ириши: «…стою на горе Фавор… и взлетаю…»

(…я упал… я в клинике… я тоже пытаюсь взлететь…)

…подходит Макаров… (алкоголик… игрок… художник-самоучка)…

– …я говорю… своему терапевту… «Что вы мне даете?.. таблетки?.. лучше дайте яд»… а он мне… «Нарисуй картину… на па-

мять»… знаю… что ему изобразить… небо… большое красивое облако… а внизу мебель… и пьяный валяется… рядом собака… большая… и название есть… «Смышленая собака»…

– …нарисуй ему небо… сине-голубое… и большую белую таблетку… название – «Яд терапевта»… и подари… на память…

* * *

…эрготерапия… лечение творчеством… выдавливать краски… время останавливается… болезни уходят… другое состояние… другое время… ты там…

…медсестра подходит… через руку поглядывает… «Вас ист дас?» – спрашивает…

– … цум байшпиль… натюрлих… отвечаю…

– …вас цум байшпиль?..

– …натюрлих…

– ???

– …дас ист русише алкоголише кунст…

– …а-а-а… алкоголише…

– …кунст… слушай дедушку… ему уж десять лет как… на кладбище прогулы ставят…

…видел во сне… подставку для трубок… курительных… как вылепить… снес глину в комнату… стеки… мастихины… глину на подставку… быстро вдавил трубки… обрезал края… пара эскизов перед глазами… укутал мокрой тряпкой… до следующего раза… надо сделать легко… быстро… на одном дыхании… связать патронташ с надгробием… обжечь в печи… залить глазурью…

* * *

…может, главное… что осталось… сохранил… проявление себя… своей индивидуальности… в неблагоприятных условиях… в режиме… где все против… относиться к себе… к человеческому существу… которое не может быть вытеснено… другими… и остаться собой… я не позволил этим условиям… определять мое

видение… себя… того, что я есть… на самом деле… одна из задач… и смыслов… жизни моей…

…психотерапевт:

– …вы писали автобиографию… вспоминали… думали… какой же вывод вы сделали?..

– …вывод?.. что в результате я сохранил себя… свою индивидуальность… талант… данный Богом… в строгом режиме лагеря… хоть и социалистического… я не поддался искусу соцреализма… делал свое… работал честно… хоть на жизнь заработать не мог… жил впроголодь… алкоголь меня спас…

– …и вы видите теперь свои ошибки… изменили бы вы свою жизнь… если начать сначала?..

– …нет… мне дана такая жизнь… такие испытания… и я опять прожил бы так же… я благодарен ей…

– …и вы считаете… такая жизнь… и такие страдания… нужны?…

– …да… для этого жизнь и дается…

– …но есть же люди… не пьют… не курят…

– …у них другие испытания…

– …да-да… у вас такое положительное отношение… к алкоголю… вас трудно будет лечить… вы никогда не бросите…

– …я считаю… что свою «норму»… цистерну жизни… я выпил… допиваю последние капли… у каждого своя «норма»… большая – маленькая… и каждый выпивает ее по-разному… кто всю жизнь понемногу… кто залпом… с перерывами…

– …но вы намерены остановиться?..

– …да… ведь я не один… любимые люди вокруг… жена… дети… если бы один… сел бы на яхту… набил трюм ромом… и табаком… и в море…

* * *

…Дашенька:

– …папа… может быть… после смерти… ты попадешь в такое пространство… приятное… знакомое… светлое… атмосфера такая… освещение… так это буду я… в форме освещения…

* * *

…когда я разворачиваю газету… немецкую… то я ищу в ней… знакомые буквы…

Илюша:

– …если газету перевернуть… то ты их найдешь еще больше…

(…так в жизни… я ищу в ней… знакомые черты… родные и понятные… но если… вывернуть жизнь… наизнанку… то я найду их… еще больше…)

…меня интересует… визуальная структура… духовных построений… здесь же… в клинике… заставляют изображать графики… запоев… и семейных отношений…

…я живу… между… теорией искусства… и теорией запоя… пытаюсь связь найти…

…ползут двое… пьяных… «скажи, Вася… ты меня уважаешь?..» – «…нет, Петя… я тобой горжусь…»

…вернулся с побывки… в клинику… две ночи – три дня… подбегает Сашка:

– Вовчик… ты знаешь… я думал… Пашка умер… захожу к нему днем… он спит… через час… тоже спит… с открытыми глазами… думаю – все… готов… но нет… слава Богу… зато днем ходит… с закрытыми глазами…

(да… думаю… все мы ходим с закрытыми глазами… хоть смотрим… но не видим… ничего…)

…во сне… с двадцать шестого на двадцать седьмое… показан… большой кусок… краев нет… синего… пепельно-синего шифона… полупрозрачен… и фигура проявляется… обнаженная… точно женская… из тумана… большая… возникло название… «Тайная плоть»… и слова… слова…

…не видя… вслепую… записываю на обрывке: «Тайная плоть… ни больше… ни меньше… где возьмешь – в тайне… плоть везде… есть-есть… нет… здесь – там… это известь – известно… тайна… а я – здесь… ноготь… плоть – платье ее…

…утром прочел – какая-то шифровка… смысл чувствую… но далеко… тогда еще мог расшифровать… сейчас утром – нет… уже ушло…

…сосед по койке – мне:

– Ты совсем больной… ночью… в темноте вскакиваешь… бормочешь… хватаешь бумагу… пишешь не видя… потом под одеяло – и спать…

* * *

…врач алкоголику Макарову:

– …дунь в трубку… сколько промилей?

– …а… а… скасофон… (дует… нет ничего)…

…врач перчатки надевает… банку достает…

– …а теперь… для анализа… мочу…

Макаров штаны расстегнул… напрягся…

– …мочи нет… совсем нет…

…врач:

– …не может быть… подождем… через час…

…через час:

– Опять нет… ничего… может, взять банку… с собой?

…врач:

– Я должна… обязательно… проследить… а то вы… попросите помочь…

* * *

…аспирин глотаю… в ушах звенит… шум крови… в холодном поту стою… на ледяном воздухе… и решаю перебить это состояние… работой… как всегда…

…холсты сто двадцать на сто… заготовлены… ждут… пять килограммов пасты рельефной…

…шпатели… зубьями… мусорным совком… выявил знаки… в рельефе… и к ужину… салат и какао… потом сразу… ко второму холсту… время останавливается… а уже ночь… оставляю сушиться… на полу…

…тут немец-алкоголик:

– …а если… вдруг ночью… по ним пробежит… мышка?.. тып-тып-тып-тып…

– …супер-перфект… – отвечаю… и чувствую – болезнь уходит…

* * *

…пациент П. Д. (63 года… алкаш… игрок…) лицо фактурное… глубокие морщины… лохматая седая голова… белая щетина… в новой остроносой обуви… пиджак светлой кожи… музыкант… на контрабасе… еще антиквар… старьевщик… букинист… бармен… сторож… повар… мясник… джазмен… перегонщик машин… рассказал, как попал сюда… допился… пришла идея ехать назад… в Винницу… собрал чемоданы… стал мебель продавать… телевизор сначала… купил его за полторы тысячи… продал за триста… пропил… друзья сказали: «давай… за твой отъезд»… потом холодильник пропили… шкафы… кресла… всю мебель… все пропили… хата пустая… ни гроша на отъезд… приходит знакомый… из немцев… напились… голодные… нашлась пачка спагетти… кастрюли нет… в чайник ее… варить… кусок масла в чайник…

Немец:

– … не надо… так нельзя… чайник для чая…

…стал маме звонить… что делать?..

Она:

– …это нельзя есть… он не понимает… что чайник для чая… так запрещено…

…а Паша сварил… все съел… немец еще выпил… и присоединился…

* * *

…подходит Александр (игрок-алкаш-вор-самоубийца)…

– Задумал картину писать… «Родословие Адамово»… небо ночное… череп большой… дерево на нем… маленькие черепа вместо плодов… луна в небе… трава темная… как упавшие яблоки валяются черепа…

* * *

…ходит дедок… все время вмазанный… что?.. откуда берет?.. в клинике?.. оказалось… заходит в туалет… достает стаканчик… пластмассовый… от лекарств… давит из автомата… для дезин-

фекции… для рук который… выпивает… и все… и пошел… и так время от времени…

* * *

…психотерапевт А.:

– …важен перенос акцента… на плюс… вот один пациент… от него жена с ребенком ушла… он говорит: «…я благодарен Богу за все… за каждую минуту… секунду… за людей окружающих… за тех, кто стремится мне помочь…»

…кто бы из вас так мог сказать?.. вы пришли алкоголиками… алкоголиками и уйдете… только «сухими» или «мокрыми»?

…в этом разница…

– …вы такие счастливые… такие…

– …как… почему?

– …вы счастливы потому… что не знаете… как вы несчастны…

(…и наоборот – вы несчастны потому… что не знаете… как вы счастливы…)

* * *

…Дашенька (отлетая в Иерусалим…):

– …папок… через час сажусь на самолет… через день жди энергии с Востока…

…буду молиться за вас…

* * *

…выспался… кофе выпил… с друзьями… пошли курить… анекдоты… шутки…

– Мерседес сбил телегу… со стариком… он лежит… думает… «так… телега у меня… из красного дерева… рысак орловский»… из мерседеса новый русский… подходит к лошади… копытом дергает… вставляет ей ствол в ухо… стреляет… к старику поворачивается… «ну… а ты… как себя чувствуешь?»… «н-н-намного лучше… чем раньше!»…

…другой алкоголик рассказывает… классическая ситуация… муж вернулся из командировки… любовник с балкона прыгает… восьмой этаж… думает в полете: «Господи… помоги… я тебе храм построю… метровые свечи поставлю… в монахи постригусь…»

…падает в помойку… отряхивает перья… говорит себе: «…и надо же… за пять секунд такое выдумать…»

…«русская примета: если пальто… или ватник… в трусы заправляет… значит, пьян»…

…стояли в кружок… дым пускали… слова вылетали… каждый старался… все рассказчики… все отточено… не первый раз… смехогот… один закончит – другой подхватывает…

…все рассказывают… и каждый как бы мне… почему мне?.. наверное… потому что старше всех… но потом дошло: я – слушатель… почти не рассказываю… не научился… но слушаю внимательно… а каждый ищет слушателя… или чтоб просто молчал…

…я рассказывать не учился… я учился молчать…

* * *

…тридцать первое декабря… в столовой музыка… громко… но никто не танцует… горячий пунш продают… безалкогольный… гриль на улице… под снегом столики… нажарили мяса… нарубили таз лука… ящик с лимонадом… все алкоголики трезвы… стали звонить после двенадцати… друзьям и подругам… бесполезно… они все давно пьяны… никто внятно слова не произнесет… речь бессвязная… или молчание… так никто и не дозвонился… не поздравил… к утру легли спать… наступил новый год… год Тигра… и я никому не пожелал бы… в новом году… оказаться в полосатой одежде… или в клетке… за решеткой…

…каникулы новогодние… занятий нет… четыре дня пусты… в мастерской эрготерапии стоят два холста… последние штрихи… «Альфа» и «Омега»… для актового зала клиники… захотели обновить… там висели какие-то кубики разноцветные…

…еще ждет меня маленький холстик… «Лестница в небо»… рядом с лестницей зеленый змий… стережет… моя тема… хочешь вверх… а он тут как тут… и как от него избавиться?..

…холст «Омега» почти окончен… сначала был простой… светлый… потом дробился… загрязнялся… лишними деталями… следующий этап – обобщение… высветление… время клиники для обобщения… разрозненные кусочки жизни вспоминаешь… собираешь… рассматриваешь со стороны… делаешь вывод… и все по новой… как на холсте…

…в мастерской Валера (46 лет… алкаш… наркоман… отец в тюрьме умер… старший брат тоже… сам сидел)… делает икону Богородицы… в подарок подруге… она сейчас за него долги выплачивает… раньше шкатулки делал… под мозаику… из цветной проволоки… одна шкатулка – литр водки… «анаша лучше, – говорит, – спокойно и работать хочется… от водки туман… то на велосипеде кого-нибудь собьешь… то на машине… права отобрали… анаша спокойнее и дешевле»…

…помог я ему… как лик прописать… как одежды… как фон… и захотел еще он… такую же… дочери сделать… сам радуется…

…другой «сокамерник» Юра… тоже Богородицу… матери в подарок… Натали такую же… мужу делает…

…Богородицу делают многие… в русской группе… и алкоголики… и наркоманы… и самоубийцы… и воры… и игроки… в немецких группах этого нет… за кич считают… не понимают зачем… они цветочки делают… да деревца… как в детском саду…

…подходит Павлик… «нет водки лучше Абсолюта… но… опять же… на зрение влияет… как?.. попьешь немного – и денег не видно»…

…рядом художник-самоучка Александр:

– Вова… царь Екатерина… был проституткой… она со всеми… и с князьями… и с рабочими… даже из-за границы приглашала… поэтому Ленинград… такой красивый…

…слышу обрывок разговора… врач пациенту:

– Вы пригласите сюда свою жену… я с ней поговорить хочу…

Пациент:

– …у нее нет денег… как она сюда приедет?.. а я ей денег не дам – пропьет…

…карманник прижимается к пассажиру, а тот ему: «у тебя что?.. жизнь неспокойная?..»

…ночь… полтретьего… на столе у меня… сборник Г. Айги… ему все удачно приходило внезапно… на грани засыпания…

«Зачем тебе, почти несуществующему, искать другого, праха не имеющего?»

…в полусне Айги «услышал» эти строки… они нечеловеческой глубины… сразу не доходят… толком не понимаешь… но что-то чувствуешь… но тут я понял… наверное, по-своему…

…«почти несуществующему» – это я… мы… что мы в сравнении с вечностью… наша жизнь – миг… мы почти не существуем… но – ищем «праха не имеющего»… это – дух… он нематериален… вечен… какой тут прах?.. но – в нас тоже есть дух… его часть… мы – родственники… чтоб слиться… кого еще нам искать?.. найти родственника и… вернуться к ОТЦУ… в этом великий смысл… и ответ на вопрос: зачем тебе?..

…как говорил мой друг Павел… «иногда открываются такие врата… что видишь себя… со спины»…

…открываю другую книгу… тоже про меня…

«…Ем я с большой жадностью, что и неприлично, и вредно для здоровья, и отнимает часть удовольствия: поспешность при еде у меня такая, что я нередко прикусываю себе язык и порою даже пальцы…

…Я мирюсь с тем, что мне уже не бегать, – с меня довольно и того, что я влачусь…

…О силе и бодрости я не говорю: нет никаких причин, чтобы они оставались в моем возрасте…

Я опустился настолько низко, что было бы нелепо, если бы последнее падение ощутилось мною так, словно я упал с большой высоты. Надеюсь, что этого не будет».

…это писал Монтень в своих «Опытах»… ему было тогда… пятьдесят шесть лет…

* * *

…кабинет двести одиннадцать… беседа с психотерапевтом… один на один… тема – «Эмоции»… объясняю свое понимание…

– Если кривая эмоций… положительных-отрицательных… сокращает амплитуду и переходит в сплошную линию… значит, ты… в состоянии принимать жизнь… такой… какая она есть… какая тебе дана… спокойно… без реакций… особенно отрицательных… а это уже есть смирение…

Психотерапевт:

– Я согласна… но мы в группе… не можем говорить… на таком уровне… и я хотела бы… поговорить с вашей женой…

Я:

– Думаю… разговор был бы ей полезен… она человек сильный… волевой… и считает… что у меня просто не хватает силы воли… бросить алкоголь… В молодости… встречаясь… я всегда покупал коньяк армянский… или какой-то другой… и ей папиросы «Герцеговина Флор»… со временем… она оставила… и то и другое… причем по-настоящему… не то чтобы позволить себе… сигаретку-другую… вероятно… она не понимает… что это у меня болезнь… я не могу силой воли…

Психотерапевт:

– Да… у вас алкогольная зависимость… и это болезнь… у нее этого не было… это такая же болезнь, как и любая другая… и силой воли от нее не избавиться…

(«…болезнь дается не для того… чтоб ее лечить… а для того… чтоб сделать правильный вывод…»)

* * *

10.01.2010… еду в поезде… в клинику возвращаюсь… в вагоне табло… высвечивает: сегодня – 26.08.2029… и время 17:20… надеюсь – доживу… еду в поезде будущего… хорошо… что не прошлого… а то вместо алкоголика… посчитали бы меня… алхимиком…

…посмотрел в зеркало… голова – кусок грязного слипшегося… снега у дороги… глаза… консервные банки… с окурками и плевками… зубы… старый аккордеон… заскорузлый… проку-

ренный… с перламутром… затертым пальцами… нос… пятно дырявое… мятого башмака… шнурки свисают… соплей… уши – хвост свинячий… разве это вылечить?.. нет… только свое отношение… к этому изменить… сказать себе: «это прекрасно»… и лечь спать…

Мой нос не похож… на самого себя… глаза не похожи… на самих себя… вся фигура… все чужое… временное… не мое… хочу другую оболочку… из сгущенного воздуха…

Понятно теперь… почему Врубель… любил женские одежды из цветных шифонов… разные цвета… просвечивают… друг сквозь друга… и… ничего конкретно… ни цвета… ни формы…

* * *

…пациент А. М. (алкаш… вор… самоубийца)… еще он игрок… азартный… на аукционе нашел… клиническом… смешном… при цифре шестнадцать сказал тридцать… и забрал… холстик с пейзажем… какой-то самоучка… лодки на озере… хотел подправить его… освежить… и… вписать в этот пейзажик… мой портрет…

– Красиво будет… я уже задумался… ты будешь с трубкой… и веслом…

– Ничего не выйдет… – я ему…

– Почему же?.. выйдет… я знаю…

– Нет… это будет ложь… пейзажик с озером не мой… не для меня… там все для меня чужое… я там не жил… я житель городской… нарисуй меня лучше… на городской помойке… хочешь портрет – делай его… а не засовывай в картинку… да еще чужую… в чужую жизнь…

* * *

…протягиваю Ольге (алкоголичка-депрессантка) обещанные таблетки…

– …спасибо… что не забыл…

– …я ничего не забываю… особенно… если на бумажке запишу… и если вспомню… что надо прочесть… и… если вспомню… где бумажка лежит…

…подходит П. Д. (алкаш-игрок)…

– …что ты читаешь?

– «Долгие беседы в ожидании счастливой смерти»…

…он рассмеялся… вспомнил… что в прошлый раз спросил… что я привез…

– «Тибетская книга мертвых»… и знаешь ли ты… мою серию графики… больше четырехсот листов… «Пляска смерти»… больше всего в жизни… меня интересовала… смерть…

…мы разговаривали… а у меня на столе стояла… и сохла для обжига… подставка для курительных трубок… в форме черепа… разваливающегося на куски…

…задуматься о смерти надо… пока ты жив… еще…

* * *

…когда… очередной «зависимый»… возвращается в клинику… после трехдневного отпуска… все рассаживаются вокруг… и ждут… что он выложит из сумки… пирожки… селедку с винегретом… пончики… и все угощаются… все домашнее…

…я прибыл… все устроились вокруг… и я спросил: «у кого-нибудь… что-нибудь есть пожрать?»…

…потом новости… П. Д. рассказывает:

– Меня психотерапевт спрашивает: «что вам нужно… чтобы у вас… не было запоев?..» – «деньги… и только деньги… пять лет я жил при «бабках»… никаких запоев» – «ну вот… вы опять деньги… а сколько денег надо?» – «столько… что их невозможно было бы пропить… дома бар полон… самого лучшего… в любой момент… никуда не бежать… налил стопку… выпил… знаешь – всегда нальешь другую… не спешишь… продукт хороший… похмелья нет… голова не болит… все по-человечески…» – «а вас в детстве били?..» – «да… по вторникам… с двенадцати до двух…» – «у вас… есть хобби?..» – «да… как-то… увидел в продаже… миниатюрный… сварочный аппарат… купить захотел… что-нибудь сварить… скульптурку… из помоечного железа… денег взял… но попал… не в тот магазин… там бутылки… флаконы… аппарата нет… сварочного… так и не сварилось…» – «вы должны иметь мечту… только

так… вы можете избавиться… от алкоголя… стремиться к ней…» – «да-да… вы правы… хочу написать вам… Заявление такое… «уважаемый доктор… прошу вашего… всяческого содействия… после моего излечения… от алкоголизма… направить меня в команду… подготовки космонавтов… для полета… в космос… это моя заветная мечта… поэтому я и в… Германии… это страна… неиспользованных возможностей… и я хочу использовать… одну»…» – «вам надо начинать… новую жизнь… как только… оставите алкоголь…» – «…мне поздно начинать новую… жизнь… мне бы… закончить старую… а как насчет… космической адаптации… ведь я готов… жен всех оставил… денег лишился… имущества… квартира пуста… все продал… но инициатива должна… исходить не от меня… пусть группа подпишется… под бумагой… просьбой о запуске… в космос… никто не откажется… перешлем начальству… космос – моя заветная мечта… будет другая жизнь…»

* * *

…интересное место… клиника… кто… где и когда… меня спрашивал: что я хочу от жизни?.. какая моя цель?… что мне мешает?… и как этому помочь?..

…клиника снимает… со всех маски… подделываться под кого-то… играть роль… почти невозможно… ты гол… как есть…

…клиника… место после… жизненной суеты… перипетий… киданий… беспокойств… можно остановиться… оглянуться… увидеть себя… со стороны… сбоку… снизу… сверху… собрать все воедино… сделать вывод… в чем смысл?… для чего ты?..

…«излечится» тот… кто нашел себя… свою цель… свой путь… ему все в помощь… никакие таблетки… всего мира… это не решат… не поиск правильных медикаментов… а поиск интереса к жизни… самореализация… мое больное место… когда обыденность и рутина… разъедают… не видя цели… начинаешь постепенно… себя уничтожать… затуманивания не надо… когда путь ясен…

(«Суха теория, мой друг, а древо жизни пышно зеленит».)

…новый пациент… четыре дня в коме… пил… пил… остановился… на третий день явились они… глюки… убить хотят… он им:

«…вы?.. да я сам себя»… и за нож… скорая увезла… кома… хотели уже отключить…

– …и вы сделали вывод… почему?

– …да… я думаю… зачем я жив еще…

Пациент П. Д. (алкаш… кодировали… антабусом поили… «эспераль» зашивали – пустая трата денег):

– …нет… жизнь такая… что на нее… трезвыми глазами… смотреть невозможно…

…еще новый пациент… лет сорок пять…

– Как попал?

– Жена сказала: «Разбегаемся – я влюбилась… по интернету»… взял ящик алкоголя… заперся в ванной… стал вены пороть… вызвала скорую… откачали… через неделю опять… разговор… ящик… вены… опять успели… привезли сюда…

…алкоголь поднимает… наше сознание… на другую ступень… мы избавляемся от страха смерти…

…в курилке сидят… прожженные женщины… рядом… мнутся алкоголики… которые каждому… воробью честь отдают… проходит П. (алкаш-игрок):

– Когда опишу свою жизнь… это будет моя «Майн Кампф»… но назову… «Май Кайф»… как-то… в отделе кадров… сказали: «Это ваша трудовая книжка… вы хотите сказать?.. да это… путеводитель злачных мест: бармен… проводник пассажирского поезда… рубщик мяса… саксофонист в ресторане… приемщик стеклотары… перегонщик автомобилей»… Как в футболе… всю жизнь… хотел быть нападающим… а меня использовали… как мяч…

…в Киеве очередь… у посольства… на выезд… холодно… три часа ночи… кофе хочу… полцарства за коня… подходит женщина… пожилая:

– …вон видите… окна светятся?.. пойдите туда… там на столе кофе… пейте…

– …как я приду?.. как сказать?..

– …скажите… я сказала…

– …кто я?..

– …мама…

…захожу… лежит голый мужик… худой… весь в татуировках… плашмя на кровати… вскакивает девица… рыжая… с носом… глаза зеленые…

Мужик:

– Маня… водка в холодильнике… налей ему…

Маня:

– Все люди везут в Германию посуду… столовое серебро… а она везет… самое лучшее… что нашла в Одессе… посмотрите на него… это же Третьяковская галерея… Рембрандт… наверное, для того… чтоб немцев пугать…

…возвращаюсь в очередь…

– Я вижу… ваша жена таки да… а вы таки нет… да?..

– …таки нет…

– …но… может… что-то немножечко есть?..

– …нет… таки нет…

– …зачем же вы едете?.. за женой?

…появляется психотерапевт… П. к нему:

– …боже мой… солнышко наше… наконец вы опять с нами… вас не было – и процесс остановился…

– …ну… что вы… не надо так…

– …а как вас называть?.. – доктор?

– …ну… нет… просто гер Б-с…

– …нет-нет… не могу… вас при всех… хером называть… язык не поворачивается… вот будем один на один… тогда можно и назвать…

…(он же)…

– У меня была рабочая одежда… тройка… трусы… майка… и фуфайка… ботинки рабочие… на босу ногу… алюминиевой проволокой перевязаны… принимал стеклотару…

…П. (играет в карты… поворачивается):

– Володя… держись… береги себя…

– Это ты к чему?

– Чтобы у нас… хватило сил… выйти и покурить еще…

…наша группа «зависимых»… русская секция… все комнаты сходятся… в одну… общую… музыка здесь постоянно… русская… тюремная… воровская… бандитская… хулиганская… ее тонны… нутро выворачивает… крик души… песни «неразрешенные»… без заказа писаные… на эстраду не рассчитанные… жизнью оплаченные…

…рядом немцы… англичане… итальянцы…

– У них есть такая?.. откуда?.. ее же надо перестрадать… перемучаться… а у них тюремное отбывание… как в спортзале… они не осознают тюрьму… как часть своей активной жизни… для них жизнь там… на воле… а здесь ее нет… так зачем песни писать?.. никто не заказывал… никто не оплатит… кто оплатит крик души?..

* * *

…визит к доктору Б… симпатичный… пожилой немец… и все по справочникам… энциклопедиям… вырезки из газет показывает… где реклама препарата…

– …ваш группа… очень много… старый лошадь… вы не можете… бежать как… молодой лошадь… потому что вы… старый лошадь…

– …а я кентавр…

– …да… еще мы будем… засовывать… вам… мазь в глаз… закрыл глаз… и мазь идет туда…

…пациент М. (45 лет… алкаш… игрок… самоубийца)… биографию рассказывает:

– Я родился мертвым… бросили в таз… с холодной водой… ожил… но потом отец… хотел убить… только в четвертом классе догадались… что я глухой…

Психотерапевт:

– Вот вы вернетесь… еще играть будете… на деньги?…

– Буду… а как же… долги отдавать…

– Вот… в разделе хобби… написали «водолаз»… это как понимать?..

– А-а-а… я люблю в воду нырять… с трубкой… и маской… водолазить…

Психотерапевт интересуется… у М. спрашивает:

– Вы любите выпить?

– Нет…

– А в глубине души?

– Это где?.. в заду, что ли?.. вообще… нет… а нальешь – почему бы и нет… мой отец говорил: «если всю мою выпитую водку… перевести обратно… в пшеницу… то можно… кормить Кубу… два года…»

… отпустили домой… на три дня… приехал… решил к товарищу пойти… пришел… а там пьют…

…не пьют… а жизнь продолжается…

…постоял… выкурил сигарету… решил пойти к другому… подхожу… слышу: «жизнь продолжается»… махнул рукой… пошел домой… вот и весь отпуск…

…в Зоне как?.. по первой ходке… делаешь татуировку… часовенка с куполом… по второй ходке… купол прибавляется… по третьей еще… так некоторые обрастают… соборами… куполами… крестами… ходячий храм… колоколами звенит…

…за ужином обсуждали… какую наколку сделать… в память о клинике… Дауне… например… бутылка… вокруг нее… змея в короне… и полукругом – ДАУН… или бокал… с зельем… вокруг змий… штопором…

«Змей не дурак… но любит выпить»

…многие остановились на простом… выколоть на шее… одно слово: «Даун»… и все ясно будет…

…пациент Ю. (40 лет… алкаш… но больше наркоман):

– Служил в Праге… познакомился с девушкой… вернулся… девушка хорошая… переписывались… решил поселиться… в Прагу поехал… месяц жил с ней… потом она на экзамены ушла… я встал и уехал…

Терапевт:

– Как… почему?..

– …анаша кончилась… а что без нее делать?..

* * *

…утром… в мастерской эрготерапии… М. А. (игрок… вор… алкаш… самоубийца)… рисует… на холсте акрилом… зашифрованную лесбийскую любовь…

…внезапно… сзади психотерапевт возник…

– …вот-вот… какие красивые цвета… розовый… голубой… а то вы мне… в подарок… собаку нарисовали… рядом тело лежит… бутылка в руке… все в темных тонах…

…подходит… рассмотрел…

– …нет… вы это бросьте… это уже секс…

М. А.:

– Я хотел… рассказать вам сон… подхожу к окну… открываю… красивая природа… солнце… луга… вдруг… появляется девушка… очень красивая… и у меня… растет… растет… к ней… тут вижу… трамвай едет… из-за поворота… я испугался… закручиваю обратно… тут я проснулся… и икнул…

– …приходи в два часа… будем решать твой вопрос…

…конечно… все делают вид… что нас лечат… а мы делаем вид… что лечимся… впечатление такое… неотвязное… и нельзя нарушать правила… бессловесную договоренность…

«Никогда не принимайте жизнь слишком всерьез – все равно вам из нее живым не выбраться», – очень умный человек сказал… мне бы научиться… здесь?..

…передо мной… на столе… череп… глина обожженная… только из печи… сверху несколько слоев глазури… наслоились… как этапы жизни… вид раскопочный… темный… со сломанными костями… без глаза… с одной глазной впадиной… куда курительную трубку вставляю… зажигалки в выемки… для носа… подставка такая… смешная и страшная… для курительной… для комнаты отдыха… или работы… только потом вспомнил… в монастыре… на Афоне… длинные полки… в ряд… до потолка… на них – черепа… темные… светлые… черепа монахов… на лбах надписи… «иеромонах Никодим… 1886 год»…

…смотрю… а у черепа моего… на лбу… подпись моя… размашистая… в три знака… как на холстах… моих… автопортрет, значит…

…ночное чтение… «Тибетская книга мертвых»…
«Умерший не знает о своей смерти»…
«Дерево будет лежать так, как оно упадет. Но не вечно»…

…среди алкоголиков и наркоманов… группы нашей… по рукам ходила книга… название которой… никто не в состоянии был запомнить… «Советы брачующимся, забракованным и страстно желающим забраковаться»…
…все хотели жить дальше… как-то устроиться…

* * *

…подходит П. (алкаш-игрок):
– …ты знаешь… наших сразу можно узнать… тельняшка… штаны «Адидас»… обязательно с полосами на боку… носки белые… ботинки загнутые… а в праздник – пиджак электрический… бархатные лацканы… стеклянный галстук… рубашка… как доменная печь…
И обычный текст: «нет… разочаровался я… в Германии… за семь лет… думал – жизнь… у нас лучше… сядешь за трактор… и перед тобой горизонт… справа бутыль… самогона… слева другая… сделал четыре полосы… тут и твоя… на мотоцикле… «Урал был… с коляской… полно жратвы… и термосок… а тут что?..»
…подходит А. (игрок-вор-самоубийца):
– Владимир… дай зажигалку… а что думают акулы… когда жрут писателя… тремя руками… и какой у него вкус?..
«Закури… и будь спокоен… когда знаешь… что достоин… задержи дыхание»…

* * *

…в пустой мастерской… рисую график… кривую жизни… своей… «курву»… как здесь говорят… сижу в Дауне – малюю курву… склеил пару листов… на шестьдесят пять лет… жизни… и смот-

рю… на себя со стороны… прыгает взгляд по кривым… и дугам… треугольникам и квадратам… красным-черным-синим… по секциям: семья… образование… употребление… здоровье… хобби… обозначил точку отсчета… начала алкогольной карьеры… написал «старт»… черным фломастером…

…объяснил… критические точки срыва… «РЮКФАЛЬ»… в трех случаях:

– главная точка… срыва… – неприятности… разрывы… смерть близких… крах цели… облом идеи… или просто… плохое настроение (все на основе отрицательных эмоций)…

…эмоции положительные – вторая критическая точка… праздники… банкеты… дни рождения… выставки… или просто возбужденное… приподнятое настроение…

…третья точка – жизнь рутинная… однообразная… серая… чтобы встряхнуть ее… и себя… готов на шаг непозволительный… на все… что угодно…

…правда… есть еще одна… четвертая… если сообщат… что болезнь неизлечима… смертельна… и осталось немного… тогда… возможно… устрою «красивый уход»…

…в остальных случаях… вероятность срыва… намного меньше…

…днем добавляю дуги… восхождений… и падений… в своей «курве»… надо показать… влияние ИЗВНЕ… космическая молния… и я иду в магазин… еще мелькнула – я еще… потом в клинику…

…скоро уезжать… и в последний раз… мне выдают холст… для работы… холст старый… кем-то записанный… две кошечки… на черном фоне… большой кистью… быстро… все прописал… две полуфигуры… большая и маленькая… между ними красное пятно… напряжение… как бы отец с сыном… прощается… с блудным сыном… сразу родилось название: «А на прощание…»

…сама по себе… родилась «Даунская прощальная»… исполняли вприсядку… и громким голосом:

Даун-Даун-приседаун…
Клиник-финик и рюкфаль…

Закажи себе молитву…
Душу выставь на алтарь…
…вступает хор алкоголиков:
Братья-сестры-политоксы…
Игроки и алкаши…
Где платить такую таксу…
Чтоб звенело у души?..
Даун-Даун-приседаун…
Клиник-финик и рюкфаль…
Все отдал – глоточек водки…
Лишь его я не отдам…
Хор:
А нажму я на педаль…
Вот и вся моя рюкфаль…
(…какое счастье… расставаться с Дауном… наверное… я вылечился…)

…сын Илья:
– А может быть срыв… рюкфаль… это недостаток энергии?.. срыв… когда нет сил жить дальше?..
…Илья за рулем… везет домой… из клиники… тают снега… небо чистое – голубой платок…
– Илья… как ты думаешь… что в моем характере… надо изменить… к лучшему?.. я хотел бы… как приеду… каждому задать этот вопрос…
– А ты сам… как считаешь?..
– …ну-ну… неуважение к себе…
– …тебе нужна… обратная сторона медали… неуважения к себе…

…позже дома… на кухне:
– Дашенька… я хочу тебя спросить… что я должен… изменить в себе… к лучшему?.. ответь… я хочу все обдумать… и работать над этим…
– …да… папа… надо быть сильным… чтоб задавать такие вопросы… хорошо… я обдумаю… и скажу тебе…

Кельн

Анатолий Контуш

Голоса

Оказывается, мир может быть длинным и узким, с матерчатыми стенами по бокам.

В таком мире небо сделано из некрашеного дерева и нависает прямо над головой. Поэтому тут довольно тесно – не так, как в кровати под одеялом, но все-таки, и мы с трудом помещаемся на гладком полу. Наташка обычно пролезает вперед, как положено хозяйке, а мы с Валеркой на четвереньках ползем за ней, стараясь не зацепиться за чью-то ногу.

Кроме нас в этом мире живут одни только голоса.

– Ну, теперь за именинницу! Изабелла Ивановна, дорогая вы наша, будьте здоровы!..

Это дядя Валя. Он работает токарем на судоремонтном заводе и может сделать все из ничего, как говорит папа. Я несколько раз пытался себе представить, как это происходит, и понял, что дядя Валя – волшебник.

– У нас в Середине Буде маслят не очень много, зато подберезовиков и подосиновиков – сколько унесешь! Вот будет лето, может, я опять соберусь.

Это дедушка. Рассказывает про свою родину – село Середина Буда в глухих брянских лесах.

– Да, так после войны я в первый раз поехал туда в пятьдесят втором. Взял неделю отпуска, остановился у Вани, и вот на третий день будит меня ночью сосед – Арсений, помоги, жене плохо! Я бегом туда, а его жена и правда еле жива: глаза закрыты, лицо красное, руки дрожат, как при гипертоническом кризе. Я его спрашиваю, какие у нее болезни, – он говорит, никаких, одно только давление, но это разве болезнь. Значит, и в самом деле криз,

а у меня ни препаратов, ни инструментов, и двадцать километров до ближайшего врача. Лекарства какие-то у тебя есть, спрашиваю, – есть, как не быть, говорит, и приносит коробочку. Я открываю, а там довоенная зеленка, шприц и бутылочка с прозрачной жидкостью. Ладно, говорю, иди на кухню, положи шприц в кастрюлю, залей водой и прокипяти. Он уходит, я открываю бутылочку, нюхаю – водка! Проходит пять минут, он приходит со шприцем, а жене его уже совсем плохо, лежит без сознания. Что тут делать… беру я шприц, набираю два кубика водки, нахожу локтевую вену и медленно ввожу всю дозу. Хозяин как это увидел, весь побледнел, бутылочку со стола схватил и остаток, грамм сто, залпом выпил. Прошло минут десять, я шприц прокипятил, вернулся в комнату, смотрю – а хозяйка сидит на кровати, лицо у нее уже не красное, а скорее бледное и даже веселое какое-то, и говорит хозяину – ты эттто зачччем меня напоиииииииил. А хозяин, тоже очень повеселевший, отвечает – это не я, это доктор, он тебе такой укол сделал, но ты не волнуйся, он тебе сейчас тем же путем закуску дошлет…

Грохот над головой.

– Холодец!..

– Ооооооооооо!..

Стук тарелок, звон вилок – и тишина. Несколько секунд ничего не слышно, кроме сопения, пережевывания и глотания.

– А «Пищевик» таки выиграл у ОДО, кто бы мог подумать! Боюсь, что теперь они уже точно в следующем году пойдут назад в класс «Б»…

Это дядя Игорь, Валеркин папа. Он болеет за футбол и иногда ходит на стадион в парк Шевченко.

– Да, так когда я служил в Чите, там было такое грандиозное дело о сейсмоустойчивости, о нем даже по радио говорили – может, слыхали…

Это дядя Вася. Он майор стройбата и ходит на работу в армию. Взрослые почти всегда говорят о непонятном.

Мы ложимся на спины и слушаем.

Рыжие половицы под нами составляют прочную основу нашего мироздания.

– Тогда в Забайкалье почти везде уровень сейсмоустойчивости был «семь», и строить надо было соответственно. Так где-то в ми-

нистерстве кто-то незаметно переделал «семь» на «девять», что повышает расход стройматериалов на семьдесят процентов. Материалы стали выделять под «девять», а строить продолжили под «семь», – все гениальное просто! Пока сообразили, что к чему, прошло года два, не меньше, и когда из Москвы наконец прислали комиссию с проверкой, перерасход составил триста миллионов! Естественно, в старых рублях, но все равно – цифра. Бросились искать, как и где, а никаких концов: те уволились, эти умерли, а основной подозреваемый во время командировки в Чехословакию спрятался в американском посольстве. Все это происходило уже при Хрущеве, поэтому всего только и посадили двух штабистов за преступную халатность, и тем дело кончилось. Но самое интересное не это. Через месяц после того как уехала комиссия, произошло такое землетрясение, что уровень сейсмоустойчивости на самом деле пришлось поменять с «семь» на «девять». После чего штабисты подали в Верховный суд апелляцию, и их оправдали!..

Снова грохот, еще сильнее прежнего.

– Татар-бюрак!..

– Уууууууууу!..

Стук тарелок, звон вилок – и опять тишина. Несколько секунд ничего не слышно, кроме сопения, пережевывания и глотания.

– А вы знаете, что если проползти под всем столом в другую комнату, то оттуда есть ход в подвал, а потом – в катакомбы? – спрашивает Валерка.

Мы проползаем немного вперед и останавливаемся, упершись в гладкую матерчатую стену.

– Я дальше не полезу, – говорит Наташка. – А вдруг там и правда подвал?

Жар от печки, которая стоит в этом конце комнаты, чувствуется даже сквозь плотную ткань, и мы устраиваемся рядом, сворачиваемся калачиком и закрываем глаза.

Голоса тут же окружают нас со всех сторон.

– Белла, что ты стесняешься? Положи детям красную икру, а то они скоро забудут, как она выглядит…

Это дядя Маноля, Наташкин дедушка. Он работает кондитером в «Лондонском» – лучшем одесском ресторане. Может быть, поэтому дядя Маноля большой, высокий и широкий.

– А мне что, жалко? Пусть кушают. Я всегда думала, что икра – это хорошо для сердца, но теперь вижу, что и для памяти…

Это тетя Белла. Дядя Маноля – ее муж, а Наташка и Валерка – внуки, но бабушкой ее пока еще никто не называет.

– Вот вы смеетесь, а когда в сорок втором румыны делали облавы на мужчин, нам было не так смешно. Маноля только пришел на работу, а тут как раз началась облава на бульваре. Так он спрятался в кладовке и послал официантку домой сказать, где он. Я как за это узнала, взяла свое самое большое платье, шляпу, босоножки и лифчик, быстро побежала в «Лондонский» и таки нашла Манолю в кладовке. Правда, не в обычной, а в рыбной, и он, хоть и сильно волновался, но все равно сидел и кушал бутерброд с лососем. Значит, он увидел меня, докушал бутерброд, переоделся, подождал, пока стемнеет, потихоньку вышел с ресторана, спокойно перешел через Сабанеев мост и почти уже пришел домой, так на Торговой угол Херсонской к нему прицепился какой-то пьяный румын! Ему так понравились Манолины формы, что он шел за ним два квартала, повторял «Фрумусете, фрумусете» – по-румынски «красавица» – и совал деньги. Бедный Маноля еле убежал от него через проходной двор на Нежинской, но когда наконец добрался домой и переоделся, из его – то есть моего – лифчика выпали сто лей!.. Неплохие для того времени деньги, на которые можно было купить кило сахара…

– А я предлагаю выпить за папу с мамой, царство им небесное…

Это бабушка. Ее папа и мама, дедушка Ваня и бабушка Маруся, умерли, когда мы были маленькими, и я их почти не помню.

– Да, Людя, за папу с мамой.

Это тетя Эмма. Дедушка Ваня и бабушка Маруся были папой и мамой не только бабушки, но и тети Эммы с тетей Беллой – они все сестры.

Снова грохот, такой сильный, что мы бросаемся на пол и закрываем глаза.

– Петя, Петя, господи, что с тобой?! Что ты так разволновался?! Игорь, Вася, поднимите его из салата!

– Аааааааааа!..

Грохот стульев, шум ног, сопение, шуршание и топтание.

– Смотрите, там что-то написано! – вдруг говорит Наташка.

Мы смотрим: правда, прямо над нашими головами на досках видны какие-то буквы.

Из нас троих читать умею пока только я.

– Г… р… гр… о… гро… – складываю я буквы.

– Что? Ну, что там? – торопит меня Валерка.

– Гро… м… Гром! – наконец выдыхаю я.

– Гром? – удивляется Наташка. – А дальше?

– Т… у… ту… – продолжаю я. – Ч… а… ча… Туча! Гром! Туча!

– Ай! – кричит Наташка. – Мама! Мама!

И хватается за ближайшую к ней ногу.

– Это что тут такое? – появляется под столом голова дяди Вали.

– Тут… вот… написано! – выкрикивает Наташка.

– И что же тут написано? – спрашивает голова.

– Гром! Туча! Туча! Гром!– кричим мы наперебой.

– Сейчас посмотрим, – говорит голова, и появившаяся рядом с нами рука щелкает зажигалкой. – Так… Гром, значит… Гром.. ко… Ту… Сту… чать… Громко стучать, вот что здесь написано! Это дедушка Ваня, когда входную дверь менял, из старой двери стол сделал, за пару лет перед войной. Я это помню, я тогда в детский сад ходил, вот как вы сейчас…

И голова исчезает, подмигнув на прощание.

– А ты – гром! – говорит мне Валерка. – Читать научись!

И мы снова устраиваемся рядом с печкой.

– Вы представляете, у нас вчера опять выключили свет! Хорошо, что у мамы есть керосиновая лампа еще с войны.

Это тетя Эльза, мама Наташки. Тетя Эльза – бухгалтер, и считает в уме быстрее, чем моя мама, которая преподает высшую математику.

– А у нас в общежитии на Островидова свет после войны выключали вообще каждый день!

Это папа. Он приехал в Одессу учиться в университете и сначала жил в общежитии.

– Что интересно, ни в одной комнате не было розеток, чтоб не включали кипятильники, – боялись пожара. Так мы брали на факультете провода и подключали кипятильник к лампочке под потолком. Удлинителей тогда не было, так что приходилось ставить

табуретку на табуретку, а на самый верх, прямо под лампочкой, – кастрюльку с водой. В которую мы часто клали картошку или там яйца, чтобы сварить в кипятке. И вот один раз только мы положили в кастрюльку яйца, собрали всю эту пирамиду и поставили кастрюльку наверх, как выключили свет. А в комнате нас тогда жило много, человек шесть. Мы очень осторожно, чтобы все это не свернуть, расселись по сторонам и стали ждать. Прошло минут десять, свет, наконец, включили – пирамида стоит. Мы полезли наверх, сняли кастрюльку – и что бы вы думали? Яиц в ней не было!..

Наконец родителям удается вытащить нас из-под стола кушать сладкое. Мы с аппетитом едим шоколадный торт, запивая его сладким горячим чаем. Бабушки разливают чай по блюдечкам и терпеливо дуют на него, разговаривая о чем-то своем, но мы уже не слушаем, о чем.

Мы устали. Нам хочется спать.

Все начинают собираться.

Мы выходим в коридор, где ворохом сложены пальто, шубы и шапки.

Мамы обувают нас, одевают и ведут домой.

Февраль. Мы идем в темноте по пустынным заледеневшим улицам.

На небе, сколько мы ни вглядываемся, нет ни слова о том, что нужно громко стучать.

Мы останавливаемся на углу Франца Меринга, прощаемся – Валерке с папой и мамой теперь вниз, а нам направо, – и через пятнадцать минут я уже лежу в своей постели.

Дома тепло, в печке светятся раскаленные угольки; мама садится рядом, чтобы рассказать сказку. Я закрываю глаза, но не могу уснуть: папа, дядя Вася и дедушка без перерыва говорят про Островидова, Читу и Середину Буду прямо у меня в голове. Тогда я открываю глаза и спрашиваю:

– Мама, а почему так – все давно ушли, а голоса остались до сих пор?

Флорианополис – Кампинас – Париж

Ольга Ильницкая

Мария

«Господи, Господи, пронеси эту чашу мимо меня, если только можно»; эти слова, «если только можно», – предел нашей веры, предел нашей готовности принять волю Божию, даже если она такая страшная, такая страшная»…

Антоний, митрополит Сурожский

1

– Мужу отказала. Тогда время зависло и стало так невыносимо…

– Как?

– Так: тик-так, когда уже никак.

А когда зависает время, слышно:
стонет, шелестит, набухает.
Под глазами собираются тени.
Открывается синяя бездна.
И душа кричит, обмирая:
задержи, спаси меня!
Помилуй.

…Он сказал – раздвинь, раздвинь колени мне навстречу…
Я ему поверила. Время теперь стало моим деверем.

Вот скажи, мужнин брат, доколе
новому дитяти быть в неволе?
Я опять колени разведу.
На беду…

Время говорит:
– Еще не время, потерпи, беду я отведу.
И сомкну коленями колени.

– Муж теперь у времени в долгу!
Дочку для него я берегу.
Имя для нее назначено:
Мария.

2

Город заключает время в зазубренное кольцо.
Время заключает город в гладкое кольцо.
Вдоль кольцевой дороги с повязкой на глазах
скользит мгновение.
Окольцованная женщина
птицей из Красной книги
ждет дитя не дождется.
В небо глядя, как в зеркало,
глокие куздры стрекочут ей
песню надежды.
Но пряди майского ливня
обещают грозу.

Время проливается,
закипая в лужах, –
возвращается временно в небо.
Швейная машинка дождя
строчку за строчкой
строчит сорочку
той, что родится в грозу.

В мае пришедшей –
маяться вечно.

Брось кольцо в небо,
словно времени не было.

Вечность приказала жить.
Вечно с вечностью неприятности.
Вот и опять.
Но лучше об этом молчать.

3

…Родилась Мария не вовремя…

…Словно радость над сыновьим гробом…

…Это вечность, прикоснувшись, соскользнула…

…О преодолении еще не знали…

…Задыхается Мария над Сыном…

…Нескончаемым страданием дышит…

…Смертию Смерть Поправ…

4

– Я не знаю, куда он попал…
– Он везде: в каждом слове и доме… В каждом сердце…
– Он… В сердце моем!
– Нет, Мария, Он – в каждом сердце!
– Я есмь Дом! Он – в сердце моем!
– О, Мария, ты разве не слышишь? Вот Он дышит – в тебе, и во мне, и вокруг.
Каждый слышит!

Мария молча:
«Роди меня, мама, обратно. Возврати сына, Господи, мне. Всем раздал по вере…
Телом, и Кровью – …Причащая.
Сыном!

…И я как все… Не пощадил… Мария,
я Мария бедная…
Сына не пощадил, когда он молил:
«Пронеси эту страшную чашу мимо меня!»

P. S.

В Иерусалиме в храм Марии нужно не подниматься, а спускаться высокими ступенями в глубину, где таят глубину. Храм, где покоится Матерь Божия, – под городом. В саркофаг ее, белый-белый, на коленях только и можно попасть. В нем свет золотой. А вокруг – темно, но очень много маленьких светильников. Они висят на цепях, мягко светят зеленым, желтым, синим и красным дрожанием…

Когда мы с сыном, уходя, высокой лестницей поднимались, подошел монах.

Молча перекрестил сына.

Алексей восходил из полумрака в свет – не оглянувшись – «Мальчик. Ломкий тростник»…

А я все оглядывалась, поднимаясь стертыми ступенями, на жест поднятой руки монаха.

…До сих пор благословивший сына смотрит вслед.

Москва – Одесса

Наиль Муратов

Четвертый закон робототехники

Робот не может причинить вред человеку
или своим бездействием допустить, чтобы человеку был причинен вред.
Айзек Азимов. Первый закон робототехники

Я – поэт, а это означает, что мне на все плевать. В моей квартире продавленный диван соседствует с поломанным креслом, обивка на котором поизносилась и требует ремонта, а подломившаяся ножка перекосила всю конструкцию в сторону журнального столика. Садиться в такое кресло рискованно, но это пустяки, куда хуже, что в ванной текут оба крана, а хитрое устройство для слива воды в унитазе приказало долго жить еще четыре года назад. Мне нравится комфорт, и будь у меня деньги, я, наверное, пригласил бы каких-нибудь толковых мастеров, чтобы они привели жилище в порядок. К несчастью, поэты – самая бедная часть общества, исключая разве что бомжей и… пытаясь завершить предложение, я так и не смог найти категорию граждан, скрывающуюся под многоточием. Возможно, ее вообще не существует, и исключения сводятся к одним только бомжам.

Но у поэтов есть то, что примиряет с житейскими неурядицами. Кто-то скажет, что это обостренная интуиция, особый нюх на правильное слово и на его место в строке, и этот человек будет прав, но только наполовину, потому что на самом деле главное качество поэта – его лень. Именно лень заставляет нас переводить бумагу на бесполезные рифмованные строчки, хотя каждый литератор знает, что настоящий доход приносит только проза. Читатель любит прозу и с раздражением отбрасывает томик Пастернака или Бродского, не откликаясь на талант при-

знанных гениев. Поэтов читают только другие поэты да жалкая часть романтически настроенной интеллигенции. Встречаясь с ними на тусовках, в большинстве своем вызывающих скуку, я осознаю, что эта публика мне не нравится. Особенно поэты с их постоянной ревностью, с вечным страхом, что кто-то пишет лучше. Меня раздражает их высокомерность, снисходительный вид, с которым они слушают чужие стихи, вставляя время от времени едкие замечания, в большинстве своем несправедливые. Интересно, что степень критического отношения поэта к чужому творчеству зависит от уровня его собственного таланта. Из авторов, знакомых мне лично, наиболее талантливый – Дима Веденяпин. Мне нравится его поэзия, но еще больше – та светлая аура, что присуща людям, находящимся в полной гармонии с окружающим миром. Но таких, как он, – единицы, а в подавляющем большинстве своем поэты – люди самовлюбленные, зацикленные исключительно на собственном творчестве. От них невозможно дождаться ни понимания, ни одобрения, и единственными искренними почитателями таланта остаются только те, ради кого мы, собственно, и творим. Их немного, но они придают легкость воображению и твердость руке. Речь, как вы понимаете, идет о поклонницах. Они всплывают время от времени из топкой трясины нашей жизни, превращая ее в нечто качественно иное, в то, что придает однообразному существованию хоть какой-то смысл. Поклонницы обычно наивны и потому обворожительны. Тайна их наркотического воздействия на поэта останется неразгаданной, хотя разобраться в причинах этого забавного явления пытались такие признанные мастера, как Ивлин Во с его «Незабвенной» или Майкл Каннингем. Возраст поклонниц не ограничен какими-то рамками, у этих девушек вообще мало общего, объединяет их только энтузиазм. Я встречаюсь с ними в дешевых кофейнях, прогуливаюсь в парках или в зеленой приморской зоне, рассуждая о творчестве Мандельштама или Гумилева, но в конечном счете разговор почти всегда перескакивает на какую-нибудь Веру Полозкову или Аню Ривелотэ. Никуда не денешься, именно интернет-поэтессы делают теперь погоду, а нам – пишущим для журналов и альманахов – остается только завидовать их популярности.

Время от времени поклонницы напрашиваются в гости, особенно если сами сочиняют стихи. Я в хороших отношениях с редакторами двух альманахов, и это всем известно. До поздней ночи я исправляю творения очередной соискательницы, восхищаясь ее абсолютной бесталанностью, а потом еще полночи уходит на задушевную беседу за чашечкой кофе. Не знаю почему, но беседа с очередным эфирным созданием так меня заводит, что я выдыхаюсь только к утру, когда у поклонницы начинают слипаться глаза, и она пытается уснуть прямо за кухонным столом. Отношу ее на диван, а сам устраиваюсь на кровати и отчаливаю в небытие видеть прекрасные сны.

Утром все уже не так, утро – время отрезвления, и жалкий вид моего жилища бросается в глаза даже при сумрачном освещении. Поклонницы, чувствующие себя вдвойне обманутыми, ретируются, отклоняя галантное предложение выпить кофе или хотя бы чаю. Именно в это время, когда остаешься один в опустевшей вдруг квартире, пишутся лучшие стихи. Я – волк, отбившийся от стаи, асоциальный элемент, и это движущая сила моего творческого процесса.

Только одна из женщин задержалась в моей жизни понастоящему, но она никогда не была любительницей поэзии. Она не появляется у меня дома, мы встречаемся у ее подруги. Изредка, когда муж уезжает в очередную командировку, мне удается проникнуть в огромную квартиру на десятом этаже фешенебельного дома, и мы сутки или двое, запасшись едой и вином, проводим друг с другом, почти не вылезая из постели. Иногда мне кажется, что мы и живем-то только этими невероятно короткими мгновениями, подгоняя под них свое обособленное существование. Наташа никогда не разведется с мужем и не переедет в мой дом, не променяет кипучую свою жизнь на брак, не сулящий ничего, кроме разочарования, брак, время которого будет измеряться в лучшем случае месяцами.

– Я не выйду за тебя, потому что не хочу тебя потерять! – ее слова – образец казуистического мышления, но их неприкрашенная логика не в состоянии достучаться до моего сердца.

– Гениально! Чернь рукоплещет, – раздражение в моем голосе заставляет ее проникновенно пояснить:

– Пойми, нельзя потерять то, что тебе не принадлежит.

– Глупости! Подмена понятий! Ты же хорошо знаешь, что я и так весь твой, от рогов и до кончика хвоста.

– К счастью, – поправляет она, прижимаясь щекой к моей щеке, и обе они становятся мокрыми. Это – беспроигрышный ход, и мне остается только признать поражение, потому что я не выношу, когда она плачет, даже если ее слезы вызваны избытком любви.

– Ладно, к счастью, только не рыдай! – соглашаюсь я, но не могу удержаться от колкости: – Крокодил тоже плачет, перед тем как откусить кусочек от жертвы. Хорошо быть крокодилом.

– Лучше всего быть человеком, – она серьезна.

– Интересная мысль! Объясни, почему, а то я сам не знаю.

– Потому что у человека есть душа. И когда он делает что-то не так, его душа болит.

Она умолкает, боясь коснуться запретной темы – наших отношений. Наташа – образец успешной женщины, она – второе лицо в небольшой, но процветающей фирме, ее муж – достойный человек, никак не ограничивающий свободу жены. В общем, идеальная пара, по мнению окружающих. Пять лет счастливого брака, а затем два года раздвоения личности – встречи украдкой, втиснутые в плотный график производственных мероприятий, томительное ожидание очередной командировки мужа и, наконец, честно заработанный отгул, взятый на фирме и в семейной жизни, отгул, позволяющий страсти, рвущей наши сердца, выплеснуться, подобно солнечному протуберанцу, наружу, но этот миг скоротечен, и ему на смену снова приходит работа, домашние обязанности и множество других нужных и бесполезных дел, из которых и складывается бытие современной женщины. Я знаю, как она страдает от этого раздвоения, ставшего стилем ее жизни, она, привыкшая все делать правильно и всегда добиваться успеха. И еще я знаю, что виноват в этом я. Нас познакомила подруга Наташи, работающая на одном из городских телеканалов, на вечеринке по поводу начала нового проекта, причем в ее однокомнатную квартиру набилось человек пятнадцать, каждый из которых говорил о своем, не слушая других. Меня пригласили потому, что я написал для них когда-то пару удачных слоганов. Пива было хоть залейся, а из закуски – только соленые фисташки. В общем, я нормально прово-

дил время, беседуя с самим собой, пока не появилась Наташа. Не знаю, каким ветром ее занесло, но атмосфера в комнате изменилась, и Наташа постепенно оказалась в центре внимания. Из хаоса возник порядок, причем она, казалось, ничего для этого не делала. Через какое-то время я понял, что не могу оторвать от нее глаз. У меня хватило ума найти достаточно благовидный предлог, чтобы напроситься проводить ее. Идти, правда, пришлось всего два квартала, но как-то так получилось, что у подъезда ее дома мы простояли час. Когда мы расставались, она отказалась дать мне номер своего телефона. Я вернулся к ее подруге и честно признался, что не представляю, как буду жить дальше.

– Тебе ничего не светит! – объяснила она. – Мы с Наташей дружим с первого класса. Она – отличница по призванию, у нее всегда все правильно. Ей не нужна интрижка на стороне, Наташе такое просто в голову не придет.

Не знаю, почему она сменила гнев на милость, может быть, ей просто стало меня жалко, или любопытство заело, но на следующей неделе она организовала-таки у себя дома «случайную» встречу, где мы с Наташей проговорили друг с другом около двух часов, правда, потом так и не смогли вспомнить, о чем. На этот раз мне удалось добыть ее телефон, и наши свидания по пятницам стали регулярными – раз в неделю или в две, в зависимости от обстоятельств, потому что тратить на меня времени больше она не могла или не хотела. Мы проводили около часа за чашкой кофе на диванчике в неприметном кафе, где на нас никто не обращал внимания. Однажды я не выдержал и попытался поцеловать ее, но она, отстранившись, отодвинулась на край дивана, сохраняя дистанцию и оставаясь задумчивой до того момента, пока время нашего свидания не истекло.

– Наверное, нам не стоит больше видеться, – она произнесла это спокойно, без эмоций, и внутри меня что-то оборвалось. – Не звони мне больше.

Она направилась к офису, находившемуся всего в четырех кварталах, а я побрел следом, не зная, что делать, мне казалось, что время стало тягучим, как патока, и в его вязкой массе звуки клаксонов переходят в басовый регистр. Оглянувшись и заметив меня, Наташа остановилась.

– Почему ты меня преследуешь?

Мне не пришло в голову никакого объяснения, да и что тут объяснять, я просто не мог допустить, чтобы Наташа исчезла, затерявшись навсегда в своем офисе или в роскошной квартире на десятом этаже, или в десятке других мест, скрытых в неправильной сетке центральных одесских улиц, в общем, в любой точке мира, в котором я никогда бы не смог ее разыскать, потому что у меня нет кода доступа на его закрытую территорию. Я – существо окраин, лежащих за пределами области обитания Homo Sapiens, человека разумного.

Мы простояли молча несколько минут. Почувствовав мое состояние, Наташа примирительно произнесла:

– Пожалуй, я погорячилась. Ты ни в чем не виноват, а я… слишком близко приняла все к сердцу. Останемся друзьями.

– Конечно, – согласился я. – Чего ж не остаться?

Мы договорились встретиться, как обычно, через неделю, но вечером следующего дня мне позвонила ее подруга и поинтересовалась, не хочу ли я увидеть Наташу. Примчавшись по знакомому адресу, я понял, что попал на девичник, – обе девушки накачивались коньяком, причем на мужской манер, закусывая только дольками лимона. При моем появлении хозяйка дома немедленно умчалась на работу, пообещав вернуться через двадцать минут. Разумеется, она не вернулась, а позвонила и сообщила, что задержится не меньше чем на пару часов.

– Вы сговорились? – поинтересовалась Наташа. Ее безучастный тон не предвещал ничего хорошего, и я лишь пожал плечами, но ей не требовался ответ, потому что и так все было понятно, она отошла к окну и застыла, вглядываясь в темноту. Разлив остатки коньяка по бокалам, я подошел к ней, но она отпрянула, увидев мое отражение в оконном стекле, и мне пришлось поставить бокалы на подоконник, потому что пить в одиночку – последнее дело.

– Торжествуешь? – едко спросила Наташа.

– С чего бы это? – удивился я. Повода для торжества не было никакого, наоборот, оттого, что она чуралась меня, сердце мое леденело. Я сделал шаг, и она вновь отступила назад. Выглядело это, наверное, довольно гнусно, будто мне нравилось издеваться над ней, и я, отойдя в сторону, предложил:

– Давай провожу тебя домой!

Она кивнула, соглашаясь, и мы направились к двери, которую, к счастью, удалось захлопнуть без ключа. Те несколько минут, что мы добирались до ее дома, прошли в молчании, но у входа в подъезд я не выдержал:

– Почему ты меня избегаешь?

– Ты сам виноват! – убежденно ответила она.

– В чем?! В том, что не могу без тебя жить?

Отвернувшись, она порылась в сумочке и достала магнитный ключ от входной двери. Войдя в подъезд, направилась к лифту, а я последовал за ней, удивляясь собственной настойчивости. В лифте мы не разговаривали, а когда Наташа вошла в свою квартиру, стало понятно, что я ее потерял. Но она вновь приотворила двери и выглянула на лестничную клетку.

– Ты разве не зайдешь?

– Не думаю, что это понравится твоему мужу.

– Он в командировке.

Половину стены в огромной прихожей занимало зеркало, и когда мое отражение увеличилось и приблизилось, почти совместившись с отражением Наташи, она сделала шаг в сторону и предложила:

– Я сейчас сварю кофе, и мы спокойно обо всем поговорим… Ты действительно не можешь без меня жить?

– Могу.

– Я так и думала.

Мы прошли в гостиную, к которой примыкало выложенное плиткой открытое пространство со встроенной кухней и старомодным деревянным столом, выглядевшим болезненно-желтым уродцем в окружении сверкающего пластика и хрома. В сущности, он был здесь таким же чужеродным элементом, как и я. Наташа, включив сложное электронное устройство для приготовления кофе, достала из шкафчика две миниатюрные чашечки с блюдцами, а затем, держа их в руках, приблизилась ко мне и требовательно спросила:

– Ты сказал правду, что можешь без меня жить?

– Нет.

Мы выпили кофе в тягостном молчании, и я направился к двери: было ясно, что время моего пребывания на запретной территории истекло. Мы сухо попрощались.

В ожидании лифта есть своя фатальная чувственность, позволяющая осознать, что от тебя в этом мире ничего не зависит и, следовательно, он тебе ничего не должен. Но если лифт приходит слишком скоро, ты заходишь в кабину, так и не просветлев. Добравшись до первого этажа, я вновь надавил на кнопку с цифрой 10. Вышел на лестничную клетку. Остановился возле знакомой квартиры. Возможно, я простоял бы так всю ночь, но в дверном проеме образовался вдруг узкий просвет, являвшийся, в сущности, входным билетом. Оставалось только войти.

Наташа, ожидавшая за дверью, защелкнула замок и направилась в гостиную. На середине пути развернулась и, обвив мою шею руками, прошептала:

– Я надеялась, что ты вернешься.

Мне оставалось только гладить ее волосы, потому что я не знал, что сказать.

Так вот это все началось, и продолжается по сей день. Мы встречаемся в разных местах, иногда выезжая за город, но чаще всего пьем чай или кофе в каком-нибудь подвальчике, где на нас точно никто не обратит внимания. Много разговариваем, и мне это нравится, потому что в такие моменты у Наташи счастливые глаза. Во время нашей близости они становятся совсем другими, пугающе темными и бездонными, и я понимаю, что в глубине этой черной бездны и скрывается ее неутоленная страсть.

Наташа по-прежнему не интересуется поэзией, но мои стихи читает охотно. Ей нравится, что я могу написать законченное стихотворение за несколько минут. Она называет меня автоматом по производству стихов.

– Почему ты ни к чему не стремишься?

Ее вопрос ставит меня в тупик. Раньше мне казалось, что я хочу достичь чего-то в своем ремесле, и я по десять раз переделывал одни и те же стихотворения, проталкивая их в разные издания в тщетной надежде добиться известности, и только недавно осознал, наконец, полную бесполезность своих усилий. Чем является моя жизнь? Я не создал ничего полезного, даже семьей не обза-

велся, а теперь, наверное, уже и не обзаведусь, потому что не могу представить рядом с собой никого, кроме одной-единственной женщины, которая никогда не будет мне принадлежать. Все, что остается, – ждать новых встреч и писать стихи, ведь больше я ни на что годен. Странно, но живя такой жизнью, я чувствую себя вполне счастливым. Мне действительно не к чему стремиться, потому что я не хочу ничего сверх того, что имею. В отличие от деятельной и целеустремленной Наташи, я – созерцатель, а не созидатель. Наверное, у нее есть все основания называть меня роботом-поэтом, поскольку я запрограммирован только на две вещи: писать посредственные стихи и стремиться к женщине, без которой не представляю своего существования. Можно, разумеется, задаться вопросом: способен ли робот любить? Почему бы и нет, все зависит, в конечном счете, лишь от сложности его конструкции. Но робота нельзя запрограммировать на успех, на достижение материальных благ, потому что тогда он обязательно вступит в конфликт с Первым законом робототехники, нарушить который электронно-механическое устройство не имеет права. Впрочем, у меня это отчасти получается.

К трем Законам робототехники, устанавливающим, что робот не может причинить человеку вред, но должен выполнять приказания людей и заботиться о собственной безопасности, я придумал дополнение. Я назвал его – Четвертый закон. Он гласит: робот, если любое его действие приводит к нанесению человеку вреда, должен терпеть и продолжать функционировать до тех пор, пока не сломается. Я пока не сломался. Я лежу в своей постели в полном одиночестве, думая о том, что завтра вновь увижу Наташу. Мы встретимся в кафе, затаившемся в укромном переулке в четырех кварталах от офиса. Сюда никогда не заходят люди ее круга, только студенты да такие никому не нужные типы, как я. Возможно, и она сейчас не спит и думает о том же. Полчаса назад я написал новое стихотворение.

А завтра вновь мы встретимся в кафе,
я буду долго пить остывший кофе,
а ночью вспоминать твой нежный профиль,
валяясь на продавленной софе.

Мне ничего не надо от судьбы,
лишь губы целовать твои и руки
в час краткий от разлуки до разлуки
и грезить наяву: «а если бы».

Но это «бы» не сбудется вовек,
тебя закружит вереница буден,
и будет лето бить в свой яркий бубен,
и будет падать прошлогодний снег.

И будет муж, надежный, как скала,
дом-крепость и престижная работа,
но вдруг во тьме души займется что-то,
и в сердце запоют колокола.

И как всегда мы встретимся в кафе.

Ада Самарка

Репка

Сережку Стельмаха знал весь Киев. Еще когда бегал трамвай по крутой тенистой Никольско-Ботанической, его все знали, когда функционировало три овощных магазина в районе Крещатика, – его все знали, знали на Куреневке у «Пингвина» и в сквере неподалеку, в церкви возле дурдома и в самом дур доме, в парке Шевченко тоже все знали, в художественных мастерских на Андреевском спуске и на улице Перспективной, в подземном переходе под площадью Октябрьской революции знали и махали, приглашая присесть в прокуренном сумраке прямо на асфальт, словом, знали везде – и все звали его Деда. На момент описываемых событий по возрасту он вполне мог быть уже дедом (да и был им, скорее всего, и не один раз, – вести о рожденных при смутных обстоятельствах ни разу не виданных, а ныне выросших и ставших красавицами дочках, периодически долетали из разных уголков мира: последняя, рыжеволосая бестия, точная его копия в женском обличии, сообщала, что работает стюардессой), хотя называли его Дедой еще со школьной скамьи, старожилы и ветераны куреневской десятой школы помнят, конечно же, Деду до сих пор. Женат он никогда не был, в женских кругах слыл чудаковатым романтиком, ненадежным, ветреным, с неустойчивым характером и склонностью к депрессиям и маниям. В период маний Деда завязывал знакомства с антикварами, певцами и политиками, ходил в рестораны, запирался в туалетах на открытиях выставок с чужими женами, был бит и бил сам, устраивал пикники на крышах с несовершеннолетними дочерями дипломатов и министров, лазил через окна и ограды, ломал руки и ноги.

Близкие друзья имеют в арсенале ряд историй про вызволения Деды из милиции и про мучительные недели рэкетирской осады в чужих квартирах, когда еду ему спускали с крыши на веревке. Также были истории про советские вытрезвители и подосланных друзей-кагебешников, ночные объяснения в министерских подвалах и странные микропленки, которые он передавал неизвестно с чем и кому. Сколько именно ему лет, тоже никто не знал, но по упоминаниям о подкисшей бетонно-монументальной романтике советских 1960-х, можно было сделать выводы, что Деда уже отнюдь не молод, хотя выглядел он молодцевато-подтянуто благодаря балконному загару с апреля по сентябрь – аж лоснился от мужественной гладкой смуглости, затылок был выбрит, в ухе – серьга, спина как следствие периодических занятий восточными практиками и хорошей наследственной конституции – ровная и широкая, аккуратная пижонистая светлая бородка с проседью казалась просто выцветшей на солнце, глаза прятались за стеклами темных очков, небольшое брюшко – утянутое поясом авторской работы с пряжкой в виде бычьей головы – над его великолепными спортивными длинными ногами в ковбойских сапогах с подбитыми каблуками, делалось почти незаметным.

Деда ездил на не новом, но очень приличном мотоцикле, которого звали Рос, как живого, и который остался от легендарного киевского художника Саши Чукалова, растворившегося за американскими небоскребами в начале двухтысячных. Тогда же, на вечеринке, посвященной открытию украинского круглосуточного музыкального канала, Деда как часть приглашенной фактурной творческой тусовки встретил там давнего приятеля, еврея, бывшего поэта, уехавшего в Израиль и ставшего там, смешно сказать, миллионером. Похлопывая Деду по плечу, тот бывший поэт, морщась, с сигарой во рту (и был он, конечно, в светлых брюках, белой рубашке и в мокасинах) сказал ему: «С тобой, Деда, мы тут такую репку вырастим, что мама не горюй». И спустя десять лет, когда в свете мировых катаклизмов, ненормального природного фона и стремительно тающих на 38-градусной жаре финансовых запасов появился вновь, с условным тендером на

рекламную съемку сока и невероятным бюджетом, цифры от нулей на котором выстроились гигантским опахалом, и в душистом мангово-джунглевом головокружении словно мягко дыхнули на Деду, заставляя чуть поежиться на пыльной лавочке у рычащего, задыхающегося в пробке проспекта, куда он присел, чтобы проверить почту в своем айфоне. Условным это тендер был потому, что заказ лежал у Деды в кармане, это было просто так, просто формальность, – и прогуливаясь потом по душному даже вечером кремово-розовому Киеву с зефирным небом над покатыми крышами в спутниковых антеннах, глядя на сногсшибательных красоток с оливковой кожей, на высоких каблуках и в светлых коротких одеждах, они с тем другом-миллионером по дороге в ресторан «Кайзерхофф» (напротив синагоги) обсуждали детали съемки так, словно не было никаких других конкурентов.

За свою богатую приключениями жизнь Деда успел поработать много где – закончив мореходку, был и лифтером, и директором кооператива, и проводником пассажирских поездов, и таксистом, но как-то так прикипел в киношно-режиссерской среде, став своим и где-то даже именитым, не сняв притом ни одного фильма. Когда в страну пошли западные капиталы и гранты на культурное развитие, Деда весьма успешно куда-то ездил, что-то организовывал, склеивал и оказывался незаменимым до такой степени, что это, как редко бывает, запоминалось надолго и пересказывалось другим. Тогда, десять лет назад, был очередной успех с фестивальными короткометражками, и друг-миллионер, теперь снова, кстати, в светлых брюках и мокасинах, но уже без сигары, хотя в темных очках, сказал ему, чуть гнусавя: «В этой стране профессионалов нет, нет людей, которые могут работать. Тебе я доверяю, Деда». Тем же вечером на прекрасной террасе с креслами в белых льняных чехлах, с видом на строящийся киевский стадион и парусоподобные стеклянные многоэтажки, темно-синие с розовым, был подписан договор и, что Деде казалось сущей фантасмагорией, – выдан чемодан денег со 100% предоплатой.

Времени для воплощения идеи отводилось предостаточно, и проведя все необходимые подготовительные работы по поис-

ку команды исполнителей, забронировав павильон для съемки и купив билет до Праги и обратно (отснятые пленки обрабатывались в другой стране), Деда нагло пристал на улице к одной из тех грациозных див с бронзово-оливковой кожей, в кремовом коротком платье с белым цветком в пышных волосах, получил неожиданно горячий отклик, ей было всего лишь 22, и они улетели в Ялту.

По возвращении симфония счастья, баюкавшая Деду в солнечном аквамарине и ночных огоньках, дышавшая пряным жаром приморских чащ и бесконечным предвкушением еще больших радостей, – зазвучала вдруг приглушеннее. Дела, так удачно организованные, отчего-то отказывались продвигаться самостоятельно – в последний день (а именно один день оставался до отправки еще не снятых пленок в Прагу) стало известно, что реквизиторы немного пересмотрели свои взгляды на предложенный бюджет, а режиссер параллельно участвует еще в одном проекте (ему все время звонили и страшно ругались в обе его трубки, внахлест болтающиеся на нейлоновых шнурках на шее). К вечеру первого и единственного съемочного дня стало ясно, что ничего не будет, – декораторы во время дедового визита в Ялту времени зря не теряли и, в общем, как признались (так и сказали – «Ну, в общем, мы…»), были совершенно не готовы. Художник ответил резонно: «Это они, это не я». Проработав в авральном режиме ночь, днем представили нечто, что нельзя было даже назвать жалким компромиссом, и к Дедовому появлению на съемочной площадке сидели на полу в куче мусора, дремали, причем у одного из них жужжал в руках случайно включенный шуруповерт. В противоположном конце павильона на ящиках из-под аппаратуры разместилась команда осветителей – похожие на спецназовцев в камуфляжных костюмах, со шпионскими гарнитурами за ушами, они сосредоточенно играли в игры на телефонах. У Деды, как и у всех вокруг, дико болела голова, ныли плечи, обожженные, облазящие после хмельных и пряных крымских сиест, в павильоне было нечем дышать, и отпустив после девятичасового съемочного дня мальчика, который должен был пить ярко-рыжий миллионерский сок,

и причмокивая, говорить нечто вроде «от нашей репки – здоровье крепко!», Деда понял, что до завтра ему не справиться, и позвонил Элле. «Идите на *уй все», – сказал, откупорив зубами бутылку пива, и почувствовал, что если хоть кто-то сейчас его не послушается, то незамедлительно получит в морду.

«Да, понял… я понял…» – бубнил режиссер в трубку с болезненной уставшей медлительностью, уже даже не прячась, оборачиваясь на Деду, словно не расслышал. «На-уй» – одними губами сказал тогда Деда, коротко и страшно схмурившись, и потом с царственной брезгливостью махнул ему кончиками пальцев, и отпил пива, вытянул ноги в сандалиях с побелевшими от морской соли ногтями на больших пальцах и закрыл глаза.

Элла была давней подругой Деды. Такой древней, что тоже имела в своем арсенале ряд ярко-ностальгических воспоминаний о 1960-х, и даже могла рассказать кое-чего о Дедовых женщинах и детях (чего никогда, к слову, не делала). Когда-то давным-давно, когда улицы назывались иначе, в магазинах пахло оберточной бумагой и пустыми молочными бутылками, по мосту Патона и по улице Саксаганского вовсю ездили трамваи, а по телевизору показывали партийные съезды, у Эллы с Дедой случилась шестинедельная любовь с общим бытом и вполне семейными отношениями, сошедшая, правда, на нет после поездки с палатками на какое-то море, где выкатанные песком с палящим солнцем вскрылись разом все Дедовы неказистости со странностями. Элла, будучи уже тогда прагматично-задумчивой, уверенно стоящей на ногах девушкой из хорошей семьи, приняла мудрое решение с Дедой не расставаться, а просто изъять из отношений плотско-романтическую составляющую. «Мы просто друзья теперь, Деда», – говорила, беря его за щеки и целуя воздух перед самыми губами, но с того отдыха уехала в компании уже совсем другого мужчины.

С тех пор их связывали исключительно рабочие отношения – Элла, когда нужно было, – могла все. И просила за свои организаторско-добытческие способности немало, даже, можно сказать, вызывающе немало, потому Деда какое-то вре-

мя водил пальцем по экрану своего айфона, словно пробуя на ощупь ее имя, высвеченное на визитной карточке. Но деваться было некуда.

«Один я эту репку не вытяну», – резюмировал Деда.

Элла приехала тут же, как и ожидалось: двумя машинами, с полной командой и даже ребенком, который словно рожден был, чтобы рекламировать ядовито-оранжевый миллионерский сок. «Где ты его взяла?» – с пьяненькой расслабленной радостью спросил Деда, уступая Элле свое место на подиуме. Она лишь отмахнулась, пристально рассматривая павильон, одним своим взглядом мобилизуя осветителей, отложивших телефоны и привставших в ожидании новых указаний. Элла перемещалась по съемочной площадке, как по рынку, хрипловатым резким голосом отдавая команды, – рыжая, коренастая, в черном балахоне и лосинах, в молодежных сандалиях с камнями и блестками, с сильно загоревшим одутловатым лицом в морщинах. На едва угадываемой талии у нее висела черная сумка, как те (а вернее, именно та!), что носили в начале девяностых челноки и туристы, на шее болтались дешевые очки в толстой пластмассовой оправе, которые она надевала, чтобы рассмотреть что-то на своем коммуникаторе, и потом скидывала резким движением, и они, дернувшись на красном шнурке, падали ей на грудь.

За три часа из старых декораций с помощью различных лаков, спреев, ленточек и бумажек соорудили нечто фантастическое, усиленное новой световой схемой. Ребенок с пяти дублей выпил сок и расслабленно-с-задоринкой сказал, что от репки здоровье крепко, Деда выпил еще пива и в полудреме наблюдал, как приехавший специалист по наливанию выгружает на стол свои приспособления – колбы, шприцы и клизмы. Осветители приступали к установке света вокруг места, где будет наливаться сок. Все шло идеально. Деду даже разбудили, чтобы сделать «пэк-шот» – статичный кадр с пачкой сока. Во время монтажа все потом улыбнулись, увидев узнаваемую Дедову руку в перстнях с черепами, не очень чистую, ставящую идеально гладкую, яркую, специально для этих целей распечатанную и склеенную пач-

ку, не видевшую никогда никакого сока, на стол, выстеленный искусственной травой и цветами. Потом Деда выпил еще пива и заснул, а проснувшись по нужде, вышел прямо к столу, где шла съемка с наливанием, стукнувшись бедром об угол, сказал: «Ну, всё уже, давайте заканчивать скорее», – все засмеялись и отмахнулись от него. Кто-то из Эллиных ассистентов привез пиццу и еще пива.

Ближе к двум часам ночи Деду разбудили с не очень хорошей новостью – не получалось налить. «У него не получается налить?» – пробормотал Деда, глядя на Эс-Эф-Икса, курящего над столом с клизмами и шприцами. «Нихуя у него не получается, – пробурчала Элла. – И не получится», – добавила, глянув на часы на телефоне. Самолет был в 11 утра.

«Да что же это, мать вашу, да такое – просто налить сок? Все, что осталось, – это тупо налить сок? И мы не можем?!»

«Он не так его наливает, – вздохнула Элла. – Все вообще нахрен не так, не то… я сегодня не приеду, Наташка, блин, уймись, не приеду я, всё!» – последняя реплика была сказана в телефон. «Твою мать…» – Элла закурила, присаживаясь на один из ящиков из-под осветительной аппаратуры. «Она пошла в клуб и оставила ключи дома, пока мать ее по Индиям своим мотается – я за ней смотреть должна, деваха метр восемьдесят, бройлер такой вымахал, пусть бы за мной лучше посмотрела, а не я за ней…»

Через полчаса Элла с Дедой вышли на улицу глотнуть немного свежего воздуха и встретить пятнадцатилетнюю дочку Эллиной дочки (слова «внучка» все тактично избегали).

Она вывалилась из спортивного красного автомобиля – сначала с пассажирского сидения выпали ноги, потом голова с рассыпавшимися белыми кудрями, потом сумочка – прямо на асфальт, потом шея, оголившаяся под прядями, потом спина в глубоком вырезе, потом все как бы подмялось, и сверху торчала тугая острая попа, обтянутая темной тканью в большой белый горох.

– Наташка, сучка! – Элла бросилась к ней, пытаясь отыскать, где руки. – Ну, ты чего стал? Чего стал, я спрашиваю?

А ты, чучело, чего сидишь? – она заглянула в салон и отпрянула – в показавшейся пустоте над приборной панелью неожиданно появились два глаза и улыбка. – Черт тебя возьми, зараза ты такая!

Девушку как-то собрали, поставили на ноги и завели в павильон. Элла бросилась обратно на улицу, к машине, но ее уже и след простыл.

Осветители снова собрались в углу на коробках, сгорбившись над телефонами. Внучку положили на диван, сбросив на пол журналы и бумажные пакеты с крошками. Деда сидел в кресле напротив, безучастно глядя на экран своего айфона, где белый классический циферблат не показывал ничего хорошего. Эс-эф-икс меланхолично позвякивал колбами. На журнальном столике перед Дедой валялись рекламные проспекты с сочными закатами, пляжами, пальмами и кремово-белой, какой-то расслабленно-неаккуратной, словно смачно плюхнутой на бумагу надписью: «Riepkah».

– Ыыыыыы, – простонала внучка, переворачиваясь на живот. Платье задралось, снова показывая черную ткань в большой белый горох. – Меня тошнит!

В следующий миг она вскочила, сделала три или четыре уверенных шага в сторону света – к столу с соком и колбами и, подслеповато щурясь, закричала:

– Где здесь туалет?!

Деда закрыл глаза и откинулся на спинку кресла. Элла выскочила из дальнего угла павильона, кто-то из осветителей подал внучке руку, но она неожиданно дернулась и упрямо пошла прямо на стол, сильно стукнулась об угол бедром, взмахнула рукой – и большая трехлитровая колба с соком смачно шмякнулась на пол, разлетаясь стеклом и брызгами.

Деда внимательно смотрел на Эллу. Элла на Деду. Внучка, всхлипывая и шатаясь, ушла куда-то в темноту.

– Вот это было оно, – спокойно сказала Элла.

– Да, – согласился Деда.

– Дикарский такой всплеск, – закуривая, Элла опустилась на стульчик рядом с клизмами и колбами, – такой грубый, как будто шла такая корова пьяная типа этой, пьяная от счастья, я имею

в виду, конечно, и сбила нахрен эту банку с соком – аааа, мол, и ничего страшного, и хорошо, и нам хорошо, да, ты понял?

– Понял.

– Тогда поехали!

Пока Наташка бродила где-то вокруг павильона, выпавший из ее сумочки телефон долго и настойчиво пел голосом Земфиры: «Я искала тебя, в журналах, в кино, среди друзей, и в день когда нашла – с у-у-уума сошла!».

Это звонила Наташкина подруга – студентка второго курса театрального института имени Карпенко-Карого, как она себя называла, «верный пес», и чуть игриво – «слуга всех страждущих», с некрасивым мужским лицом, физически крепкая, будущий режиссер, Женька Скрипник. Ей катастрофически не везло по жизни – первая любовь привела в реанимацию токсикологического отделения. Парень, совсем не такой, как мечталось ей тихими полуднями в кресле у высокого окна за белой шторой, где она провела годы отрочества с книжкой из домашней родительской библиотеки, сказал ей: «Засунь свою любовь себе в жопу». И после выписки пухлые белые руки, крепкая шея в стиле Майоля и Бурделя покрылись татуировками с черепами, коса упала, отсеченная, к ее босым пяткам и, кажется, еще несколько секунд агонизировала и корячилась на полу, в ноздрю был вставлен серебряный гвоздь, а на интернет-форумах и в профильных сообществах она подписывалась коротко и устрашающе: Eug. Что-то было в этой подписи от скандинавских героев-воинов, от гуннов и пиратов – брутальное и дерзкое, как отрыжка. В майке с черепами и костями она ходила в тренажерный зал в подвале гастронома, который любовно называла «качалкой». Там хрипло хихикала с мужчинами, в шутку мутузя их по шее и, затаив дыхание, моментально притихнув вместе с ними, смотрела на новых девушек, останавливающихся, бывало, в нерешительности среди тренажеров.

С девушками у Eug. тоже не ладилось: максимум одна-две ночи. «Ты такая хорошая…» – со вздохом говорили ей, улыбаясь над завязываемыми шнурками, озираясь в поисках за-

бытых вещей. Одна из женщин – старше самой Eug. лет на 15, – перед уходом, вместо того чтобы озираться (и в итоге забыла пахнущую сандалом книжку Карлоса Кастанеды), уже в пальто и шляпке протиснулась мимо разложенного дивана к компьютеру и, не присаживаясь на стул с мужской полосатой рубашкой на спинке, открыла сайт весьма однозначного содержания – квадратики с небольшими видеороликами раскатывались скатерью-самобранкой далеко вниз за полосу прокрутки. «Фу, что это?..» – удивилась Eug., а женщина та улыбнулась и сказала, что там на самом деле есть много интересного и полезного.

После прилежного изучения сайта с Eug. произошли некоторые позитивные перемены, и женщины стали задерживаться хотя бы на пару дней. В одном глянцевом журнале даже появилась инспирированная ею статья: «Мода на секс», где речь шла о преимуществах доступности порно и как следствие растущей осведомленности среди населения о неких базовых нюансах поведения (считавшихся ранее прерогативой опытных развратников): вроде эпиляции и обязательного облизывания ладони и пальцев перед контактом с интимными зонами партнерши. Хотя это все почему-то Eug. интересовало мало, и ко второму курсу института она, живя в оставшейся от бабушки однокомнатной квартирке на шестнадцатом этаже с огромным окном на всю стену, позиционировала себя как «старого холостяка».

Откуда взялось прозвище Жучка – достоверно не известно. Но пятнадцатилетняя бестия Наташка, свалившаяся на ее голову чуть ли не в буквальном смысле (подвернула ногу на лестнице в парадном), называла Eug. только так. Наташке нужно было уйти из дома, от матери с бабкой с их любовниками и двойными стандартами (с внучки спрос был абсурдно велик), и тихое соседское холостяцкое гнездо с окном на всю стену подходило как нельзя лучше. Да и родителям спокойнее жилось с осознанием, что единственная дочь «поселилась у подружки». Примерно три недели они жили душа в душу – Наташка перестала пить, готовилась к школе и посещала курсы английского, где в глянцевых

тетрадях с фотографиями Биг-Бена и тестовыми заданиями в квадратиках уже почти не попадалось табачного пепла или того хуже – мелкой зеленоватой пыли с пряно-сладким запахом. Жучка училась на Наташке делать тайский массаж (ходила на курсы) и вечерами все чаще валялись дома – на животах поперек разложенного дивана, смотрели редкие фестивальные фильмы производства Азии и Великобритании.

Но в какой-то момент Наташке все надоело, опостылело, стало невыносимо жаль «бестолково проходящей юности» (как было написано в личном профиле на «Одноклассниках»), и она отправилась гулять. На третий день загула Жучка открыла настежь окно – в сырую осеннюю ночь, села на стул, вытянув ноги на низкий подоконник, закурила, вспомнила мальчика с лицом, как у принца, и кресло с книжками в старой родительской квартире, и «засунь свою любовь себе в жопу», и гибкое ногастое, словно выкатанное из виноградного сока и кураги Наташкино тело, как чурчхела, извивающееся в полутьме, и написала в своем профиле на «Одноклассниках»: «Сейчас я это сделаю».

Но прежде все же решила еще раз позвонить Наташке. Не говорить ей ничего, просто услышать голос и звонкий смех, рассыпающийся задорными искорками. Но трубку взяла Наташкина бабушка:

– Женя, хорошо, что ты звонишь. Наташа сейчас у меня на работе, ей очень плохо, а я занята по самые помидоры, забери ее отсюда, она мешает. У тебя есть деньги на такси?

– Да, есть, Элла Витальевна, – коротко ответила Жучка, резко встала, закрыла окно, надела свежую футболку с черепами, кеды и, подбросив и поймав связку ключей на цепочке, стремглав выбежала из квартиры.

Дело близилось к утру. Небо серело, в сумерках стали прорисовываться очертания подъездов, припаркованных машин, горок на детской площадке. Где-то заскрипел и загудел первый троллейбус. Если бы в городе были петухи, они непременно начали бы кричать в это время. В съемочном павильоне окон не было, и там продолжался вчерашний вечер – Элла с ко-

мандой осветителей пыталась выплеснуть сок из банки на белую клеенку, Деда смотрел на монитор рядом с камерой и качал головой.

Жучка села на край дивана, где спала, свернувшись калачиком, Наташка, стараясь не улыбаться, гладила ее по рассыпавшимся волосам. Потом, вздохнув, пошла к монтажному столу.

– Привет, мужики.

Осветители коротко кивнули в ответ, кто-то протянул руку для приветствия. Жучка смотрела на разлитый сок, на колбы с клизмами и, качая головой, спросила, со знанием дела:

– Что, налить не получается?

Ей ответили уставшим стоном.

Закусив сигарету и прищурившись, Жучка взяла канистру с соком, поболтала ее, потом прошипела, не размыкая губ:

– Дайте я…

Тем временем на улице Овручской, что на Куреневке, в одном из старых сталинских домов на горке среди парковых деревьев, в заросших палисадниках, с последней погасшей звездой на посеревшем небосводе вдова режиссера Мышина кормила котов. Она жила одна, без детей, уже тридцатый год, – проводив в последний путь недопризнанного, недоработавшего, недоотличившегося мужа, стала ходить в Покровский монастырь, кормить котов, собак и голубей, в сонные городские сиесты из распахнутого в березы кухонного окна лились умиротворяющие голоса радиоточки, а вечерами ложилась спать рано – с первыми сумерками. Вставала старуха Мышина тоже рано – скреблась тихонько со своими крошками для птиц, выходила в рассветных сумерках с парой кульков с какими-то помоями, которые брала неведомо где, и раздавала сонным потягивающимся котам у мусорных баков. Затем рассеянно, пока коты ели, исследовала мусорные баки, и если там находилось чего – абажур, вязаная салфетка, красивый календарь, интересная баночка, – несла к себе домой, на балкон. На балконе у нее жили тараканы и сверчок. Перед заутреней, если вставала совсем рано, – шла на работу: убирать на киностудии, где прошла вся ее жизнь. При муже старуха Мы-

шина начинала помощником режиссера – в гостиной над серой сиротской постелькой с продавленным матрасом висела фотография под обсиженным мухами пыльным стеклом – бородатого мужчины с кинокамерой и хрупкой блондинки с высоким лбом и в полосатой кофточке. Потом ее брали помощником декоратора, потом просто помощником, – но дела не получалось. В ответственный момент вдова Мышина просто уходила со съемочной площадки и, обнаруженная на соседней помойке в обществе котов и лишайных псов, недоумевала, почему к ней прицепились. У нее была эта кроткая манера принимать любую критику: она рассеянно кивала и говорила тоненьким голоском, опустив глаза и пряча руки: «Мне правда очень жаль, что так получилось…».

Тем утром она тихонько прошмыгнула в съемочный павильон, прошелестела сумками с мусорными трофеями, пару раз грохотнула ведром со шваброй.

Увидев ее, Деда откинулся на диван, закрыв лицо руками. Над бычьей головой задралась майка и показался волосатый загоревший живот.

– А чего это вы тут делаете? – спросила старуха Мышина, заглядывая на монтажный стол, пытаясь понять, имеет ли смысл убирать сейчас – или вернуться позже. Позже не хотелось бы – в церкви была служба на весь день.

– Ай! – отмахнулись осветители.

– А давай, бабка, налей! – усмехнулась Жучка, протягивая ей канистру с соком.

– Чего налить?

– Да отстань ты, – Элла просматривала отснятые за ночь кадры с цифровой камеры и качала головой. – Как сглазили просто… все идеально до сих пор. Деда, а пленки можно везти не все? А только без налития?

– А смысл… – ответил, не убирая рук с лица, Деда.

– Так, а что налить-то? – оживилась вдова Мышина.

– Сок налить. В рекламу. Сок. Чтобы был, как будто его шмякнули вот так…

– Аааа, – старуха заулыбалась. – А мой покойный Вячеслав Яковлевич в свой фильм про Днепрогэс тоже так воду наливал,

ох и намучились мы, но знаете, в Италии ведь фильм приз взял! И, говорят, из-за этой сцены. Знаете, как он сделал?

Она взяла ведро, которое несла, чтобы мыть пол, вылила в него сок из канистры, потом отлила примерно литр в банку и протянула Жучке.

– Нужно, чтобы все сразу лили со всех сторон. А я из ведра грохну в конце.

Деда приподнялся.

Вдова Мышина наливала следующую банку и протягивала Элле.

– Давайте, Вячеслав Яковлевич же сцену с Днепрогэсом так снимал!

Когда все были готовы, оператор махнул рукой, и струи одинаковой жидкости, но подсвеченные чуть по-разному, с задержкой в полсекунды обрушились в специальную миску.

Через час все разъехались по домам. Город только начинал просыпаться. В такси пело радио, без новостей и рекламы, и некоторые светофоры еще не работали – моргали рыжим. Редкие прохожие спешили, ежась от холода, – приближалась настоящая осень. Прохладное солнце смывало с улиц остатки ночи. Прощаясь на этаже, Жучка под руки завела Наташку к себе домой, и Элла, приняв это как само собой разумеющееся, лишь коротко кивнула ей, думая о чем-то своем.

Этим же вечером проявленные пленки были продемонстрированы на широком экране и, гуляя по Праге, Деда случайно обнял Эллу за талию и притянув к себе, поцеловал в ухо, и она, замечтавшись, попав как раз в зону, где на узенькой мостовой под соприкасающимися балконами старинных домов умопомрачительно пахло жареными колбасками, ответила на поцелуй. В ту же ночь они съехались в один гостиничный номер.

По возвращении в Киев Деда решил отблагодарить старуху Мышину и приехал к ней домой с продуктовым пайком и альбомом про кино в СССР, где была фотография ее мужа. За разговором выяснилось, что у покойного Вячеслава Яковлевича есть сестра, которая живет в Израиле. Раздобыв телефон сестры, Деда

утвердился в своем безумном решении – и в гости к миллионеру они летели все вместе: с влюбленными Наташкой, Eug., а также со старухой.

Все недоумевали, зачем она ему там, а Деда рассказывал потом, мечтательно улыбаясь:

– Вы ничего не понимаете – она все дни просидела на пляже, ни с кем не общалась и кормила чаек.

Киев

Артем Губарьков

Два рассказа

Шопинг

– Здра… Здравствуйте! Я вас еле нашел… Значит, это и есть…
– Да.
– Здесь правда можно достать…
– Да. Что вас интересует?
– Диплом хочу!
– Какой?
– Красный.
– Какой?
– Экономист.
– Банально.
– Экономист и сварщик.
– Неплохо. Дальше.
– А что у вас есть?
– А что вас интересует
– Хочу… Хочу… Отсрочку от армии!
– Одну?
– Да. Две.
– Дальше.
– Я даже… я даже не знаю… а можно, я завтра… я только список накидаю…
– Нет. Пропуск только на сегодня.
– Ой… ну… документы на землю?
– Да. Где?
– В центре.
– Остались только с выселением.

– Не принципиально.
– Хорошо. Дальше.
– А говорят, у вас есть эти…
– Да. Водительские права.
– Дайте четыре штуки… нет… пять!
– Пять.
– Шесть!
– Шесть.
– А вот это что?
– Вам не надо.
– Что это?
– Лицензия на управление «Боингом». 200 мест. Чикаго – Мельбурн.
– Один.
– Зачем?
– Друзьям покажу.
– Дальше.
– Удостоверение депутата?
– Вы себя видели?
– Да, к сожалению?
– А их?
– Да, к сожалению.
– Разницу уловили?
– Нет.
– И я. Сколько?
– Одно.
– Дальше.
– Справки есть?
– Да.
– Говорят, у вас есть необычные?
– Да. Справка об отмене отмены крепостного права от 1862-го. Подпись и печать царя.
– У вас даже такое есть?!
– Что вас интересует?
– Ну, тогда…
– Всё?
– Нет.

– Всё.

– Хорошо. Всего доброго.

– Всего доброго.

Трамвай № 5

Остановка, толкотня, ругань, движение.

– Он у меня мало спит…

– Они ж нам обещали…

– Гриша, опять негде сесть! Иди постой над той молодой парочкой. Ты щас как никогда можешь давить на жалость, они и минуты не выдержат.

– Ну, я не понимаю, Василий, они говорят: «Патриотичней, ребята», – а сами воруют, продают, покупают, отламывают, вырывают, нервно оглядываясь по сторонам. Ну шо ты смеёся, Василий? Ну шо, я не прав?

– Ты абсолютно прав. Так почем ты брал этих раков?

– Мой сосед Митрофаныч прошел всю войну! Я тебе говорю! От Красной площади до Берлина! Я тебе говорю! Он шел грудью! Его пули не брали! Он был прошит в трех местах! Он врага головой убивал! Головой! Здоровый как бык!

– И шо с ним теперь?

– Помер. Вчера в очереди за какой-то справкой. Заметили только через часа три, когда очередь подошла. Как думаешь… сколько их там в коридорах?

Остановка, ругань, крики, движение.

– Он у меня мало спит…

– Они ж клялись…

– Гриша, ты испортил лучшие годы моей жизни и не можешь испортить несколько минут этой паре? Посмотри на их лица, там даже нет отвращения. Ты теряешь хватку, Гриша…

– У меня знакомый ездил по путевке на сафари, и его схватили в плен какие-то бедуины, и потребовали от государства выкуп: 75 тыщ долларов, два холодильника и массажер для пальцев.

– То есть парень понимал, что он обречен…

– Да, и с пеной у рта убеждал этих отчаянных людей, шо лучше он сам возьмет кредит и расплатится… но увы… А у нас уже смекнули. Опыт-то есть. И уже через несколько часов с вертолета ему сбросили кое-какие его вещи из дому, свидетельство о разводе и паспорт с кенийским гражданством.

– И как он там?

– Да ничего, говорят. Золотая голова! Поднял страну, экономику, рождаемость. Кто бы мог подумать…

Остановка, ругань, движение.

– Куда едет этот трамвай?

– Мы сами в шоке!

Внезапно трамвай резко тормозит, все падают, пьяный кондуктор в оранжевом жилете окинул взглядом трамвай.

– Ой… я дико извиняюс…

– Идиот, ненормальный, здесь же люди!

– А, не, не, я просто хочу держать вас в курсе событий… сейчас будет остановка… а, да… новые правила… счас все отныне и навсегда должны носить вот эти дурацкие жилеты…

Кондуктор раздает оранжевые жилеты, все надевают.

– Теперь пойте «Вихри враждебные веют над нами…».

Все поют, кондуктор снимает на камеру телефона.

– Хорошо, пасиба…

Движение.

– Они ж обещали уже в этом году…

– Он у меня мало спит…

– Мой сын закончил университет с красным дипломом, ему пророчили будущее! Он не мог найти работу. Первоклассный специалист, эрудирован, чем пугал работодателей и одиноких женщин. Но сейчас остепенился. Нашел. Уже повышение получил. Сейчас он марчендайзер. Ему 25, и он уже продает зажигалки для плиты и раскраски.

– Гриша, в чем дело? Скоро наша остановка, а они и с места не сдвинулись! Добей их напоследок, Гриша! Танцуй! Или я тебя зря кормлю?

Остановка, толкотня, крики, движение. Из кабины появляется взъерошенный контролер.

– Ребята! Ребятушки! Это… трамвай кто-то умеет останавливать? А управлять? Ладно. Да, почему перестали петь? Ну-ка, запевайте снова «Вихри враждебные веют над нами». Активней!

Все поют, контролер уходит в кабину. Из кабины раздается ругань, крик, мольбы.

– А может у кого-нибудь карта есть? Маршрут? Компас? Ну, хоть что-нибудь? Что ж вы такие не подготовленные? Ладно. Понятно.

Удар, скрежет, трамвай останавливается.

– С… Спасибо, что воспользовались нашими трамвайными линиями, а также низкий поклон автомарке… «Лехус», который занял удачную позицию относительно трамвая.

Крики, ругань.

Юрий Михайлик

Покушение

В. Голубовской

Государь император Николай Павлович,
как принято было его называть,
прекрасно знал, кто его отец,
и тем паче – кто его мать.
Но уже с бабушек-дедушек
начинаются бред и мрак,
и любой, кто посмеет вспомнить об этом,
несомненно, враг.

Николай Павлович спокойно странствовал
через Пензу в Тамбов
в окружении приближенных лиц
и еще сорока лбов.
По дороге он думал: житель Пензы –
пензианец? пензюк? пензяк? –
хорошо бы спросить, но кого ни спроси –
разболтает и станет враг.

Государь император любил порядок,
распорядок и строгий строй,
не любил вспоминать двадцать пятый год,
а также двадцать шестой.
И когда офицер прибегал на развод,
а под шинелью – фрак,
это значило – он – один из них,
и безусловно – враг.

Он из тех, по коим плачет Сибирь,
Шлиссельбург, и стонет петля…
В это время раздался ужасный треск,
и кругом пошла земля.
Николай Павлович рухнул в кювет
(как потом он назвал овраг),
у немецкой коляски лопнула ось,
и это орудовал враг.

Государь император не расшибся насмерть,
но ключицу успел сломать,
и в сердцах форейтору объяснил,
что близко знал его мать.
Начальник охраны был сослан в полк –
изучать строевой шаг.
Очень сильно болели рука и плечо,
и доктор был тоже враг.

Свита, как обычно, назначала виноватых –
а кем был предложен тамбовский тракт? –
хотя в России любая дорога
сама по себе – теракт.
Николай Павлович и сам догадывался
о том, что в стране кабак,
а вся эта свора – как не вор, так дурак,
а как не дурак, так враг.

Но зато в Тамбове – порядок, покой,
никто не лез на рожон,
государь помахивал здоровой рукой,
приветствуя горожан.
Вокруг – ликование без границ,
военный оркестр, государственный флаг,
тамбовское выражение лиц –
не угадать – кто враг.

Государь император Николай Павлович
был строен, высок и хорош собой,
он был замечательный семьянин
и вполне приличный плейбой.
Он умер сам, проиграв войну,
отдав последний приказ…
А вот сын его, Александр Второй,
был убит. На седьмой раз.

* * *

Хочется верить в существование параллельных миров…
Встреча с шайкой враждебной шпаны придает тебе ускорение –
сквозанул в подъезд, а там – лабиринт проходных дворов, –
пробежал, огляделся, – а ты уже в другом измерении.

Там, в параллельном мире, все кажется так да не так –
там и говорят по-другому, и музыкой считают что-то
совершенно не то,
а это вдохновенное бормотание называется пастернак,
и строго глядит девушка в колокольном демисезонном пальто.

Так это начинается, никогда не кончаясь добром.
Через тысячу лет в фантастическом сне,
в финальной его половинке,
ты долго бежишь гулким извилистым проходным двором,
возвращаясь туда, где фиксы, финки и кепочки-восьмиклинки.

* * *

Шут с ней, с Голландией, где Тиль, откукарекав,
поверг оранжевых в унынье и печаль,
а также с Грецией, поскольку древних греков,
твердят, что не было. А нынешних не жаль.
Какие жалости на отдаленной точке,

в горах вколоченной в базальты и габбро,
какие нежности – ракеты, как заточки,
самонаводятся под пятое ребро.
Зима, безумие, и запах керосина
неотвратим, неистребим, невыносим…
Какие глупости – вся ваша Хиросима,
тут в каждой палочке по триста Хиросим.
Зима, безумие, и каждый пахарь – знахарь,
пять тысяч высоты, сто метров глубины,
и что там, наверху? Внизу на складе сахар –
и вот вам самогон на сорок лет войны.
Шальные сны, зима, стальные переходы,
контрольный вход на пульт своих не узнает,
идет игра в очко на страны и народы.
Шут с ней, с Голландией. И грекам не везет.

Индейский мотив

Эта дорога по золотой воде
из Никогда в Нигде.
Все, что река вынесла и унесла,
перечеркни легким гребком весла.
То, что скользит вдоль берега позади,
– не уплывай – твердит тебе – не уходи.
Но под водой, но в глубине реки
темное облако отращивает плавники,
в рваных разрывах всплывает лоскут голубой,
тоже бывший тобой.
На золотом, на золотом течении ни следа,
Все остальное останется в Никогда.
Ни поглядеть вперед, ни взглянуть назад –
черный провал, грохочущий водопад.
Это голос Нигде подсказывает Никому –
По одному, дружок, только по одному…

* * *

Их тяжкая работа важней других работ –
Из них ослабнет кто-то – и небо упадет.
Александр Городницкий

Небеса не упали. Земля не ушла из-под ног.
Ибо в каждой метафоре кроется тайный подвох.

Осыпается миф. Известковая крошка летит
из вагантов, галантов, атлантов и кариатид.

А в песок или в глину – уже распознать не успев,
Но шумерский мотив затвердив наизусть, нараспев.

Он уже и не слышен под гоготом чуждых племен, –
Перемена времен, перемена имен и знамен.

Как потоп, как набег, – развеселый вселенский побег
В электронный, нейтронный, компьютерный каменный век.

Обгоревшие окна затянуты льдистой слюдой.
Мы и сами пришли не с одной, так с другою ордой…

Эта дымная подпись ползет высоко в небесах,
Это дюны шуршат в непрестанных песочных часах,

И горчайшее знанье за горло берет в оборот,
Уходя вместе с нами в разряд метаморфных пород.

Ничего не успев, и шумерский мотив затвердив наизусть,
нараспев…

Это время камней, Катапульт, стенобитных машин…

Сидней

Ефим Ярошевский

Монолог из соседней страны…

(записочки начинающего эмигранта)

из письма приятелю…

1

В Европе холодно, в Италии темно…
Власть отвратительна…
А впрочем, никакая.
Не выпить ли немножечко токая,
не распахнуть ли в сумерки окно?
Но если нам все это не дано,
то что же данное?.. Добротное сукно,
чтоб сшить себе шинель, подробно не вникая
в подробности?
Посильное участье принимая
в судьбе Акакия Акакьевича,
зная,
что все закончится печально? Но
это все случилось так давно
(как, впрочем, и недавно). И понятно,
что это навсегда.
А поскольку
в Европе все же холодно
(зима и все такое), –
оставим метафизику в покое.
Не запахнуть ли шубу на изгое,
не отворить ли Пушкину окно –
пусть входит,
пусть сидит,

пусть пьет вино…
(на улице и хладно, и темно)…

2

И музыку послушать заодно,
включив TV, заране предвкушая
забвение… (Приятно нам оно.)
(Каминчик затопи, коль ты не Шая,
Или сыграй с соседом в домино.)
Но если нам И ЭТО не дано…
……ТОГДА НЕ ЗНАЮ…
Кстати:
не посмотреть ли русское кино,
где брату брат – не брат,
где в рюмке видно дно?
А впрочем, мне сегодня все равно!
Из «Фауста» чего-нибудь, ГУНО!..
Или из Моцарта.
Легко, шутя, играя
читать люблю грозу в начале мая,
и в живопись смотреть в упор и не мигая
– в картину. Там таинственный Рембрандт.
(В нем чувствуется сила и талант.)
…там Саския нагая
летит, став Маргаритою, в окно
и разбивает зеркало, ВЛЕТАЯ…
(И грудь ее над нами, как литая.
Самодостаточна. И развитая.)
Понятно, Маргарита – не святая.
А это далеко не все равно,
КАК ЕСЛИ БЫ… А впрочем, чушь собачья.
Там в ужасе, в неволе изнывая,
Русь корчится в объятиях Мамая –
там происходит русское кино.
Однако –
есть вариант…

3

Из Гайдна что-нибудь
Иль что-то из Сальери,
включите одного из этих двух
в состав жюри!.. Где скопище старух.
Как дует из окна!
(плотней прикройте двери…)
Так славно, что захватывает дух!
Пусть за полночь затянется беседа.
Какое счастье! Было б только с кем…
Вдали от зим и лет, и схим, и схем…
Давай поговорим, пропустим час обеда,
а заодно и ужина… (Нам всем нужна победа
над ужином.) Как славно совместить
ночное бдение
с любовью, музыкой, кефиром и бокалом!..
Где малое в большом, большое в малом.
ОН как-то говорил (и это не забыть):
«Одной любви музЫка уступает,
но и любовь – мелодия…»
Светает……
Подумай, друг, не все ли нам равно?
Забудемся с поэтом заодно.
Пусть за полночь затянется беседа!

Легка поэзия,
и жизнь – в порядке бреда…

P. S. Германия, октябрь, ноябрь, декабрь…
(погода б только не была б дика… брр…)

одесским художникам 60-х

Пока на холсте серебрится, плывет и трепещет, и блещет
заветная рыбка Хруща,
пока кувыркаются птички и рыбки,

и перья Дульфана на шляпах прохожих,
и море у рта закипает, и мастер живет и рисует,
и спит наяву трепеща,
и он одинок и несчастлив, и счастлив в беде, и тоскует, –

пока в зеркалах мастерских отражается сумрачный мир,
и око художника жадно вбирает в себя ненасытно
изгиб Афродиты,
и спит, развалясь на горячих подушках,
трусливый кумир,
и можно сказать одичалому хаму и хану и гунну: «Иди ты!...» –

пока мадам Нудельштофер снимает с веревки
свое золотое белье,
(оно слава Богу сухое, ее еще любят мальчишки!..)…
и Рихтер следит из окошка, как месяц восходит, –
…ползет пробираясь по крышам кошачьим жулье, –
звезда могендовидом ходит туда и обратно,
и нет ей ни дна, ни покрышки! –

пока оголтелое солнце
стекает по лезвию кисти, ножа,
пока полыхает свеча,
и море за окнами бродит, и пучится в утреннем блеске,
и рыба священна… –
до тех пор мы живы
– и снова зовем почитателя,
зрителя,
критика,
друга,
врача!! – …
и кажется, Краска и Слово поэта,
как Слово Господне, –
нетленны.....!

Потсдам

Тина Арсеньева

Иберийский бессмертник*

8. Сумерки

До ядра земного прожжена,
Горбится Ла Манча, ставя крепи,
Но ее ухоженные степи
Дики в терпкой горечи вина.

Цифровому веку лишний груз,
Вывалюсь в него шаром из лузы;
Улочек распутывая узы,
Как избыть вина печальный вкус?!

Все мои стяжания – зеро,
Слава, вся что ни на есть, худая,
Там, где в дол неспешно ниспадая,
Шелестит голубкино перо.

И душа плывет на тихий плес,
Прямиком на острие денницы,
Всей тоскою перелетной птицы
Катедральный пролюбя утес.

* Продолжение поэтического цикла, начало которого опубликовано в кн. 46.

9. Воспоминание о Санта Исавель Венгерской

Полкило винограда «изабелла» –
Полон рот сладко-приторной кручины, –
То, обшарив теплой осени пучины,
Черны перлы солнце мечет на лоток;
То «Титаник» вспомнил руки корабела
В полумиле от нечаянной кончины;
То мечты, сколь бессильны, столь бесчинны,
На остуду расплескали кипяток.

На роду предуказано граниту
Отражать наступление болота,
Отродясь подольщается болото,
Насылая бродячие огни…
Запрокинься к безмятежному зениту,
Ибо нет ни зацепки, ни оплота,
Опечалься во всю синичью ноту,
Улыбайся – и тони-тони-тони.

Может, выйдешь к придонному теченью –
Стань студеной пронырливою рыбой
И скользи вдоль каменного русла,
Растопыря веер плавника:
Там, где, чужды насущну попеченью,
Над узорчатой каменною глыбой
Кличут в прорезях каменного бруса
Две кампаны, давая кувырка.

Там, где мост монастырской галерейки
Зависает над уличной тесниной,
Что ее ощебетали канарейки,
Аж безмолвия отвес гудит струной, –
Там в прищуре межстенного пробела
Стертый лик дождями моет Изабелла,
Королева, посадскою рваниной
Освященная в горечи земной.

Стертый камень велит: захлопнуть веер,
Чтоб в пеньковой обвязке покаянья
Вслух отсчитывать крестные стоянья
В поминанье государыни святой;
Сберегать сухой колодец, ждать и верить,
Наряжая заплаканную куклу,
Чтоб на вырост подгонял небесный купол
Местный ангел, приглашенный на постой.

Да у нас-то в размах иные степи,
Сизы гроздья, как грозы, небо ярко, –
Больно тонок, толеданская мадьярка,
Колокольный твой напев для скифских глин.
Свист иной и хлыст не тот, другие цепи,
Правит Мокошь, чумаза и дебела, –
Полон-солон наш колодезь, Изабелла,
От Коимбры и по весь Зеленый Клин.

Исавель, венценосное смиренье
Величаво и просто, словно башня,
Стерегущая в проулке день вчерашний,
Не рассыпался бы в прах, не съела цвель;
Пепелищем ли станет озаренье,
Захлестнут ли родимые просторы
Туже петельки вервия простого, –
Вспомяни нас у Престола, Исавель.

10. Ее замок в Пуболь

Спросили бы – причла Антоньо ко святым,
Тиарой в бубенцах венчала б Сальвадора.
Узнай, потомок: век в расправах был крутым,
Рождал и нес в алтарь детей в предмет раздора.

Поди не из тельцов – из человечьих шкур
Он вычинил свои культурные страницы!

Но здесь сельцо отцов, и раньше здешних кур
Жилища заградят глубокие глазницы.

В сложении оград упорство юрских плит,
И камень не хранит ожогового следа,
Как будто из глубин подбровных не сверлит
Лесистый щит холмов чернобыльская Леда.

Уже земной оси не быть ее перстом:
Бок о бок с глубиной, вакантной беспардонно,
Придавлена плитой, зачеркнута крестом
Пуэбло Портльигат казанская мадонна.

Последнейшей из муз, подательницы благ
Померк сметливый взор – луны стальная спица.
Над вечным сном простер воскрылья кадиллак,
Блистая, словно въявь плененная жар-птица.

А музы паладин, чем ложе без игры
Делить, запечатлел кумир средь странных чучел
И с важностью жреца, с весельем детворы
Подмостки на себя надгробьем нахлобучил.

Он был, в конце концов, жестокое дитя.
Житейского она не отрешалась блага,
Пожизненной игры придумщиком вертя,
Случайно отвертясь от пули и ГУЛАГа!..

Хуановым Крестом вселенскую дыру
Потщась заколотить, они всё в ту же реку
Сошли, допрежь сумев нелепую игру
С усмешкой навязать кощунственному веку.

Да кто она была, богиня здешних мест?
И что поведал он в миру, ей преклоненном?..
Они – двадцатый век: с креста профанный жест –
Вот так ответь, грустя в саду уединенном.

11. Саграда Фамилиа

Вскинешь глаза – и уверуешь в царство прощенных.
И да отпустит Господь в золотом птицелове
Неутолимую ревность веков просвещенных
Не о пророческом даре – о собственном слове.

Вот: одолжаясь величьем у стада и сева,
Всеми плодами, всех вен трудовыми узлами –
Ввысь, где в живительной кроне предвечного древа
Белые голуби весело плещут крылами.

Всем простодушьем щедрот, всею реберной клетью
Трудно вмещает сей храм Твое знаменье, Отче:
Каменный свод, не досказанный впредь на столетья,
Нам отписал в смертный час не опознанный зодчий.

Что тут рассудит эпоха всеобщего сыска?
Что укрывала, краснея, намокшая марля?..
Птичий ли посвист Господня жонглера Франсиско
Звал в поднебесье, печалуясь флейтою Арля?

Храмовы своды, смиреннопоклонен и тонок,
Ратям небесным в подножье подсолнечник стелет, –
Может, затем, чтоб клонился надменный потомок
Грамоте трав разуметь у пчелы в подмастерьях?

Быть яко дети – велит или жалует право,
Впредь предызбрав, мальчуган в корневище у древа,
Чтоб под ребячьей ладонью кремень Коста-Брава
Всю оказал плодоносность планетного чрева?..

Чтобы чертог, всею костной основой ощерен,
Небу голодному пряник неся, как лобзанье,
Был ненасытною родоприимной пещерой,
Детским райком и стигматом людского дерзанья.

12. Улица Горького Колодца

Встань на галечном уклоне, где седая
Залежь патины твердеет в соль земли, –
Встань на улице, глазами припадая
В изумленьи к смотровой ее щели:

Не речными огибаемый струями –
Русло времени согнув и отклоня,
Город к небу устремился остриями,
Чтоб Создатель не видал седьмого дня.

Преломя в луче витражного кристалла
Все, что знаешь, погляди: у всех дверей
Алебастровые прорези портала
Грезят сумраком коралловых морей!

И расслышишь, как вдогон бряцанью конниц
Отходную медный колокол играл,
Где сейчас меж зарешеченных оконниц
Ты идешь, как меж опущенных забрал;

Где над кладезем от слез проржавел ворот,
Ибо ждали – не дождались тут вестей,
Только знали: чуть беда – упрямый город
Туже стянет опояску крепостей.

Вольность, гордость да кряжистая порода
Горожан, порука хлеба и клинка,
Да неспешная, не знающая брода,
Путь в каменьях проточившая река.

Глянь: истории петлистая кривая
В переулке залегла кремнистым дном,
А над ней, эпохи напрочь отбивая,
Ходит колокол в проеме ходуном.

13. Долина Павших

Легла гряда – рубец раздора:
Стоит, как в ступе тяжкий пест,
Над корабельным плеском бора
На круче утвержденный крест.

Стоит – превыше разуменья
Пометой на полях веков:
Про двести тыщ кубов каменья
И сорок тысяч костяков.

Отлихословил ворон хрипло,
Травою проросла броня,
И плоть скалы проела крипта
До преисподнего огня.

Но там, где всех рассудят строго,
Занятно ль Ветхому Деньми,
Кто за Испанию и Бога,
Кто за свободу лег костьми?

В миг первородного зачатья
Не вышний ли из всех судов
Братоубийственной печатью
Скрепил проекты городов?

И сей, чья летопись от Рима,
Сливая клекот, мык и рык,
Клубя огонь, дохнул: «Аррива!»* –
Ощеря кафедральный клык.

И одеянье причащенья
Снаряд расцвечивал пестро,
Когда в охвостье ангел мщенья
Втыкал железное перо.

* «¡Arriba, España!» – девиз генерала Франко.

И кто был песне зачинатель
В миг, когда рухнул, словно куль,
Луны и смерти заклинатель,
Не имущ слова против пуль?..

Когда в отару входят бесы,
О, как неправедно точны
Счета, и город стоит мессы,
А месса – пули у стены!

И помнит всякое селенье,
Блюдя заплаты крепостей,
Про непоспешливое тленье
В гранит упрятанных костей…

Промыла черепа скелетам
Река, и кровь ушла в пески.
Поэта более – Толетум,
Стоящий аду вопреки.

Искус пройдут слова и храмы,
Слеза и всякая казна.
...Как величава тишина
В лесах осенней Гвадаррамы!

Леонид Якубовский

Стихи

Летящие

Они летели, сбросив туфли,
заботы отпустив земные,
и рано в окнах лампы тухли,
и щелкали замки дверные.

Они летели всем законам
наперекор, вразрез морали,
и вслед летящим, как знамена,
деревья кроны простирали.

Тянулись к ним в дорожной пыли
цветы ромашки и жасмина.
Они летели, словно плыли,
и крыльев не было на спинах.

На крышу забрался мальчишка,
чтоб сделать неба фотоснимок,
и осветил их яркой вспышкой,
как золотистым круглым нимбом.

И звери поднимали очи,
с восторгом глядя из-за сосен,
и птицы до прихода ночи
их провожали к первым звездам.

Они летели. Телескопы,
обшаривая небо глазом,
за ними крались, как циклопы,
неведомым и тайным лазом.

И ночь прошла. Они влетели
под пламя солнечного диска…
И дрогнул мир, когда сгорели
они, в одну спаявшись искру.

И опустились телескопы,
и звери разбрелись по норам.
В пустое небо из окопа
Любовь смотрела грустным взором.

* * *

Дожди, дожди размыли шар земной,
грязь разлилась во все концы вселенной.
Чай закипел. Сядь посиди со мной
за белой занавеской, как за пеной
всех океанов мировых, морей,
и помолчим о том, что скоро будет.
О том, как устаешь среди людей
и как тоска подходит на безлюдье.
Наверно, всё бессмысленно вокруг.
Наверно, шорох мыши полон смысла.
Мы помолчим о том, как можно вдруг
поймать себя на откровенной мысли
(при этом не роняя ни слезы
и сдерживая в сердце восклицанье):
какое это счастье – вдруг в грязи
звезды увидеть чистое сиянье.

Смерть кота

Рубеж веков судьбы жестокой.
Вот человек залез в траншею
и, видимо в тоске глубокой,
коту выкручивает шею.

И кот кричит. Сияет солнце,
на нас лучей бросая купы,
и бабочка к цветку несется,
открыв для поцелуя губы.

Полна забав людей планета,
но с точки зрения удава,
все сотворенное – забава,
хитро устроенная кем-то.

Все держится на нитях тонких,
привязанных к руке ребенка,
и мир, трубящий в трубы громко,
из черепков составлен ломких.

Душа же требует свободы.
Ум трудится в науках разных.
Ракеты рвутся к небосводу,
пугая ангелов прекрасных.

Что смерть кота с кривою шеей
в сравненьи с жизнью человека,
он ползает по дну траншеи,
пытаясь выползти из века.

И дух кота над ним мерцает
пучком, светящим в виде розы,
и, зла не помня, угасает…
Висят, звеня, на нитях звезды.

Зимняя ветка акации

А в шторах снег
сыпет хлопьями легкими, белыми.
Созвездий смех
пролетает колючими стрелами.

Ко мне в окно
одинокая ветка акации
стучит давно
белоснежными длинными пальцами.

И вот она
через сон, через шорохи, шепоты,
в проем окна
пробралась в темноту моей комнаты.

И к ней большой,
как к любви запоздалой, просроченной,
тянусь щекой
по подушке, метелью простроченной.

Совьи строфы

1

Смотришь на снег и куришь.
Жизнь показала кукиш,
ей не чета
моя нищета с солью,
ведь этих строчек совьих
ей не читать.

2

Жизнь остается правой,
нет, не рукой; но правом

всё разложить,
как говорят, по полкам:
если родился волком;
значит, и выть.

3

Ночь проседает глубже
в снег, и стволами ружей
тени лежат.
Если бы вспыхнул выстрел,
не отскочил бы, в искрах
видя закат.

4

Все мы мишени в чем-то,
если смотреть на чёрта,
как на Стрельца.
Не удержать улыбки;
все мы отчасти рыбки
в сети Ловца.

5

Долго глядятся очи
в грусть украинской ночи,
в край той межи.
Ломтик луны, как сало,
у казака под усами
тихо лежит.

6

Спят воробьи на лавке.
Мирно почиют в Лавре
мощи святых.

Только ночные совы
дергают все засовы,
бьют во щиты.

7

В этой стране, где любят
песню простые люди
жизни сильней,
мрія про кращу долю
стала иллюзией, болью
будущих дней.

8

Тихо от снов в округе.
На подоконнике руки
трогают мел.
Сумрак в окне колючий,
вдруг от слезы горючей
снег зашипел.

9

Новой эпохи звёзды
светят родным погостам
и на плетень,
как говорят в народе
знающие, наводят
старую тень.

Данила Демяненко

Цирк

Данила Демяненко родился 11 ноября 1997 г. в Одессе. Рос очень веселым и общительным ребенком. В полтора года любимым его занятием было повторять буквы из азбуки, а спать он ложился только тогда, когда все книжки лежали под его подушкой. Когда пришло время идти в школу, Даня наотрез отказался идти в первый класс. Он учился дома с родителями и ходил в секцию каратэ. В это время, в шесть лет, Данила начал писать свои первые маленькие рассказы и стихи. На следующий год его приняли сразу во второй класс, и он окунулся в шумную и проблемную школьную жизнь. Тогда больше всего на свете Данил любил читать. Он мог читать целыми днями, и даже ночами читал с фонариком под одеялом, чем заметно подорвал свое зрение. Из-за переездов Дане пришлось сменить три школы. Сейчас он живет в селе Новая Дофиновка и учится общеобразовательной Черноморской школе Коминтерновского р-на Одесской области в 8-Б классе. Учится неплохо, но с удовольствием только по тем предметам, которые ему нравятся, – литература, украинский и русский языки, история. В школе у него много друзей, а в классе его называют юмористом, так как он любит подурачиться и посмешить народ, за что часто получает замечания от учителей. В свободное от школы время Даня занимается паркуром, и конечно, много пишет, с чем и связывает свою дальнейшую жизнь.

Ольга Демяненко

Случилось сие в маю прошлого года. Тогда солнце уже достаточно припекало мою бритую голову. Озеро хорошо прогрелось, и я почти целыми днями сидел на его берегу. Жизнь с каждым днем становилась все скучнее и скучнее. До опреде-

ленного момента, пока я не увидел у здания городского совета объявление. На нем жирными черными буквами было написано: «14 мая в город… приезжает цирк. В нем будут принимать участие: танцующий медведь, веселые собаки, силач Антонио и акробаты».

Новость эта мгновенно пронеслась по всему городу. Люди в ожидании чего-то фантастического заранее купили все билеты. Зал, построенный на сто человек, в день представления вместил в себя не меньше двухсот, не считая детей. Я тоже купил билет и уселся в первом ряду, около самой арены. Свет погас. На арену вышел необыкновенно высокий человек. Он был в черном фраке и черной высокой шляпе. Подняв в безмолвии руки вверх, он показал большую плохо прошитую дыру под мышкой.

– Дамы и господа, сеньоры и сеньориты! Дорогие зрители! Сегодня мы покажем вам несколько сверхъестественно-фантастически-удивительных номеров. Позвольте вам представить нашего первого артиста: невообразимо-поразительного силача из Франции сеньора Антонио.

При этих словах из-за занавеса на арену вышел огромных размеров человек. На нем были надеты короткие, по колено, разноцветные галифе, синяя майка и белые перчатки. Он поклонился зрителям под гром аплодисментов и сказал:

– Пардон сеньорес, дон парфагорес, фенитос.

Зал разразился еще более громкими аплодисментами.

Человек во фраке ушел со сцены вместе с дыркой. Затем вышел перекрашенный золой в негра человек. Поставил перед собой барабан и начал настукивать ритм. Силач Антонио выкатил стоящую за сценой телегу и, словно она весила не больше пуда, поднял ее в воздух. Затем он подозвал к себе крашеного негра, человека во фраке и двумя руками поднял их над собой в воздух. Зал разразился громкими аплодисментами. Силач поклонился и, к моему превеликому удивлению, сказал человеку во фраке такое нехорошее слово на чистом русском, что я даже не буду говорить. Оказывается, французы знают русский язык.

Человек с дыркой объявил танцующих собак. Два маленьких человечка силой вытащили на арену бедную рыжую собаку и ска-

зали: «Танцуй!». Пес жалобно посмотрел на них, затем на зрителей, заскулил и метнулся прочь с арены. Один маленький человечек плюнул на пол, сказал то же слово, что и силач Антонио, и ушел со сцены.

– Простите за маленькое «а-ля фенитос», – сказал человек во фраке, – позвольте вам представить акробатов из Бразилии.

Акробаты выскочили на сцену и… Ну тут уж ничего не скажешь. Прыжки, перевороты, позы. Это был самый поразительный номер из всех, что я видел в своей жизни. Даже не верилось, что человек с дыркой мог представлять таких чудесных артистов. Зал разразился громом аплодисментов.

– А теперь танцующий мишка!

Из-за шторы выскочил огромнейший бурый медведь. Он оценивающе оглядел зрителей и, встав на задние лапы, зарычал так, что все замолчали. Секунд десять длилось молчание, а затем громом грянули женский писк, визги и крики. Толпа людей помчалась к выходу. Более проворные полезли в окна. Я и сам, честно говоря, выскочил из окна. Но ничего. Главное, что никто не пострадал. Одним словом, представление удалось. Вот так-то.

Записки бездомного

1 января. Меня уволили. Причем с треском. Говорят, и так работник плохой, да еще и сокращение штата.

2 января. Меня выгнала жена. С треском выгнала. Говорит, и так муж плохой, да еще и безработный.

3 января. Ну, вот я и бездомный. Спал на лавке. Последние деньги проел. Чашку чая купил вечером, чтоб не замерзнуть.

4 января. Порвались ботинки, и я промочил ноги. Холодно.

5 января. Не ел весь день. Худею. Живот на меня бурчал. Дурень!

6 января. Заболел. С треском так заболел. И кашель, и озноб. Кошмар!

7 января. Я умер. С треском так умер. Дворник сказал – замерз. Ну, замерз – да и замерз. Бог с ним!

Одесса

Солнце встало. Встало и осветило одесский дворик. Самый обычный одесский дворик. Все его жители проснулись, высунули головы в окна и крикнули друг другу в знак приветствия что-то вроде:

– Доброго здоровячка!

– Как ваш насморк?

– Да! Насморк есть не что иное как пакость, убивающая мои нервы!

– Плюньте вы ему в морду, этому насморку.

– Бог с вами! У меня пирожок сгорел!

– Кстати!.. Насчет пирожка. Заходите ко мне вечером на пельмени.

Утренняя беседа окончилась, и все разошлись по своим делам. Лишь из квартиры 15 все еще слышались громкие вопли: «Мой пирожок!» «Да оставьте вы ваш пирожок, он все равно невкусный!»

В общем, жизнь пошла полным ходом. Женщины, все без исключения, пошли на кухню, а мужчины вышли на балконы, чтоб случайно не попасться под их горячую руку. На балконах стояли: Николай Петрович Амуницын – сантехник первого разряда, человек молчаливый и тихий, Арсений Илларионович Ривершта́н – в прошлом директор магазина «Ромашка», болтливый человек лет сорока пяти, и молодой мужчина по имени Василий Вячеславович. Последний был учителем. Он лишь день назад переехал на новую квартиру.

Раньше Василий Вячеславович жил и преподавал в городе Днепропетровске, но по каким-то неизвестным причинам переехал в Одессу и поселился по объявлению у тети Раи. Он оглядел пустующий дворик с высоты третьего этажа, крякнул и уставился на растущий виноград, что аппетитно свисал прямо над ним.

Неожиданно для всех во двор зашла женщина в зеленой юбке.

– Вам кого, мадам? – спросил, помигивая, Арсений Илларионович.

Она оглядела мужчин с головы до ног, искривила лицо и крикнула вызывающим тоном:

– Ну, и кто тут Синицын?

– Я Синицын, – взволнованно, чуть приподняв бровь, сказал Василий Вячеславович. – Я. А что?

– Телеграмма.

– Мне?

– Нет, мне! Ну, чудак-человек! – сказала женщина, махая руками. – Ну так? Мущина, вы собираетесь телеграмму получить?

– Да-да! Одну секунду! – Крикнул молодой человек и скрылся. Спустя минуту он выскочил из парадной, подошел к почтальону, взял телеграмму, расписался в получении и вернулся обратно.

Подойдя к двери подъезда, он встал, как пораженный молнией, и уставился на кодовый замок.

– Триста семьдесят два, – бросая окурок, сказал Амуницын и ушел с балкона.

– Так… Три… Семь, два. Работает! – по детски весело сказал учитель, и отворив дверь, забежал к себе в квартиру.

Он опять вышел на балкон и радостно посмотрел на телеграмму.

– Подружка? – поинтересовался Ривершган.

– Да нет, – смущенно ответил Синицын. – Мама.

– Арсений Илларионович, – знакомясь, протянул свою руку бывший директор.

– Василий Вячеславович, – протянул свою ладонь в ответ учитель, – очень рад познакомиться!

– Ну, и как вам?

– Простите, что?

– Ничто! Одесса как?

– Ну… Как… Очаровательный город. Знаете, в жизни не видел ничего подобного! Когда приехал сюда – не знал что делать, а сейчас снимаю замечательную квартиру у Раисы Ивановны. Какие тут доброжелательные люди! А сам город каков? Я будто очутился в раю! Прошелся по вашему, как его, Приморскому бульвару, поглядел на памятники. Как историк я был просто поражен.

– Вот в этом – да! Вам повезло, как не везло никому в Европе и Средней Азии.

– Как вы сказали? Простите? – не поняв смысла выражения, переспросил мужчина.

– Я говорю: «Таких пельменёв, как у тети Раи, ты не съешь нигде!» – резко перейдя на «ты» сказал Ривершта́н. – Нигде не съешь, заклюй меня карась! Не угостишь сигареткой?

– Да-да! Пожалуйста, – мужчина протянул приоткрытую пачку собеседнику. Тот перегнулся через виноградную лозу и бесцеремонно выхватил три сигареты.

– Я возьму?

– Да, да! Конечно!

– О чем это я? – почесывая свой круглый живот, задумался бывший директор. – Ах, да! Пельменев. Пельмени у Раи вкусные, но и голубцы тоже ничего. Что я еще хотел сказать? Ах, да! – громко хлопнув в ладоши, крикнул Арсений. – Тебя будет звать на пельмени Наташка Александровна. Если дружишь с жизнью – не иди к ней.

– Хорошо, – весело засмеялся учитель и провел ладонью по лбу.

В то же время на соседний балкон вышла полная женщина преклонного возраста и сказала:

– Ба!.. Ты смотри, какой жених нашелся.

– Во-во! – поддержал Ривершта́н.

– Это что же? У Раи теперь живет такой голубь! А она мне ничего не сказала! Подруга называется! Ну, ничего! Я с ней еще поговорю!

Мужчина покраснел, смутившись, и, словно маленький ребенок, уставился в пол.

– Красивый, молодой, – начал говорить, беспрестанно брызгая слюной, Ривершта́н, – историк!

– Баа! – важно закатив глаза, сказала женщина.

– Правда... Курящий.

Женщина захохотала, махнула головой и ушла с балкона.

– Ну, и я пойду, – сказал Арсений Илларионович, и не долго думая, удалился.

Василий остался один. Вокруг него никого. Совсем никого…

Летняя жара томила и мучила. Время летело быстро. Раиса Ивановна приготовила голубцы, причем такие вкусные, что молодому Синицыну никак не хотелось вставать из-за стола. Однако не сидеть же дома все время! Об этом напомнила и хозяйка квар-

тиры. Ей было бы очень кстати, если бы ее жилец ушел из дома хотя бы на то время, пока она делает уборку.

– Не хочите погулять? Как в эту пору хорош город! – хитро улыбаясь, сказала тетя Рая.

Намек был сразу понят. Синицын вышел из дома, не успев даже надеть шляпу, чтоб не дай бог не разозлить хозяйку. Пользуясь тем, что поблизости никого нет, Василий поспешил уйти со двора.

Как интересно гулять по городу, который видишь впервые! Его запахи, звуки! Улица, наполненная незнакомыми людьми! Все ново, загадочно. Как весело шагать по узкому тротуару! Чувства переполняли Синицына, и он, словно погрузившись в сон, шагал по аллеям города. Люди проходившие рядом, шумели и суетились в своих повседневных делах и заботах. Но почему так легко? Почему так хорошо идти среди людей, которых ты никогда не видел? Мужчина не знал ответа, но нужен ли ему ответ? Башмаки Синицына стучали о тротуар. Он пришел в парк. Клены и акации приветливо встретили его, шелестя кронами. Людей в парке не было. Тишину прерывало лишь пение птиц, что будто молоко разливалось меж деревьев и до самой земли, дышащей свежестью и молодостью лета. Василий Вячеславович сел на лавочку, еще раз оглянул пустующий парк и, закрыв глаза, откинул голову назад. Эмоции исчезли, исчезли мысли, и наступило настоящее счастье. Наступило такое ощущение, какое лишь на секунду является в самых ярких снах. Синицын ощутил душу тротуаров и домов, душу парков и фонтанов, душу города Одессы.

Сергей Бондарин

Кораблик Паустовского*

В молодости мы увлекались знаменитыми морскими сражениями.

Как-то вновь заговорили о грандиозном Ютландском бое времен первой империалистической войны и вспомнили при этом один примечательный, весьма любопытный и, как ни странно здесь сказать, очень трогательный эпизод.

Артиллерийский бой двух могущественнейших флотов мира – Великобритании и Германии, – решавший судьбу войны, шел на больших дистанциях, доступных только главным калибрам артиллерии.

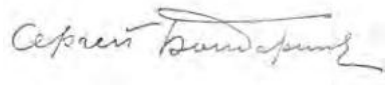
На западе долго погасала июньская северная заря, и поэтому в той стороне, несмотря на мглу дымов, еще хорошо очерчивались стройные силуэты британских дредноутов, шедших под флагом адмирала Джеллико.

Немецкие эскадры старались сохранить более выгодную позицию. Их энергичный командующий, адмирал Шеер, маневрировал, держась к востоку от Джеллико, – здесь видимость его кораблей терялась в наплывающих туманах.

Но так или иначе весь горизонт – и на востоке, и на западе – вздрагивал в молниях пушечных залпов. И повсюду, то тут, то там, вдруг взбрасывались гигантские фонтаны – всплески недолетов двенадцати- и четырнадцатидюймовых снарядов. И вот тогда-то внезапно со сражающихся кораблей заметили жалкую скорлупу какого-то парусного суденышка; время от времени захлестываемое брызгами зловещих фонтанов, рыбачье суденыш-

* Из книги «Парус плаваний и воспоминаний». – Москва: Советская Россия, 1971 г.

ко из всех сил старалось держаться на своем курсе под перекрестным огнем двух империалистических флотов.

Эпизод этот включен в официальный отчет Британского адмиралтейства о Ютландском сражении.

В разговоре Паустовский заметил:

– Кораблик попал в историю не напрасно!

Собирая морщинки у глаз – уже тогда у Константина Георгиевича была эта особенность внимательного и доброго собеседника, – он улыбнулся, помолчал, может быть, заново представляя себе картину грандиозного боя в океане и занесенное сюда суденышко, сказал:

– Удивительнейшая аллегория! И как хорошо, что эпизод включен в отчет адмиралтейства… Очень хочется, – и он опять улыбнулся, – чтобы и наш кораблик тоже был замечен с флагманских кораблей…

Мы понимали, о каком кораблике идет речь. Не смели мы думать, что станем командирами линкоров, каждый из нас хотел быть хотя бы матросом на кораблике, а потом, может, и на корабле.

Метафора, разумеется, выиграла бы в своей точности, если бы на флагштоках одной из сражающихся эскадр развевался флаг революции и такой же – на нашем корабле.

Прекрасное время творческих мечтаний молодости! Едва ли есть что-нибудь более бескорыстное, чем этот эгоизм…

Так вон, думается мне, что теперь уже можно спросить: исполнилось ли пожелание Константина Георгиевича, совпадающее с нашим?

Будем говорить о нем самом.

Библиографической статистике нетрудно подтвердить популярность книг Константина Паустовского, а тем самым – размах, глубину и пользу его духовного влияния. И это не может не радо-

вать не только его друзей, но каждого интеллигентного человека: первейшая забота художника – учить свой народ чувствовать и думать, в трудно постижимых сплетениях жизни отличать добро от зла, утверждать художественный вкус и правду, именно ту правду, что создает душу народа, – именно такая забота всегда не давала покоя Паустовскому – от времен еще более ранних, чем появление его первой крупной книги – «Кара-Бугаз», – и до наших дней, до последних глав его обширной художественной автобиографии.

Упорный, радостный труд любимого писателя, больше всего желающего сохранить для людей прелесть, радость жизни, сочетался с художественной жизнью нашей страны, уже не может быть этой жизни без голоса Паустовского.

Неверно думать, будто только имена великих открывателей земель или тайн природы возбуждают волнующий романтический интерес. Издревле душа человеческая тянулась к высоким примерам жизни, и тут находя то, в чем она нуждается. Когда-то «жития» наших предков, печатное слово о них выходили далеко за пределы церковных или религиозных интересов. Так и в наши дни жизнь истинного художника, его речи, слова, поступки, жест – всегда на виду. И горе тому из причисляющих себя к художникам, кто не хочет этого знать.

Паустовский всегда помнил завет Пушкина о том, что слово поэта – это уже есть его дело; Но он знал также, что каждый день писателя должен быть делом художника. Это знание было в самой крови у Паустовского. И слава богу, что иным он быть не может! Слава богу, что мы всегда видим его именно таким: все нуждаются в радости любви к природе, в примерах достойной жизни, в чистоте детства и юности, в дружбе с Паустовским.

Вот так и начинает сочиться понемножку, течь и течь, и потом растекаться неудержимо и щедро легенда о человеке, жившем среди нас, ломавшем наш общий хлеб.

Милый Константин Георгиевич! А ведь мы помнили тебя еще молодым журналистом.

В ту пору Паустовский еще не был автором общеизвестных книг. Только позже он, случалось, застенчиво вынимал из внутреннего кармана пиджака или из толстой «Лоции Черного моря»

маленькую книжечку небольших экзотических рассказов, изданную в библиотеке «Огонек»: «Минетоза». «Минетоза» – так называлась первая, если не ошибаюсь, книжечка Константина Паустовского с его первым книжным портретом на обложке…

Еще и теперь помним его таким, каким выглядел наш старший товарищ на том портрете – молодого, склоненного над свежеотпечатанной полосой газеты в тихой прокуренной редакции черноморского «Моряка».

Все мы помним то время страны, приступившей к веселой и нелегкой работе, и веселой, и грандиозной, как сражение дредноутов. Помним многих людей, впоследствии благодарно описанных Паустовским. Мы вместе слушали шум Черного моря, а позже – тишину Мещерских лесов…

Паустовский помог нам полюбить глубокий голос русской истории и радостное волнение мечтаний о будущем. И воспоминание о любой встрече с самим Паустовским, с любой его книгой всегда наполняет душу, не постесняюсь сказать, нежной благодарностью.

О значении Паустовского уже написаны книги на многих языках – и что же в этом удивительного! Всегда радостно думать и говорить о человеке, которому хочешь верить. А Паустовский не раз подтверждал, что ему верить можно, как он сам верил своей совести.

Но что же сказать о Паустовском прежде всего? Как сказать о нем короче всего и вернее всего? Думаю, вопрос не тщетный, если ты готов говорить о любви к самому Паустовскому, к художнику, всегда и прежде всего озабоченному художественным выражением собственной душевной верности народу и его интеллигенции.

Конечно, страшно смотреть на то, как легкий и храбрый кораблик идет под ветром между сражающимися эскадрами в море, потрясаемом пушками эпохи. И все-таки веришь: этот парус непременно должен был мелькать над океаном даже в разгар битвы, потому что он напоминает людям об истинных ценностях и целях жизни.

Паустовский был прав, когда воскликнул: «Не напрасно занесло сюда это суденышко!». Вся картина боя была бы без него беднее.

Есть морские обычаи, одинаковые для всех морей, широт и флотов. К ним принадлежит капитанский час – время, когда капитаны кораблей, находящихся в плавании в том или ином районе, вступают в переговоры между собой. Говорят обо всем: о минувшем шторме, о запасах топлива, о событиях на корабле, о своих семейных делах.

В дальних водах, у Курильских островов однажды случился капитанский час особого рода. Об этом и расскажу.

Накануне я спорил с моим приятелем. Он никак не соглашался со мною, что всему морскому не чужда романтика. Он ворчал:

– Какая тута (конечно, это он нарочно говорил так: тута), ну какая тута романтика. Романтика – это фантазерство, а море – реальность, и оно не любит фантазеров, разных там фантастов и фантомасов, море не любит чужих. Посуди сам: вот у рыбаков трал идет пустой, и пусть сейчас над ним летит чайка или пламенеет закат, все равно рыбак будет кусать локти. Это молодые едут за туманом, а нам, старикам, нужно семью поднять – не до романтики. Слезы? Слезы я видел. Я видел, как рыбаки плачут слезами, когда подымешь трал или невод, а он вдруг прорвался, и рыба вывалилась, а чтобы над книжкой плакали, ей-богу, я этого не видел. Ну, вот, правда, моего сына, Ваську, случалось, не оторвешь от книжки, уткнется, трет глаза пальцем…

Свою длинную тираду штурман вдруг прерывает, как говорится, на самом интересном месте, молчит.

Я спрашиваю:

– Так что же за книжка такая – интересно?

– Паустовского, – ответил штурман и вдруг задумался.

И что сказать, видимо, задумался не зря. Капитанский час – море разговаривает с берегом, корабль с кораблем… Но есть же и литературный час – это когда с сердцем разговаривает сердце.

Вот это и случилось.

Известие о его смерти пришло на судно по радио. Мы были далеко в океане. И как всегда – печально-осеняющая весть быстро разнеслась по судну, но я, чем-то занятый в своей каюте, еще не знал об этом, когда ко мне постучались.

За дверью стоял штурман-антиромантик.

– Один?

Уже в этом обращенном ко мне вопросе было что-то неожиданное и тревожное. Штурман пристально посмотрел на меня:

– Еще не знаешь?

– Ну, в чем дело, говори!

– Умер Паустовский.

Штурман знал от меня, что Константину Георгиевичу плохо – он очень болен, знал он еще, что сын его читает книги Паустовского… Что еще мог знать о Паустовском этот моряк? Но он пришел ко мне с готовым предложением, одобренным капитаном: капитанский час сегодня будет отменен, вместо капитанского, если я согласен, будет объявлен час литературный, посвященный памяти Паустовского.

К вечеру мы подошли к Курильским островам. Вершины вулканов были в тумане, но кипящая пена прибоя у прибрежных скал была хорошо видна.

Здесь, у Курильских островов, и состоялся литературный час на судне, населенном рыбаками и туристами, и эта встреча посвящалась Паустовскому.

Время объявили по судовой трансляции, а просторная каюта, обращенная в этот час к закату, уже заполнилась.

Право сказать прощальное слово над гробом товарища, старшего друга, печальное и тяжкое право. Легче душе, когда мысль о человеке, с которым расстаешься, ясна и свободна. Не надо было искать слова и мне о горестном значении утраты.

Легко было говорить о добре и доброте, о чести и мужестве, столь нужных, необходимых для нас. Как много он делал для защиты чести и справедливости, а «эстетика – это прежде всего честность».

Был с нами еще один человек, который тоже хотел сказать, что думает о Паустовском. Он хорошо сказал.

– Все мы, современники Паустовского, – сказал он, – стали свидетелями трагического и великого превращения. На наших глазах писатель перешел от своей короткой творческой жизни к жизни долговременной, присущей тем, кого принято помнить всегда. Над могилой Паустовского прибьют табличку с цифрами – датами его рождения и смерти. Между этими двумя знаками будет черточка. Вот эта черточка и заставляет нас задуматься. Она,

а не цифры. Есть главное – есть жизнь, о которой мы говорим. В черточке, отметившей жизнь писателя, и заключено: кем он был, кем будет.

А кем он был? Кем будет?

Паустовский был ласков к человеку. Это очень верно. Несомненно, доброта, ласковая рука водили им, то есть хочу я сказать, доброта водила его рукой, и ради этого он писал. Ему постоянно нужно было выражать душевную свою потребность в ласке и в добре, благодарность природе, самой жизни. Все трогало его, как ребенка. Он всегда сохранял это драгоценное свойство и всегда старался продлить детство в других. Художник – он хотел научить других признать прелесть морей, рек и лесов, небо в полдень и на закате, звезду полей и успокоительную нежность женского лица и прикосновения, печаль осенней листвы, потому что осенняя печаль расширяет душу…

В последние годы мы встречались редко. И он при этих встречах казался мне каким-то иным, не таким, каким был прежде в годы узнавания.

Однажды он сказал:

– До сих пор я писал о том, как я жил. Теперь я хотел бы писать о том, как я хотел жить.

Уже не было для этого ни времени, ни сил.

А можно догадаться, что он хотел бы чаще видеть вокруг себя счастливых людей…

Так рассказали мы о Паустовском рыбакам и романтикам-туристам. Люди слушали внимательно, на глазах у женщины блеснули слезы, и что мне особенно приятно сказать – я видел, как мой приятель штурман искоса поглядывает на эти слезы – строго и смущенно.

Думаю, это хорошо, что в океане на корабле, населенном романтиками-туристами и рыбаками, следующими в районы своего промысла, далеко в океане состоялся литературный час, посвященный памяти Паустовского, и хорошо, что для него было отведено как раз то время, когда море разговаривает с землей, судно с судном.

«Будьте верны музе далеких странствий, – писал Паустовский, – и путешествуйте в меру своих сил и свободного времени. Потому

что каждое путешествие – это проникновение в область значительного и прекрасного».

Мы разошлись, когда уже совсем стемнело и на горизонте резко светилась полоска зари. Неверно думать, что восходы и закаты одинаковы и у Курильских островов, и на опушке Мещерского леса. И этот закат был прекрасен, и я его никогда не забуду. Не забуду и ту чайку, которая белела за кормой судна, как нарочно. Нет, не только чайки, восходы и закаты составляют романтику неохватной нашей жизни. Меняется романтика, меняются люди, может быть, изменит свой взгляд и милый штурман…

Но почему, почему так много утрат?

Каждое путешествие – это проникновение в область прекрасного, – думалось мне, – а что же это за путешествие, в которое ушел Паустовский и которое суждено совершить всем нам, – и тем, кто в самом деле путешествовал всю жизнь, и тем, кто никогда не выходил дальше своего порога…

Евгений Деменок

Владимир Баранов-Россине – наш человек в Париже

В многочисленных публикациях о Владимире Барановe-Россине, появившихся в последнее время в российских и украинских изданиях, его часто называют «забытым» художником. И действительно, о художнике долго не вспоминали не только в тогдашнем Советском Союзе – об эмигрантах вспоминать было не принято, даже если они успели сделать для молодого советского государства немало полезного. Не вспоминали о нем и во Франции, где Владимир Баранов-Россине прожил большую часть жизни. За исключением нескольких парижских выставок, состоявшихся в 50-е годы (в том числе ретроспективной выставки на Салоне независимых в 1954 году), его работы нигде не демонстрировались.

И вдруг в начале 70-х произошло триумфальное возвращение художника на мировую сцену. Сначала в 1970-м в Лондонской «Rutland Gallery» прошла его большая персональная выставка. Затем в 1971 году на выставке «Русский авангард» в галерее Леонарда Хьюттона в Нью-Йорке вызвало сенсацию сконструированное художником оптофоническое пианино. А затем на срезе 1972-1973 годов в Государственном музее современного искусства в Париже (более известном как Центр Жоржа Помпиду) состоялась выставка трех «российских авангардистов». Это были Малевич, Баранов-Россине и Мансуров. Выставка прошла с большим успехом, более сорока газет и журналов отреагировали на нее. «Двое малоизвестных художников авангарда» – называлась статья в «Le Monde». «Двое забытых в русском искусстве» – таков был заголовок в «Journal du Dimanche». После этого интерес к творчеству Владимира Баранова-Россине только нарастал. На-

чиная с 1973 года, выставки работ художника почти ежегодно проходят в Европе и США.

Вспомнили о художнике и на его родине. Работы Баранова-Россине экспонировались на выставке «Москва – Париж» в ГМИИ им. А.С. Пушкина в 1981 году, на выставке «Украинский авангард» в Мюнхене в 1993 году, в 2002 году в Государственной Третьяковской галерее состоялась широкая репрезентация картин и скульптур художника. В 2007 году в России прошло сразу две выставки Баранова-Россине: в Государственном Русском музее в Санкт-Петербурге и Музее личных коллекций ГМИИ им. А.С. Пушкина в Москве. Работы художника находятся сегодня в престижнейших музеях, а аукционные цены бьют все новые и новые рекорды. Но об этом чуть позже. А сейчас – биография.

Шулим-Вольф Баранов родился 1 (13) января 1888 года в селении Большая Лепетиха Мелитопольского уезда Таврической губернии (ныне Запорожская область Украины) в семье мелитопольского мещанина Давида Баранова и его жены Розалии. В пятнадцатилетнем возрасте – в 1903 году – поступил в Одесское художественное училище, которое успешно окончил в 1908-м. К сожалению, сведений о детстве художника практически не сохранилось. Хотя А.Д. Сарабьянов в своей замечательной монографии о художнике пишет, что «еще будучи одесским гимназистом, он пишет картины, отражающие домашний быт», – эта информация пока не подтверждена. Также неизвестно, учился ли Шулим-Вольф рисованию до поступления в училище. Скорее всего, да, потому что уже ранние училищные работы свидетельствуют о незаурядном мастерстве. Например, первым номером в каталоге той большой выставки в Центре Помпиду числился «Пейзаж Одессы» 1905 года. А знаменитый «Автопортрет с кистью» 1907 года, мастерски сделанный в стиле пуантилизма? Это фактически работа зрелого мастера, хотя на тот момент Шулиму Баранову было всего девятнадцать.

Баранов-Россине вообще был мастером автопортрета. Он писал их много и в разных стилях, особенно известны его кубистические автопортреты первой половины 1910-х годов.

Будучи студентом Художественного училища, Шулим Баранов принимает активное участие в выставках. Сарабьянов пи-

шет: «Есть сведения, что еще до поступления в одесское училище в 1902 году он принимал участие в художественной выставке». Как бы там ни было, первыми документально подтвержденными выставками, в которых принимал участие Вольф Баранов, были XVII, XVIII и XIX выставки Товарищества южнорусских художников в Одессе. XVII-я выставка открылась в октябре 1906 года в городском Музее изящных искусств на Софиевской, 5, – в здании сегодняшнего Одесского художественного музея. В каталоге выставки он указан как Ш. Вольфов, экспонировались четыре этюда под номерами 55-58. Адрес проживания художника не указан. XVIII-я выставка ТЮРХ открылась там же октябре 1907 года, художник указан уже как В. Баранов (Вольфов), он представил три этюда под номерами 29-31. Адресом художника указано Художественное училище, Преображенская. Указание адреса училища – это обычная практика для учеников, снимающих квартиру или комнату и не имеющих постоянного адреса. На XIX выставке, открывшейся в сентябре 1908 года, художник представлен тремя работами – двумя этюдами и картиной «Мельница», под именем Л. Баранов. Адресом его указана уже Императорская Академия художеств в Петербурге.

Состав участников выставок ТЮРХ был в те годы очень интересным и даже разношерстным. Наряду с традиционными представителями южнорусской школы Костанди, Дворниковым, Головковым, Нилусом, Стилиануди, Буковецким, Заузе, Н.Д. Кузнецовым и другими в них принимали участие Евгений Лансере, Давид, Владимир и Людмила Бурлюк, Василий Кандинский, Амшей Нюренберг, Натан Альтман. Такое разнообразие говорит, пожалуй, об определенном духе свободы, присутствовавшем тогда в училище. В.А. Абрамов отмечает, что «южнорусским» в тот период нужны были «леваки», – чтобы дать школе свежее дыхание и избежать нарастающих упреков в однообразии и застое.

Работы Баранова были замечены и публикой, и критикой. М.С. Линский, также участвовавший в XVIII-й выставке ТЮРХ с шаржами, писал: «Г. Вольфов прислал на выставку всего несколько этюдов, но их достаточно, чтобы с уверенностью предсказать молодому художнику блестящую будущность. Этюды эти следует признать лучшими на выставке» (Лин. [Линский М.С.] XVII вы-

ставка южнорусских художников // Одесские новости. – 1906, 1 октября). Работы Владимира Баранова упоминаются в статьях Н. Скроцкого, Танагры, Михаила Соломонова.

Если Баранов-Россине и находился в ранних классах училища под влиянием южнорусской школы, то впитал он импрессионистическую его часть, а затем быстро пошел дальше. Юный художник очень схватывает современные тенденции в изобразительном искусстве, пробует себя в разных стилях и манерах. «Он испытал на себе все стили от импрессионизма до абстракции», – пишет Сарабьянов. Интересно проследить, как менялась стилистика его ранних работ, работ одесского периода. Если «Усадьба» 1907 года выполнена в классической южнорусской манере с элементами модерна, то автопортреты 1907-1908 годов выполнены в манере пуантилизма, так же, как «Портрет служанки», «Повариха» и знаменитые «Баржи на Днепре». Постановочная ученическая работа «Натюрморт со шлемом» 1905 года, явно выполненная под руководством Геннадия Александровича Ладыженского, и тут же «Разгон демонстрации» – уже с явным влиянием модерна. Импрессионистические «Зеленый сад», «Белый сад», «Пейзаж с деревьями» (все 1907 года) – и фовистские гуашевые работы «Лебединое озеро», «Сиреневый пейзаж», и холсты «Зима в Петербурге» и «Петербург под снегом» (также 1907 года). В каталоге ретроспективной выставки Баранова-Россине в «Verneuil Saint Pères Galerie» в Париже, которая состоялась в 1984 году, под № 1 представлен тот самый «Пейзаж Одессы», который был номером первым и в каталоге выставки в Центре Помпиду. Он выполнен в импрессионистической манере, которую, пожалуй, можно считать развитием традиций южнорусской школы. В этой же манере выполнены еще две работы с выставки, «Сквер с беседкой» и «Крыши Одессы», обе 1908 года. В каталоге выставки 1970 года, состоявшейся в «Rutland Gallery» в Лондоне, под № 3 значится работа «Колледж в Одессе», также выполненная в южнорусской манере и датированная 1904-1906 годами. Также на выставке был представлен целый ряд работ одесского периода: «Подлесок» 1904 года, «Конфитюр» 1904-1905 годов, «Трагедия» 1905 года, «Зимнее солнце» 1907 года, «Порт зимой» 1907 года, уже известная нам «Мельница» 1907 года и «Крыши Одессы».

А уже в 1909-1910 годах появится ряд кубистических автопортретов художника.

Баранова-Россине в течение жизни неоднократно будут упрекать во всеядности, вторичности, неумении найти свой собственный стиль. Он действительно работал в во многих стилях – неоимпрессионизм, фовизм, кубизм, орфизм, сюрреализм, абстракция… Но в каждую работу он привносит что-то свое, индивидуальное, узнаваемое. Владимир Гусев, директор Русского музея, пишет: «…в истории его творчества отразились если не все, то очень многие направления в развитии российского авангарда. Он не был поверхностным подражателем, но отличался чрезвычайной восприимчивостью ко всему новому, стремлением не повторить – но познать, освоить и попытаться превзойти». Михаил Герман в своей замечательной книге «Парижская школа» пишет о Баранове-Россине: «…ему выпало на долю стать тонким и точным интерпретатором основных ее (парижской школы. – **Е. Д.**) тенденций, не столько повторяя, сколько исследуя и «репрезентируя» происходящие в искусстве процессы. Он имел довольно индивидуальности, но самая индивидуальность его служила раскрытию и общих явлений. К тому же он был достаточно европейцем и достаточно русским, органично ощущая себя в этой двойственности… Ему нравилось практически все, но он не метался, скорее радовался наступающему разнообразию возможностей. И кто знает, что было в нем главным – мастерство стилизатора, артистизм эпигона или, скорее всего, мудрость аналитика и историка собственного времени».

В годы учебы в Одесском художественном училище художник много путешествует. Помимо поездок на родину, к родным, он бывал в Петербурге, в 1907 году предпринял первое путешествие по Европе и, возможно, встречался в Швейцарии с дадаистом Хансом Арпом, с которым впоследствии будет неоднократно видеться уже после отъезда в Париж.

Вообще общительность, активность, умение завязывать знакомства, умение дружить – характерные для художника черты, которые немало способствовали его вхождению в круг известнейших художников своего времени. Благодаря новым знакомствам он начинает активно выставляться. Начиная с 1907 – еще

училищного – года, число выставок, в которых он участвует, стремительно растет. В конце 1907 – начале 1908 года работы Баранова экспонируются на выставке группы «Стефанос» (Венок) в Москве, в начале 1908 года – на XV выставке картин Московского товарищества художников, в конце 1908-го – на выставке группы «Звено» в Киеве. В 1909-м он участвует уже в четырех выставках в Санкт-Петербурге и Херсоне. Кстати, на выставке импрессионистов «Венок» в Херсоне он в числе прочих выставляет и картину «Мельница».

Такое быстрое вхождение в когорту молодых «ниспровергателей основ» в русском изобразительном искусстве, в первую очередь, связано, безусловно, с вхождением в круг «великих и ужасных» Бурлюков. Вполне возможно, что с Давидом и Владимиром Бурлюками Баранова познакомил Алексей Крученых, который также учился в Одесском художественном училище в 1902-1906 годах. Один из соучеников Баранова, Г.М. Левитин, вспоминал: «В двух последних классах я подружился с Владимиром Барановым. Он как-то был связан с Владимиром, младшим из братьев Бурлюков. Через Баранова и протянулись нити к возникавшему тогда «авангарду».

Судя по всему, знакомство Баранова с Бурлюками состоялось либо до – что скорее всего, – либо во время XVII выставки ТЮРХ. Об этом можно судить по письму Давида Бурлюка «в секретариат южнорусск. XVII выставки картин», в котором он пишет, что почтовый адрес его в каталоге – станция Константиноград – указан неправильно, правильный адрес – Перещепина Екатеринославской губернии, а на станцию Константиноград по окончании выставки нужно отправить его вещи, 22 работы (Владимира, Людмилы, Давида) и 4 работы Шулима Баранова. При этом Бурлюк пишет: «Если Шулим Вольфов захочет свои вещи получить в Одессе, покорно прошу ему выдать 4 №№». Такое свободное обращение свидетельствует либо о том, что Бурлюк собирал работы художников-единомышленников для выставки в другом городе, либо о том, что Владимир Баранов какое-то время жил у гостеприимных Бурлюков, и в любом случае свидетельствует о тесном общении художников.

В мае 1908 года Владимир Баранов успешно окончил живописное отделение Одесского художественного училища, о чем свидетельствует диплом от 13 сентября 1908 года, хранящийся в Государственном архиве Одесской области. Что значит успешно? Это значит, что в том году 15 учеников окончили училище по I разряду – они были признаны педагогическим советом подготовленными для поступления в Высшее художественное училище, кроме того, они получили дипломы на звание учителя рисования и чистописания в средних учебных заведениях. А вот три ученицы окончили училище только по II разряду – они также получили дипломы на звание учителя, но вот к поступлению в Высшее худучилище признаны были не подготовленными. Вместе с Владимиром Барановым в 1908 году училище успешно окончили Федор Гнездилов, Петр Кравчук, Фелициан Коварский, Иоанн Петровский, Моше-Нухим Портной, Соломон Розенбаум, Александр Савицкий и Георгий Фурсей. Имена их сегодня мало что скажут даже искусствоведам.

Вообще, ежегодные отчеты Одесского общества изящных искусств представляют собой интереснейшее чтение. Из них можно узнать не только количественный состав учеников художественного училища – например, в 1903-м, году начала обучения Баранова-Россине, в нем учились 258 учеников, а в 1908-м – 229 учеников. Из отчетов можно узнать также сословное и религиозное деление учащихся. Так вот, к 1 августа 1903 года иудеев было 156 человек, что составляло 60,3% от общего количества учеников; к 1 августа 1904 года в училище занимались 173 иудея и 71 православный; в 1908 году в художественных классах занималось 111 иудеев и 101 православный, 9 римо-католиков, 5 лютеран, 2 караима и один армянин. Похожая картина сложится и в Париже, куда Владимир Баранов приедет двумя годами позже.

Из воспоминаний Г. Левитина видно, кто и какие предметы преподавал в училище. Первый класс вел Геннадий Ладыженский. В нем рисовали геометрические тела и «бесконечно штриховали». Во втором классе рисовали гипсовые слепки и знакомились с античной скульптурой. В четвертом классе – «классе фигур» – вел занятия директор училища Александр Андреевич Попов. Параллельно Ладыженский преподавал живопись. Пятый,

выпускной класс, вел сам Кириак Костанди. Здесь ученики уже делали наброски на свободную тему и рисовали с натуры. Вот что рассказывает Левитин о Костанди: «В его непритязательных пейзажах и жанровых картинках, написанных в светлых, ярких тонах, намечались, у одного из первых в России, задачи пленэрной живописи. В то время, когда в обеих столицах только знакомились с импрессионизмом, это было свидетельством большой живописной культуры». Быть может, именно в этой близости южнорусской живописной школы к импрессионизму и кроются истоки столь быстрого вовлечения учеников в самые новые художественные тенденции, а что касается Баранова-Россине, то уже в училище он работал в импрессионистической и постимпрессионистической манере и затем быстро шагнул дальше.

Из архивного дела Шмуль-Вульфа Баранова видна его успеваемость в художественном училище. Итак, 16 августа 1903 года он допущен к экзаменам сразу во II класс, но принят в первый. Правда, в том же 1903/1904 учебном году он переведен во второй класс, а в 1904/1905 году переведен сначала в III, а затем в IV класс. В 1906/1907 учебном году он переведен в V класс и получил несколько денежных наград за эскизы – в октябре 15 рублей, а в феврале 1 и 5 рублей. Что касается общеобразовательных предметов – оценки были средние (честно говоря, как и у большинства учеников училища). Единственная твердая пятерка была у него по географии, а вот оценки по русскому языку, чистописанию, анатомии, истории, арифметике и черчению – тройки и четверки. Стабильная тройка у будущего парижанина была и по французскому языку.

Итак, осенью 1908 года с дипломом Одесского художественного училища Владимир Баранов едет в Петербург. В Академии художеств он проучился недолго – 21 декабря 1909 года его отчислили за непосещение. Зато продолжается активное участие в выставках. После четырех выставок в 1909 году его работы экспонируются на зимней выставке импрессионистов 1909-1910 годов в Вильно и получают хорошие отзывы критиков.

Приехав осенью 1910 года в Париж (путь художника лежал через Киль, Мюнхен и Стокгольм), Владимир Баранов становится Даниэлем Россине. Именно этот псевдоним взял он в Париже. По-

началу он подписывал свои работы «Rossine», в начиная с 1917 года остановился на варианте «Владимир Баранов-Россине». О происхождении второй части фамилии существует множество версий. Вита Сусак в прекрасной книге «Українські містці Паріжа. 1900-1939» пишет: «В разговоре дочка Татьяна объясняла происхождение псевдонима от имени Росинанта – знаменитого коня Дон Кихота». Московский исследователь Г. Поспелов увидел в Россине созвучие с *россиянином*». А.Д. Сарабьянов в монографии о художнике упоминает художника Сергея Ястребцова, двоюродного брата баронессы фон Эттинген, хозяйки салона на бульваре Распай, где принимали тех, «у кого есть или будет имя в современной живописи, поэзии или музыке». Гостями салона были Гийом Аполлинер и Блез Сандрар, Андре Сальмон и Макс Жакоб, Александр Архипенко и Марк Шагал, Михаил Ларионов и Наталья Гончарова, Соня Делоне и Владимир Баранов-Россине. Так вот, свои статьи в журнале «Парижские вечера» Ястребцов публиковал под псевдонимом Жан Серюс. В переводе с французского (ces russes) фамилия означала «эти русские». «Не здесь ли истоки происхождения псевдонима Владимира Баранова – Даниэль Россине, явно долженствующем сообщать о российском происхождении его обладателя? А созвучен он фамилии Делоне, с которыми Баранов-Россине водит в это время тесную дружбу», – пишет Сарабьянов. Вполне возможно. Тем более что кроме Серюса у Баранова был еще один пример похожего псевдонима – пример еще из одесских времен. На XVIII выставке ТЮРХ вместе с ним в ряду других участников выставляла свои работы Роза Файнштейн, которая с 1909 года выставлялась под псевдонимом Рюс или Рюсс. Она училась в Одесской рисовальной школе и частных академиях Парижа. При этом в Париже она жила весной 1905-го и с осени 1910 по январь 1911 года – как раз во время пребывания там Баранова-Россине. А в 1918-м, когда он уже приехал в послереволюционную Россию, Роза Рюсс участвовала в 1-й и 2-й выставках картин профессионального союза художников в Москве. Баранов-Россине в этом же году участвовал в двух выставках в Петербурге – «Мир искусства» и «Выставке современной живописи и рисунка» бюро Добычиной, и одной выставке в Москве – это была

«Выставка картин и скульптуры художников-евреев». Удивительные совпадения.

Париж начала прошлого века был мировой столицей искусств. Художники и скульпторы со всего мира приезжали в него, чтобы быть в авангарде мирового художественного движения. Новые стили и направления возникали чуть ли не еженедельно. Парадокс парижской школы первой половины XX века состоял в том, что она создавалась и развивалась, в основном, не за счет французов, а за счет художников, приехавших в Париж жить и работать, за счет эмигрантов. Пикассо и Модильяни, Сутин и Бранкузи, Александр Архипенко и Соня Делоне именно во французской столице стали ведущими фигурами мирового художественного процесса. Большую роль в развитии парижской школы сыграли выходцы из Российской империи. Марк Шагал и Александр Архипенко, Хана Орлова и Александра Экстер, Хаим Сутин и Мане-Кац, Михаил Бойчук и Михаил Ларионов, Алексей Явленский и Осип Цадкин, Жак Липшиц и Иван Пуни. Ну и, конечно же, в Париже было много одесситов. Список впечатляющий: Василий Кандинский и Теофил Фраерман, Натан Альтман и Владимир Издебский, Давид Видгофф и Иосиф Бронштейн, Жак Готко и Филипп Гозиасон, Маня Мавро и Айзик Федер, Сандро Фазини и Александр Френель, Моисей Стерлинг и Савелий Шлейфер, Михаил Берг и Яков Билит, Морис Бинер и Осип Браз, Сергей Булаковский и Георгий Вакевич, Александр Головин и Анита Горшиц, Магдалина Грабарская и Ася Гранатурова, Наум Грановский и Михаил Дризо, Владимир Загороднюк и Михаил Задунайский, Самуил Зивес и Макс Зильберт, Иосиф Константиновский и Михаил Латри, Александр Финкельштейн и Михаил Фотинский, Соня Ручина, и даже княжна Анна Гагарина-Стурдза. Все перечисленные выше художники не просто жили, учились или работали в Париже в период с начала XX века и до второй мировой войны, – они выставляли свои работы на знаменитых парижских Салонах – Осеннем салоне и Салоне независимых. Список далеко не полон. Если одна только Одесса дала Парижу столько художников, становится понятным, что он не мог не стать мировой столицей искусства.

Но вернемся к нашему герою. Приехав в Париж, Владимир Баранов попадает в самую гущу художественной жизни. И, как

и в Одессе, попадает в правильную компанию и входит в круг общения лидеров русского и французского авангарда. Он сближается с Робером и Соней Делоне, с которыми будет поддерживать дружеские отношения до конца жизни. В 1912-13 годах Даниэль Россине живет в художественной колонии «Улей» («La Ruche»), где соседствует с Александром Архипенко, Марком Шагалом и Хаимом Сутиным, Осипом Цадкиным и Жаком Липшицем, Давидом Штеренбергом и с будущим комиссаром народного просвещения Советской России Анатолием Луначарским. Он участвует в вечерах, которые устраивает баронесса д'Эттинген и Серж Фера (Жан Серюс), где собираются Александра Экстер, Михаил Ларионов и Наталья Гончарова, Макс Жакоб, Леопольд Сюрваж. И конечно же, много выставляется. Сразу по приезду, в октябре 1910-го, он выставляет свою работу на VIII Осеннем салоне. Это уже известные нам «Баржи на Днепре». Художник, безусловно, ценил эту работу, раз решил выставить ее на своей первой парижской выставке. Вплоть до 1914 года Баранов-Россине ежегодно участвует и в Салонах независимых, проходящих весной, и в Осенних салонах. При этом весной 1911 года на 27-м Салоне независимых он выставляет уже шесть работ, из них пять – скульптуры. Именно в скульптурах он начинает искать новые стили. Он выставляется в зале 41 вместе с Делоне, Фернаном Леже, Фоконье и другими. Как пишет Сарабьянов: «Зал 41 – наиболее яркая и полная манифестация кубистов». Как и в Одессе, и в Петербурге, художник осваивает новые стили, привнося в них свое.

Художников, приезжавших в Париж в начале XX века, принято условно делить на две волны. Первая – с 1908 по 1912 год, вторая – с 1912 по 1914 год. А.Д. Сарабьянов пишет: «И если представители первой волны в большинстве своем понимали современный стиль живописи как неоимпрессионизм с элементами фовизма – собственно, они сами и были носителями такого стиля, как, например, Баранов-Россине, работавший в этом направлении еще до приезда в Париж, то все, кто приехал в Париж после 1912 года, воспринимали уже кубизм как главную школу современного искусства. Некоторые из них – Попова, Удальцова, Экстер, Лентулов – стали настоящими адептами кубизма. Другие (Шагал, Филонов, Якулов, Альтман, Анненков, Баранов-Россине)

восприняли кубизм более поверхностно, он стал для них скорее объектом искусной стилизации. Большинство известных работ Баранова-Россине начала 1910-х: «Портрет посла», «Три грации», «Лежащая женщина», «Аристократ с усами», «Перед зеркалом», целая серия автопортретов и знаменитая «Кузница», находящаяся сейчас в Центре Жоржа Помпиду, – как раз выполнены в кубистском стиле. Ряд других работ: «Пейзаж с дорогой», «Кузина с цветами», «Сиреневый стол», «Городок в Нормандии», «Лето», «Пейзаж с деревом», «Пейзаж. Порыв ветра», «Красные домики» – выполнены в стилистике своеобразного «кубизированного сезаннизма». Г. Поспелов замечательно охарактеризовал эту своеобразную «всеядность» художника: «Баранова с трудом отнесешь даже и к какому-либо из стилевых направлений. <…> Он умел присмотреться не только к возникающим стилям, но и к индивидуальным манерам разных художников – от Сезанна и Леже до Делоне и Пикассо. Это не значит, что его искусство лишено индивидуальной окраски. Баранов-Россине был заметной фигурой, и его работы не спутаешь с произведениями других мастеров. Просто его индивидуальность – не в своеобразии стилей… но в некоторых «сверхстилевых» «чертах художественного менталитета».

Своеобразным знаком живописи художника стал фон, выполненный как соединение скругленных форм, веерообразно расцвеченных от светлого к темному.

Тесное общение с супругами Делоне не могло не отразиться на творчестве Баранова-Россине. В 1912-м Робер Делоне создал новое живописное направление – орфизм. Смысловым стержнем нового направления стал симультанизм – идея единства света-движения-цвета, которую Делоне изложил в статье «Свет» и ряде других. Орфизм повлиял на творчество целого ряда русских живописцев, живших в то время в Париже, – Лентулова, Экстер, Богомазова. Баранов-Россине оказался, пожалуй, самым преданным последователем идей орфизма. Два его самых значительных живописных цикла – «Адам и Ева» и «Апокалипсис» – выполнены в этом стиле. Одним из первых Баранов-Россине начинает делать работы на больших холстах. 102×148 см, 130×160 см, 152×200 см – вот размеры некоторых работ из этих серий. А работа «Адам и Ева» 1912 года – вообще гигантская для того времени,

200×300 сантиметров. Многочисленные работы цикла «Адам и Ева» во многом схожи между собой – лежащая Ева и стоящий перед ней Адам вписаны в концентрические круги, расходящиеся из точки, в которой неизменно находится большое красно-желтое солнце, словно бы являющееся третьим участником картины.

В 1913 году общей идеей авангардистов становится симультанизм (от слова simultane – одновременный). Симультанизм – это воплощение идеи о синтезе искусств. В сентябре 1913-го выходит симультанная книга – поэма Блеза Сандрара «Проза Транссибирского экспресса и Маленькой Жанны Французской». Она была напечатана в виде свитка и раскрашена Соней Делоне. Идея симультанизма находит воплощение и в стиле одежды. Летом 1913-го по четвергам на «Балу Бюлье» – популярной в среде авангардистов бальной зале – собирались друзья четы Делоне: поэты Гийом Аполлинер и Блез Сандрар, художники Шагал и Баранов-Россине. Вся компания одевалась в «симультанные одежды» – цветные костюмы, которые станут потом визитной карточкой Сони Делоне. На открытке, отправленной Робером Делоне владельцу берлинской галереи Херварду Вальдену, воспроизведены два мужских жилета – один принадлежал Роберу, другой Баранову-Россине.

Наивно будет думать, что Владимир Баранов-Россине не попробует себя в абстракции. Целая серия работ с названием «Абстрактная композиция № 1» и так до 10, работы «Абстрактный натюрморт», «Королева», «Голова солдата» и ряд других появились в 1913-1915 годах. Первые абстракции Кандинского увидели свет в 1911-м. Баранов-Россине много общался с Кандинским – они были знакомы еще с одесских выставок ТЮРХа. Баранов-Россине остается верен себе и заимствует из художественной системы Кандинского только декоративное начало. В переписке Баранова с Кандинским много внимания уделяется теме соотношения, взаимосвязи живописи и музыки. Эта тема живо и постоянно интересовала Владимира Баранова-Россине.

Вообще первый парижский период был для Баранова-Россине определяющим и наиболее плодотворным. Опробовав себя в различных живописных стилях, он начинает уделять внимание скульптуре. И если в живописи он осваивал стили и направления, созданные другими художниками, зачастую его друзьями и зна-

комыми, то в скульптуре стал новатором. Баранов-Россине стал одним из создателей «политехнической скульптуры», или так называемых «ассамбляжей». Это были комбинации разнообразных материалов – стекла, фанеры, пластмассы, металлических изделий, яичной скорлупы – с традиционными для скульптуры материалами: деревом, гипсом и другими. И его скульптуры не остаются незамеченными. В 1913 году на Салоне независимых он экспонирует скульптуру «Ритм», выполненную из дерева, картона и яичной скорлупы. Сейчас она находится в нью-йоркском Музее современного искусства. А наибольший резонанс получила выставленная весной 1914-го года на 30-м Салоне независимых «Симфония № 2». Вот как описывает один из критиков свое впечатление от скульптуры: «парадоксальная смесь лакированных цинковых деталей, раскрашенных свежими живыми мазками, водосточные желоба, служащие опорой странным мельницам для перца, синие, кремовые или ярко-красные шайбы, перемешанные с неожиданно появляющимися пружинами стальными стержнями». К тому же, по отзывам современников, скульптура была движущейся, то есть ее части могли менять свое положение. «Симфония № 2» считается одним из первых шагов на пути зарождающегося дадаизма и эстетики ready made. Безусловно, такое новаторство не могло понравиться всем. Однако наряду с резкой критикой он получает положительные отзывы от Гийома Аполлинера, критика и теоретика искусства. Собственно говоря, сейчас понятно, что одна похвала Аполлинера легко перевешивала шквал любой критики. Но тогда Баранов-Россине, раздосадованный валом негатива, просто выбросил скульптуру в Сену. Правда, перед этим он успел выставить ее на 3-й Международной выставке «Изобразительное искусство» в Амстердаме, которая состоялась сразу же после Салона независимых. Вот как описывает Соня Делоне это событие: «На Салоне независимых 1914 года он выставил скульптуру, которую страшно разругали. Тогда со всей нашей группой он торжественной процессией направился к Сене и кинул в нее свою скульптуру. В нашей среде он остался скульптором, совершившим этот жест». В письме на имя старшего сына Евгения Баранова-Россине от 19 июля 1971 года она с горечью пишет: «…это была огромная потеря для Современной

Скульптуры, которой он, создавший «Симфонию № 2» и «Полихромное дерево» [«Танец»], был одним из предтечей».

За неполные пять лет первого парижского периода Владимир Баранов-Россине принял участие в четырех Осенних салонах, в четырех Салонах независимых, а также, помимо уже упомянутой выставки в Амстердаме, в выставке «Современная живопись» в Екатеринодаре в 1912 году, в выставке «Modern Bund» в Цюрихе в том же году. Считается, что на эту выставку его пригласил Ханс Арп. По другим сведениям, Баранов-Россине и несколько русских художников задумали вместе с Арпом «Modern Bund» еще в 1907 году. Поразительная активность, не правда ли?

С началом первой мировой войны Владимир Баранов-Россине едет домой, в Тавриду, чтобы увидеться с семьей. В конце лета 1915 года художник уезжает в Норвегию. В Христиании – так тогда называлась столица Норвегии (древнее название – Осло – возвращено в 1925 году) он проживет до 1917 года. В Норвегии он много работает, а самое главное – в ноябре 1916-го в галерее «Бломквист» открылась его первая персональная выставка. На выставке было показано около 30 работ и знаменитая «палитра художника» – яркое проявление его цветовых «орфических» экспериментов и плод кропотливого изучения законов цветового контраста знаменитого французского теоретика цвета Мишеля-Эжена Шевреля. В своей заметке в норвежской газете «Verdens gang» Баранов-Россине пишет, что запатентовал свою палитру еще в 1910 году, и что многие художники во Франции и Германии используют ее.

Лучшими работами из представленных на выставке считаются «Норвежская рапсодия. Зимний мотив Троньема» и «Фиорд. Христиания», которые находятся сейчас в Государственном Русском музее в Санкт-Петербурге. Работы эти выполнены с использованием элементов ленты Мебиуса – популярного тогда изобретения немецкого математика А.-Ф. Мебиуса. Одним из первых ее интерпретировал Фернан Леже, а Баранов-Россине довел интерпретации до совершенства.

Отзывы критиков на выставку были, в основном, отрицательными, иногда просто уничижительными. Но это совершенно не разочаровывает художника и не убавляет его пыл и желание ра-

ботать. Он пытается организовывать выставки французских художников в Норвегии и помогает Соне Делоне организовать ее персональную выставку в Стокгольме. В том же 1916 году он дает в Христиании и в Стокгольме два оптофонических концерта. И вот на этом нужно остановиться поподробнее.

Неутомимый дух изобретательства жил в нашем герое. В 1930 году он становится членом Ассоциации интеллектуальных работников Парижа. В 1934 году Владимир Баранов-Россине изобрел и запатентовал аппарат «Мультиперко», служащий «для изготовления, стерилизации и раздачи различных газированных жидкостей», и даже получил за него два гран-при на Выставке технического поощрения. В 1938-м изобрел «Фотохронометр» – прибор для анализа и классификации драгоценных камней. По словам самого автора, прибор способен «проникать в их структуру, подобно тому как рентген проникает в человеческое тело». Прибором заинтересовались в Америке, и 29 декабря 1934 года художник даже направил письмо американскому президенту Франклину Рузвельту, намереваясь представить свой аппарат в Соединенных Штатах. Еще один аппарат – «Трюковый робот», используемый в кинематографе, был также изобретен Барановым-Россине в конце 20-х годов. В начале второй мировой войны он проводил испытания своего нового изобретения – «Динамического камуфляжа», или «Хамелеона», служащего для маскировки военных сооружений с помощью цветовых пятен. Вместе с Робером Делоне они представили это устройство директору заводов «Рено» и представителям Пентагона. Но главным изобретением Владимира Баранова-Россине стал оптофон – оптофоническое пианино.

В 1912 году в Мюнхене вышел в свет знаменитый альманах «Синий всадник» – программный документ художников-авангардистов. Составителями его были Василий Кандинский и Франц Марк. Альманах был манифестом художников, музыкантов, поэтов, философов, деятелей театра, рассматривающих искусство как целостное явление. В альманахе была опубликована статья Леонида Сабанеева «Прометей» Скрябина», в которой автор пишет об известных идеях великого композитора относительно синтеза искусств. Сабанеев пишет: «Пришло время объединить разделенные искусства. Данную идею, еще смутно

сформулированную Вагнером, сегодня значительно яснее выразил Скрябин. <…> До тех пор пока идея «мистериальности» в целом остается нереализованной, происходит частичное объединение искусств (для начала хотя бы двух). Подобную попытку и осуществляет Скрябин в своем «Прометее», объединяя музыку со «световой игрой». Цветовая симфония Скрябина основывается на принципе корреспондирующихся между собой звуков и цветов. У каждого звука есть корреспондирующий с ним цвет, смена гармонии сопровождается корреспондирующей с ней сменой цвета. Все это основывается на интуитивном цветозвучании, которым располагает А.Н. Скрябин».

Идея синтеза искусств, в первую очередь, изобразительного искусства и музыки, в начале прошлого века буквально носились в воздухе. Наверное, можно сказать, что Баранов-Россине довел их до технического завершения. В своем трактате «Институт оптофонического искусства», написанном в 1926 году, художник проследил историю возникновения этих идей, относя их к гораздо более раннему периоду – начиная с Леонардо и Баха. «В 1734 году математик аббат Луи-Бертран Кастель попытался дать оптофонический концерт при помощи световых дисков, появляющихся над клавесином», – пишет он. Современники знали о глубоком интересе Баранова-Россине к идеям синтеза звука и цвета. Василий Кандинский в письме к композитору Ф. Гартману пишет: «С тобой очень хочет познакомиться Rossine (молодой русский художник), занимающийся теорией живописи и специально живописными нотами. Сам он – чудесный».

Недавняя находка Булата Галеева, известного российского теоретика светомузыки, свидетельствует о том, что Баранов-Россине начал заниматься светомузыкой параллельно со Скрябиным и Кандинским. Галеев обнаружил в семейном архиве художника два портрета русских композиторов – Сергея Рахманинова и Александра Скрябина. На первом портрете стоит дата «11 февраля 1911 года» и надпись «Натурщик – художнику», сделанная Рахманиновым. На втором портрете рукой Скрябина написано «Музыканту красок – Скрябин».

Итак, оптофоническое пианино. Вот что пишет сам автор в своем трактате: «Вообразите, что каждая клавиша органного

пианино фиксирует в выбранном положении или с большей или меньшей скоростью передвигает определенный элемент в комплекте прозрачных фильтров, через которые проходит пучок белого света».

Свою работу над созданием оптофона Баранов-Россине начал в 1909 году. Скорее всего, сам оптофон был создан во Франции, и, как я уже писал, первые оптофонические концерты состоялись в 1916 году в Христиании в Стокгольме. В начале 1920-го художник сконструировал клавир – новый вариант оптофона. После нескольких лет совершенствования оптофоническое пианино было закончено. В октябре 1923 года Баранов-Россине провел опытную демонстрацию инструмента в большом зале РАХН на улице Кропоткина в Москве. 16 и 18 октября 1924 года в московском Театре Вс. Мейерхольда прошло еще два концерта. На афишах значилось: «Первый раз в мире!». 9 ноября того же года большой концерт Баранова-Россине состоялся в Большом театре – в сопровождении симфонического оркестра, балетной группы и вокала. Исполнялись произведения Грига, Скрябина, Шуберта, Вагнера, Дебюсси, Рахманинова. Зал был полон. Все концерты производили ошеломляющее впечатление на зрителей, свидетельство тому – воспоминания художника Юрия Анненкова.

Однако широкому распространению идеи синтеза искусств, увы, не суждено было сбыться. На той самой опытной демонстрации оптофона в Российской Академии художественных наук ученый совет РАХН отказал художнику в помощи, тем самым фактически поставив крест на развитии светомузыки в России. При этом главным оппонентом и критиком Баранова-Россине оказался, как ни странно, Леонид Сабанеев, друг и биограф Скрябина. Вполне возможно, что оптофон действительно был несовершенен, однако именно Баранов-Россине был первым, кто не побоялся перейти от слов к делу в развитии идей светомузыки.

В 1925 году Баранов-Россине дает ряд оптофонических концертов в Париже, Риге и Берлине и затем много лет подряд выступает с концертами в Париже, в том числе по приглашению Парижского симфонического оркестра. В 1927 году художник основал в Париже Первую оптофоническую академию, в которой пре-

подавал рисунок, живопись, конструкцию и скульптуру, используя систему «оптофонического пианино».

14 февраля 1925 года Баранов-Россине получил советский патент на «проекционное устройство для воспроизведения изменяющихся световых и цветовых впечатлений», а в 1926 году получает и французский патент на оптофоническое пианино под названием «механическое устройство для композиции и комбинации рисунков и цветов». Именно благодаря патенту на изобретение и руководству по пользованию оптофон, разрушенный во время второй мировой войны, был восстановлен. Сегодня он находится в парижском Центре Жоржа Помпиду.

Но мы забежали далеко вперед. Вдохновленный победой Февральской революции, как и множество других российских художников, Владимир Баранов-Россине вернулся в Россию. Художественная жизнь в «новой» России забурлила с невиданной силой. Знакомцы художника по «Улью» Анатолий Луначарский и Давид Штеренберг оказались на самой вершине управленческой пирамиды. Баранов-Россине становится сотрудником отдела ИЗО Наркомпроса и входит в состав Художественной коллегии по делам искусств и художественный промышленности. В 1918 году начинается его педагогическая деятельность – он становится руководителем живописной мастерской в Петроградских свободных мастерских бывшей Академии художеств. Тогда же отдел ИЗО НКП приобретает для Музея художественной культуры ряд живописных работ художника. Шесть из них сейчас находятся в Государственном Русском музее. В 1920-22 годах еще несколько работ были разосланы через Московское музейное бюро в провинцию – для Туркестанской республики, в города Луганск и Бахмут Донецкого бассейна, для Крымнаробраза, для ростовского музея. Дальнейшая судьба большинства этих работ неизвестна.

К первой годовщине Октября в Петрограде состоялась беспрецедентная художественная акция. Город был украшен огромным количеством росписей, лозунгов, плакатов, панно и статуй. К работе были привлечены все – от академиков до авангардистов. По эскизам Баранова-Россине огромными панно была украшена Знаменская площадь перед Московским вокзалом. Панно «Нет выше звания, как звание солдата социалистической революции»

находится сейчас в Государственном Русском музее, панно «365 революционных дней» – в Музее политической истории в Санкт-Петербурге.

С апреля 1919 года Баранов-Россине работает в Москве. Он преподает в 1-х ГСХМ (бывшее Строгановское художественно-промышленное училище). Через год 1-е и 2-е ГСХМ объединяются во ВХУТЕМАС, где художник преподает уже в качестве профессора и руководителя мастерской по изучению «дисциплины одновременных форм и цвета». В 1920-21 годах он был деканом основного отделения живописного факультета.

Как всегда, художник много выставляется. В ноябре 1917-го на «Выставке этюдов» художественного бюро Н.Е. Добычиной в Петрограде он представил 64 работы. В 1918 году Баранов-Россине участвовал в трех выставках: «Мир искусства», Выставке картин и скульптур художников-евреев и снова в Выставке современной живописи и рисунка бюро Добычиной. Весной 1919 года художник представляет свои работы на Первую государственную свободную выставку произведений искусства в Петрограде. В 1922-м четыре работы Баранова-Россине: «Беспредметное», «Форма и цвет», «Самовар» и «Розовый цвет» – представлены на 1-й Русской художественной выставке в галерее Ван Димена в Берлине. Три работы находятся сейчас в российских музеях. Яркая кубофутуристическая композиция «Самовар» – в Тамбовском художественном музее, «Беспредметное» – в Саратовском художественном музее, «Форма и цвет», или «Цветовая композиция», – в Вольском краеведческом музее. «Розовый цвет» находится в Азербайджанском музее изобразительных искусств. Последние три работы представляют собой беспредметные композиции – очередной этап художественных поисков Владимира Баранова-Россине. Начав в 1913-м, художник будет возвращаться к беспредметной живописи вновь и вновь. Ряд отличных работ с одинаковым названием «Беспредметная композиция» вышли из-под его кисти в 1933-1937 годах.

Идеалы социализма быстро разбиваются о реальность, и Баранов-Россине ищет пути возвращения во Францию. В конце 1920 года он едет на Юг Украины, в родную Тавриду, в Крым. Возможно, это была попытка эмигрировать из России. В 1925 году

по приглашению супругов Делоне художник со старшим сыном Евгением и женой Полиной возвращается в Париж. Он застал Париж совсем другим. Другие идеи, другие художники… Но Баранов-Россине остается собой. Он быстро адаптируется в новой художественной среде и словно бы нагоняет упущенное за последние годы, проведенные в Советской России. Конечно же, он встречается с супругами Делоне, которые в своей квартире на бульваре Мальзерб принимали художников. Встречается он и со старым знакомым Хансом Арпом, который стал к тому времени одним из ведущих европейских художников и лидеров дадаизма.

Во второй половине 20-х и в 30-х годах Баранов-Россине создает множество работ в новой для себя стилистике – стилистике сюрреализма. И как всегда, много выставляется. В Салонах независимых с некоторыми перерывами он выставляется с 1926 по 1940-й год. В 1933 году его «Политехническая скульптура», как в свое время «Симфония № 2», вновь привлекает повышенное внимание зрителей и критики. Причем критики, как обычно, разделились на две диаметрально противоположные группы. Итог – в 1972 году работа поступила в Национальный музей современного искусства в Париже. В 1933 году художник публикует поэтический текст о генеалогии живописи в ежегоднике «Абстрактное творчество: беспредметное искусство». В 1939-м принимает участие в пяти выставках, из них две были для него особенно важными – это парижский салон «Новые реальности» и выставка художников-музыкалистов в Лиможе.

В 1940 году на Салоне независимых Владимир Баранов-Россине выставил свою последнюю скульптуру «Замедленное крещендо» и картину «Психологический камуфляж».

С началом второй мировой войны он с семьей остался в Париже. «Я люблю Париж и ничего не боюсь», – сказал он своей знакомой, встретившей его в почтовом отделении.

По свидетельству семьи, последней картиной художника был «Натюрморт с вазой», написанный декабре 1942 года по случаю рождения сына Дмитрия.

9 ноября 1943 года художник был арестован гестапо и 20 января 1944 года депортирован в Германию.

25 января 1944 года Владимир Баранов-Россине погиб в Освенциме.

Михаил Линский, написавший первый положительный отзыв о работах Владимира Баранова – еще тогда, в Одессе, в далеком 1906 году, – был расстрелян немцами в оккупированном Париже в первой партии заложников. Он жил в Париже с 1920 года.

Адольф Федер, одессит, учившийся в Барановым-Россине в Одесском художественном училище в одно время, с 1910 года живший в Париже и в те же годы выставлявший свои работы уже в парижских Салонах, погиб в Освенциме в декабре 1943-го или январе 1944-го.

Еще один художник-одессит, Сандро Фазини, брат Ильи Ильфа, окончивший Одесское художественное училище в 1916 году и живший в Париже с 1922 года, погиб в Освенциме в 1942 году.

Одессит Савелий Шлейфер, окончивший Одесское художественное училище в 1903 году и живший в Париже с 1927 года, погиб в Освенциме осенью 1943 года. Он неоднократно выставлял свои работы в Салонах независимых в те же годы, что и Баранов-Россине.

Ужасный и прекрасный XX век.

Нужно отдать должное семье Владимира Баранова-Россине – именно они бережно сохранили его наследие и приложили все усилия, для того чтобы о «забытом авангардисте» вспомнили. Последовательные усилия не прошли даром. Начиная с выставок в лондонской «Rutland Gallery» и Центре Жоржа Помпиду интерес к творчеству художника постоянно возрастал, соответственно росли цены на его работы. «Баранова-Россине можно отнести к относительно узкому кругу, как теперь говорят, удачно раскрученных художников», – пишет В. Жерлицын. Аукционные цены, составлявшие в начале 90-х десятки тысяч долларов, в 2000-х перешагнули за миллионный порог. Например, в 2004 году на аукционе Sotheby's работа Владимира Баранова-Россине «Натюрморт со стулом» (1911 год) продана за 1 млн. 184 тысячи долларов. А в июне 2008 года на аукционе Christie's великолепная работа художника «Ритм (Адам и Ева)» 1910 года (202×293,3) была продана за 2,72 миллиона фунтов, превысив эстимейт почти в два раза.

Работы Баранова-Россине представлены сегодня в нью-йоркском МоМА и парижском Центре Жоржа Помпиду, Третьяковской галерее и Государственном Русском музее, Музее Людвига в Кельне, Музее Хирша Хорна в Вашингтоне, в «Wilhelm Lehmbruck Museum» в Дуйсбурге и многочисленных частных собраниях.

В собрании Одесского художественного музея находится ранняя работа Владимира Баранова-Россине «Утро», выполненная в пуантилистической технике. Работа попала в музей в 1930 году как дар его директора, художника Цви Савельевича Эмского-Могилевского, родившегося на год раньше Баранова-Россине. Прекрасный человек и специалист, один из создателей Народного художественного музея, Ц.С. Эмский-Могилевский был в 1937 году расстрелян по обвинению в шпионаже. В 1957 году его дело было прекращено за отсутствием состава преступления, приговор отменен.

Работа «Утро» не упоминается ни в одном исследовании о Владимире Баранове-Россине. Пришла пора ввести ее в искусствоведческий оборот.

Художника при жизни много критиковали и часто упрекали во вторичности. Однако он много и упорно работал, ставя перед собой все новые и новые цели и достигая их. В письме Соне Делоне из Норвегии он писал: «Я очень занят, как всегда бывал, и как всегда живу только живописью. Я делаю то, что хочу. Моя борьба состоит исключительно в том, чтобы бороться с теми невозможностями, которые мешают исполнению того, что я хочу. Для меня живопись – жизнь».

Сегодня Владимир Баранов-Россине занял свое достойное место в ряду лидеров мирового художественного авангарда.

Муза Одессы

Рита. 1962 г.

В марте нынешнего года Музей современного искусства Одессы совместно со Всемирным клубом одесситов при поддержке АБ «Пивденный» представили проект «Муза Одессы», вызвавший широкий и живой интерес у художников, критиков и любителей изобразительного искусства.

В пресс-релизе выставки говорилось:

«Если вы спросите кого-то из легендарных одесских нонконформистов: «С чего все началось?» – то вам ответят: «Со встреч в начале 60-х на Осипова у Риты и Саши (Ануфриевых); с первых лотерей, проведенных у них Евгением Голубовским, и первой квартирной выставки Виктора Маринюка, состоявшейся там же».

Если вы поинтересуетесь: «Кто продолжал проводить выставки и сохранил у себя салон, где собирались представители неофициального искусства в тяжелое межвременье конца 70-х – начала 80-х?» – то вы услышите: «У Риты на Солнечной».

Если вы спросите разъехавшихся по всему свету членов одесской концептуалистской группы: «Где вы собирались в начале 80-х, проводили первые выставки и перформансы?» – то Юрий Лейдерман, Сергей Ануфриев, Игорь Чацкин и другие вам ответят: «Мы собирались у Риты, у которой был салон на Солнечной. Там же прошли первые перформансы и выставка «Родня».

Если вы спросите тех, кто связан с contemporary art в Одессе: «Как возникли первые организации современного искусства?» – то все художники, успешные и очень, скажут: «В конце 80-х С. Каликой, Г. Котовым и Ф. Кохрихтом был создан первый центр и музей современного искусства «ТИРС». Рита Жаркова принимала участие в его образовании, была куратором и директором».

Уже перечисленных фактов достаточно, чтобы обратить внимание на Маргариту Шешацкую-Ануфриеву-Жаркову, которая была повивальной бабкой (если можно отнести такие слова к необычайно красивой женщине) одесского неофициального искусства на протяжении более чем 30 лет. А если добавить, что ею восхищались и ей служили (как могут служить мужчины настоящей женщине) многочисленные (далеко не только одесские) художники и поэты, то станет понятно, что кроме красоты было у нее что-то еще, что сохраняло за ней место Музы Одессы на протяжении десятилетий.

Но кроме перечисленных высоких ролей Рита писала прекрасные тонкие акварели и создавала интересные гобелены; более 20 лет преподавала на архитектурном факультете Одесского строительного института. Она была серьезным арт-критиком и искусствоведом.

Экспозиция включала произведения Риты: акварели, рисунки и гобелены; ее портреты кисти выдающихся одесских художников и коллажи из фотографий, иллюстрирующих ее путь.

Феликс Кохрихт

Маргарита и мастера

В 1999 году в Одессе вышел том с коротким и обобщающим названием «Портфолио» – условно говоря, досье на события – явки, пароли, на персонажей того искусства, которое принято называть современным, а если точнее, то на его экспериментальный, поисковый сегмент.

Издание вышло под эгидой Центра современного искусства Сороса – Одесса. Среди разнообразных по форме и содержанию материалов книги были и мои заметки, навеянные окончанием жизненного пути Риты, с которой меня и Таню связывала многолетняя дружба, не говоря уже о совместной деятельности по созданию Центра современного искусства «ТИРС».

В музейных залах, посвященных проекту «Муза Одессы», я вновь ощутил то, что было прочувствовано в печальные дни 1998 и опубликовано в 1999 на страницах «Портфолио».

Поскольку сегодня сборник этот уже стал редкостью, полагаю уместным предложить читателям альманаха, особенно молодым, свою статью «Маргарита и мастера» с небольшим, но необходимым добавлением.

За прошедшие 13 лет стало очевидным, что не только сын Риты Сергей Ануфриев, но и дочь – Юля Жаркова – унаследовала тягу и вкус к осмыслению того, чем была на всю жизнь околдована их блистательная мать.

«Среди горестных утрат 1998 года – кончина Маргариты. Риты…

У женщин странная судьба. Их родовые фамилии растворяются в фамилиях тех, кого судьба посылает в мужья. Рита Шешацкая ста-

Конец 80-х. Открытие очередной выставки в одесском Центре современного искусства «ТИРС»
В центре – Семен Калика, Маргарита Жаркова, Татьяна Вербицкая. Фото Олега Владимирского

Рита и Шура. 1960-е гг.

ла женой Шуры Ануфриева в конце 50-х. Они жили в коммуналке, в доме на Осипова угол Чичерина (сохраняю топонимику тех лет), которая стала для художников одесского андерграунда чем-то вроде московской квартиры Бриков-Маяковского.

Юная Рита была по-особенному хороша. По крайней мере, дюжина нынешних одесситок помнят, как они бегали на угол Пушкинской и Ярославского, где Рита работала в библиотеке, расположенной на первом этаже. Бегали, чтобы полюбоваться глазастой сотрудницей читалки с профилем, словно сошедшим с этрусской вазы. Согласитесь, женщины не часто любуются друг другом.

Она родилась художницей, музой, хозяйкой салона. В начале 60-х с такой ментальностью жить было нелегко. К тому же с талантливым, сумасбродным, эгоистичным мужем…

На Осипова в квартире Ануфриевых родилось то братство художников-шестидесятников, которое (и в это трудно поверить) живо и сегодня. Кроме Риты и Шуры – Владимир Стрельников, Виктор Маринюк, Валерий Басанец… Захаживали сюда и нынешний классик Юрий Егоров, и шумный экс-

центричный Люсик Дульфан, и юный Валик Хрущ бархатного периода, и поэт Леня Мак, и бытописатель богемы Фима Ярошевский. Бывал здесь и я…

Рита родила Сергея, ставшего со временем одним из столпов московского концептуализма. А потом они с Шурой разошлись.

С годами она стала Маргаритой Жарковой – женой философа, толкователя трудов выдающегося английского ученого Тойнби. В том, что в застойные годы Евгений Жарков впервые перевел на русский несколько томов его наследия, – отблеск Маргаритиного огня. Но и этот брак не дал ей не только счастья, но и покоя…

Евгений Голубовский, Татьяна Гончаренко, Александр Лисовский, Маргарита Жаркова

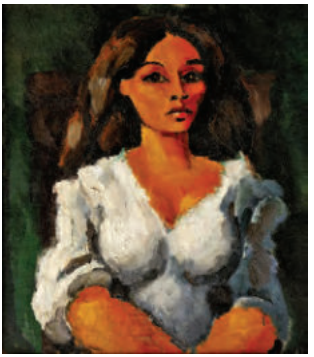
Конец 80-х. Одесский Центр современного искусства «ТИРС»
Слева направо: Феликс Кохрихт, Маргарита Жаркова, Георгий Котов. Фото Вячеслава Тенякова

И все эти годы – годы на Осипова, Свердлова, Солнечной – дома, где жила Рита, становились салоном, где художники встречались с поэтами, философы с музыкантами… Здесь проходили первые одесские квартирные выставки, что было делом далеко не безопасным. Среди работ, украшавших стены, были и рисунки, гобелены, созданные хозяйкой, отмеченные тонким вкусом, изысканным воображением.

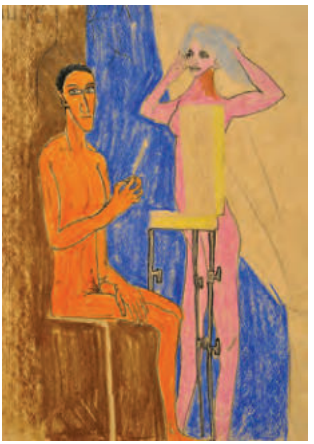
Со временем проявилась еще одна особенность ее натуры: Маргарита Жаркова собрала вокруг себя молодежь – талантливую и не очень, послушную и строптивую, скорее грешную, чем праведную. Студенты архитектурной академии, где она преподавала, выпускники худграфа и худучилища, а то и, как говорится, нестандартные юноши и девушки. Сколько из них обязаны Маргарите своей судьбой – художнической и не только…

Она была хранительницей, куратором центра и музея современного искусства «ТИРС». Задуманные и осуществленные ею проекты вошли в историю современного искусства Одессы.

Портреты Маргариты Ануфриевой-Жарковой

Александр Ануфриев

Александр Ануфриев

Юрий Егоров

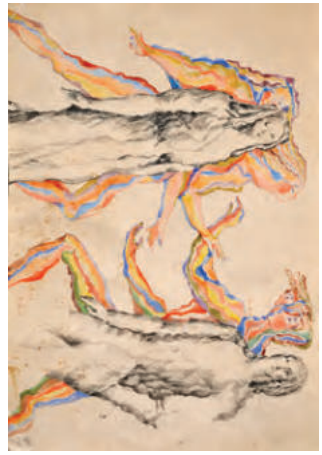

Александр Ануфриев

Валентин Хрущ

Работы Маргариты Ануфриевой-Жарковой

Как и все женщины с неординарной судьбой, Маргарита бывала разной. Но никогда – равнодушной. В последние годы она тяжко болела. Не дай Бог перенести выпавшие на ее долю муки… В последние месяцы уже не могла говорить – писала. Удивительные прозорливые статьи о художниках, с которыми ее сроднила жизнь. Их публиковали журнал «Одесса» и газета «Слово». Оказалась человеком редкого мужества. За несколько дней до смерти написала записку-вопрос другу, пришедшему ее навестить: «Как вы себя чувствуете? Как прошла презентация вашей книги?». И с живым интересом слушала ответ… И глаза ее сияли тем же светом, что и в далекие годы, когда мы собирались на Осипова, и молодой Шура писал ее портрет...».

Юлия Жаркова

Литургия Кристалла

Человек без страданий подобен пустой конфетной обертке.
А.П. Чехов

Начнем рассказ о Маргарите Жарковой-Шешацкой с того, что она вдохновила своего бывшего мужа, Александра Ануфриева, на написание сотни ее портретов.

Или, может, расскажем увлекательные истории о красоте Маргариты, когда люди собирались возле окон библиотеки, в которой она работала в свои 18 лет, и тайно любовались ею.

Можно поведать и обо всех, кто влюблялся в нее, запечатлевая ее образ в поэмах, в музыкальных произведениях и на полотнах. Среди них – джазовые музыканты, писатели, поэты и художники не только Одессы, но и Москвы, и разных стран мира. Иосиф Бродский был другом и почитателем Маргариты Жарковой.

Стойкость. Несмотря на трагические и порой совершенно невыносимые жизненные условия. В конце жизни – неизлечимая и, скажу тоже, уникальная (один случай на миллион) болезнь – sclerosis lateralis amiotrophica. И все же Маргарита придерживалась главного принципа: бороться за жизнь до конца.

Нельзя забыть и то, что в течение 21 года она обучала рисунку и живописи на архитектурном факультете. Спросите любого из бывших студентов Маргариты Георгиевны – я уверена, каждому подарено было настоящее знание, внимание и человеческое тепло.

Графический факультет педагогического института плюс влияние отца-портретиста и деда, Тимофея Шешацкого – иконописца и монументалиста, плюс мастерская Василия Гусарова в Петербурге и повышение квалификации в архитектурном институте Москвы – это и многое другое заставляет, как говаривал Валентин Хрущ, снять шляпу перед мастерством художницы.

А в 90-е совместно с Феликсом Давидовичем Кохрихтом и фирмой «ТИРС» Маргарита Георгиевна основала музей современного искусства, первый в СНГ. Таланты Маргариты Жарковой словно бы перетекали из одной области в другую. Будучи не в силах воплощать свои идеи в гобеленах и в графических работах из-за болезни, в конце жизни она написала много статей об искусстве.

Надо сказать, при жизни у нее не было ни единой персональной выставки. Виной тому – скромность.

Маргарита считала себя графиком. Ее акварели пронизаны ласковым южным солнцем, переливаются всеми цветами радуги подобно алмазу. Ее часто спрашивали, почему акварели и гобелены созданы в таких нежных пастельных тонах, сюжеты всегда радостные, радужных оттенков, и столь далеки от ее тяжелой реальной жизни?

«Если творчество – это отдавание самого лучшего людям, служение Красоте, то как можно выдавать в мир печаль, тяжесть, депрессии?» – так говорила Маргарита. Одно из любимейших слов было «кристалл». Переход из количества в качество. Таинство преобразования материи в природе и в творчестве.

Она постоянно удивительно легко, как бы мановением руки преображала серые асфальтовые будни в феерические праздники!

Началось все в 60-е, совместно с Александром Ануфриевым на Осипова и на Щепкина, с квартирных, иногда однодневных выставок. Позже, на Солнечной, продолжилось: перформансы и хеппенинги, показы альтернативной моды, квартирные выставки тех, кто вне общепринятого формата, кто «non». У Маргариты

Жарковой немало работ было посвящено известным музыкантам, основателям квартета современной камерной музыки «Гармонии мира» – Наталии Литвиновой и Сергею Шольцу.

Сергей Ануфриев, Леонид Войцехов, Юрий Лейдерман, Андрей Маринюк, Леша Музыченко, Дима Нужин, Перцы и Володя Федоров (Федот) зажигали особое творческое огниво, в котором старые обои разрисовывались, как древние китайские свитки, из байковой ткани с утятами шились безумные брюки-клеш, а одежда пасечника превращалась в арт-объект. Ядовито-зеленые сетки против комаров использовались для концептуальных аппликаций, всякий выброшенный мусор, газеты и комсомольские «грамоты» преобразовывались в артефакты, причем с истинно одесским юмором.

Помню, как-то Сергей Ануфриев и Андрей Маринюк устроили весенний Новый год. Рано встали и сорвали ветви цветущих слив, абрикосов, груш и вишен. Они расставили их во все вазы на полу, расстелили циновку и заварили зеленый чай, разложили сладости. На стенах красовались иероглифы и туманные пейзажи в духе Древнего Востока, соответственные туманной погоде. Написаны были а-ля прима Андреем и Сергеем за одну ночь, или, лучше сказать, – за один сон! Сергей поприветствовал хозяйку дома бормотанием неких афоризмов на старояпонском, и началось чаепитие. Перформанс так и назывался – «Весенний Новый год».

Вот оно – умение находить радость в привычном.

Прогулки к морю. Туман, ранняя весна. Щедрая летняя зелень, шапка листвы над изысканными домами на Французском бульваре. Расслабленное теплое море и выгоревший добела песок. Осень, карминные листья дикого винограда. Маяк и капли дождя на перилах балкона. Зима, замершее как бы в недосказанности море с изваянными изо льда волнами, замерзшая пена на песке в лучах розового закатного солнца. И снова весна – проснувшееся море шелестом приветствует сквозь нежные ветви деревьев, просвечивает солнце сквозь небесные покровы… Где вы сейчас, Жемчужина-Маргарита? Там, за облаками…

Роман Бродавко

Полвека за дирижерским пультом

Роль Одессы в истории музыки XX века поистине уникальна. Здесь родились личности, оказавшие огромное влияние на мировое исполнительское искусство, вписавшие золотые страницы в музыкальную летопись нашей страны. Среди них почетное место принадлежит дирижеру Григорию Арнольдовичу Столярову.

Он родился в Одессе 20 марта 1892 года в обеспеченной семье. Обучаться игре на скрипке начал в детстве у Петра Соломоновича Столярского, который сразу же обратил внимание на музыкальную одаренность мальчика. Родители не возражали против его желания стать музыкантом. Столяров получил блестящее образование в Петербургской консерватории. Он окончил ее в 1915 году по трем классам: скрипки Л. Ауэра, дирижирования Н. Черепнина и инструментовки А. Глазунова. Дирижерский дебют молодого музыканта состоялся еще в студенческие годы – под его управлением консерваторский оркестр сыграл элегию «Памяти героя» Глазунова. После окончания консерватории Столяров стал участником Квартета имени Л. Ауэра (впоследствии «Петроградского»). Дирижерскую деятельность начал в петроградском театре «Ренессанс», в котором проработал три года.

В 1919 году Столяров возвращается в Одессу. Работает как дирижер в Театре оперы и балета, преподает в консерватории, а в 1923 году становится ее директором. В одном из писем к Столярову Д. Ойстрах писал: «В своем сердце я всегда храню глубокую благодарность к Вам – ректору Одесской консерватории, в которой я учился и руководил студенческим симфоническим оркестром, в котором я познавал основы музыкальной культуры и приобщался к трудовой дисциплине». Теплые воспоминания

о Столярове оставил Константин Данькевич, который в двадцатые годы учился в Одесской консерватории. Одесская публика высоко ценила мастерство Григория Арнольдовича как оперного дирижера.

В 1929 году Григорий Арнольдович получил приглашение от Немировича-Данченко – стать музыкальным руководителем театра, который сейчас носит имена К.С. Станиславского и В.И. Немировича-Данченко. Новый театр был призван воплотить новаторские идеи в области оперного искусства, изжить укоренившиеся оперные штампы, достичь предельной жизненной правды в сценическом действии. Эти идеи увлекли Столярова – и он принял предложение.

В новом театре сложилась уникальная творческая атмосфера, которую создали художники-единомышленники. Особенно ярко она проявилась в работе над оперой Дмитрия Шостаковича «Катерина Измайлова» (руководитель постановки – В.И. Немирович-Данченко, дирижер-постановщик Г.А. Столяров, главный режиссер – Б.А. Мордвинов, режиссер – В.С. Соколова, художник – В.В. Дмитриев). Премьера состоялась 24 января 1934 года. Известный критик и театровед Павел Марков так охарактеризовал спектакль: «Злоба, деньги, похоть правили людьми. Немирович-Данченко был жесток, очень жесток в этой своей работе. Он не находил смягчающих красок быта. О какой-либо «оперности» не приходилось и думать. Немирович-Данченко убирал каждое лишнее движение. Образы были скульптурно вылеплены… Может быть, из всех спектаклей Музыкального театра именно в «Катерине Измайловой» актерское исполнение достигло наибольшей насыщенности и простоты».

Успех у публики был ошеломляющим. Новаторство композитора и постановщиков было высоко оценено большинством зрителей. Однако партийная власть отреагировала на спектакль иначе. «Сумбур вместо музыки» – так была названа статья в газете «Правда», в которой резко критиковалась опера «Катерина Измайлова» и музыка Шостаковича вообще – «нервная, судорожная, припадочная», которая, как говорилось в статье, «ухает, крякает, пыхтит и задыхается». Статья вышла в центральном органе ЦК ВКП(б) без подписи, что, по обычаю того времени, означало,

что она выражает официальную точку зрения партийного руководства. В этой публикации было прямое предупреждение «формалистам» вообще и Шостаковичу в частности: «Эта игра в заумные вещи может кончиться плохо». Это был мощный удар, но команду Немировича-Данченко он не сломил.

Вслед за «Катериной Измайловой» театр ставит классику – оперу «Травиата» Джузеппе Верди. По заказу Немировича-Данченко новый текст написала Вера Инбер. Премьера состоялась в декабре 1934 года. И – заслуженный успех. Вновь обратимся к Павлу Маркову: «Музыкальный театр им. Вл. И. Немировича-Данченко, обратившись к «Травиате», поставил задачей вернуть этой гениальной опере ее основной смысл, утерянный за 80-летнюю историю. Он вернулся к духу и к букве вердиевской музыки. Он не позволил менять ни одной ноты в партитуре и строго следовал замыслам Верди, тогда-то и открылась глубокая человечность и подлинная демократичность этого произведения, и стало понятным то ошеломляющее впечатление, которое произвела «Травиата» в день первого исполнения». Этапными работами Григория Арнольдовича как дирижера-постановщика стали оперы «Чио-Чио-сан» Дж. Пуччини (1935) и «Тихий Дон» И. Дзержинского (1936). Одновременно с работой в театре Столяров выступает в симфонических концертах, с 1934 года становится профессором Московской консерватории, преподает в Институте военных дирижеров.

В 1938 году Столяров уходит из театра. До конца 1938 года он работает в Оперной студии им. Шацкого при Московской консерватории. А в начале 1940-го получает новое назначение – становится главным дирижером Рижской оперы. Там его застала война. Обратимся к книге известного советского и американского скрипача Артура Штильмана «Москва, в которой мы жили»: «Не знаю, насколько это соответствовало истине, но знаю, что один из друзей отца и его руководитель в аспирантуре Московской консерватории – профессор Григорий Арнольдович Столяров – был назначен главным дирижером Рижской оперы вскоре после аннексии Латвии. В начале 1950-х Столяров рассказывал у нас дома, как он с женой в июне 1941-го выбрался из Риги за три часа до вступления туда гитлеровских войск. Он чудом уцелел. Зайдя к главному

администратору Оперы на его квартиру, был встречен этим человеком, с ужасом зашептавшим ему: «Что вы здесь делаете! Исчезайте немедленно!». Краем глаза Столяров увидел в комнате под абажуром на столе разостланные карты – местные фашисты уже открыто готовились. В растерянности он с женой вышел на улицу, и тут произошло чудо! Один из последних военных грузовиков взял их на борт, успел уехать и доехать до расположения советских войск, хотя был обстрелян еще в Риге несколько раз».

Во время Великой Отечественной войны Столяров исполнял обязанности директора Московской консерватории, работал на Всесоюзном радио, где подготовил не один десяток ярких концертных программ. В 1945 году он был назначен главным дирижером Алма-атинского театра оперы и балета им. Абая. Здесь на протяжении трех лет Столяров осуществил ряд постановок, которые в дальнейшем стали творческим ориентиром для молодых казахских музыкантов. В 1947 году Григорию Арнольдовичу присвоили почетное звание заслуженного деятеля искусств Казахской ССР.

Творческие достижения не были охранной грамотой в эпоху тоталитарного мракобесия. В послевоенные годы сталинский террор набирал обороты. Теперь объектом травли стали «безродные космополиты». Особенно жестокими стали репрессии против евреев как результат пресловутого «дела врачей». Сохранить честь и достоинство удавалось далеко не каждому. Столярову это удалось. Вновь обратимся к воспоминаниям Артура Штильмана, отец которого, дирижер Оркестра кинематографии Давид Штильман, в то страшное время был изгнан с работы: «…В июне 1951 года Столяров договорился со своим бывшим учеником, а теперь начальником всех военных оркестров Советского Союза генералом И.В. Петровым о приеме отца на предмет разговора о работе в любом возможном месте в качестве дирижера. Иван Васильевич Петров знал отца давно… Он принял его в своем кабинете в Наркомате обороны на Знаменке точно в назначенное время. Был в высшей степени любезен и участлив. Петров сказал тогда буквально следующее: «Давид Семенович! Вы ведь знаете о негласной установке ЦК в отношении лиц еврейской национальности? Есть вакантное место в Институте военных дирижe-

ров, но… Но если я пойду к своему начальству с вашими документами, то первым вылечу из кабинета я, а за мной ваши документы. Но если Григорию Арнольдовичу удастся договориться на месте, в самом институте, и они пришлют мне заявку с вашей фамилией, – то тогда документы поступят ко мне, и я их, конечно, подпишу. Если план удастся, то все будет в порядке, и вы будете работать. Передайте все это, пожалуйста, Григорию Арнольдовичу». Столярову удалось уговорить начальника института, и бумага легла на стол Петрова. Он, как и обещал, немедленно ее подписал. Наконец-то с сентября 1951 года отец снова будет работать! В это было трудно поверить. И трудно передать, как все мы были счастливы! Теперь уже можно было как-то продержаться до сентября. Самое ведь главное в той атмосфере были не только 1275 рублей в месяц – ставка старшего преподавателя Института военных дирижеров, самым главным была справка о месте работы! Домоуправление требовало ее каждый год, и теперь можно было не бояться, что милиция начнет углубленно интересоваться, почему такой-то нигде постоянно не работает? Ведь за милицией стояло гораздо более грозное ведомство».

Впоследствии Давид Штильман продолжил работу с оркестром кинематографии, озвучив не один десяток фильмов.

Работая педагогом в Московской консерватории, Столяров проявил себя на редкость прозорливым человеком: он умел оценивать перспективность будущих музыкантов. Из воспоминаний известного дирижера Вероники Дударовой: «Я хорошо помню свой вступительный экзамен. Когда меня вызвали дирижировать, я вошла и вижу – сидит синклит: Лео Гинзбург, Столяров, Штейнберг Лев Петрович, еще какие-то люди, которых я от страха вообще не разглядела. Они все приосанились: как же, девица вошла!

– Здравствуйте, а почему вы решили поступать на дирижерский факультет?

– Потому что я не помещаюсь на фортепиано, я слышу музыку только от симфонического оркестра. Поэтому я хочу быть дирижером.

– Да? А что вы любите? Что вы слышали?

– Я слышала в Баку симфонические оркестры, ходила в оперу. Но на сцену не смотрела, только слушала музыку.

– А какие спектакли любите?

– «Пиковую даму» и «Аиду».

– А как начинается «Аида?»

– Прозрачной звучности флейты и скрипки в верхнем регистре.

– А какие бывают флейты?

– Продольные и поперечные.

– Ну, хорошо, начинайте!

Вышли два пианиста, начали играть ре-минорную симфонию Моцарта. Я стала дирижировать, а потом отложила палочку.

– Что случилось? – спрашивают меня.

– Они играют совершенно другую музыку, а не сущность этой музыки.

– А как правильно? Покажите!

– Я пока не умею, иначе не пришла бы сюда поступать.

– Так спойте!

Я спела. Вышла ужасно мрачная из зала в коридор, стою. А меня Столяров спрашивает: «А чем вы, собственно, недовольны?». Я ему отвечаю в том духе, что радоваться у меня нет ни малейших оснований. И тогда он встал в позу, вытянул руку вверх и вперед таким драматическим жестом и сказал: «Будете. Дирижером вы обязательно будете».

Последнее десятилетие творческой деятельности Столярова связано с Московским театром оперетты, главным дирижером которого он стал в 1954 году. Этот жанр давно привлекал Столярова. В молодые годы он иногда играл в оркестре Петроградской оперетты, а став директором Московской консерватории, выдвинул предложение об организации при оперном классе отделения оперетты. В Московской оперетте Столяров в содружестве с главным режиссером Владимиром Канделаки поставил классические шедевры («Летучая мышь» Штрауса, «Принцесса цирка» Кальмана и др.) и осуществил первопрочтение новых произведений, среди которых оперетты «Белая акация» Дунаевского, «Поцелуй Чаниты», «Фонари-фонарики», «Цирк зажигает огни» Милютина, «Сто чертей и одна девушка»

Хренникова, «Весна поет» Кабалевского, «Москва. Черемушки» Шостаковича…

Оперетта «Белая акация» давно воспринимается как музыкальный эпос о нашем городе, а ариозо Тоси, «Песня об Одессе», стало гимном города. Наверняка для одессита Столярова работа над этим материалом значила много. Право первой постановки новой оперетты Исаак Дунаевский обещал Одесскому театру музкомедии. В том же 1955 году премьера «Белой акации» должна была состояться в Москве. Чувствуя развивающуюся болезнь сердца, композитор торопился с окончанием клавира – так же, как в свое время Оффенбах со «Сказками Гофмана». Только бы успеть!.. Увы, не удалось…

Дунаевский умер во время работы. На пюпитре рояля остался неоконченный номер. Композитор Кирилл Молчанов по эскизам Дунаевского закончил клавир, а дирижер Григорий Столяров принял самое активное участие в оркестровке. И 24 ноября 1955 года московская премьера состоялась. Успех был огромным – и в этом была большая заслуга Григория Арнольдовича.

Высоко ценил деятельность Столярова блистательный артист оперетты Григорий Ярон: «Огромным мастером показал себя Г. Столяров в нашем жанре. Ведь дирижеру оперетты мало быть хорошим музыкантом: он должен быть человеком театра, быть блестящим аккомпаниатором, считающимся с тем, что в оперетте актер ведет сцену, разговаривая и продолжая ее на пении; дирижер у нас должен сопровождать не только пение, но и танцы; он должен предельно владеть спецификой жанра. Работая в театре оперетты, Столяров всей душой был увлечен пьесой, действием на сцене и чутко передавал ситуацию либретто красками и нюансами оркестра… Григорий Арнольдович чудесно слышал оркестр, тонко учитывая певческие возможности того или иного артиста. Руководя оркестром, он не боялся ярких эффектов, столь необходимых в нашем жанре».

Столяров пользовался огромным авторитетом у актеров. Из книги примы Московского театра оперетты Татьяны Ивановны Шмыги:

«Оперный и симфонический дирижер, он не искал в оперетте ни сходства с оперой, ни серьезности драмы, а считал ее само-

стоятельным видом искусства, хотя и жизнерадостным, но вовсе не легким. Наоборот, для Столярова оперетта была одним из труднейших жанров, где актеры должны уметь делать многое и делать все одинаково хорошо. Он говорил, что в оперетте «нужно петь не хуже, чем в опере, играть не хуже, чем в драме, танцевать не хуже, чем в балете, а оркестр должен звучать столь же богато и ярко, как симфонический».

И при нем оркестр Московского театра оперетты зазвучал. Дирижер в оперетте – это ведь не просто руководитель оркестра. Он полноправный участник спектакля, музыкальный режиссер. Поэтому у Столярова оркестр сразу вырос – и в прямом, и в переносном смысле. Григорий Арнольдович усилил некоторые группы инструментов, постоянно требовал от музыкантов красочности исполнения, интонационных, динамических оттенков. Строгим был Столяров не только по отношению к своим оркестрантам, но и к хору, и к актерам. О том, чтобы прийти к нему на урок, на репетицию, не распевшись или не выучив досконально свою партию, – о таком и подумать было нельзя».

Из книги ведущей актрисы Московского театра оперетты Валентины Ивановны Марон:

«Г.А. Столяров был довольно мрачным человеком и очень-очень требовательным учителем. Затрепетал оркестр, задрожали актеры и концертмейстеры. Не дай бог, сфальшивил самую малость – завтра же урок с ним, потом – уроки с концертмейстером и снова сдача партии ему. В результате очень быстро к нему прилипло прозвище Пэнчо. Это в оперетте «Трембита» так звали в народной притче вампира, который пил кровь из влюбленных. А еще его любовно называли «наш бумоль». Он не «любил» диезов, если ты сфальшивишь, он всегда поднимал указательный палец и произносил строго: «Здесь бумоль».

Как-то, выступая на производственном собрании, он сказал: «Я знаю, что у вас я «бумоль» и даже «Пэнчо», но ничего, я это переживу, но звучать все будет предельно чисто, как должно звучать в лучшем театре оперетты нашей страны». Побаиваясь его, мы все, тем не менее, не только глубоко уважали Г.А. Столярова, но и любили его.

Как мы восхищались им, когда в конце своей жизни он стоял за пультом совершенно больной (у него была гангрена ног, и уже не было нескольких пальцев) – летом, в жару, в ботах «прощай, молодость», но, конечно, в смокинге. Да, именно не сидел, а стоял весь спектакль, испытывая физические муки. За годы его работы в театре очень выросла музыкальная вокальная культура и исполнительский стиль».

Столяров ушел из жизни в 1963 году, навсегда оставшись в истории отечественного музыкального искусства как выдающийся дирижер и педагог.

Алена Яворская

«Я спутник послушный двух разных планет...»

Неизвестные одесские страницы биографии Марка Тарловского

Марк Тарловский – один из знаменитой плеяды одесских юго-западных но, как пророчески написал он сам:

> В сто звезд, учтенных книжными людьми,
> Над юго-западом горит плеяда,
> Для невооруженного же взгляда
> Их, как всегда, не более семи.*

Поэт, который мог бы стать одним из лучших, если бы судьба его не была такой горькой и удивительно несправедливой. Сегодня имя его известно немногим. Тарловского называли «виртуозом рифмы», он как никто из современников знал и чувствовал русскую поэзию восемнадцатого века, писал блистательные стилизации. Он легко мог с любой строки продолжить стихи Овидия (немало поразив этим, по воспоминаниям Липкина, Бухарина: «Хорошо, что молодые наши поэты знают Овидия в оригинале»).

Казалось бы – не арестовали ни в тридцатые, ни в сороковые, переводы печатают – уже счастье, живи и радуйся. Но для поэта, стихи которого не печатали, прорабатывали во все времена, начиная еще с рапповских, упрекали во всех смертных грехах, просто жить – все же мало. Он, с успехом окончивший отделение литературы и языка факультета общественных наук Московского университета, был вынужден зарабатывать на жизнь, переводя (вернее, сочиняя) стихи Джамбула. После публикации отрыв-

* Тарловский М. Молчаливый полет: Стихотворения, поэма. / Сост. Е. Витковский, В. Резвый. – М. 2009. С. 527.

ков из стихотворных мемуаров «Веселый странник», посвященной его другу и наставнику Э. Багрицкому, Тарловского обвинили в неуважении к памяти Багрицкого.

В травле оппоненты доходили до вершин абсурда. Так, в названии книги стихов «Бумеранг» Алексей Сурков усмотрел зашифрованные инициалы Николая Гумилева, назвав вслух так же зашифрованно «намек на инициалы одиозного поэта»*.

Как и полагалось в те времена, Тарловский вынужден был каяться и признавать ошибки, порой, по собственному признанию, заходя «в своей самокритике дальше, чем это достойно писателя, твердо стоящего на платформе советской власти»**. Но после выхода третьей книги стихов он понял, что надежды на издание книги, не искореженной цензурой или не написанной с оглядкой на цензуру, нет.

И стал писать, как и многие, «в стол», переключившись на переводы. Он был учеником Шенгели. «К Георгию Шенгели постучался подростково-хрупкий двадцатилетний студент Марк Тарловский. Он переступил порог со словами: «Бей, но выучи!»***. Учитель упомянул ученика в шутливой балладе о переводчиках «Замок Альманах», написанной в тридцатые годы, когда многие поэты были вынуждены кормиться переводами, и, увы, далеко не всегда с французского или немецкого.

Тарловский переводил не с подстрочника, а с оригинала. Он знал французский, немецкий, польский, узбекский, казахский. Одинаково легко сплетались под его рукой и арабская вязь, и готический шрифт, соседствовали Гейне и Навои, Гюго и Махтумкули.

Но все же выживал он, в основном, за счет иных поэтов. В архиве сохранилась папка, иронически названная «Полупереводы». Что же еще сказать…

История не знает сослагательного наклонения. Проживи Тарловский на несколько лет дольше… Он не мог сказать, как Иван Бунин: «Людоеда переживу». Просто упал на залитой жарким

* Там же, с. 572.

** Там же, с. 574.

*** Перельмутер В. Торжественная песнь скворца, ода, ставшая сатирой. / Вопросы литературы. 2003. № 6.

солнцем московской улице в 1952 году – подвело сердце. К нему никто не подошел…

На долгие годы имя Тарловского было забыто. Но что же связывает его с Одессой? Сюда семья переехала в 1912 году. Юношей Тарловский был членом «Коллектива поэтов», дружил с Багрицким, Катаевым, Ильфом, Олешей, Фазини, Кирсановым.

Биография Тарловского известна, о поэте писали и Евгений Витковский, один из составителей книги стихов «Молчаливый полет»[****], и Вадим Перельмутер. Оба они упоминают о раннем творчестве (Тарловский начал писать стихи в восемь лет), но отмечают, что первые опыты были уничтожены автором и не публиковались.

Но, как оказалось, и это утверждение, и указанную в справочниках дату первой публикации можно уточнить.

В 1918, при австрийцах, в Одессе выходит журнал «Жизнь». В первом же номере, вышедшем в июне, сообщается о конкурсе поэтов. Текст объявления заслуживает того, чтобы быть полностью приведенным:

«Рыцарская эпоха – турниры – соревнования силы, ловкости, мужества спортивных доблестей. Но она знала и иные споры за первенство – состязания певцов.

Эту традицию Средневековья приняла новая Европа. В центре ее идейных и художественных интересов в «светоносном» Париже прочно утвердился обычай избрания короля поэтов. Голосованием поэтической братии были возведены в этот почетный сан в свое время Поль Верлен, в наши дни Поль Фор. Старинная идея состязания мейстерзингеров, отливаясь в новую форму, сохраняла всю свою жизненную ценность качественной дифференциации наличных художественных сил.

В России этот прекрасный обычай почему-то не привился. А между тем едва ли у нас замечается недостаток в поэтах или среди них отсутствие певцов, достойных лаврового венка. Не следовало бы и нам обратиться к тому старинному литературному обычаю, который сыграл на Западе крупную роль в развитии поэтической культуры?

**** Тарловский М. Молчаливый полет: Стихотворения, поэма. / Сост. Е. Витковский, В. Резвый. – М. 2009.

В наши дни Юг России, стремясь сохранить всю свою органическую связь с «милым севером», проявляет все же в силу процесса децентрализации русской жизни во всех ее областях некоторое повышение деятельности и в сфере поэтической. Кружки поэтов, вечера новой лирики, лекции о современной поэзии, комбинированные выступления докладчиков и декламаторов, стихотворные сборники – все это свидетельствует о несомненном ускорении поэтического пульса. При наличности подобных симптомов невольно возникает потребность отдать себе отчет в характере, силах и качествах наших наличных поэтических сил.

Лучший путь к этому – конкурс поэтов. Редакция журнала «Жизнь» приглашает нашу южную поэтическую семью объединиться вокруг одной темы и проявить в свободном творческом соревновании все разнообразие своих сил и средств.

Не желая затруднять этой художественной задачи слишком стеснительными правилами, мы устанавливаем лишь минимум условия для поэтического конкурса, представляя в этих обширных границах проявляться личной инициативе и творческой фантазии авторов с полною свободой и независимостью.

Тема, которой в наши дни суждено, несомненно, объединять поэтическое большинство, относится, думается нам, к духовному бытию нашей перерождающейся родины. Мы называем эту тему «Душа России».

Вкусы, склонности, темпераменты и воззрения поэтов подскажут им разнообразнейшие пути к разработке этой темы. Личное чувство родины, любовь к ее пейзажам и культуре, к ее народу и истории, природа и зодчество, герои и святые, предания и факты, легенды и жития, и, наконец, безбрежная область личных впечатлений о степях и лесах, о Волге и Неве, о Кремле, Адмиралтейской игле, петербургских сфинксах и Владимирском соборе – все это может послужить основным мотивом для разработки предложенной темы.

Нам нечего тревожить тени наших великих поэтов для указания образцов. У всякого на памяти соответствующие строки Пушкина, Тютчева, Лермонтова, Некрасова, Фета, Влад. Соловьева. А из наших современников кто не знает наизусть чудесного бальмонтовского:

Есть в русской природе усталая нежность…

Кто не помнит аналогичных строф Бунина, Гумилева, Ахматовой? Если кому-нибудь понадобятся образцы, он найдет их в изобилии у каждого из своих любимых поэтов.

Условия конкурса сводятся к следующим положениям:

Тема: Душа России.

Количественный размер: не более 32 строк (допускается и короче).

Размер стиха (метр) – всецело на смотрении автора.

Белые стихи не принимаются (обязательно рифмованные).

Стихотворения, где-либо напечатанные, к конкурсу не принимаются.

Стихи могут представляться за псевдонимами или подлинными подписями, но с обязательным указанием авторского адреса.

Срок представления стихов до 2 июля нов. стиля по адресу: редакция журнала «Жизнь» на конкурс поэтов.

Авторы трех лучших стихотворений будут награждены премиями в 75, 50 и 25 рублей. Из остальных стихотворений лучшие будут напечатаны в еженедельнике «Жизнь».

Жюри конкурса состоит из 4 лиц: А.М. Федорова, С.С. Юшкевича, В.С. Ткачева и Л.П. Гроссмана.

О результатах конкурса будет помещен подробный отчет в еженедельнике «Жизнь» не позже 20 июля нов. ст.».*

Но одесские поэты поразительно быстро, судя по следующей информации о конкурсе, отреагировавшие на призыв, желали внести свои коррективы в условия. Через номер жюри вновь публикует правила и уточняет:

«Дополняем правила о конкурсе поэтов следующим параграфом:

Авторы, не желающие чтобы стихи их в случае неполучения ими премии были напечатаны в журнале «Жизнь», благоволят делать об этом соответствующую отметку в присылаемых рукописях.

Примечание. Жюри конкурса не считает возможным считаться с оговорками и условиями, выставляемыми отдельными авторами для своих произведений. Все участники конкурса одинако-

* Жизнь. 1918, июнь. № 1. С. 14-15.

во подчиняются общим правилам, опубликованным в № 1 журнала «Жизнь».*

Впрочем, публикация не только ставит на место «отдельных авторов», но и сдвигает сроки: «Ввиду интереса, проявленного к конкурсу иногородними авторами, первоначальный срок представления рукописей будет продлен нами до 2 августа. Результаты конкурса будут опубликованы нами не позже 20 августа».

Жизнь (и война) вносят свои уточнения в сроки. Результаты появятся лишь в декабре. Символично, что конкурс и журнал существовали семь месяцев – правила опубликованы в первом, июньском номере журнала, а итоги – в последнем, декабрьском.

«Объявленный в июле конкурс поэтов не мог состояться в назначенный срок ввиду продолжительной болезни одного члена жюри и отсутствия в Одессе другого. Это обстоятельство и принудило редакцию «Жизни» отложить объявление результатов конкурса до настоящего времени.

Прислало свои стихи на конкурс сто поэтов, из них премии получили: первую премию Л. Файнберг, вторую Вл. ф-Дитрихштейн и третью Ал. Карамазов. Признаны подлежащими напечатанию, но не соответствующими условиям конкурса стихотворения след. авторов: Е. Вилинской, М. Тарловского, Е.И. Гусляра, Гр. Двоскина, Вас. Рунина, Д. Алексеева и П. Вересова».**

Члены жюри были значимыми фигурами в культурной жизни города, что должно было бы придать вес и солидность идее турнира. Несмотря на это (если судить по именам победителей), более-менее известные молодые поэты участия не принимали – ни тот же Валентин Катаев, регулярно публиковавшийся на страницах «Жизни», ни Анатолий Гамма, ни братья Долиновы, ни даже вездесущий Борис Бобович.

Исключение – занявший второе место Владимир фон Дитрихштейн (Дитерихс), приятель Валентна Катаева, тоже постоянный автор «Жизни», фигура известная, описанная Катаевым в «Траве забвения».

Победитель Лев Файнберг (он же Леонид Амарант) публиковался в столичных изданиях.

* Жизнь. 1918, июнь. № 1. С. 15.

** Жизнь. 1918, декабрь. № 28. С. 14.

Судя по тому, что стихи, «подлежащие напечатанию», были пронумерованы и шли не в алфавитном порядке, Тарловский занял пятое место. В этих стихах шестнадцатилетнего подростка, в первой его публикации видна та увлеченность древнерусской литературой, которая продолжится позднее в Москве – недаром темой его научных студий стало «Слово о полку Игореве».

М. Тарловский

Скатился диск окровавленный,
Скончался день. Равнина спит.
Лучами солнца опаленный,
Ковыль о чем-то шелестит.

В конце равнины клубы дыма
И пламень яркого костра.
В багряном свете недвижимо
Лежит могучая гора.

То богатырь. Он мертв. Он длани
По обе стороны простер.
Спит тяжким сном на поле брани
Дитя равнины, Святогор.

На шлеме ворон восседает,
Клюет закрытые глаза.
На стали зарево пылает:
Уходит дым под небеса.

Печально ржа, по полю ходит
Богатыря могучий конь.
Все крепко спит и мгла нисходит,
И гаснет медленно огонь.

Потух костер печальной тризны;
Скрыл мрак равнинные стези…

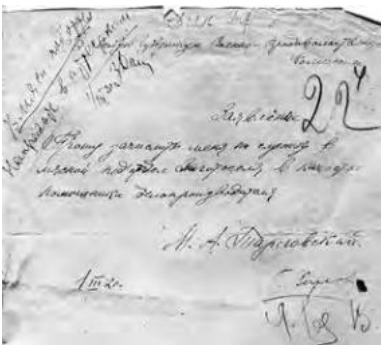
Спи с миром, мощь моей отчизны,
Любимой матушки Руси![*]

О работе Тарловского в особой Одесской губернской комиссии по снабжению Красной Армии продовольствием (Опродкомгубе), казалось бы, известно. Но личное дело, сохранившееся в фонде Опродкомгуба в ГАОО[**], позволяет не только уточнить данные, но и проследить за служебными перемещениями поэта. В анкете указана дата заполнения – «13 февраля 1920». То есть в Опродкомгубе Тарловский появляется на два дня раньше Константина Паустовского, вдохновенно описавшего в повести «Время больших ожиданий» свое участие в создании информационного отдела. В графе «1. Название учреждения, куда желаете поступить» вначале Тарловский указывает «информационный подотдел организационного отдела», затем исправляет на «мясной подотдел». Должность хочет занять скромную – регистратора. Из ответов на вопросы анкеты «[3. Имя, отчество, фамилия] Марк Аркадьевич Тарловский, [4. Возраст] 18 лет, [5. Семейное положение] единственный сын, [6. Национальность] еврей, [7. Образование] среднее, [8. Род занятий] журналист, [9. Имущественное положение…] ни движимого, ни недвижимого имущества не имею, [10. Служили ли в старой армии и в каком чине] не служил, [11. Служили ли в Красной Армии… и есть ли свидетельство об увольнении] не служил, [12. Где вы жили, работали или служили а) до войны 1914, б) на 1 января 1917, в) на 1 января 1918, г) на 1 августа 1918 (во время гетманщины), д) на 5 апреля 1918 (при советской власти), е) на 1 января 1918 (при деникинцах)] жил в Одессе на Софиевской улице № 28 и № 9 кв. 58, учился в гимназии»[***].

Неожиданное, ранее неизвестное дополнение к биографии «[13. Служили ли в советских учреждениях, в качестве кого и почему уволены] служил летом 1919 в бумажно-полиграфическом отделе Совнархоза в качестве счетовода. Уволен при сокращении штатов»[****].

* Там же, с. 14
** ГАОО, Р-1263, оп. 2, д. 4872.
*** Там же, л. 8.
**** Там же, л. 8 об.

Вопросов в анкете, конечно, было не 120, как писал К. Паустовский, а всего 25, но все они направлены на тщательное выяснение, чем именно занимался гражданин, желающий попасть на службу в советское учреждение, до революции и во время гражданской войны. «[14. Состояли ли на службе в полиции, жандармерии, державной варте или государственной страже] не состоял, [15. Если нигде не служили, то чем занимались в указанные периоды] учился в гимназии, [16. За уголовное преступление, участие в политической работе] не преследовался, [17. Состоял ли членом профсоюза] не состою и не состоял, [18. Состоял ли членом политической или общественной организации] не состою и не состоял, [19. Если вы коммунист, то какой организации] к политической партии не принадлежу, [21. Положение семьи, чем занимаются родные] отец служит в типографии, [24. Время заполнения анкеты] февраля 13 1920, [25. Облагались ли контрибуцией, где, когда и какой категории а) при сов. власти, б) при деникинской)] контрибуцией не облагался»[*****].

Заявление М. Тарловского о приеме на работу в мясной подотдел. 1920 г.

Заявление М. Тарловского о приеме на работу в статистико-экономический отдел

Под списком из двадцати пяти вопросов строгое предупреждение: «За показание неправильных сведений сотрудники будут привлекаться к строжайшей ответственности как за намерение проникнуть в советское учреждение с злыми намерениями».

***** Там же, л. 8 об.

Удостоверение сотрудника статистико-экономического отдела М. Тарловского

Заявление «прошу зачислить меня на службу в мясной подотдел в качестве помощника делопроизводителя» датировано 1 марта 1920*. Но зачислен он лишь с третьего раза, в статистико-экономический отдел. На заявлении заведующему: «Прошу предоставить мне должность по выполнению статистических работ во вверенном вам отделе» резолюция «зачислить с 16 мая статистиком 1 разряда»**.

К этому заявлению прилагается фотография.

В деле хранится и ученический билет учащегося седьмого класса мужской гимназии Н.Ф. Черткова, выданный 24 сентября 1918,*** и удостоверение сотрудника Опродкомгуба № 5113а от 14 июня 1920, гласящее, что Тарловский «пользуется правами и преимуществами военнослужащего»****.

Второе удостоверение, с фотографией и сургучной печатью, также датировано 14 июня. И еще один документ – временное свидетельство № 410, «настоящим удостоверяется, что предъя-

* Там же, л. 4.
** Там же, л. 1.
*** Там же, л. 2.
**** Там же, л. 6.

витель сего гражданин Тарловский Марк Аркадьевич проходит курс допризывной подготовки в 1 Ротучастке Одесского полкорпуса и что его личная учетная карточка, выданная Одесским горвоенкомиссариатом за № 606696 отобрана, взамен чего и выдается настоящее временное свидетельство. 1920 года ноября месяца 19 дня»*****. Заверено оно 4 декабря 1920.

М. Тарловский. Одесса. 1920 г.

В мемуарах одесситов Тарловский практически не упоминается. Сам он написал воспоминания лишь о Багрицком – и в сборнике 1936 года, прозой (кстати, упоминая, что Багрицкий заходил к нему домой, на Софиевскую), и в неопубликованной при жизни поэме «Веселый странник», где описаны кроме Багрицкого многие из «ста звезд плеяды»: Катаев, Ильф, Петров, Олеша, Славин, Бабель, Соколовский, Нарбут и Шенгели, художники Фазини и Мифа (братья Ильфа), Соколик, жуликоватый Митя Ширмахер и кафе поэтов «Пеон 4», работа в ЮгРОСТА. В комментариях к поэме Тарловский приводит свой список звезд, правда, их все же меньше ста.

В письме, написанном в августе 1923 одним из списка (Семеном Кирсановым) другому (Григорию Владимирскому (Фишману)), сообщается о судьбе поэтов. Среди прочего упоминается «Тарловский в Москве».

Отъезд свой Тарловский описал в стихотворении «Этот путь», вошедшем в его первую книгу стихов «Иронический сад»:

На юге, на юге,
В Одессе блатной

***** Там же, л. 5.

Остались подруги,
Забытые мной.

Остались туманы,
Мальчишеский бред
И сон безымянный
Невиданных лет…
<…>
Хрипела простуда
И плакал вокзал,
И голод оттуда
Мне путь указал.

Я ехал из дома
И бредил Москвой,
Где путь молодому
Окупят с лихвой.

Здесь же – такие грустно-пророческие строки:

Но сделано дело:
Смыкается круг –
Москва надоела
И тянет на юг…
<…>
Я спутник послушный
Двух разных планет –
Я северо-южный,
И родины нет…*

* Тарловский М. Молчаливый полет… С. 19-21.

Олег Кудрин

Одесское кино

Александр Довженко (11.09.1894-25.11.1956)

Готовится к печати новая книга Олега Кудрина – нашего земляка, живущего в Москве. Она посвящена выдающимся кинорежиссерам, среди которых есть и те, чье творчество связано с Одессой. Мы начинаем публикацию со статьи об Александре Довженко.

Режиссер и писатель мирового уровня. Один из редких счастливчиков «украинского расстрелянного возрождения» 20-х годов, кому повезло выжить. Разъясняя факты его жизни, порой и сейчас используют автобиографию Довженко, изданную в 1957-м, но написанную большей частью в 39-м, во времена, когда правды нельзя было говорить по определению. Именно поэтому так много фальши во многих жизнеописаниях Александра Петровича.

Родился Сашко в селе Вьюнище Черниговской губернии. Его родители казацкого происхождения, Петр Семенович и Одарка Ермолаевна, переселились сюда из Полтавщины. Из 14 детей в семье выжили только двое: Александр да Прасковья. Ученье давалось мальчику легко. И он пошел в Учительский институт в Глухове (одна из старых гетманских столиц Украины), по окончании которого преподавал в Житомире. Первая мировая обходит его стороной – от призыва освобождает больное сердце.

Но потом он с головой окунается в революцию и гражданскую войну, воюет за независимую Украину, не раз оказывается в подполье, что называется, «ходит под расстрелом». Поддерживает Центральную раду и Петлюру против гетмана Скоропадского, против немцев, а также против красных, против белых, против поляков. Есть данные, что Довженко был еще в курене Чер-

ных гайдамаков, подавлявших рабочее, пробольшевистское восстание на заводе «Арсенал».

В конце концов, его арестовывает ЧК и помещает в концлагерь как «врага рабоче-крестьянского правительства». Спасает Довженко поручительство писателя, боротьбиста (украинская партия левых эсеров) Васыля Эллан-Блакитного. Довженко не только освобожден, но и устраивается учителем в школу Красных старшин. В 1920 году под влиянием Блакитного также становится боротьбистом. И уже вместе со всей этой партией вливается в ряды Компартии Украины.

Не нужно думать, что им двигает соглашательство, страх за свою жизнь. «Довженко, как и большая часть украинских интеллектуалов 20-х годов, верил, что можно объединить силу, мощь большевистской идеи и украинскую натуру. Он, как и многие его ровесники, обпекшись на поражении украинцев в годы гражданской войны, сделал ставку на силу. И на то, что сила большевиков поможет воскресить Украину и украинскую культуру, – говорит украинский довженковед Сергей Трымбач. – Но он ошибся», – добавляет историк. Впрочем, эта ошибка станет ясной лишь много позже.

А пока Александр с головой окунается в строительство советской, но все же Украины. Работает по дипломатической линии в Польше и Германии (в Мюнхене учится в художественной школе). Потом оказывается в тогдашней украинской столице – Харькове, где сближается с левыми писателями и художниками, романтиками и футуристами. И в 1926 году переезжает в Одессу, где становится режиссером первой в стране кинофабрики. Показательно, что во время одной из партийных чисток-перерегистраций он оказывается без партбилета, который отнюдь не торопится восстанавливать. И теперь уж на всю жизнь остается беспартийным.

Пробные фильмы у него не очень хороши. Не хватает опыта, «чувства камеры». Первой более-менее удачной лентой стала приключенческая картина «Сумка дипкурьера» (1927). Впрочем, сам Довженко называл ее «жалкой пробой пера». А настоящим прорывом была картина «Звенигора» (1928). Это уже настоящий киноэпос Украины, состоящий из 12 новелл, – от скифов и варягов до гражданской войны. Объединяющий все произведение об-

раз – легендарный гайдамацкий клад, закопанный в Звенигоре. Это душа народа, его память и сила.

Фильму нелегко было пробиваться на экраны, ведь уже тогда начинались репрессии против сценаристов картины Марка Йогансена и Юрия Тютюнника (после ареста и расстрела в 30-х годах их фамилии будут сняты из титров). Но знаменитый в ту пору Сергей Эйзенштейн отозвался с восторгом: «Удивительное переплетение реального с глубоко национальными поэтическими выдумками. Остросовременного и вместе с тем мифологического. Юмористического и патетического. Чего-то гоголевского. Среди нас – новый человек кино, мастер со своим лицом».

Несмотря на то, что фильм совершенно лоялен к советской власти, по большому счету прославляет ее, к Довженко приклеился ярлык «буржуазного националиста». Во многом поэтому следующим фильмом набирающего силу Мастера становится «Арсенал» (1929), о том самом восстании против Центральной рады, за которую когда-то воевал Довженко. Оказавшись по другую сторону баррикад, режиссер сделал очень сильное экспрессионистское кино.

И после этого он снова мог вернуться к земле – поставил фильм «Земля» (1930). Здесь есть и классовая борьба, и убийство молодого тракториста. Но главное не в этом – а в том, как точно, тонко и поэтически сильно пленка передает ритмы жизни хлеборобской нации. Стоит отметить, что во всех фильмах «революционной трилогии» главную роль играл Семен Свашенко – яркий актер харьковского театра Леся Курбаса.

Фильм с восторгом принят за рубежом, в Европе. Но в советской России бдительные цензоры все же заподозрили его в двоемыслии. Картину быстро снимают с проката, а «Известия» публикуют двухподвальный доносительский фельетон Демьяна Бедного (позже, в 1945 году, уже умирая, он попросит у Довженко прощения). Как вспоминал сам режиссер, он тогда «буквально постарел и поседел за несколько дней».

И для реабилитации – снова пролетарский фильм, на сей раз о строительстве Днепрогэса, – «Иван» (1932). Сам Довженко был им недоволен, считал слишком механистическим. Но через два

Александр Довженко на съемках

года картина получила хорошую прессу на Венецианском кинофестивале (похвала в те годы также чрезвычайно двусмысленная, учитывая, что в Италии было фашистское правительство, отношения с которым, недавно еще вполне дружественные – Сталин щедро поделился Муссолини сценариями праздничных парадов и демонстраций, – становились все хуже).

То, что произошло потом, позволяет предположить, что между Художником и Властью был заключен личный союз, персональная уния между Сталиным и Довженко. Накануне разворачивающегося в Украине голодомора режиссера переводят в Москву (трогательная забота о психологическом здоровье впечатлительного Мастера со слабым сердцем). Александр Петрович получает частые аудиенции у Иосифа Виссарионовича. И лично рассказывает ему об идее «Аэрограда» (1935) – поэтического города летчиков на берегу Тихого океана, метафоры стремления к высокому в самых дальних уголках Страны Советов. Сделанный фильм Сталину понравился. Но он все же идет по категории «самовыражения», а не «госзаказа». И на вручении ордена Ленина генсек тычет в сторону Довженко пальцем, говоря: «За ним долг – «украинский Чапаев».

Это логично. На очереди у Иосифа Виссарионовича – репрессии против армии, высшего звена военных, воевавших когда-то рядом с творцом Красной Армии Троцким. А значит, нужно воспеть не замаранное и пока еще безвестное, а главное, вовремя погибшее, среднее звено – Василия Чапаева, Николая Щорса. Работа над сценарием «Щорса» (1939) идет непросто. Расставлять какие-то акценты помогает лично Сталин. Но фильм в итоге получается достаточно качественный, большевистская мифология в нем гармонично увязана с украинским фольклором. Вместе с большой группой иных кинематографистов и других фильмов в 1941 году режиссер получает за него Сталинскую премию I степени.

Довженко мечтает о «Тарасе Бульбе», но советский вождь считает, что еще не все долги отработаны. В качестве пряника режиссер получает награды, должности, а в качестве следующей отработки едет с Красной Армией в Западную Украину. После чего монтирует документальный фильм «Освобождение». Фильм сделан строго по партинструкции, но камеру, кинопленку, не обманешь. Уж очень сытым, благополучным и вольнолюбивым выглядит население Галичины (вообще-то, не самого благополучного в богатой Европе региона) на фоне обнищавшего, оголодавшего колхозного крестьянства остальной Украины. Картину быстро снимают с проката.

Начинается Великая Отечественная. Довженко становится военным журналистом, получает высокое звание полковника, едет на фронт, пишет очерки, снимает документалистику. Сталин доволен. Но лишь до тех пор, пока не знакомится с киноповестью Мастера «Украина в огне». Довженко пишет в ней: «Плохо, что сдали мы Гитлерюге проклятому свою Украину… Мы, освободители, все до одного давно уже забыли, что мы немного виноваты перед освобожденными».

Но это же категорически противоречит взглядам самого Сталина – оставшиеся на оккупированной территории сами во всем виноваты. Нечего перед ними виниться, напротив, нужно чтобы они сами отрабатывали теперь свою вину… Довженко лишают высоких должностей и до конца войны переводят в Центральную студию кинохроники.

После войны Довженко все так же мечтает об исторических картинах: «Тарас Бульба», «Золотые ворота». Но вместо этого вынужден делать очередной биографический фильм – «Мичурин» (1948) по своей же исковерканной в духе лысенковской борьбы с генетикой пьесе «Жизнь в цвету».

Дальше – больше, начинается анекдотическая история со шпионским фильмом «Прощай, Америка!» (1951) по книге перебежчицы из американского посольства Аннабелл Бакард. Кроме Довженко были привлечены серьезные силы: композитор Дмитрий Шостакович, в ролях – Николай Гриценко, Юрий Любимов, Людмила Шагалова. Но в одну ночь почти готовый фильм закрыт по распоряжению Сталина. Оказалось, что госпожа Бакард, поближе познакомившись со сталинским режимом, бежала обратно на родину.

Когда на Украине в Каховке шло строительство очередной ГЭС днепровского каскада, Довженко попробовал дважды вступить в один и тот же Днепр – после «Ивана» снять еще ленту «Поэма о море». Но в разгар работ он умер. Фильм доделывала его вдова – актриса и режиссер Юлия Солнцева (снимавшаяся еще в протазановской «Аэлите»). Увы, Юлия была замечательной актрисой, верной женой, но не очень хорошим режиссером…

Когда в 50-е годы наступил расцвет неореализма, итальянские киноведы отметили, какой большой вклад в развитие этого течения внесло поэтическое кино Александра Довженко.

Продолжение следует

Оксана Довгополова

«Мастерская человеков» – новая встреча с Ефимом Зозулей

В «Одесской библиотеке» в 2012 году вышла книга Ефима Зозули «Мастерская человеков» и другие гротескные, фантастические и сатирические произведения». Две рецензии профессоров Одесского национального университета мы публикуем в этом номере альманаха.

Видимо, настал какой-то момент в жизни нашего города (нашей страны? просто нас?), когда наши глаза стали различать в привычных контурах прошлого что-то неожиданно близкое, говорящее с нами на одном языке… Если говорить о книгах, – искушающее к новому прочтению. Таким искушением становится для нас книга Ефима Зозули «Мастерская человеков» (Одесса: ПЛАСКЕ, 2012), долго и любовно готовившаяся Евгением Михайловичем Голубовским.

Судьба обошлась жестоко с писателем, погибшим в самом начале войны и очень не совпадавшим с «духом времени» многие десятилетия. Тем удивительнее сейчас читать его необыкновенно динамичные, наполненные звуками, движением, криками, ЖИЗНЬЮ рассказы, поражаясь какой-то странной (не на уровне мыслительных схем или потребностей) созвучности именно нашему времени. Зозуле как-то удается совмещать беспощадную, убийственную сатиру с понимающим любовным сочувствием к потерянному среди разломов истории человеку, страстно надеющемуся просто выжить и умудряющемуся радоваться жизни в самых немыслимых ситуациях. Да, человек глуп, склонен к пошлому пафосу, сам избирает себе правительство, которое потом безжалостно его уничтожает, но в нем есть что-то, что не даст ему бездарно пропасть… Ранние прозрения (антиутопические моти-

вы уже в 1919?) и непобедимый оптимизм, причем оптимизм не «идеологический» (в самом широком значении этого слова), а какой-то глубинно человечный… Может быть, именно это заставляет нас, настолько уже «исторически опытных», завороженно погружаться в странный мир произведений Ефима Зозули? А еще – знание о том, что жизненный жест был в нем неотделим от писательского. Пятидесятилетним писатель добровольно ушел на фронт и сгинул в первые же месяцы войны.

Книга, лежащая перед нами, искушает к новому прочтению. Очень хотелось бы, чтобы оно состоялось. Чтобы мы не прошли мимо писателя второй раз. Не хочется говорить об исторической справедливости, которая должна восторжествовать, или о чем-то вообще подобном. Речь о другом… О том, что в этом зеркале мы как-то по-новому можем увидеть себя, собственное время – время разлома, ложного пафоса, конвейерных надежд, цинизма и манипулирования. Которому мы не поддаемся. Пока есть люди, способные слышать голос из прошлого, становящийся нашим собственным.

Остается выразить благодарность всем причастным к изданию книги «Мастерская человеков», Всемирному клубу одесситов, лично Е.М. Голубовскому, заразившему автора этих строк интересом к творчеству Ефима Зозули.

Геннадий Гребенник

Возвращение Ефима Зозули

6 марта в Золотом зале Литературного музея прошла презентация книги Е.Д. Зозули «Мастерская человеков» и другие гротескные, фантастические и сатирические произведения» (Одесса: ПЛАСКЕ, 2012. – 456 с.). Е. Зозуля (1891-1941) начинал как писатель в Одессе, вошел в историю как один из авторов знаменитого «Нового Сатирикона» и создателей (вместе с М. Кольцовым) журнала «Огонек». Когда началась война, он записался добровольцем и в 1941 г. погиб подо Ржевом.

Революция, гражданская война, строительство социализма в СССР в 20-30-е годы – вот не просто фон, а исторический материал, который отразился в оригинальном творчестве этого ныне забытого писателя. Последнее издание его рассказов состоялось в 1962 г. Его возвращение организовали авторы проекта Всемирного клуба одесситов «Одесская библиотека». Наибольший вклад внес Е.М. Голубовский. Именно его вкусу мы обязаны составлением книги из двенадцати рассказов и фантастического, сатирического и утопического романа «Мастерская человеков». Он же написал и предисловие к ней.

Я, наверное, не взялся бы за перо, если бы не одно отличительное свойство творчества Е. Зозули. Многие его рассказы написаны в жанре философской притчи. Для нее характерен прием вскрытия истинного смысла посредством иносказательной символической формы. Ефим Зозуля оказался очень проницателен. Его рассказы 20-х годов объединяет предчувствие тоталитаризма. Писатель выдвинул претензию на глубину понимания того перелома, который состоялся в России в начале XX века и который положил начало великому социально-

Михаил Кольцов и Ефим Зозуля в 1924 г.
Фото подарено Александром Дейчем Одесскому литературному музею

му эксперименту, бесславно завершившемуся на наших глазах и при нашем, в основном, пассивном участии. Эти притчи вызывают ассоциации с событиями последних десятилетий и подталкивают к размышлениям на темы, которые занимают общественное сознание.

Современная сложность февральско-октябрьской революции 1917 года заключается в том, что она должна пониматься нами через призму опыта «перестройки», лидеры которой выступили с претензией переиграть историю революции: вернуться в Февраль и реализовать его демократическую программу, не доводя до Октября. И вновь – второй раз в XX веке! – попытка перейти к демократии закончилась катастрофой. Это обнаружило утопический характер «перестройки». «Дураки! – кричал герой рассказа Зозули «Гибель Главного города» (1918). – Мир держится на разумном насилии, а не на диком самонадеянном бунте». В 1918 г. был дикий бунт, опрокинувший страну в хаос распада и неразумного насилия гражданской войны. В годы «перестройки», на

мой взгляд, не хватило решимости применить разумное насилие, и мы опять обвалились в пропасть. Горбачев начал как современный Кант – с утверждения прав человека и общечеловеческих ценностей, а закончил, вольно или невольно – для истории не имеет значения, как разрушитель своей страны, демократический подпевала торжествующего Запада. Это его личная трагедия. Он не потянул миссию вождя.

Тема вождя поднята Е. Зозулей в притчах «Рассказ об Аке и человечестве» (1919) и «Исход» (1920). Вождь бесконечно авторитетен, одинок и жесток. Он оказывается между Богом и народом. Он взваливает на себя нечеловеческую ответственность, формулирует великий вопрос и преследует запредельную цель.

В первом рассказе великий вопрос – о праве человека на жизнь, все ли люди обладают этим правом; соответственно цель – освободить людское общество от человеческого хлама. В самом деле, общество замусорено пустыми, ненужными людьми. Обращают на себя такие детали. Как легко члены Комиссии Высшей Решимости, занимавшейся чисткой народа от человеческого хлама, бывшие, судя по всему, интеллигентами, как модно ныне говорить, представителями экспертного сообщества, научились давать четкие формулировки, отправлявшие своих соотечественников на смерть. Как бесчувственно и творчески они это делали, заметьте, без понукания вождя. И второе. Как быстро после ликвидации этой комиссии люди потеряли страх и некоторые, еще вчера трепетавшие от ужаса, боявшиеся каждого стука, стали говорить: «Хлама человеческого еще слишком много осталось. Надо еще чистить, чистить и чистить!».

Нет, корень сталинизма сокрыт не в личности Сталина, не в идейных сталинистах, он сидит в каждом из нас, ведь мысль о человеческом хламе нас регулярно посещает. Не правда ли? Е. Зозуля как бы говорит: человек – это существо, которое не знает, на что оно способно. В рассказе «Живая мебель» (1919) – я бы даже сказал, не фантастическом, а фантасмагорическом, – автор утверждает: «Каждый человек может стать ножкой для кровати». И для этого даже не нужно его загонять в концлагерь, достаточно дать ему большую зарплату. Но принуждая людей

играть не свойственную их природе роль, нужно ожидать рано или поздно бунта.

В рассказе «Исход» вождь евреев Моисей решает проблему свободных рабов. Моисей вывел из Египта еврейский народ. Проблема заключалась в том, что он вывел из Египта народ рабов. В пути они все время ноют, пристают с просьбами. Все время жрать хотят и вспоминают, как им было хорошо и комфортно в Египте. Они вслух мечтают, чтобы египтяне догнали их и вернули обратно. В отсутствие Моисея его брат Аарон позволил евреям соорудить золотого тельца. «Может быть, через золотого тельца вы придете к господу богу. Может быть, путь постепенный – верный». Нет и нет. Путь к свободе бескомпромиссен. Моисей понимает, что не может обойтись полумерами. Поэтому он убивает своего любимого брата, который совершил конформистский поступок, решив облегчить людям тяжкий путь к земле обетованной.

Рабство людей не во внешней зависимости, а в предательской слабости духа, в готовности обменять свободу на уют и комфорт. Люди слабы и ничтожны, без вождей они еще слепы и духовно нищие. Моисей был настоящий вождь. Он решал проблему пересоздания народа. Здесь нельзя обойтись полумерами. Поэтому он был необходимо жесток и беспощаден. Как видим, в «Исходе» Е. Зозуля дал свою интерпретацию проблемы свободы, гениально сформулированной Достоевским в «Легенде о великом инквизиторе».

Вожди – это монстры добра. На другом полюсе – мещане. Их – миллионы и миллиарды. Это так называемые «нормальные люди». Они и есть свободные рабы своих мелких желаний и страстишек. Их рай – современный гламурный мир, который обозначают еще временем постмодернизма. Постмодернизм – это когда революция превращается в карнавал с рок-ансамблями и танцами; это когда «норковые революционерки» Ксюша Собчак и Тина Канделаки участвуют в борьбе за демократию в России; это когда миллиардер Прохоров, вчера еще выступавший с предложением законодательно увеличить рабочую неделю до 60 часов, в качестве кандидата в президенты России обещает половину своего состояния отдать на благотворительность. И люди голо-

суют за него. Что можно думать о перспективе демократии, когда такие люди в стране российской (украинской) есть? В романе «Мастерская человеков» есть блестящие монологи. Монолог Мурели против мещан – один из лучших.

Мое внимание также привлек рассказ «Мелочь». Писатель показал в нем, почему именно большевики победили в гражданской войне и стали уверенно управлять Россией. Я никогда не придерживался версии, которую усиленно протаскивал, в частности, Дм. Волкогонов в своей трилогии о Ленине, Троцком и Сталине. Эта версия может быть выражена одним словом – жестокость. В гражданской войне 1918-1920 гг. примерно одинаковую жестокость демонстрировали все стороны: и красные, и белые, и петлюровцы, и махновцы, и другие всякого рода вооруженные объединения – тогда они назывались «зеленые», или просто бандиты. Жестокость не могла быть достаточным условием для победы. Нужны были другие, особенные качества, которых не было у тех, кто противостоял большевикам.

В упомянутом рассказе Е. Зозуля вывел типаж большевика в двух образах – в лице председателя уездного исполкома Бриллианта (рев. псевдоним) и местного чекиста Степанова. К ним в город пришел и расквартировался в банях полк то ли бандитов, то ли партизан, состоящий из украинских крестьян. Начались грабежи, реквизии продовольствия из окрестных селений, у жителей города возник страх погрома. Налицо критическая ситуация. И вот эти двое спокойно, без суеты, интеллигентского пафоса и надрыва навязали свою волю полку, разоружили его и поставили под красные знамена. Е. Зозуля показывает тип деловитых, организованных и волевых революционеров, не знающих сомнения. Когда к Бриллианту приходят местные люди и начинают говорить, ему становится скучно: он заранее знает, что они скажут, и относится к ним почти с презрением. Кто противостоял большевикам? Крестьяне, волей обстоятельств вооружившиеся против враждебного, непонятного им мира. Как их описывает писатель: «несколько сот сорванных со своих устоев, вырванных из привычного быта, опрокинутых вихрем, потревоженных, страдающих, в крови и грязи ищущих правду, запутавшихся и взмытых непонятной стихией людей». Основное их состояние – это

растерянность, подавленность и страх. Они не понимают, как пишет Е. Зозуля, «отчего мирные люди, добрые и трудолюбивые, берут ружье и стреляют без колебаний в грудь, в лицо, в голову таких же, как они сами».

Если давать определение, то я бы сказал, что большевизм – это псевдорелигиозное, абсолютно непробиваемое, догматическое сознание. Большевик – человек, который не знает сомнений и абсолютно уверен в своем знании мира. В ситуации всеобщей смуты и распада партия таких людей стала естественным центром сборки новой, советской России.

Любопытно, что и сегодня мы живем в том же цивилизационном пространстве и состоянии духа, где утопия есть форма мышления и существования. Поэтому так современно, свежо, пророчески звучат произведения Е. Зозули.

Мы как можем сопротивляемся наступающей на нас энтропии бездуховности. У нас есть для этого средство – литература, будирующая мысль о том, как оставаться свободными людьми, не поддаваясь халяве и прочим ловушкам для современных свободных рабов. Изданная в Одессе книга Е. Зозули – вклад в эту борьбу. Нельзя также оставить без внимания, что возвращение писателя Ефима Зозули – это добавление еще одной краски в миф о старой избыточной Одессе, европейском имперском городе, где свобода и талант заключили счастливый союз.

Анжела Шпольберг

Размышления о «великом и могучем»

«Живой, как жизнь»

Через несколько дней после приезда моей семьи в Бостон друзья показывали нам окрестности. Мы решили выйти из машины и прогуляться. «Залокай дверь!» – напомнила моя приятельница мужу-водителю. Я не поняла, что она имела в виду, и переспросила. Она пояснила: «Залокай. Закрой, значит. Ты не удивляйся. Еще не такое услышишь. Это как-то срывается с языка…».

Она была права. Вскоре я услышала…

«Обычно это берет полгода…»; «ты взял душ?..»; знаменитые: «Вайфуля, залокай форточку, а то наши чилдренята схватят сикнес…» и «Мне полпаунда вон той колбаски. Только не писиком, а слайсиками. И потоньше наслайсайте». Мне рассказали, что в Нью-Йорке практически невозможно «аффордать апартменты», потому что за них «безумно много чарджают»; растолковали, какую надо искать работу, чтобы «саппортать семью»; подсказали, где «шопинговать» в Бостоне, как «окешить» чек, и уточнили, что если «шопаться на «Визу», то можно получить скидку.

Я узнала также, что можно «шерать бизнес», «миксать слова», «спонсорать мероприятие», «консумать вещи», «дринчать», «бебисытить», «юзать купоны», «присмотреть кондочку», «пользоваться макровейкой», «апплаиваться в колледж», «притэйпать линейку к экрану», «засэйвать текст на дискету», «проранать» программу – и при этом она может «ранаться или не ранаться». Можно «поланчевать», «позвонить овнеру», «киланути кого-то», быть «лаковым» (от англ. luck – удача), воспитывать «бэбика» и даже «стать хомотэнтом». Можно есть «фэтное и нефэтное».

Можно быть действительно «забизенным», а можно только делать вид. И, наконец, жизненно важно знать, где находятся «вумэнская» и «мэнская» (я думаю, вы догадались сами…).

«Доведись профессору Хиггинсу побывать в любом американском городе, где есть маломальское скопление русских людей (а мы, кажется, уже есть везде), и послушать, на каких «диалектах» мы между собой разговариваем, герой Б. Шоу на второй день сошел бы с ума. Наши перлы – «новоязы» или «американизмы» с русскими суффиксами и окончаниями – непереводимы ни на один из языков мира, включая английский и русский, хотя для нас самих просты, понятны и доходчивы.

Только совсем уж тупой или вчера пересекший границу не поймет, что значит «аффордать», «юзать», «слайсать», «клаймать», позвонить в «джуйку» или идти на «пари». Руководитель тургруппы объявляет: «В нашем трипе эвридэй будут фри брекфасты, два ланча и один дынер (именно так, через «ы»). Пожалуйста, не забывайте оставлять типсы. Давать в руки не принято, лучше мани оставляйте на тэйблах». А как произносятся по-русски «заем», «аренда», «адвокат», «мусор», «встреча» или «напиток», не помнят даже те, кто и знает-то на английском два десятка слов. Лон, лиз, лоер, гарбидж, митинг и дринк стали как-то родней и ближе», – эти откровения я вычитала в газете «Мы и Америка» в статье В. Родионова «Английский с русским акцентом».

Когда состояние первичного столбняка прошло, я начала прислушиваться к этой речи. При всем ее почти непристойном звучании под ней струилась жизнь. Мне было интересно, как образуются эти слова и обороты, почему они массово срываются с языка и органично вписываются в поток русской речи, порождение ли они нынешней «невежественной», «колбасной», как презрительно называют ее иногда, эмиграции.

Итак, что же я обнаружила…

Находки

Должна признаться, что непосредственной жесткой связи между употреблением «новоязов» в речи и образовательным

уровнем говорящего я не заметила. В большей или меньшей степени эти перлы присутствовали в речи практически всех моих знакомых – и мало-, и высокообразованных. Насыщенность же речи американизмами была связана не с формальным образованием, а с индивидуальным стилем мышления и говорения человека, с культурой речи говорящего (которой, к сожалению, можно не обладать, имея всевозможные профессиональные дипломы, награды и ученые степени).

Велико было мое удивление, когда внезапно выяснилось, что «новоязы» совсем не новы по происхождению. «Так и жизнь прошла, як один дэй… Тут у меня есть менеджер… Мы с ним вместе продаем поп-корн… На динер не хватает. Голодую. Одежда, сами видите, какая. Не в чем на стрит выйти». Звучит знакомо? Как вы думаете, когда это было сказано? Не угадаете! Этот монолог старого украинца, уехавшего с Волыни в США, приводится в книге И. Ильфа и Е. Петрова «Одноэтажная Америка», изданной в 1936 году.

А теперь взгляните на этот монолог:

«Я вам,
сэр,
назначаю апойнтман.
Вы знаете,
кажется,
мой апартман?
Тудой пройдете четыре блока,
потом
сюдой дадите крен.
А если
стриткара набита,
около
можете взять
подземный трен.
Возьмите
с меняньем пересядки тикет
и прите спокойно,
будто в телеге.
Слезете на корнере
у дрогс ликет,

а мне уж
и пинту
принес бутлегер.
Приходите ровно
в севен оклок, –
поговорим
про новости в городе
и проведем
по-московски вечерок, –
одни свои:
жена да бордер.
А с джабом завозитесь в течение дня
или
раздумаете вовсе –
тогда
обязательно
отзвоните меня.
Я буду
в офисе».

В.В. Маяковского не узнать трудно. Фрагмент, который вы только что прочитали, был взят из стихотворения «Американские русские», опубликованного в цикле «Стихи об Америке» в 1925 году. Поэт не придумал этот монолог. Он просто записал то, что услышал на улицах Нью-Йорка. В книге очерков «Мое открытие Америки» (1926 год) Маяковский почти дословно прокомментировал стихотворение «Американские русские»:

«Мне, не знающему английский язык, все-таки легче понимать скупослового американца, чем сыплющего словами русского.

Русский называет:
трамвай – стриткарой,
угол – корнером,
квартал – блоком,
квартиранта – бордером,
билет – тикетом,
а выражается так: «Вы поедете без меняния пересядок». Это значит, что у вас беспересадочный билет».

Что же касается географического распространения «новоязов», то – увы! – и тут мы с вами не можем предъявить никаких эксклюзивных прав. Везде, где есть эмиграция, есть «новоязы». Посмотрите, какой колоритный монолог из разговора, услышанного в израильском автобусе, приводит Дина Рубина в эссе «Я не любовник макарон»:

«Я говорю «менаэлю» (начальнику): пока я не подпишу «хозе» (договор) со всеми «тнаим» (условиями) – я работать не стану. Я без «пицуим» (денежной компенсации при увольнении), без оплаченных «несиет» (поездок на работу), без «битуах леуми» (национального страхования) и без «купот-гимел» (пенсионных касс) не буду работать!»

Когда я написала, что везде, где есть эмиграция, есть «новоязы», я имела в виду эмиграцию в широком смысле слова, а не только процессы, происходящие с русскоязычным населением. Богатый речевой материал собран и изучается сегодня испаноязычными лингвистами, назвавшими аналогичную языковую смесь, на которой говорит большинство испаноязычных эмигрантов в США, «спенглишем», Spanglish (от английских слов Spanish, испанский язык, и English, английский язык). Уже даже выпущен первый словарь «спенглиша», The Official Spanglish Dictionary, включающий 300 слов и фраз, которые не принадлежат ни к чистому английскому, ни к чистому испанскому языкам. В английском языке появился и термин для этого языкового явления – «code switching», «смена кода».

Подобные обороты русской речи, в большом количестве впитавшей в себя иноязычные элементы, естественно, попадали и в сферу интересов российских лингвистов. Эти примеры можно найти в монографиях и даже в учебниках русского языка, в разделах, посвященных употреблению заимствованной лексики, экзотизмов и варваризмов. Однако, к сожалению, в российской языковедческой литературе анализировалась не языковая природа этих примеров. Как правило, они рассматривались под социально-политическим углом зрения и подавались как средство речевой характеристики «для осуждения каких-либо людей,

явлений». В одном уважаемом учебнике монолог старого украинца из «Одноэтажной Америки» был прокомментирован так: «Потеряв родину, он незаметно для себя потерял и родной язык».

И все же давайте отвлечемся от политики и посмотрим только на языковой фактор…

Как мы осваиваем неродной язык

С трудом верится, что даже после долгих лет жизни в эмиграции человек забыл такие слова, как *день*, *обед* и *улица*, на родном языке, и вместе с тем, бегло говорит на нем. Скорее, монолог старого украинца иллюстрирует не процесс забывания родного языка, а нечто иное – процесс вхождения человека в новую языковую среду, процесс освоения нового, неродного языка. Слова *день*, *обед* и *улица* на родном языке не были забыты. Они были замещены освоенной лексикой английского языка и перешли в пассивный запас.

В языкознании традиционно различают два типа освоения неродного языка. Социолингвистика называет их смешанным и чистым двуязычием. Психолингвистика определяет их как создание комбинированных и соотнесенных лингвистических систем.

Первый тип более распространен. Он заключается в том, что одному и тому же значению соответствуют два разных лингвистических знака – первого и второго языка. Причем сами значения определяются в момент освоения первого языка. Второй тип предполагает создание двух параллельных, независимых рядов знаков, соответствующих двум параллельным, отличным друг от друга рядам значений. Так, погружаясь в языковую среду и воспринимая ее как она есть, осваивают новый язык дети.

Предполагается, что любой человек, оказавшись в новой языковой среде, осваивает неродной язык по типу чистого двуязычия. И тут применительно к явлению эмиграции возникает парадоксальный вопрос: физически находясь в стране изучаемого языка и будучи жизненно заинтересованными в его освоении, находятся ли, например, русские эмигранты в США по-настоящему в англоязычной языковой среде?

Ответ на этот вопрос зависит от различных социальных факторов: от того, где и с кем живет человек, где и кем работает, где учился, на каком языке говорит дома, с кем общается, посещает ли культурные мероприятия, и если да, то какие, и т. д. «Нью-Йорк. На Брайтон-Бич открылась спецшкола с преподаванием ряда предметов на английском языке». Безусловно, в этой шутке ситуация утрируется, но доля правды в ней есть.

В городах, где оседает большое количество эмигрантов, они активно общаются между собой, естественно, на родном языке. Дома (если не добавились американские члены семьи) говорят на нем же. Многие эмигранты, приехавшие в США в зрелом возрасте и освоившие английский язык, но не имеющие достаточной практики общения на нем, все равно мысленно переводят с одного языка на другой, сравнивая реалии «той» и «этой» жизни. И, как это ни странно звучит, сознание и предыдущий опыт мешают овладеть новым языком.

Получается, что людям, находящимся физически в стране изучаемого языка, не хватает языковой практики, и результат этого – не чистое, а смешанное двуязычие (часто в варианте смешения «французского с нижегородским»). Моя знакомая, преподаватель английского языка, американка в третьем поколении, чьи бабушка и дедушка приехали в Америку в начале века из Белоруссии, как-то рассказала, что ее бабушка говорила на трех языках – идиш, русском и английском – одновременно. Например, она могла сказать внучке: «Барбеле, штыл авэк дым чайник он зе тейбл» («Барбара, поставь чайник на стол»).

Такое смешение языков заразительно. В тех же очерках об Америке Маяковского читаем: «Сегодня, 10 сентября, нью-йоркский юнион моряков порта объявил забастовку…» или «В двенадцать выходящие из театров пьют последнюю соду, едят последний айскрим и лезут домой в час или в три, если часа два потрутся в фокстроте или последнем крике «чарлстон». Но жизнь не прекращается, – так же открыты всех родов магазины, так же носятся собвей и элевейтеры, так же можете найти кино, открытое всю ночь, и спите сколько влезет за ваши 25 центов».

Надеюсь, никто не сомневается в том, что Маяковский не забыл русские слова *профсоюз* (trade union), *газированная вода* (soda), *мо-*

роженое (ice-cream), *метро* (subway) и *лифт* (elevator). Но в тексте очерков вместо них он использовал американизмы. Возможно, когда он писал об увиденном в Америке, эти слова «просто сорвались с языка…» и остались в тексте, придавая ему «вкус и запах» американской жизни. Так «новоязы» становятся литературным приемом.

Как мы портим родной язык

В разговорной речи смешение языков не таит за собой ничего. Люди не планируют испортить русский язык или продемонстрировать свое знание английского языка. Они просто так говорят, это срывается с языка. Почему?

Быстрее всего запоминается необходимая общеупотребительная лексика и профессиональная терминология – парадигмы слов. Иногда русские и английские слова соответствуют друг другу, иногда – нет, в силу того, что за ними стоят отличные друг от друга жизненные реалии. Говорящий строит поток речи на родном языке и автоматически вставляет в него освоенные слова из новых парадигм. Если у английского слова нет четкого русского соответствия, его присутствие в русской речи оправдано и обосновано спецификой того, о чем говорят. Однако значительно чаще в речи встречаются английские слова, имеющие полноценные русские эквиваленты, что было прекрасно проиллюстрировано в монологе старого украинца и записях Маяковского.

Далее процесс закрепляется в письменной речи. Посмотрите на «русскоязычные» американские рекламные объявления, в которых английские слова органично вписываются в русский текст. Например: «Назначайте appointment сегодня…», «Принимаем credit cards…», «Мосты. Root Canals. Хирургия ротовой полости…», «Первая группа в Real Estate…», «Требуются electrologist, маникюрша и massage therapist…», «…работа full/part time».

Язык пытается освоить любые инородные элементы. Освоение заимствований – процесс давно и широко известный. Доминирующий язык – тот, на котором говорят, – подчиняет все элементы речевого потока законам данного языка. Так начинают склоняться по русским моделям английские существительные

и спрягаться английские глаголы: «…предлагаем полный пакет бенефитов и гибкое расписание…», «… перед покупкой дома, кондо или таунхауса узнайте о его состоянии…» и т. д. Заметьте, что освоенные заимствования уже пишутся русскими буквами, в отличие от экзотизмов и варваризмов, которые часто сохраняют оригинальное написание.

Затем к хорошо освоенным иноязычным корням начинают добавляться русские словообразовательные форманты: приставки, суффиксы, постфиксы… И мы начинаем апплаиваться, дринчать, притэйпывать и шераться.

Особая статья – дети. Они быстро переходят из одной культуры в другую. По мере освоения английского у них притупляется чувство русского языка. У тех, кто хочет сохранить русский и говорит дома или читает по-русски хотя бы немного, но систематически, основы языка сохраняются. Это ведь навык.

Часто дети понимают, говорят, читают и пишут по-русски, но все равно спотыкаются на словоформах и словоупотреблении: «Я так люблю шить… Я бы шила и шила, но у меня нету шейной машинки» (вместо швейной); «Это лиричная песня…» (вместо лирическая); «Он физикально слабый…» (вместо физически); «…землическая орбита…» (а не земная); «Мой брат любит шалунить» (вместо шалить); «Бабушка, дай мне два котлета…»; «любые кнопки не работают…» (калька с английского, не допускающего русское двойное отрицание «Никакие кнопки не работают»); «я видела это на телевизоре» в смысле «по телевизору» и была «на команде» в смысле «в команде» (тоже кальки с английского); «У них сегодня большая селебрация» в смысле «празднование»; «…мне надо отеплиться…» в смысле «согреться».

Как-то маленькая дочка друзей сидела в гостиной и читала вслух громко. Папа хотел смотреть телевизор и попросил: «Женя, читай про себя». Удивленная Женя ответила: «А про меня тут ничего нет…».

Практически постоянно и дети, и взрослые, живущие в англоязычной среде, ошибаются в употреблении двух русских синтаксических конструкций:

– инфинитивной («…забудьте сравнивать цены…»), очень похожей по структуре на одесское «Я видел вас гулять по Дерибасовской»;

– с частицей ли (например, вместо «Я спрошу, знает ли она это…» непременно скажут: «Я спрошу, если она это знает…»).

Это тоже кальки, очень распространенные, с конструкций английского языка (в случае «одесской» конструкции – это, скорее всего, калька с идиш, который по происхождению был диалектом немецкого языка и, следовательно, относился к группе германских языков, так же, как и английский язык).

Так говорят не только американские русскоязычные дети. Вот чем поделилась в том же эссе Дина Рубина:

«Со мной – только по-русски!» – кричу я в ответ на ту или иную обращенную ко мне фразу на иврите. И они пытаются, бедные. «Хочешь макарон?» – спрашиваю я дочь, и она отвечает смиренно: – «Нет, спасибо. Я – не любовник макарон». Или, когда мне звонят и, попадая на дочь (голоса похожи), спрашивают: «Это Дина?», она отвечает терпеливо: – «Нет, это ребенок от Дины. Она не находится».

Иногда родители-эмигранты впадают в отчаяние от такой русской речи детей, иногда великодушно посмеиваются. Но могут ли родители так же легко и свободно говорить на английском, иврите, немецком, испанском, как дети?

Да, родители и дети находятся в разных языковых пространствах (дети уже «тут», а родители еще «там»), и это горькая правда эмиграции. Каждое поколение движется по своему жизненному пути. Но языковые пространства виртуальны. В них нет непреодолимых физически преград или пропастей. Активно употребляя английский и совершенствуя его таким образом, родители все более и более комфортабельно ощущают себя в пространстве этого языка.

Точно так же, прилагая усилия, – деликатно, терпеливо и ненавязчиво, – продолжая просто говорить по-русски, рассказывать, показывать, слушать что-то интересное, родители могут помочь детям сохранить в сознании русское языковое пространство. Если потом ребенок захочет заняться языком всерьез или попадет в полностью русскоязычную среду, все быстро встанет на свои места.

Языковой навык – дело наживное, и при желании можно сохранить или развить навык говорения на любом языке. Я еще раз

убедилась в этом, когда мне довелось разговаривать с американцами, родившимися в США, семьи которых приехали в Америку с первой и второй волной русской эмиграции и хотели сохранить русскую языковую культуру у детей и внуков. Я была потрясена их красивым, грамотным, свободно льющимся русским языком.

«…чем слово наше отзовется…»

Конечно, «два котлета» удручают. Но их появление в речи ребенка, выросшего в Америке и говорящего, в основном, на английском языке, вполне объяснимо. Так же, как объяснимо и естественно распространение «новоязов» в речи большинства эмигрантов. Язык – он ведь, как сказал классик, «живой, как жизнь», и отражает все, что происходит с говорящими на нем.

Честно говоря, больше удручает ставшее нормой неуважение и невнимание к языку. Удручает повсеместно встречающийся – и в эмиграции, и в исконном русскоязычном пространстве – языковой непрофессионализм профессионалов, тех, кто преподает, пишет, вещает по-русски на плохом русском и тем самым закрепляет этот неграмотный русский в сознании обывателей. (Из недавнего диалога в редакции одного журнала, где меня попросили спасти статью: «…Нехорошо сказано. Так по-русски не говорят. Нужно исправить». – «Ой, да кроме тебя и, может, еще нескольких, этого никто и не заметит».)

Печалит тотальное опрощение общей культуры и языковой культуры как ее частного случая: оскудение словарного запаса, отсутствие элементарного чувства стиля, неправильное словоупотребление (совсем свежий и в духе времени пример из висящего на стене для всеобщего обозрения «Устава» частной русскоязычной школы: эта школа дает детям «практичные» навыки вместо «практических»), засилье речевых штампов и клише, неоправданных модных заимствований и сленга (несколько примеров из электронных русских газет: «Правительство Великобритании хочет запретить Google давать ссылки на сайты с пиратским контентом» – не с «содержанием» или «материалами»; «Легендарный певец и автор песен, получивший наибольшую из-

вестность в мире в качестве фронтмена группы»… – не «солиста»; многие сегодня стали «креативными» и обсуждают развитие «креатива, креативности», забыв о хороших русских словах «творчество, творческий»).

Печалит, что бульварный язык стал приниматься за литературный, а уголовный жаргон оказался среди законодателей языковой моды. Куда уж о «высоких материях», когда тут и там пестрят элементарные орфографические ошибки…

Но вот что удивительно – и эти наши сетования не новы.

«С насыпи
язык
летит на полном спуске.
Скоро
только очень образованный
француз
будет
кое-что
соображать по-русски».

Эти строки Маяковский написал в… Да, все в том же 1925 году.

Хорошо ли, плохо ли, нравится нам или не нравится, языковые изменения отражают перемены в судьбе и менталитете народа и, в свою очередь, закрепляют их в сознании говорящих на языке. Наряду с болезненными и разрушительными процессами, однако, происходит и освоение новых смысловых пространств. Жизнь не стоит на месте. И успокаивает мысль: язык, он, хотя и «живой, как жизнь», и отражает все ее повороты, в то же время, как отметил другой классик, как жизнь, «великий и могучий». Хочется верить – выстоит! История показывает: народы появляются и исчезают – языки (при наличии письменности) видоизменяются, поступают «в архив», но остаются.

Бостон

Дневники княгини Дабижа

На скромном кладбище североитальянского городка Беццекка обращает на себя внимание одна необычная беломраморная плита. На ней между восьмиконечным крестом, называемым в Европе «русским» и надписью COSÌ DIO VUOLE [Так хочет Бог] высечено на итальянском языке имя княжны Екатерины Дабижа, в замужестве Ростковской, и ее дочери Марии.

Женщины эти до поры до времени были мало кому известны, их жизнь казалась забытой. У них не осталось ни родных, ни близких, ни друзей. Они – эмигрантки, изгнанницы, вынужденные оставить отечество, ибо принадлежали к тому социальному классу, что был раздавлен революцией.

«Белоэмигранты», люди «старого режима», «контрреволюционеры» – ярлыков для беженцев из павшей Империи существовало немало. Намного менее было о них правдивой информации, ибо победители, как водится, переписали историю, вычеркнув из нее неудобные имена и демонизировав проигравших.

Точной статистки о так называемых белоэмигрантах не велось по понятным причинам, и в разных источниках приводятся разные данные. Трудно сказать, сколько их осело в Италии: цифра в двадцать тысяч человек, сообщенная в 1921 г. итальянским МИДом, вовсе не соответствовала реальному положению вещей, ибо включала в себя и тех весьма многочисленных изгнанников, что пересекали полуостров лишь транзитом.

Эта прекрасная страна никогда не стала обетованной для беженцев – ее отсталая тогда экономика, базировавшаяся преимущественно на сельском хозяйстве, и сопутствовавшая хроническая безработица сами порождали массовую эмиграцию. Кроме того, режим Муссолини

подозрительно относился к *russi bianchi* («белым» русским), считая их в той или иной степени зараженными если не марксистской, то, по крайней мере, республиканской и демократической идеологией. Таким образом, эмигрантов первой волны тут обжилось немного, в отличие, скажем, от Франции, Сербии, Чехословакии. В первую очередь, здесь удалось поселиться тем, кто уже жил в Италии до революции и имел какие-то связи, – как и автор публикуемых мемуаров Екатерина Ростковская-Дабижа.

Напомним вкратце вехи ее биографии. Мемуаристка родилась в Петербурге в аристократической семье Дабижа-Котроманич с балканскими корнями (девиз рода, стоящий на гербе, – «Так хочет Бог» – и помещен на ее надгробии). Детство княжны проходило в Украине: Дабижи владели усадьбой Романовщина в Черниговской губернии и большой квартирой в Одессе.

В 1886 г. княжна выходит замуж за помещика польского происхождения Александра Аркадьевича Ростковского, родом из Херсона, дипломата по профессии (его родные также проживали в Одессе).

В 1903 г. царский дипломат был убит турецким жандармом в городе Битола (бывш. Монастырь) в Македонии и торжественно как павший на государственной службе погребен в Одессе, куда вдова в итоге вернулась жить. Тут она встретила революцию 1905 г., став свидетельницей восстания на броненосце «Потемкин». Здесь же она переживает драму своего близкого друга, «красного адмирала» Петра Шмидта, возглавившего революционные события на кораблях черноморского флота. Ее отчаянные попытки спасти Шмидта не удались…

События февраля 1917 г. застают Ростковскую в Петербурге, где в тот самый день, когда Николай II отрекается от престола, ее сын Борис приносит присягу на верность царю и отечеству на церемонии посвящения в кадеты. Когда начинается гражданская война, молодой кадет уходит в Белую армию и гибнет в братоубийственной смуте.

Екатерина с дочерью эмигрирует в Италию, в Неаполь, где она бывала до революции и где у нее много добрых знакомых. От неаполитанского знойного лета Ростковские обычно спасаются на Севере Италии, в курортном местечке Беццекка, где их и застает начало второй мировой войны. Мать и дочь решают переждать тяжелое время тут – оставшись в Беццекке, как оказалось, на всю оставшуюся жизнь.

Екатерина Васильевна уходит из жизни в Беццекке в день Рождества 7 января 1943 г., ее дочь там же – 29 июня 1976 г.

К неаполитанскому периоду, к 1920-м годам, относится написание Екатериной Васильевной мемуаров на французском языке под псевдонимом Княгиня де Каер. Псевдоним составлен из ее инициалов, К(а). (э)Р. во французском написании имени – **K***atherine de* **R***ostkowski*.

Воспоминания, предлагаемые читателям, состоят из 76 машинописных и 11 рукописных страниц. Они были переданы дочерью Марией в архив Исторического музея г. Тренто в 1949 г. и долго ждали там своего часа. На русский язык их превосходно перевела Вера Ивановна Тарасенкова (Москва – Флоренция).

…Из небытия эта рукопись вышла благодаря следующим обстоятельствам.

Профсоюзный работник Эннио Бордато (г. Роверето), увлеченный, как это нередко бывает у итальянцев, российской историей, часто бывал в городке Беццекка, где родилась его супруга. Там он слышал полулегендарные истории о жившей и скончавшейся там principessa russa, «русской княгине»: ее изысканный образ произвел сильное впечатление на местных жителей. На коммунальном кладбище он действительно обнаружил плиту с «русским» крестом и фамилией Дабижа-Ростковская.

Сбор сведений о них оказался сложным и долгим. Постепенно из небытия возникли очертания интересных судеб. На воссоздание биографии «русской княгини» у него ушло четыре года: не будучи профессиональным историком, он мог отдавать поиску лишь свободное время. Так сначала вышла итальянская монография Sotto un cielo straniero [Под чуждым небосводом] (Роверето: Edizioni Osiride, 2000), написанная Эннио Бордато.

После этой публикации к поиску по Дабиже-Ростковской подключился автор этих строк, живущий в Италии и занимающийся историей эмиграции из бывшей Империи. Уже вдвоем они написали книгу о Ростковской-Дабижа «Под чуждым небосводом» (С.-Петербург: Алетейя, 2009). В процессе создания этой книги было принято решение осуществить полный перевод на русский мемуаров Ростковской-Дабижа.

Михаил Талалай

Неаполь

Княгиня де Каэр

(Екатерина Ростковская, урожд. кнж. Дабижа)

Свет, сумерки, тьма одной русской жизни

Перевод с французского Веры Тарасенковой
под редакцией Михаила Талалая

Предисловие

Раньше была у меня прекрасная родина,
Дубы там поднимались высоко,
Склонялись нежные фиалки…
Это был сон.

Гейне

Любимая страна, потерянная для меня из виду и из жизни, моя Отчизна – это Россия. Из всего моего достояния, из всего самого дорогого моему сердцу у меня осталось одно неизгладимое воспоминание, которое ничто не сможет отнять у меня… воспоминание о моей растерзанной стране, саднящее душу воспоминание о тех, кто мне дорог, несмотря ни на что, и кто остался там в силу фатальности ужасной судьбы – в молчании и безвестности.

Вспоминать о счастье, вспоминать дни, наполненные радостью и светом, – это так естественно, но вспоминать о несчастье, видеть его все время перед собою, вечно присутствующим, непоколебимым, как скала, готовая раздавить вас своей тяжестью!!! Столь мучительно касаться трагической судьбы моей Родины! В комнате умирающего если и говорят, то приглушенным шепотом, хранят молчание перед тайной неизбежного, не давая вырваться слезам боли. Но как мож-

но молчать перед преступлением, и почему молчать? Ведь это мой долг – протестовать – и во имя моей родины, и особенно во имя тех, чьи невыносимые страдания не могут дойти до нас сквозь тюремные стены дабы пробудить совесть и человеческое сострадание. Они страдают и умирают, но их агония – это моя агония. В память о них выступаю с чувством возмущенного протеста и ненависти и протестую против темных сил, против убийц, запятнавших себя кровью мучеников…

Пусть крик моей скорбящей души найдет отклик в услышавших меня сердцах, пусть они проснутся и поймут!!! Это все, чего я хочу, в этом все мое желание русской женщины и матери. В этом и моя надежда, чтобы никогда и нигде не повторилась великая трагедия, разыгравшаяся в России, апофеоз которой утонул в слезах отчаяния, в крови и смерти.

Вспоминаю наш последний праздник Пасхи в Петербурге, во время революции, в марте 1917 года. Я получила поздравительную открытку (она тоже стала последней). На ней талантливый художник представил Россию в виде молодой красивой женщины в богатой национальной одежде, но одежда этот была смята, разорвана и покрыта пятнами крови, чело бледно, гордо поднятая голова – без кокошника, виски помертвели, глаза полузакрыты. Женщина откинулась к стене в состоянии сильной боли и отрешенности, ее руки пусты и бессильны, и все ее усталое тело сгибается под тяжестью невыносимого страдания. Она едва держится на узком краю черной пропасти, разверзшейся у ног. Небо вокруг мрачное, тяжелое, с красными трагическими всполохами. «Христос воскресе!» – возвышенные слова, которыми всегда обменивались в радостное время Пасхи, сопровождали эту открытку.

Пасха! Какой это был раньше на Руси замечательный праздник, самый славный из праздников. Восхитительный звон колоколов раздавался по всей огромной Империи. Везде стояла радость, счастье, возрождение, весеннее пробуждение… А тогда о чем звонили колокола, в то время революции, в ту последнюю Пасху, колокола, которые мы слушали, как похоронный звон, раздававшийся в наших сердцах… Россия, все еще величественная и прекрасная, была только юдолью

плача в те торжественные дни, безо всякого проблеска радости и почти без надежды. Она стояла в начале долгой дороги, страшной и темной via dolorosa [дорога страданий, крестный путь], по которой мы все еще идем, без отдыха, мы, ее дети, мы, ее безутешные сироты…

Это был мой последний праздник в России, моя последняя весна в Петербурге. И несмотря ни на что, шло еще счастливое время, потому что я жила на родине, и меня окружали мои дети… Эти видения, а также и другие, ужасные, – все время передо мной. Они тесно связаны со временем, идущим вперед, ничего не меняющем в жестокой реальности, ставшей для тех, кто не страдает, привычкой, бесполезно повторяющейся историей.

Кое-кто видит в нынешнем положении вещей логический результат царского режима… Но ошибки, несправедливости того времени, чего стоят они – по сравнению с ужасающей жестокостью утонченных пыток, неслыханной бесчеловечностью, эксцессами, явившимися плодом диктатуры палачей, бандитов, сбежавших с каторги! Кто же эти маньяки, захватившие управление огромной страны и развязавшие все силы бессмысленного вандализма, дабы поприсутствовать в качестве циничного зрителя «при интересном эксперименте» (слова Ленина), состоявшем в крахе Империи.

Вряд ли я скажу что-то новое. Другие уже написали много, и лучше меня, но не стекаются ли маленькие ручейки в большие реки? Хоть эти ручейки в России горьки от слез и красны от крови! Они текут все время… и мы не можем забыть это сами и не можем дать забыть другим. Не знаю, увидят ли когда-нибудь свет эти строки.

Мне хотелось лишь рассказать о том, что пережила, описать несколько страниц моей жизни, прожить заново и мои счастливые дни, и ужасные события 1905-1906 годов, одним из действующих лиц которых стал лейтенант Петр Шмидт, прозванный «красным адмиралом», те события, в которые я была замешана вследствие драматических обстоятельств, и которые явились прелюдией к еще более ужасному времени, времени революции 1917 года…

Глава I

Веселые годы,
Счастливые дни –
Как вешние воды
Промчались они!
Тургенев

(откуда, так ли???)

Всегда, с самого раннего детства, приезд на Украину, в наше замечательное поместье, был для меня источником необыкновенных эмоций и заставлял радостно биться мое сердце. Вспоминаю эти приезды на каникулы, когда мои родители и мы, дети, прибывали из Петербурга, чтобы провести три летних месяца в Романовщине, нашем благословенном home [дом (англ.)], дорогом всем нам. Три дня в пути – долгое путешествие, но, тем не менее, последнюю ночь я не спала, я просто не могла! Мне не терпелось увидеть даже ночью, при свете луны, или при свете бледной зари первые украинские хутора с белыми хатами под соломенными крышами, окруженные цветущими вишнями, высокие тополя, которые как стрелы тянутся к звездам, а вдалеке, на просторе, – поля, ветряные мельницы с широкими вращающимися крыльями. Несмотря на шум поезда, мне кажется, что слышу восхитительные местные песни, протяжные, грустные, которые поют день и ночь в этих очаровательных местах. Мое детское личико прилипло к стеклу, сердце переполнено радостью, я посылаю взволнованный привет алому пробуждению зари, цветущей степи, девушке в венке из цветов и лент, что смотрит на проезжающий поезд, гоня белых гусей. На дороге – пара быков с огромными рогами, запряженные в крестьянскую повозку. Сам крестьянин идет рядом с трубкой в зубах, в гордо заломленной каракулевой шапке. Сгорая от желания уловить малейшую подробность пейзажа, я упивалась этой поэзией, неуловимой и всепроникающей, как пьянящий аромат фиалок, наполняющих леса у меня на родине.

О моя Украина! Сегодня вдали я взываю к тебе, я, лишенная всего и изгнанная с земли, где похоронены мои предки, имена

которых сквозь века связаны с твоей историей! Колыбель моего детства, мечты юности, жизненные радости и печали, до последних слез, скатившихся в момент насильственного и фатального прощания! Все погребено под землей, на которую моя нога никогда больше не ступит, которую глаза мои не увидят, чтобы вновь отыскать следы прошлого, стертого, изгнанного разбушевавшейся силою.

В нашем поместье Романовщине из поколения в поколение жил наш род в тени развесистых дубов, четырежды столетних. Знаю, никогда более мы не услышим этих старых свидетелей исторических событий, шепчущих нам воспоминания прошлого; в шуме их листвы не услышу я более легенд о русалках, что качаются на ветвях, расчесывая свои длинные зеленые волосы, – не придут они более играть на серебристом озере, не спрячутся под колесами старой мельницы, поджидая молодого путника, чтобы защекотать его до смерти, хохоча при свете луны. Мелодии, широкие, как степи, не долетят до меня ни в ночи, ни на закате солнца, а большой темный парк, окружавший голубовато-зеленый глаз озера, стих под ударами мертвящего топора. Могучие дубы и высокие тополя тоже потеряли свои старые гордые головы.

Не пощадили ничего, все разрушено, вплоть до нашего дома, просторного, красивого, с большим залом, с длинными белыми колоннами, террасами и балконами, где мы так чудесно проводили время. Разграблена библиотека, уничтожены картины, все, что было красотой, умом и душой, – все там погибло. И мои предки еще раз закрыли глаза, вспоминая прошлое: глаза на их портретах проколоты штыками большевиков…

Задаю себе вопрос: что для меня еще осталось от моей родной страны? Не считая могил, какая между нами есть связующая ниточка, тянущаяся сквозь огромное пространство, нас разделяющее? Что у меня сохранилось, кроме неба, ночи и холодного северного ветра, прилетевшего с моей Родины? Она шлет мне привет своим дыханием. И оно жжет мне глаза…

Оставив в стороне мои чувства, приоткроем, по крайней мере сейчас, занавес на действительность… Мой рассказ уводит меня на Украину, в еще солнечные времена – хочу опять раствориться в ее душе.

И вот я вновь вижу нас голубым смеющимся утром на вокзале городка И<чня>. Вокруг – бесконечные пространства полей, цветущие луга. Деревни рядом словно спрятались в цветущих садах и огородах. Блестящая на солнце карета ждет нас. А бравый кучер Михайло, который гордится своими великолепными лошадьми, очарован и собственным видом, и нашим приездом. Он весело здоровается с нами. Его черные с хитрецою глаза светятся радостью… Михайло служит у нас лет двадцать, оставаясь по-прежнему молодцеватым и живым, а временами – и столь веселым! Больше всего он обожает лошадей, пляски и песни, как настоящий украинский цыган, тип которого он ярко выражает. Вид у Михайло действительно бравый! Видно, что он особенно принарядился к нашему приезду. Под черной бархатной безрукавкой, стянутой серебряным поясом, надета желтая шелковая рубаха. Складки одежды ниспадают на широкие бархатные шаровары, заправленные в высокие сапоги. Рукава рубашки кажутся золотыми на фоне черного бархата, и в довершение его помпезного кучерского наряда – круглая высоко надетая шляпа с узкими краями из черного шелкового фетра с торчащими павлиньими перьями. На них загораются зеленые и золотые искорки, а самсонова шевелюра, черная и кудрявая, окружает, как ореолом, живописную голову Михайло.

Мы едем, подхваченные быстрым порывом рысаков, через поля, влажные от утренней росы, и доезжаем до нашего леса. От земли, от каждого куста поднимается нежный аромат, чувствуется весна, насыщенная соблазнами, свежестью, весна во всем великолепии буйной молодости. Пение соловья, зов кукушки и песни доносятся до нас отовсюду – лес наполнен этими звуками. Весна безудержно поет пробуждение жизни, упоение счастьем.

По дороге нам встречаются целые поляны ландышей. Мы останавливаем повозку. Какое блаженство погрузить лицо в только что сорванные букеты! Их белые и холодные от росы колокольчики опьяняют своим ароматом. Михайло прикрепляет несколько ландышей ко лбам своих «детей» – так он называет лошадей. Я тоже смотрю с любовью на этих двух вороных братьев: они и в самом деле бесподобны. Вспоминаю день, когда их привели.

Восхищение было всеобщим. Молчал лишь Михайло. Серьезный и очень бледный, стоял он перед лошадьми, пристально смотря; губы его слегка дрожали… Вдруг он резко наклонился к их мордам и, поцеловав их, неистово пустился перед животными в безудержный казачок.

Между этими тремя существами установилась самая нежная дружба. Даже ночью было слышно, как они вели между собою сентиментальные разговоры. Михайло всегда жил с лошадьми и прекрасно понимал их язык. Он знал, что именно Гетман сказал Казаку и его собратьям по конюшне, Орлу, Вихрю, Нахалу. В жизни лошадей для Михайло не существовало никаких тайн. Он знал досконально их игры, ревность, благородство и эгоизм. Все ему было известно, он принимал в их жизни участие и как друг, и как отец.

В России конюшня и лошади, похоже, объединяли хозяев со слугами. Примерно подобная же дружба устанавливается в семьях между матерью и кормилицей – на основе взаимного доверия, привязанности и общей нежной заинтересованности по отношению к тому, кого воспитывают вместе. Дети и жеребцы столь похожи!

По мере того как мы приближаемся к поместью, дорога между стенами леса становится шире, и повозка въезжает под свод высоких дубов, ветки которых, подобно огромным рукам, тянутся нам навстречу. На краю леса то тут, то там – красивые белые хаты с садами и огородами, где цветут маки и множество подсолнухов, похожих на огромные желтые астры. Подсолнухи особо любимы на Украине и за цветы, и за семечки, которые щелкают, перебрасываясь насмешливыми словечками, – ибо люди здесь веселые, а определенная мечтательность в природе украинца совсем не помеха задорному характеру.

Наши друзья, крестьяне и крестьянки, завидев повозку, приветствуют нас добрейшими сердечными улыбками. Старики знают меня с детства: большинство их служило моим родителям, другие крестьяне выросли вместе со мною. Я в курсе их семейных дел, свадеб, рождения детей, я знаю их истории, особенно старинные, из эпохи крепостного права. Поэтому с неподдельной радостью и от всего сердца отвечаю на их приветствия. «Здравствуй,

Маруся!», «Как дела, Надя?» – «Счастья Вам, ваше сиятельство!» – «Спасибо, Оксана, что встретила нас с полными ведрами!» Мужчины улыбаются, сняв шапки. Все – друзья, давние хорошие соседи. Менялись поколения, но нас объединяли воспоминания о взаимной дружбе.

Здесь, среди этих хат под старыми дубами, есть люди, которые мне действительно преданы и которые любят меня. К тому же мы ведем хозяйство вместе. Если не хватает земли, они находят все нужное в нашем поместье, работая на посевах табака, в полях и лугах. Крестьяне возделывают землю, жнут хлеб, косят траву, рубят лес – с учетом своих потребностей. Они получают причитающуюся им долю, например, – добрую половину табака. Рыбаки, всегда одни и те же, имеют тут выгодное дело – арендуют наше озеро, не забывая снабжать нас свежей рыбой, когда нам нужна. Таков их официальный доход (есть у них и доход намного менее официальный, на который я закрываю глаза, пока он не переходит границы). Мы же, владельцы, живем, в основном, в доверии и дружбе с крестьянами и не спрашиваем себя, как и каким образом строятся и обогреваются хаты вблизи нашего поместья все триста шестьдесят пять божьих дней. Сего деликатного вопроса никто тут не касается. К тому же существует хорошая пословица: «не пойман – не вор». Остается только быть ловкими… Мои дорогие соседи достаточно в сем преуспели: березы, осины, липы и другие деревья, которыми полны наши рощи, срубались с деликатностью и осторожностью, достойными воров опытных. (Испытываю особую нежность к березам: они мне напоминают молоденьких девушек, хрупких, гибких, с длинными светлыми власами; вот они склоняются друг к другу, поверяя свои мечты. В лунную ночь они одеты в белый серебристый шелк, и когда мчишься на лошадях сквозь лес, вокруг тебя словно белый кружащийся хоровод.)

Вот почему я не обращаю внимания на вмешательство соседей, к тому же, вижу я все или нет, мне приходится как-то соглашаться с происходящим и не подавать при этом виду. Но дубы – это совсем другое дело! Не говоря о том, как трудно их срубить, известно, что ответственность тут иная, и порубка не пройдет незамеченной. Три тысячи дубов пронумерованы подобно цен-

ностям клада. Эти старики дороги нам, мы к ним бесконечно привязаны…

Наш старинный парк раскинулся на шестьдесят пять гектар, его широкие тенистые аллеи окружают озеро. Волшебная сказка… Тут и другие таинственные аллеи под зеленым сводом, которые извиваются, пересекаются, путаются, неожиданно открываясь на широкую круглую площадку, всю усеянную незабудками, и на широкую главную аллею, любимую аллею моего отца, замечательную в своем величии теней и воспоминаний. С противоположной стороны оврага господствует очарование уединенности и абсолютного покоя – зеленое ничем не нарушаемое царство одиночества. Скамейка под цветущей сиренью, нескончаемое пение птиц в зарослях, стук весел на воде, монотонные напевы рыбака, плывущие над озером, и книга, забытая на коленях из-за нахлынувших воспоминаний.

Наконец, мы приехали… В глубине аллеи – белый дом, фасад господского особняка, который внезапно появляется за поворотом. Построен он в виде полукруга, с тремя фронтонами и колоннами, а стройные тополя гордо его стерегут. Вся прислуга со старостой во главе ждет нас.

Какая радость увидеться вновь, особенно встретиться со стариками: они по-прежнему на службе! И в первую очередь, – увидеть мою дорогую старую нянюшку, обнимающую меня и плачущую от умиления. А вот и наш любимый шеф-повар: талант его изумителен, несмотря на преклонный возраст. Его доброе лицо при нашем появлении озаряется улыбкой. Оба, и няня, и повар, родились в давние времена крепостного права – горькое воспоминание, – когда люди могли быть куплены и проданы в нашей стране. Они росли и жили в нашем имении, от поколения к поколению, никогда не захотев воспользоваться предоставленной свободой. Таким образом, они остались членами нашей семьи – дорогими нашим сердцам не только из-за преклонного возраста, но и за добрые души, лишенные всякого недоброжелательства.

При крепостном праве моя горничная служила у сестры моей бабушки А***: ее взяли в имение как вышивальщицу. В то время было обычаем иметь своих вышивальщиц. Крес-

тьянские девушки учились рукоделию, ткали ковры тонкой работы, копируя рисунки и картины, делали ажурные вышивки по льну и муслину, расшивали жемчугом, творили настоящие произведения искусства, сохранившиеся сквозь года. Сколько таланта и вкуса в их работах! Сколько таинственных дум скрыто в этих тончайших узорах! Сколько слезинок упало из глаз, может быть, в чашечки цветов, молчаливые творения бесчисленных юных рук и крепостных душ…

Прошлое похоже на струнный инструмент. Каким бы старым и уставшим инструмент не казался – коснись его, и он ответит вибрирующим голосом, восхитительным или наполненным болью, но всегда живым, пробуждая образы и воспоминания, волнующие сердце. Вот так и старый дом, погруженный в покой, в сон, пронизанный едва уловимым запахом, присущим старым жилищам, запахом увядших роз или старинного кружева, запахом исключительной чистоты и свежести. Как все это мне знакомо! И так было всегда: паркет, фарфор, хрусталь, старинные портреты и картины, зеркала, бронза – все сверкает вокруг… Каждая комната имеет свое особое очарование, а иконы в серебряных окладах, непременные в каждой комнате, являются неким символом мистической защиты. Мебель и предметы в комнатах всегда на одних и тех же местах, в течение многих лет, и никому не приходит в голову трогать их – подобным образом прошлое объединяется с настоящим.

В наших старинных семьях и поместьях хранили традиции. Любовь к родному дому, семейному очагу была так же значима, как любовь к Родине и чувство патриотизма. Подобные привязанности очень сильны на Украине, где крестьянин, привязанный к земле как собственник, как землепашец, воспевает ее с любовью, с музыкальной сентиментальностью, что проявляется уже с детства…

После радостного возбуждения, связанного с приездом, день заканчивается на террасе, выходящей в парк против уснувшего озера. Это час тишины, сумерек: покой в природе, покой на душе, нежные расплывчатые тона, последний синий взгляд вечера и появление первой звезды, пока еще розовой. Наступает величественная ночь, удлиняя фиолетовые тени, широкая, подобно

симфонии, прелюдию к которой поют соловьи. Воздух напоен запахом резеды. И снова слышатся песни, отвечая эхом ночи.

Как можно не вспоминать об этом, как можно забыть украинские ночи, воспетые столькими русскими гениями в их несравненных поэмах! Именно эта красота природы вдохновляет народ. Именно в ней черпает он свои восхитительные голоса. Михайло поет как настоящий артист, всей душой отдаваясь страсти. Его голос чарует. Он любит петь, особенно при луне, в лесу и в поле. Тогда молодые крестьяне прекращают свое слаженное пение, чтобы послушать его. «Тише! – говорят они. – Михайло поет!»

О, этот теплый голос, распевный, дрожащий от окутывающей меланхолии! Сколько раз в моей жизни я его слушала, сколько раз его слушали многие мои друзья и знакомые, приезжавшие издалека! И никто, знаю, никто не мог забыть притягательной силы этого свободного голоса, этого очарования – огромного, как пространства наших степей. Он доносится до нас с другой стороны озера, из глубины леса или с поля, где Михайло искал уединения, чтобы петь при луне! Песня удаляется, поднимаясь все выше, под звездный небосвод, пропадая и возникая вновь, почти как плач… И последняя, чистая, неопределенная нота улетала в мир ночных легенд…

«Что ты пел вчера? – спрашивала я у Михайло. – Что за красивую песню?»

«Да то ж моя песня… Было так красиво. Луна стояла ясной. Я выгуливал Марса и Ромуса, и даже не знаю как… Душа моя распахнулась!»

«А знаешь, мы все в какой-то момент чуть было не заплакали!» – сказала я ему, смеясь.

«Но я… и я сам плакал… Когда я закончил песню, то почувствовал, что по моему лицу текли слезы».

Образы, воспоминания прошлого! Они не отступают от меня, как та старинная мелодия моей Родины, припев которой был и остается неизменным для меня:

«Ніде не знайти мені кращого краю,
Ніж моя рідна Україна!»*

* В оригинале – на французском; приведен первоначальный украинский текст.

Глава II

Другие картины, еще более далекие, но такие близкие моей душе, встают передо мною подобно миражу. Цветущий сад, маленький белокурый мальчик играет с белой кошкой, его сестры, красивые и грациозные, играют с моей куклой. Мы все на террасе. Мои родители со своими друзьями, госпожа С***, адмирал (Адмирал ли?) <Петр Петрович> Шмидт, отец наших юных друзей, курит трубку, мой брат, моя маленькая сестра… Передо мною – скорее образы, нежели живые картины, но я вижу как наяву Черное море, темно-синее: кажется, оно подбирается прямо к нам. Это одно из первых восторженных воспоминаний моего детства.

Мы выросли в Одессе вместе с детьми Шмидта. Когда пришло время учиться, мы встречались и в Петербурге, ибо наших родителей связывала старая дружба. Впоследствии жизнь и разные события разлучили нас: мы отдалились от дней нашего детства. Белокурый мальчик стал морским офицером. Его сестры и я вышли замуж, но воспоминания детства остались незабываемыми. Время от времени из разных мест до нас как эхо доходили новости… Так мы узнали о свадьбе нашего друга, еще слишком молодого, для того чтобы обзаводиться семьей! Он не стал счастливым, но отдал всю нежность молодого отца своему единственному сыну.

Я вновь увидела его случайно в 1904 году после неудачной войны между Россией и Японией, когда российский флот значительно пострадал. Петр Шмидт почти не изменился. Его спортивная фигура оставалась по-прежнему стройной и гибкой. Смех его сохранил детскую непосредственность, взгляд серых глаз был умен, серьезен и мечтателен – в нем словно отражались моря, что он пересек. Жизнь потрепала его, как буря в бушующем море, но он стал хорошим и храбрым моряком, с честью встречающим удары судьбы. При этом он любил жизнь – как великий идеалист и мечтатель.

Мы с нашей семьей находились в то время в Одессе. Нам представился случай увидеть Шмидта, ибо миноносец под его командованием пришел в Севастополь. Его приезды к нам

всегда вносили оживление: дети видели в нем старшего брата, друга, товарища, забавлявшего их от всего сердца. Подобно истинно русскому человеку, он страстно любил музыку – было настоящим удовольствием смотреть, как он слушает музыку, отдаваясь этому всей своей душой. Однако война, ее фатальный исход, поражения, человеческие страдания, которые он видел столь близко, повлияли на его чувствительную душу и обострили его чувства.

Тема войны была для него невыносимой, заставляла его страдать и возмущаться. Он никогда не говорил о войне равнодушно. Я видела его озабоченным, задумчивым, нервным, обеспокоенным чем-то тяжелым на сердце. К тому же те дни в Одессе были для нас действительно очень тяжелыми, просто ужасными. Шел май 1905 года. Я только что вернулась из морского путешествия, предпринятого для поправки здоровья. Я вновь посетила прекрасные страны, увиденные в прежние счастливые дни: Египет, Палестину и обожаемую Сирию, столица которой, Бейрут, окруженный чудной природой, – мое самое яркое воспоминание о Востоке. Во время путешествия пришла срочная телеграмма: дочь серьезно заболела.

Я тут же покинула эту солнечную страну и спустя несколько дней была уже в Одессе, у моего больного ребенка. Весна стояла восхитительной. Прекрасный город над морем был весь окутан белой цветущей акацией, и это с новой силой заставляло мечтать об Украине, этом райском крае. Мы ждали только выздоровления дочери, дабы уехать в нашу Романовщину.

В один прекрасный майский день я возвращалась домой пешком, сделав кое-какие дела в городе. Наш квартал, всегда очень спокойный, был прекрасно расположен и имел чудный вид на море. Я заметила группу людей, смотревших в сторону порта; у некоторых были бинокли. Напротив, на рейде, стоял большой военный корабль, белоснежный и величественный. С его борта подавали некие знаки: я видела движения цветных флажков, не понимая этого языка. Видя всеобщую озабоченность, стала расспрашивать, услышав в ответ обрывки слов и уклончивые фразы. Сказали, что на «Потемкине» просили угля…

Я заспешила домой, подумав, что, несомненно, идут учения. Спустя несколько минут сильнейший пушечный выстрел потряс город – я остановилась, словно от удара в грудь. Люди бежали отовсюду, поспешно закрывались окна, двери, магазины. Патруль преградил мне дорогу. «Прохода нет!»

«Но мне нужно вернуться домой!»

«Прохода нет!» – повторил молодой офицер. Тут же раздался второй выстрел, затем третий. Улицы опустели, и я вернулась назад, вынужденная пойти в обход.

«Прохода нет! – услышала я снова окрик солдата – Улицы со стороны моря закрыты».

«Но мне нужно туда – заявляю ему. – Я там живу!»

Дело кончилось тем, что мне разрешили пройти, и офицер посоветовал мне больше на улицу не выходить, ибо с «Потемкина» стреляют по городу. Больше вопросов я не задавала.

Мы нервничали и сгорали от нетерпения узнать, что происходит. Слухи, постепенно доносившиеся до нас, становились все более тревожными и серьезными. По городу в самом деле стрелял взбунтовавшийся экипаж крейсера «Потемкин». Его матросы расстреляли и выбросили за борт офицеров. Все это произошло после очень неприятной истории. Матросы, недовольные кормежкой, послали делегата с тарелкой супа к командиру. Тот, попробовав суп, нашел его хорошим. Матрос оскорбил командира, который, вынув пистолет, застрелил его на месте. Последствия были ужасными – настоящая бойня. Матросы убили всех офицеров: одних в каютах, других на палубе. В живых оставили только одного молодого механика, дав ему приказ направить корабль в Одессу…

Слухи об этом жестоком и отвратительном происшествии распространялись – оно принимало огромные и угрожающие размеры. Тело убитого матроса доставили в порт. На его груди была надпись: «Убит за тарелку супа!». Тогда же экипаж корабля сообщил губернатору и префекту (полицмейстеру????), что похороны жертвы состоятся в Одессе, что все горожане должны участвовать в траурной церемонии, и что при малейшем отклонении от этого приказа «Потемкин» будет вынужден снова начать обстрел. Толпа любопытных устремилась в порт. Все хо-

тели видеть убитого офицером матроса, осмелившегося пожаловаться на плохую пищу экипажа. Час от часу все возрастающее волнение и возмущение захватывало население. Портовые рабочие стали хозяевами положения. Конные казаки, впрочем, патрулировали город, охраняя общественные места и преграждая проход на бульвар, ведущий в порт. Было очевидно, что руководители, как военные, так и гражданские, делали все возможное, чтобы усмирить волнения, не прибегая к силе, и надеялись восстановить спокойствие после похорон матроса, которого сопровождали на кладбище его товарищи и тысячи людей. Однако экипаж «Потемкина», не дождавшись возвращения своих делегатов и опасаясь, что их арестовали, трижды выстрелил по городу, зависевшему теперь от него.

Положение становилось все более трудным и сложным. Направленная из Севастополя эскадра не могла прибыть незамедлительно, так как плавала на учении в открытом море. Два военных корабля, прибывшие спустя несколько часов после восстания, вступили в переговоры с экипажем «Потемкина» и, узнав причины бунта, перешли на его сторону. Ситуация казалась тупиковой. С одной стороны в порту угрожал враг, с другой – в городе возмущенная толпа поддерживала экипаж «Потемкина». Озабоченная происходящим и состоянием моей больной дочери, я решила со своей подругой, мисс Ф***, пойти к генералу-губернатору барону К<аульбарсу>, с милейшей семьей которого мне довелось быть знакомой.

Когда мы подошли к Николаевскому бульвару, патруль конных казаков, преградив нам путь, запретил проход. Сказав, что меня ждут во дворце, я предъявила документы и уселась под деревьями бульвара напротив большой и широкой лестницы, которая величественно, террасами, спускалась к порту. Улицы были черны от народа, толпа все прибывала, и на лестнице, ниже, я видела полупьяных рабочих, которые кричали с поднятыми кулаками, угрожая городу. Во дворце я встретила своих храбро державшихся друзей. Барон отдавал приказы офицерам, рекомендуя по возможности избегать суровых мер, чтобы не раздражать еще более горячие головы и не усиливать панику. Поезда были переполнены. Многие жители покидали Одессу. Впрочем, от барона

я узнала, что горожанам нечего бояться. Все проходы в порт охранялись солдатами и пулеметчиками. Жуткие предчувствия охватили многих…

Я вернулась домой. В нашем квартале царило абсолютное спокойствие. Наступил вечер. Сквозь открытые в сквер окна доносился аромат цветов. Вдруг во время ужина, подняв голову, я увидела что-то неописуемое. Все небо стало кроваво-красного цвета: казалось, что чудовищный пожар пожирает Одессу. Но с какой стороны он разгорелся? Надо было скрыть правду от детей, чтобы не испугать их, – мы тотчас же закрыли ставни. Оказалось, что полупьяные рабочие и обезумевшая толпа устремились к портовым складам, грабя, разбивая, поджигая все попадавшееся им под руки. Бочки с вином, масло, мазут, нефть – горело все. Это было безумие, ярость, трагическая, ужасающая ситуация. Город трепетал, слыша вопли разъяренной толпы, но не видя ее, так как был отдан приказ, запрещавший ходить по улицам, которые контролировали патрули и военные отряды. Конные казаки на полном скаку разгоняли замешкавшихся. Все бежали, растерянные, не зная куда. Воздух стоял удушающий. Красная ужасная ночь…

Не отдавая себе отчета в опасности, не думая даже о возможности избежать ее, я оставалась дома, не двигаясь, спрашивая себя, что нужно делать во имя спасения детей, ибо именно внизу под нами раскинулся порт со строительными лесами, складами пшеницы, доками – весь этот огромный муравейник. Торговые корабли, иностранные суда – неужели они должны исчезнуть? Как я любила прежде разноголосый шум жизни порта! Его дыхание меня опьяняло! А эти живописные отплытия гордых величественных кораблей, направляющихся в открытое море к Востоку и уносивших частицу моей души. Теперь же порт горел, охваченный пламенем. Никакая человеческая сила не могла остановить фанатичную силу адского порождения. Пьяные мужики закрыли проход отряду пожарных, не давая прекратить всеобщее разрушение!

Лишь поднявшись на крышу нашего дома, я осознала весь ужас этой картины, ее чудовищную красоту. Вероятно, так не горел даже Карфаген! Ночь стояла без малейшего ветерка,

и языки пламени продвигались вперед, медленные, плотные, огромные, безжалостные, пожирая все на своем пути. Каждый взрыв взметал вверх отблески огня фантастических оттенков. На огромной поверхности моря багровыми потоками пылало растекшееся масло. Воздух, насыщенный эфиром, переливался в пурпурном небе широкими полосами газа изумрудного цвета, а огонь, как оранжевая накидка с золотой каймой, продолжал свой триумфальное шествие. Я видела большие парусники, которые пытались выйти в открытое море. Они раскрывали свои белые трепещущие от обжигающего ветра крылья и загорались, как большие ночные бабочки. Вдоль набережной и мола причаленные в ряд торговые суда воспламенялись один от другого. Ажурный мост плавился в огне, и вагоны, как детские игрушки, падали в пекло. Крики, вопли дикой радости следовали за каждым новым проявлением этого ужасающего катаклизма. При таковой иллюминации можно было легко видеть малейшие движения безумцев, которые с факелами в руках продолжали поджигать все, что попало, не думая даже о невозможности собственного возвращения.

Городу угрожала другая, еще большая опасность, ибо резервуары с нефтью находились вблизи порта. В случае пожара в нашем квартале резервуары взорвались бы неминуемо. Как не ужасна была эта мысль, она не застревала в голове – настолько реальность превосходила передо мною любое воображение! В тот момент пламя достигло мола, отрезая путь несчастным. Я видела, как бежали между морем и огнем обезумевшие люди, и как эти несчастные исчезали между двумя фатальными смертями. Другие, с зажженными факелами, пытались спастись, поднимаясь в город. Однако город защищался, опасаясь угрозы штурма: пулеметчики открыли огонь. Доносившиеся снизу крики, разрушающий непобедимый огонь, треск пулеметов разрывали сердце. Вдали виднелось темное море, и «Потемкин», белый силуэт которого вырисовывался, как замок из слоновой кости, прощупывал длинными голубыми лучами горящий город. Все время раздавался раздирающий душу треск. Это длилось долго, всю ночь… Даже больше.

Еще несколько дней потемкинцы, как пираты в прежние времена, оставались хозяевами многих портов этой стороны Черного моря. Затем вымотавшийся экипаж сдался… О корабле-призраке стали рождаться легенды, несмотря на ужас и разрушения, которые он оставил после себя.

Я спрашивала себя, как правительство могло допустить такой бунт, и получила разъяснение, когда на своем миноносце прибыл Петр Шмидт. Он рассказал мне, что неудавшийся бунт «Потемкина» нашел отклик на всей Черноморской эскадре. Состояние умов дошло до предела, чувство протеста пробуждалось в каждом. Случай с тарелкой супа стал искрой, попавшей в пороховой склад. Безупречная до сих пор дисциплина более не существовала. Всем было ясно, что если бы эскадра двинулась по следам взбунтовавшегося корабля, вместо того чтобы сражаться с ним, она перешла бы на его сторону под влиянием момента.

«Делать нечего, остается только сложить руки и ждать, когда буря успокоится», – эти слова мой друг произнес с большой горечью, несмотря на подобие улыбки, скользившей по его губам. Я видела, что он был озабочен более обычного, и взгляд его с грустью остановился на темном порту, груде мрачных обломков.

Красивая жизнерадостная Одесса, которую мы оба столь любили с детства, раскинулась перед нами в черном трауре. Траур вселился в каждую душу, навис над каждым домом, несмотря на цветущие деревья под лучезарным небом. На улицах на каждом шагу бродили безработные, лишенные средств к существованию. Их лица, когда они просили милостыню, не внушали большого доверия. Некоторые были пьяны. Петр никогда им не отказывал и рассеянно, не глядя, давал подаяние.

«Ты разве не видишь, кому подаешь, – они попрошайничают на выпивку!»

«Это для меня ничего не меняет! – отвечал он мне. – Я им даю милостыню, ибо они просят, и даже если выпивка – это их радость в настоящий момент, зачем им в ней отказывать: возможно, они не знали других радостей в жизни. К тому же, счастье на земле настолько редко, и каждый его понимает по-своему. Если я могу что-то дать сейчас, даже для призрачного счастья, я буду делать это всегда и от всей души».

«Это мираж, это не счастье», – заявила я, глядя на черное траурное пространство под нами.

Он заметил мой взгляд: «Видишь, здесь траур и смерть. Но вдали – бесконечное, такое синее и прозрачное небо, такое опьяняющее свободным пространством. Может быть, трагическая дорога, по которой мы сейчас идем, тоже ведет к простору!».

«Мираж, мираж, Петя!»

«Нет – ответил он. – Счастье и прогресс!»

Глава III

Как хороши, как свежи были розы…
Тургенев

Вот и канун Ивана Купалы, празднуемый на Украине с таким многоцветьем обычаев! Однако святой Иоанн Креститель имеет мало чего общего с нашим Купалой. Это скорее старинный языческий праздник, праздник умирания весны и рождения лета, который отмечают по традиции. Песни и стихи, посвященные Купале, – почти те же самые, что пели и читали в стародавние времена. Музыкальная фантазия на Украине вдохновлялась пробуждением весны, оплакиванием мертвых, вздохами молодых невест. Она выражалась в необыкновенно радостных мелодиях: люди так изъяснялись о различных периодах своей жизни и жизни природы.

Уже с утра по обычаю молодые крестьянки в венках из полевых цветов заводили песни по умершей весне. Праздничный настрой разливался в прозрачном воздухе, солнце смеялось в глазах молодых девчат и парней, работа шла с лихорадочной поспешностью, а припев песни, долгой до бесконечности, растекался на просторе. Ау…

Тут появилась моя старая любимая нянюшка, маленькая и чистенькая, в чепце из черного шелка, с безупречно белым воротничком. Она казалась очень взволнованной.

«Телеграмма?» – спрашивает нянюшка, сгорая от желания узнать ее содержание, несмотря на некоторую боязнь телеграмм.

«Хорошая новость! – отвечаю я. – Через два часа прибывает Петр Шмидт, шли скорей за Михайло!»

Михайло приходит чрезвычайно довольный.

«Едут гости! Эх, и здорово же!» – говорит он, довольный приездом гостей и перспективой конных прогулок.

«Приготовься и отправляйся на вокзал. Приезжает лейтенант Шмидт».

«Отлично! С позволения вашего сиятельства запрягу серых лошадей!»

Он выходит, но тут же возвращается. Его выразительное лицо еще больше оживлено.

«Позвольте спросить, ваше сиятельство».

«В чем дело, Михайло?»

«Сегодня вечером праздник. Не прикажете ли вы старосте дать мне соломенных снопов! Увидите, что за костер я устрою на большой дороге среди леса! Придет народ, деревенские парни, девчата, наши рабочие. Все там будут. Будем прыгать через костры, петь, танцевать! Придут два скрипача – будет замечательно. А еще взойдет луна!»

Он счастлив исполнять ежегодно это поручение все с тем же успехом и с взаимным удовольствием. Моя няня возмущенно сердится на него: «Стыда у тебя нет! Отец семейства, безумная голова! Вместо того чтобы думать о свадьбе своей дочери, которая скоро уж будет невестой, ты идешь прыгать с молодыми, бесстыжий ты козел!»

«Да полно тебе быть такой завистливой, моя молодушка», – отвечает он ей, смеясь, и идет запрягать лошадей.

Теперь моя очередь! Бедная Татьяна Федоровна упрекает меня в том, что я избаловала Михайло и слуг, что я потакаю их капризам, разрешая им сжигать такую хорошую солому, которую можно было бы использовать с превеликой пользой!

Внимаю ее поучениям с покорностью, отдавая должное их справедливости и признавая все мои недостатки и прегрешения… Каюсь столь горячо, что наш старый попугай Коко, влюбленный вот уж двадцать пять лет в старую дорогую ворчунью и за это время выучивший все ее красноречивые и быстрые интонации, вмешивается, ворча, тоже возбуждаясь и издавая

пронзительные восклицания с целью привлечь внимание своей пассии. Но она распаляется еще больше – «Хоть ты замолчи!» – и приставляет к клетке метлу в качестве успокаивающего средства…

Коко смотрит на метлу с ужасом, ретируясь в самый дальний угол и вереща что-то себе под нос, оскорбленный подобным соседством. Водворяется спокойствие, буря утихает, и моя голубушка, уже смеясь, нежно воркует: «Сейчас займусь вареньем. Сначала – из роз, знаю, моя деточка, что оно ваше любимое. Потом – из клубники, она нынче чудная уродилась, особенно белая, с запахом ананаса, а за ней и из земляники! Вон ее сколько в лесу! А уж потом надо будет заниматься малиной, да и много еще чего. Будет чем мне заняться на все лето. А вам, голубушка, – на всю зиму!» – говорит она мне, радостная, что доставила мне удовольствие.

«Да, да, моя дорогая, – говорю ей нежно. – Ты настоящее золотко, просто обожаю тебя!» И обе, довольные, мы идем совершать обход дома. Моя старушка няня, маленькая, худенькая, держит меня за руку, словно мне все еще четыре года.

В обед мы все собрались на террасе за круглым столом, счастливые от того, что наконец могли принять дорогого Петю в нашей Романовщине, которую он мечтал посетить с детства. Он уже ей очарован, и хотя у него всего два дня отпуска, хочет все увидеть!

«О, это будет довольно трудно», – говорю я.

«Если всего не смогу увидеть, то почувствую душой», – отвечает он.

Мне кажется, что давно его не видела таким счастливым. Петя похож на школьника, приехавшего на каникулы. Его загорелое лицо, его взгляд полны жизни; его стройный вид в белой одежде кажется моложавым, как никогда. Да, решительно он похож на мальчишку, когда живо сбегает по ступенькам террасы, перепрыгивает через кресло в саду, делает кувырок в воздухе, и пружинисто приземлившись на ноги, посылает нам цирковой привет. Какие раздаются восторженные возгласы!

«Сразу видно, что это русский моряк!» – восклицает наша подруга, молодая студентка.

«Достойно арлекина!» – парирует он и, увлекая за собой моих детей, бежит по большой поляне, окруженной деревьями и цветами. «Мы идем на озеро, а потом на старую мельницу, навестить русалок!» – кричит Петя издалека. Через несколько минут белая лодка с длинными веслами отплывает от берега и выходит на простор под красноватыми лучами заходящего солнца. Ряд тополей на противоположном берегу отражается в зеркале озера, напоминая длинную бахрому, опущенную парком в розовую воду.

«Ау…» – слышится с озера. «Ау…» – отвечает лес.

Ночной праздник в самом разгаре, когда мы добрались до большака. Ряд костров растянулся, как длинная красная лента, освещая тяжелые ветви дубов и высокие стволы берез, прозрачные и легкие, как пепельные кружева. Сквозь деревья виднелось уже посветлевшее от яркой луны небо, а от рощи исходил запах свежести.

Вся радость жизни, смешавшись с цветами, лентами, песнями и взрывами смеха, сосредоточилась вокруг костров. Михайло в пурпурной рубахе попал в центр внимания, а его веселый звонкий голос слышался издалека, когда кто-нибудь из парней или молодая крестьянка, прыгая через пылающие снопы, задевали огонь. Как милы их юные лица с шаловливым взглядом, особенно лица крестьянок, обрамленные большими венками цветов! Как живописны их костюмы при ярком свете, особенно в момент, когда ленты и цветные жемчужины взлетают при малейшем движении!

В вечерний час народного праздника мы все одинаково веселы и радостны. Наш дорогой лейтенант уже больше не может сдерживаться. Он всецело отдается веселью и летает над кострами, как белая чайка, легкий и ловкий, не задев ни одного из них. Все восторгаются и удваивают ловкость. Рубаха Михайло развевается над пламенем. «Хоп, хоп, хоп!» – кричит он, бегая и не заботясь о том, что недавно его обозвали бесстыжим козлом, и что его дочь уже почти невеста! К тому же, как не прыгать, когда сам господин лейтенант считает достойным такое занятие и делает это столь замечательно.

Святой Иоанн Креститель не остался без радости. Наши слуги – старые и молодые – веселятся от души. Скрипачи пре-

восходят самих себя. Те, кто до сих пор упирался, не выдерживают и пускаются в казачок. О, этот пламенный, быстрый, полный живости безудержный танец со столькими сложными движениями, которые каждый танцор меняет по своему усмотрению. Михайло в ударе: его темная голова запрокинута, руки соединены на затылке, он лихо кружится, с упоением отдаваясь пляске. В заключение, превзойдя самого себя, он встает на голову! Но наш старый бравый друг этим не довольствуется. Сосредоточено и серьезно он входит в круг танцующих с руками за спиной. Постепенно ускоряя движения, он начинает выделывать утонченные и элегантные па умелого танцора – молодые танцовщики внезапно останавливаются, словно остолбенев от восхищения. «Вот как надо танцевать, вот как танцевали в мое время! А не так, как вы!» – говорит, запыхавшись, наш добрый друг и уходит, гордый, не обращая больше внимания на всеобщие восклицания.

«А ты, Татьяна? – внезапно говорит он моей старой няне. – Ты о чем думаешь?»

О, я-то знаю, что она мечтает в глубине души о казачке, но, смущенная, не осмеливается и отказывается. Мы все умоляем ее, больше всех Михайло! Наконец, она решается. Няня выходит, поправляя складки широкой юбки, опустив глаза. С присущим ей деловитым видом она начинает следовать за задорным ритмом веселой мелодии, легко кружась и выделывая своими маленькими ножками сложные движения. Как ураган врывается Михайло, и оба они, напротив друг друга, забыв свои ссоры и обиды, кружатся вместе – он, посвистывая, с возгласами, щелкая пальцами, пристукивая каблуками, она, серьезная, со связкой ключей, позвякивающей в кармане.

«Ух, как вы меня утомили, Татьяна Федоровна! – говорит ей Михайло. – Больше, чем молодая плясунья! И за это вам премного благодарен!»

Она же, раскрасневшаяся и смущенная, ни на кого не обращает внимания, и все еще взволнованная, едва улыбается на наши похвалы.

«О, какая ночь! – шепчет рядом со мною Петя. – Мне кажется, я в волшебной сказке. Эта красота, эта простая и естественная

радость, все, что вижу, слышу, эта гармония жизни мне кажутся легендой, сном!»

«Это голос моего края, – говорю я ему. – Это Украина и ее душа! И ничто не может быть более возвышенным для меня, ничто меня не разлучит с ней!»

Через полчаса мы доходим до старой мельницы и садимся на ступеньки. Озеро поблескивает под лунным светом, темный парк спит на его берегах. Стоит полная тишина. Несколько венков плавают в воде. Молодые крестьянки сняли их и бросили в озеро, дабы вернуться на заре и узнать свою судьбу. Если венок остался на берегу, то девушка, надевавшая его в ночь на Ивана Купалу, не выйдет замуж в этом году. Если венок уплыл налево или направо, то с той же стороны девушке следует ждать своего суженого. А если венок исчез под водой! О, тогда слезы и отчаяние, ибо это знак смерти! Но слезы огорчения быстро проходят, как свойственно молодым, – они быстро иссякают со взрывами смеха и с песней.

Молодые крестьянки возвращаются в деревню через поля и лес, и голоса их смолкают вдалеке. Ночь столь тиха и величественна, что не хочется более говорить – из боязни нарушить эту божественную тишину. Подняв голову, с легкой улыбкой на губах Петя смотрит на небо.

«Как грандиозна Вселенная! – произносит он тихо. – Если звезды – такие же планеты, как наша, где есть, как и у нас, человеческие страдания, могут ли они излучать такой чистый, спокойный, лучезарный свет? Нет, там не может быть места страданию или отчаянию. Сегодня, когда я с твоими детьми забирался на мельничное колесо, я заметил звезды небесной чистоты в глазах твоего малыша. Его глаза светились радостью, он был преисполнен гордостью. Этот ребенок будет твоим счастьем. Ты будешь гордиться им, как гордишься его отцом. Постарайся только не обижать его. Детское огорчение часто причиняет ребенку больше зла и больше влияет на его жизнь, чем глубокая обида, перенесенная взрослым человеком. Душа ребенка не должна страдать, она должна быть наполнена солнцем. Вот почему наше собственное детство наполнено светом в наших воспоминаниях, ибо наше истинное счастье создано в прошлом. Но

хотелось бы иметь немного счастья и в настоящем, не только для себя, но и для других!»

«Наше личное счастье, думаю, зависит часто от нас самих, а всеобщее счастье – это слишком большая проблема, почти неосуществимая, как все, что выше человеческих сил».

«О нет, – отвечает Петя мне с горячностью. – Оно осуществимо, но, к сожалению, все наши силы, желания и любовь направлены главным образом на удовлетворение наших личных интересов. Никто не мечтает всерьез отдать все силы своей души благополучию ближнего. Ему не отдают даже частичку своего сердца! А без сердца, без любви прогресс невозможен и не может существовать. Возьмем для примера меня. Ты знаешь историю моего брака. Я был молод, я полностью посвятил себя тому, чтобы возвысить одну душу, стараясь направить ее на истинный путь.* К несчастью, я не смог добиться этого. Тут только моя вина. Убежден, что с чувством такта, с вниманием в каждом человеке, даже в самом злостном преступнике, можно затронуть душу и зажечь в ней чистый свет. Совершенно не допускаю, что наша судьба должна быть только вместилищем страданий и испытаний. А так как я этого не допускаю, то мечтаю и желаю от всей души, насколько могу, осуществить это кредо моей жизни. Сила не имеет права подавлять слабость. Сострадание должно склониться над страданием и, протянув ему сильную честную братскую руку, помочь ему воспрянуть, чтобы вместе служить Родине и человечеству. Только тогда мы сможем приблизиться к счастью на земле. Только тогда у Земли будет право засиять во вселенной так, как сияют звезды. И мы поднимемся к свету не через страдания, а через счастье, обещанное в Евангелии тем, кто любит ближнего. Именно в этом суть моего кредо…»

С такими словами он выходит из тени под сияние полной белой луны, появившейся над блестящим озером, и поднимает свой взор на небо. Его вдохновенное лицо светилось чудесной радостью.

«О, какая восхитительная ночь!» – прошептал он тихо и стал напевать старинный романс Глинки: «Когда, о душа моя, ты стремишься погибнуть или полюбить…» (ТАК ЛИ??)

* Речь идет о жене Шмидта, Доминике Гавриловне Павловой.

Его слегка приглушенный и мечтательный голос звучал грустно и меланхолично. Я страдала, слушая его. С каким-то тревожным беспокойством я предчувствовала, что в душе моего друга рождалось что-то неуловимое и таинственное.

«Почему же, осыпанный розами, я не достиг царства теней?» – последний звук дрожит, словно вот-вот разобьется…

«Петя, ты в самом деле уезжаешь завтра?»

«Да. Так надо. Как бы тяжело не было, я должен вернуться, мой отпуск кончается завтра, на миноносце меня ждут. Служба не терпит отлагательств. Но если бы ты знала, какие силы я почерпнул здесь, в этом царстве отдыха! Мне кажется, что вся моя душа обновилась! Все, что оставалось во мне темного, подавленного, больше не существует. У меня словно выросли крылья!»

«В таком случае, летим! Разлетаемся!» – смеюсь я.

Чуть погодя белая лодка пересекла уснувшее озеро. Весла блестели при свете луны. В глубине парка показался белый дом. Двери были широко открыты, и красный свет фонаря неожиданно отразился дрожащими зигзагами на воде. Раздавались звуки музыки.

«Кто-то играет на пианино, – сказала я. – Еще не спят».

«Кто может спать в такую ночь!» – ответил он мне порывисто.

На следующее утро он уезжал. Вижу это как наяву. Мы собрались у дома, наш друг стоял в бричке, посылая нам последние приветы. Лошади фыркали от нетерпенья. Голос Пети дрожал, во взгляде сквозило что-то лихорадочное. Он, конечно, пошутил, когда в ответ на несколько восторженный прощальный возглас молодой студентки крикнул:

«До свидания, барышня-революционерка! И если вы того желаете, то встретимся на какой-нибудь баррикаде! Однако, – прибавил он, – я бы предпочел, чтобы наше «свидание» состоялось здесь, в Романовщине».

«Ураа… Романовщине и ее жителям!» – воскликнул он, подбросив фуражку в воздух.

«Ураа… господину лейтенанту!» – закричал Михайло в горячем порыве.

Еще какое-то время мы провожали взглядом уезжающую бричку. Затем она свернула, и на дороге осталась только пыль, клубившаяся в лучах солнца.

Глава IV

Спустя несколько дней после отъезда лейтенанта Шмидта от него пришло письмо. Кроме всего прочего, он просил меня выполнить небольшое поручение. «Я забыл, – писал он мне, – найти в парке дуб, у которого такой же номер, как и у моего миноносца. Тебе это, возможно, покажется смешным. Но я суеверен, и мой дуб очень меня интересует. Не совершишь ли ты для меня небольшое паломничество? И не расскажешь ли мне, каков он, мой дуб? Молодой и сильный? Выше ли он других дубов? Широко ли раскинулись его ветви и не мешают ли они молодой поросли? В этом случае надо их подрезать. Может быть, наоборот, он стоит одиноко, состарившийся, может, сердце его высохло, и он стонет по ночам?»

Еще он писал в том письме, а затем и в последующих письмах, которые прибывали все реже, о том, что времена настали тяжелые, что вспышки недовольства возникали по всей стране, и что интеллигенция и рабочие готовы объединиться против правительства. Подобные новости, завуалированные, доходили из газет и до нашего оазиса.

Озабоченность, сомнения, страх окружили нас, нарушив привычную гармонию. Можно было подумать, что невидимая и торопливая рука бросила нездоровые семена в плохо обработанную почву – будущая жатва не обещала ничего хорошего. Как-то раз меня посетил полицейский из соседнего городка. Он спросил меня, вежливо и несколько загадочно, не жалуюсь ли я на крестьян, и все ли спокойно в поместье? Разумеется, мне нечего было ему сказать и к тому же мне бы и не хотелось делать этого. Я предпочла переговорить с воспитателем моего сына, господином Павлом К***, серьезным и умным молодым человеком с тонкой душой и всесторонним складом ума. Еще один идеалист! Ему удалось добиться моего полного

доверия – не ему ли я поручила своего сына! И он сумел стать другом всей нашей семьи. Будучи местным, он лучше понимал интересы крестьян, охотно беседовал с ними; они же, со своей стороны, любили его и в свободные вечерние часы приходили побеседовать с ним.

Старики были мне преданы; но никогда не известно, что творится в голове у молодых, – особенно когда тучи сгущаются и приближается гроза! Павел К*** сообщил, что в окрестности обо мне хорошего мнения, и что мое положение собственника не является чем-то враждебным для крестьян. Короче говоря, меня любили. Княжну считали симпатичной и не слишком гордой! Это хорошо. Молодежи было известно, что я с удовольствием слушала их песни, и что прогулки в нашем парке им не запрещены. «Гигантские шаги» (???), которые им столь нравились, было, пожалуй, самое главное, что их развлекало по вечерам. Однако среди молодых находились и озабоченные политическими событиями, особенно извечным аграрным вопросом. Они доверяли мнению Павла К***, безропотно слушая его. Он же как хороший, умный, крайне тактичный друг, не разочаровывая их, был с ними учтив и справедлив. Таким образом, Павел, сам не зная того, был связующим звеном между молодыми крестьянами и мной.

Приближалась осень. Убранное зерно и табак наполняли амбары. Ночи становились длиннее. Однажды вечером мне доложили о приходе старосты. Чрезвычайно взволнованный, он сообщил, что одна из соседних усадеб горит. Выйдя с ним, я увидела за полями под черным небом мрачные отблески пожара. Крестьяне, как и мы, смотрели на пожар в молчании; я ничего не могла прочитать на их лицах. Отныне почти каждую ночь повторялось то же самое то с одной стороны, то с другой; и все время жертвой пламени был собранный для владельцев урожай. Я спрашивала себя, не придет ли и мой черед?

«Будьте спокойны – говорил мне Павел К***– что касается вас, то можете себя считать в безопасности вдвойне, так как половина урожая принадлежит крестьянам. Не в их интересах его жечь. А потом, насколько мне известно, ни вы, ни ваша семья ни в чем

не можете упрекнуть себя по отношению к крестьянам. В один из вечеров эти молодые люди сказали мне, что на все Божья воля, но если случится несчастье в Романовщине, то они первыми придут вам на помощь».

Это звучало утешительно, может быть, даже трогательно. Однако очарование осени было нарушено. Несмотря на многоцветную окраску лесов, запах прелой листвы, несмотря на красоту умирающего времени года, сердце не радовалось более, мысли сделались серыми и грустными, подобно осенним вечерам.

Однажды, сидя в сумерках на балконе, мы услышали, как в лесу запели революционный гимн. Красивая, суровая и зловещая мелодия была так же захватывающа, как и ее слова:

«Вы жертвою пали в борьбе роковой,
Жертвы безграничной любви к народу,
Вы отдали все, что смогли, за Родину, честь и свободу…
Наступит день, когда народ разорвет оковы
И воспрянет, могучий и свободный.

Прощайте, товарищи, вы закончили славное и высокое дело». (ТАК ЛИ???)

Мы увидели, как на другой стороне озера зажглись факелы. Люди шли туда, не боясь, не думая о том, что они находятся внутри нашей усадьбы, уверенные, что их не посмеют тронуть. Я же, несмотря на общее тяжкое впечатление, восхищалась их красивыми голосами, замиравшими в лесу. Взволнованная, проникаясь важностью момента, я чувствовала себя накануне некоего поворота событий, спрашивала себя, что же еще может случиться с нашей святой Русью…

На следующее утро, направляясь к хозяйственным постройкам, я услышала другую песню:

«Довольно страдать, довольно терпеть,
Довольно служить господам».

Молодые рабочие, увидев меня, внезапно прекратили петь.

«Почему же вы остановились? – сказала я им, улыбаясь. – Мне нравится эта красивая мелодия!» И видя их весьма сконфуженными, сама ее напела – «Довольно страдать…» – продолжая свой путь.

В тот вечер Павел, вернувшись, сказал мне: «Знаете, сегодня вы одержали победу. Молодые рабочие рассказали мне, как вы их застали за пением революционных песен. Они были и восхищены, и удивлены, что вы не рассердились и не обиделись. «Подумать только, – сказали они мне, – княжна, уходя, напевала нашу мелодию. Мы слышали, как она пела, произнося каждое слово».

Итак, несмотря ни на что, я предпочитала шутя относиться к нерадостным событиям.

Одной темной ночью мы покинули нашу Романовщину. На сердце было тяжко от прощания. Проводник верхом на лошади с зажженным факелом освещал нам дорогу. Михайло больше не радовался, лес стоял не шелохнувшись, а звезд на небе не было.

Вернувшись в Одессу, мы еще больше убедились в росте всеобщего недовольства: брожение умов увеличивалось день ото дня.

Великий князь Сергей Александрович, генерал-губернатор Москвы, был убит одним революционером. Великий князь не пользовался популярностью, и его смерть, какой бы ужасной она ни была, не взволновала общественное мнение, хотя овдовевшая великая княгиня вызывала большое сочувствие.

По всей Империи прошли рабочие демонстрации. Оставлю в стороне драматичные события 1905 года – покушения на высокопоставленных чиновников, народные восстания и т. д. – и остановлюсь на всеобщей октябрьской стачке 1905 года, которой руководил Центральный комитет рабочих депутатов. Стачка разразилась по всей Империи и длилась несколько недель. Железные дороги, суда, фабрики, заводы, все остановилось, замерло. Это было страшным, но, тем не менее, великим событием. Вспоминаю Одессу, погруженную в темноту. Рабочие выказывали безупречную дисциплину: не имея никаких средств, ибо вся работа прекратилась, они стойко держались.

Именно тогда граф Витте, недавно назначенный председателем Совета министров, по случаю Портсмутского мира с Японией представил императору петицию, где решительно сообщал его величеству, что ввиду чрезвычайных событий возмож-

ны два выхода из положения: немедленное подавление восстания или предоставление конституции. По мнению графа Витте, существовал резкий дисбаланс между чаяниями общества и правительством, слишком отсталым для изменения положения вещей. Неудачная война с Японией служила тому доказательством.

После нескольких дней колебаний царь ответил на эту петицию манифестом от 17 октября, провозгласив основные свободы (собраний, объединений, печати), и созвал Государственную думу. По всей России чувство радости достигло небывалых размеров. Как и 14 июля 1789 года во Франции, люди на улицах обнимались, поздравляли друг друга, кричали: «Да здравствует свобода!», «Да здравствует император!».

В Одессе командующего Южной армией приветствовала толпа народа, собравшаяся перед его дворцом. Несколько смельчаков, воспользовавшись предоставленной свободой, водрузили красное знамя на здании городской думы. Такие же чрезвычайные события произошли одновременно во всех городах России. Были захвачены тюрьмы и освобождены преступники, дабы и они тоже смогли насладиться свободой. Вся Империя находилась в чрезвычайном возбуждении, почти безумии. Правительство ответило на манифестации арестами, расстрелами, ссылками. В газетах печатали подробнейшие статьи о событиях.

Тогда же я получила письмо от сына лейтенанта Шмидта*. Он просил меня не беспокоиться по поводу его отца: Петр Шмидт арестован и посажен в тюрьму на борту миноносца. Сын уверял меня, что заточение будет недолгим. В одной севастопольской газете я прочитала следующее: обезумевший от радости народ захотел освободить политических и других заключенных и взломал ворота местной тюрьмы. Репрессии были кровавыми: восемнадцать восставших погибли. Наступил предел. Наполнявшая всех радость перешла в бунт. Появились красные флаги, а во время похорон рабочие несли восемнадцать гробов, за которыми шли тысячи людей, певших траурный марш: «Вы жертвою пали в борьбе роковой…».

* Евгений Петрович Шмидт (Одесса, 1889 – Париж, 1951), во время гражданской войны сражался в рядах Добровольческой армии, затем эмигрировал.

У могилы встал лейтенант Шмидт в военной форме с фуражкой в руках, всем своим видом выражая уважение и искренние чувства.

«Существует обычай, – сказал он, – читать молитву на могиле тех, кто нас покинул… Пусть эти несколько слов, которые я хотел бы сказать здесь в память о жертвах, станут для них молитвой. Совсем недавно они были живы. Они участвовали во всеобщей радости, открывая свои души полученной свободе. В той радости они думали о тех, кто в силу обстоятельств не мог в ней участвовать. Они думали, что имеют право присоединить тех людей к счастью, и они пошли к ним – в порыве души. Они погибли за то, что осмелились протянуть руку своим братьям. Это несчастье, непоправимая ошибка. Что можно сказать им в сей возвышенный час, чтобы утешить их потревоженные души и души тех, кого они оставили в безграничном горе! Могу только обещать перед этой открытой могилой, что никогда больше и никоим образом я не пролью кровь своих братьев… Клянусь в этом, и вы поклянитесь со мной!»

«Клянемся!» – ответили сотни голосов.

«Клянемся, – продолжал он дрожащим голосом, – что отныне, объединенные братской целью, мы сделаем все возможное, чтобы защитить с честью полученную свободу, что мы будем трудиться без устали, чтобы добиться всеобщего блага… Клянусь в этом!» – сказал он, бледный и решительный.

И собравшийся народ вторил громкими возгласами: «Клянемся!». Голоса были похожи на раскаты грома, предвещающего грозу.

Затем в газетах появились сообщения об аресте лейтенанта Шмидта – по приказу командующего Черноморским флотом адмирала. Все в моих мыслях смешалось, я не знала больше, чего ждать.

Спустя несколько дней лейтенант Шмидт был освобожден, с запретом принимать участие в политических собраниях.

В ответ на мое письмо он просил меня, как и его сын, не беспокоиться. Единственное, в чем он оказывался неправ, по его мнению, это то, что произнес свою речь в форме офицера. Но, по его мнению, у него не было времени думать о подобных вещах. «Тог-

да, – добавил он, – я пережил самые счастливые мгновения моей жизни. Подумай только, мне оказали честь быть избранным депутатом от рабочих Севастополя, выразивших мне полное доверие. Хочу посвятить им свою жизнь, отдать все свои силы их интересам. Преградой тому является мой офицерский чин, и я подал в отставку. Лишь бы не задержали с ответом – дорога каждая минута. Как только получу окончательное увольнение, должен буду поехать в Москву и, конечно, не упущу случая остановиться в Одессе. Тогда ты сама удостоверишься в том, что отныне стало целью моей жизни!»

К несчастью, события ускорились, повторяясь повсюду, – с такими же кровавыми последствиями. Прочтя письмо и зная его восторженную натуру, я поняла, что он пропадет. Я написала ему, умоляя вовремя остановиться, – хотя бы во имя его матери. Но увидела я его вновь уже в скорбный час…

Однажды утром в ноябре, открыв газету, я почувствовала огромное смятение. Одна за другой следовали статьи, каждая из которых по-своему рассказывала в деталях о революции, произошедшей накануне на Черноморском флоте. Во главе бунта встал Петр Шмидт, прозванный «красным адмиралом».

Весь день продолжали поступать противоречивые новости, все настойчивее утверждавшие трагическую роль, сыгранную моим бедным другом. Говорили, что на всем флоте водрузили красные знамена. Началась гражданская война. Артиллерия Севастопольского порта открыла огонь по флоту, который через несколько часов сопротивления капитулировал. Писали, что лейтенант Шмидт был арестован и уже расстрелян. Удрученная, в надежде узнать правду я направилась к командующему.

На сей раз он принял меня крайне официально. Холодно и внешне спокойно отвечая на мои тревожные вопросы, он сказал, что сожалеет о том, что среди моих друзей был офицер-предатель и застрельщик бунта.

«Прошу прощения, ваше сиятельство, меня интересует не офицер-предатель и застрельщик бунта. Меня интересует друг детства, почти брат – умоляю сказать о его судьбе».

«С ним будет то, что он заслужил…»

«Тогда…» – начала я, не закончив свою мысль.

Генерал понял, что творилось в моей душе.

«Нет, – сказал он, – Шмидт жив. Но не спрашивайте у меня ничего больше: я ничего не могу вам сказать. Не забывайте – я, прежде всего, солдат, и выполняю свой долг. Разве вы можете упрекнуть меня в этом?»

«О нет! Я никого ни в чем не упрекаю, я только страдаю».

«Не сделаете ли вы мне одолжение, – сказал генерал, внезапно смягчившись, – навестив мою жену. Она и мои дочери будут счастливы увидеть вас».

Однако у меня не было ни сил, ни желания. Отклонив приглашение, я вернулась домой совершенно обессиленною.

Публикация Эннио Бордато (Роверето), Михаила Талалая (Неаполь)

Продолжение следует

Л.Я. Ландесман-Беленькая

Дом на Черноморской

Отрывок из воспоминаний

Молодые годы Лидии Яковлевны прошли на Черноморской. На ушедшей в море стороне улицы в доме № 21 размещалась лечебница ее отца доктора Якова Ландесмана, в которой жил и о которой писал Паустовский: «На Черноморской улице, тянувшейся к обрыву над морем, был частный санаторий для нервнобольных». Там же в 1938 году жил Аркадий Гайдар. Кроме того, история семьи доктора тесно связана с двухэтажным домом на четной стороне улицы, с домом, в котором после войны располагалась Одесская палата мер и весов. Подробные сведения об этом – в предлагаемых воспоминаниях.

Ян приехал в отпуск, и я обещала сходить с ним и Мариной на Черноморскую, показать дом, в котором мы с Мишей, их отцом, жили, когда были детьми*.

Мы вошли в калитку, миновали палисадник с соснами, росшими под нашими окнами, – они сравнялись теперь с крышей дома – поднялись на второй этаж по широкой лестнице с дубовыми ступенями и перилами и попали в «нашу» квартиру. Мы оказались там снова через сорок лет**.

Дом уже не был нашим, а теперь оба его этажа занимала какая-то техническая контора***. В нашей прежней столовой находились рабочие столы с приборами. Кончался рабочий день. В окна, выходящие на запад, светило солнце. Лучи отражались в стеклах приборов, совсем как когда-то, когда я, возвратившись домой из института, входила в ту же столовую: ее так же освещало предве-

* Ян и Марина – дети брата, Михаила Ландесмана.

** Воспоминания написаны в 1974 году.

*** Палата мер и весов.

чернее солнце, лучи которого играли на тарелках в буфете и старом подносе. У меня сдавило горло.

Один из работников поднял голову и осведомился о цели нашего прихода. Некоторое время я не могла ничего ответить, а потом с трудом произнесла:

– Простите, пожалуйста, я жила в этой квартире много лет назад. Захотелось прийти, посмотреть, вспомнить и детям показать.

Он пожал плечами:

– Странная какая-то квартира. Люди приходят, стоят, вспоминают, плачут. Вы уже не первая.

– Это они молодость вспоминают, – сказал кто-то из сотрудников.

Нам показалось неудобным больше задерживаться и мешать работать людям. И мы ушли, но клубок воспоминаний начал раскручиваться. Образы детства и юности всплывали с удивительной четкостью, толпились, чередовались.

Однажды мама сказала:

– Каганы вернулись. Они ездили во Францию в связи с болезнью Елены Ефимовны и Лидочки*. Они возвратились северным путем через Петербург. Им с трудом удалось добраться домой. Завтра мы к ним пойдем.

Со следующего дня начался «кагановский» период моей жизни.

Известный советский математик Вениамин Федорович Каган** вернулся в Одессу из-за границы в начале первой мировой войны с больной женой и двумя молоденькими дочерьми. Он поселился в той самой квартире на Черноморской улице, в которой позже, после его отъезда в Москву, жили мы, а теперь находится техническая контора. С его поселением за этой квартирой закрепилось название «кагановская», и это название сохранилось надолго.

* Жена и дочь Кагана.

** В.Ф. Каган (1869-1953) – известный математик, доктор физико-математических наук, профессор МГУ (с 1923 года), заслуженный деятель науки, орденоносец, лауреат Государственной премии. Труды по неевклидовой и дифференциальной геометрии, создатель научной школы. Один из пионеров преподавания общей теории относительности. Редактор многих математических изданий.

«Кагановскую» квартиру все приходившие туда любили. С ней была связана молодость нескольких поколений, встречи литературные и научные, влюбленности, «трагические» романы и «комические» истории. Квартиру эту бранили за холод в просторных комнатах, которые невозможно было отопить, за ветер, продувавший ее вдоль и поперек в осенние пасмурные дни, наконец, за дальность расположения от центра города, от учебных заведений и библиотек, с которыми была связана профессиональная жизнь ее посетителей. И все-таки в «кагановскую» квартиру приходили. Она, как магнит, притягивала к себе людей.

Особый ее дух и стиль начинался с входной двери, на которой была прибита табличка с надписью: «Редакция журнала «Вестник опытной физики и элементарной математики»[***]. Прибита она была намертво. После отъезда Каганов в Москву[****] нам не удалось ее снять. Она еще долго висела на наших дверях, напоминая о Каганах. И еще долго в «кагановскую» квартиру приходили большие конверты и бандероли, адресованные редакции журнала. Мы же их отсылали в Москву, на Большую Полянку, где поселились Каганы.

Редакция «Вестника» фактически помещалась в кабинете Вениамина Федоровича. Там стояли огромные шкафы с книгами на верхних полках и папками с рукописями на нижних. Большой письменный стол посреди кабинета всегда был завален редакционными материалами. Вениамин Федорович никогда за ним не работал. Он занимался в соседней маленькой спальне: стоял за высокой конторкой или, размышляя, шагал по квартире. Таким я его запомнила. Выше среднего роста, с небольшой черной с проседью ассирийской бородой, печальными глубокими глазами. Очень красивый, даже величественный, он широкими шагами двигался по квартире, переходя из кабинета, где занимался редакционными делами, в спальню, в которой подолгу задерживался для научных занятий.

Общественный и научный авторитет этого человека был чрезвычайно велик. К нему обращалось множество людей за научны-

*** В.Ф. Каган возглавлял журнал с 1902 до 1917 г.

**** В 1922 или 1923 году.

ми советами и помощью, по личным и общественным мотивам. И он никогда никому не отказывал. Его простота, доступность, большое личное обаяние привлекали людей. В доме Кагана всегда было людно. По вечерам в столовой, кабинете, в комнате дочек толпился народ. Конечно, преобладали молодые математики – ученики Вениамина Федоровича, многие из которых со временем приобрели научную известность. Но приходили и люди других профессий и интересов.

В начале 20-х годов (время, которое я уже лучше помню) гости различных возрастов, профессий и социальных уровней пили в столовой чай с сахарином и черным хлебом. Среди постоянно бывавших у Каганов людей я вспоминаю ближайшего друга Вениамина Федоровича и коллегу по работе профессора С.О. Шатуновского*.

Невысокий, сутулый, с большой седой бородой и длинными волосами, обрамляющими голую макушку, язвительный, даже желчный, гроза нерадивых студентов, он представлял полную противоположность хозяину дома. Насколько Вениамин Федорович был мягким, доброжелательным, спокойным, настолько Самуил Осипович был раздражительным, малодоступным и казался замкнутым и недоверчивым.

Он жил одиноко. С женой он расстался. Была у него дочь, лечившаяся от туберкулеза где-то в Италии. Там она и застряла. От семьи он отвык. О своем прошлом рассказывал мало и неохотно. По-видимому, молодость у него была тяжелой. Однако за этой не располагающей к себе внешностью скрывалось большое благородство, независимость, принципиальность и беспредельная преданность науке, работе, товарищам, и особенно ученикам.

Я вспоминаю, как незадолго до смерти, уже тяжело больной, Самуил Осипович продолжал ездить на лекции. Он жил в двух кварталах от университета, но добраться пешком уже не мог. За ним приезжали извозчичьи дрожки. Ездил он в со-

* С.О. Шатуновский (1859-1929) – известный математик, профессор Новороссийского университета (Одесса). Труды по алгебре, теории чисел и функций комплексного переменного и др. Как и проф. В.Ф. Каган, один из основателей известной в прошлом одесской математической школы.

провождении кого-нибудь из своих ближайших учеников. Лекции профессор читал сидя, негромко, слабым голосом, но отчетливо. Писать на доске ему было трудно, поэтому сопровождавший его ассистент записывал на доске все необходимое. Синхронность объяснения и записи свидетельствует о прекрасном знании учеником курса учителя, об их большой научной близости.

Шатуновского, как и Кагана, постоянно окружали молодые математики и молодежь других профессий. Все они навещали учителя в его холостяцкой квартире, подолгу там задерживались для занятий и просто для бесед. Окружавшие Шатуновского люди ценили и любили Самуила Осиповича, хотя и побаивались его острого и насмешливого ума.

Каган и Шатуновский часто подтрунивали друг над другом. Основанием для шуток служила всем и им самим известная противоположность характеров, которая, однако, не мешала их тесной дружбе. Каган подсмеивался над рассеянностью и забывчивостью Шатуновского, а тот шутил над педантизмом Кагана, над его немецкой организованностью и методичностью.

– Если нас с вами соединить, Вениамин Федорович, – сказал однажды со смехом Шатуновский, – то получится превосходный, единственный в своем роде ученый.

В доме Каганов Шатуновский душевно отогревался. Он становился словоохотливым, шутил с молодежью, охотно принимал участие в литературных играх, буриме, розыгрышах шарад, то есть во всем, что было в ходу у Каганов.

Судьбы двух друзей были во многом сходны. Этих крупных ученых и блестящих лекторов ограничивало царское правительство: в университете им не давали профессорские должности. В конце концов, после длительной борьбы Каган и Шатуновский добились только приват-доцентуры, не дававшей отнюдь средств к существованию, поэтому они были вынуждены зарабатывать на жизнь преподаванием в средней школе, в частных женских и мужских гимназиях, и даже давали частные уроки. После большевистской революции ученые получили доступ в университет и заняли там достойное положение. У них появились учени-

ки, способные продолжить их деятельность. И зародилась одесская математическая школа.

Каган и Шатуновский принадлежали к той части академической интеллигенции, которая приняла новую власть и связала с ней свою судьбу. Некоторые из старых знакомых и даже друзей от них отшатнулись. Стали поговаривать даже о «большевизме» Кагана и Шатуновского. Тем не менее, разговоры эти не мешали ученым твердо продолжать свою линию поведения.

Одесской академической интеллигенции тех лет была свойственна известная замкнутость. Существовали закрытые кружки тесно связанных людей. Новых членов они принимали неохотно. Кружки эти нередко предполагали общность не только профессиональных интересов, но и политических взглядов, и даже национальной принадлежности. В доме Кагана ничего подобного, никакой узости не было. За чайным столом у них встречались и беседовали различные во многих отношениях люди. Вот запомнившиеся мне имена: бывший священник, высокообразованный теолог, профессор церковного права А.И. Покровский; музыкант, чех по национальности, дирижер оперного театра маэстро Иосиф Прибик; профессор анатомии и тонкий рисовальщик Лысенков; выдающийся пушкинист и литературовед, позднее академик М.П. Алексеев; известный физик профессор Папалекси; выдающийся химик академик А.Н. Фрумкин; сотрудники редакции «Вестника» профессора Орбинский и Тимченко. Бывали там и другие люди, всех не упомнить.

В доме Кагана неизбежно завязывались и горячие политические споры, порой заканчивавшиеся бурными размолвками. Были они отголосками исторических сдвигов, происходивших в окружающем мире. Я вспоминаю один такой страстный спор между профессором химии А.С. Комаровским, бывшим кадетом, и профессором истории И.А. Хмельницким, коммунистом. (Этот историк уже тогда, в первые годы советской власти, начал работу по собиранию партийного архива и организации в Одессе института Истпарта, директором которого он стал.) Этот спор касался отношения интеллигенции

к советской власти. И закончился он полным разрывом ранее близких людей. Комаровский перестал бывать у Каганов, общаться с их друзьями.

В таких спорах политическая позиция хозяина дома ни у кого не вызывала сомнения. Вспоминаются в этой связи шутливые строчки, сочиненные кем-то из постоянных посетителей кагановской квартиры. Они были адресованы тем, кто обвинял Кагана в «большевизме», а его дочерей – в чересчур обширных неразборчивых знакомствах с людьми не «их круга»:

А в Европе страшный крик:
Двигаются танки,
Папа Каган – большевик,
Дочки – хулиганки!

У Каганов нередко проходили беседы на научные и литературные темы. Иногда запланированные заранее. На одной из таких бесед речь шла о теории относительности Эйнштейна. О ней тогда только начинали говорить. Наряду с физиками и математиками в этой беседе участвовал и всех удивил прекрасными знаниями вопроса профессор медицины невролог И.С. Мильман, образованнейший биолог и философ по призванию. Высокий, хмурый, с невыразительным и даже «неинтеллигентным» лицом, никогда не смотревший в глаза собеседнику Мильман был постоянно поглощен своими мыслями. В нем всегда глубокая внутренняя работа. Это делало его человеком трудным в общении и даже чудаковатым. Вы не могли быть уверены, что он слушает вас, когда вы с ним говорите. Но беседовать с ним было чрезвычайно интересно. Он действительно все знал! Благодаря прекрасному владению иностранными языками и исключительной памяти он держал в голове огромные запасы самых разных сведений. В чужой научной области он владел информацией значительно более полной, чем самые квалифицированные специалисты.

Пока в кабинете Вениамина Федоровича говорили и спорили об Эйнштейне и о последних работах по высшей математике, рядом, на большой террасе, выходившей в парк и обви-

той синими гроздями благоухающей глицинии, молодежь слушала в авторском исполнении лирические стихи Веры Михайловны Инбер.

Отец Веры Инбер, издатель, был связан с математическим журналом Кагана и часто бывал у него по редакционным и издательским делам. Затем в квартире на Черноморской появилась и дочь издателя. Все молодое поколение кагановской квартиры, дочери хозяина, их подруги и приятели, увлекались поэзией Инбер, знали на память многие стихи из недавно вышедших сборников.

Не помню уже, у кого из молодежи возникла идея в домашней обстановке инсценировать под Новый год некоторые стихотворения молодой поэтессы. Идея эта осуществилась. Режиссировала сама Вера. Кабинет Кагана перестроили под бар, отделили сцену. Главную роль Незнакомки, посещавшей бар Пикадилли и погубившей мальчика Джонни*, исполнила рыжая красавица Киса Рабкина, дочь известного физиолога и сокурсница по медицинскому институту старшей дочери Кагана. В роли посетителей Пикадилли-бара за столикам сидели тогда молодые, но будущие академики и профессора математики со своими «дамами». Роли последних играли дочери Самуила Осиповича и их подруги, в том числе и сама Вера Михайловна. А среди столиков вертелась одетая в лохмотья маленькая нищенка, которая предлагала джентльменам и дамам букетики цветов. Это была я.

Сейчас почти не осталось людей, которые помнят эту встречу 1922 года. Ведь с тех пор прошло более пятидесяти лет. То были годы неустроенной, тяжелой, подчас голодной жизни в условиях революции. Не хватало топлива, продовольствия, плохо было с водой.

Трудно было Каганам и их друзьям, но побеждали молодость и оптимизм. Они не унывали и даже подтрунивали над трудностями. Вспоминается еще одно четверостишье, отражающее тяготы жизни того времени. Об одном из профессоров математики, Ю.Г. Рабиновиче – друге Вениамина Федоро-

* «У маленького Джонни горячие ладони и зубы, как миндаль. И чтоб не говорили о баре Пикадилли, но это славный бар».

вича и частом его госте, – кто-то сочинил такие «незабываемые» строки:

Он окна клеит в кабинете,
А теорем полны глаза.
Он носит воду на рассвете
И пилит с Каганом дрова.

О том, как ходили на рассвете жители Черноморской и Вера Инбер по воду, вспоминает К. Паустовский, живший на этой улице в те времена.

Духовная атмосфера в семье Каганов определила их дальнейший жизненный путь. В.Ф. Каган, переехавший в Москву по приглашению академика О.Ю. Шмидта, возглавил одну из кафедр в МГУ и отдел естествознания и точных наук в БСЭ. С ним переехали его вторая жена Мария Соломоновна и обе дочери.

Старшая дочь Надя, врач, после окончания аспирантуры работала старшим научным сотрудником в Институте экспериментальной медицины им. М. Горького. Там-то и случилось с ней большое несчастье, подкосившее благополучие всей семьи. Надежда Вениаминовна стала жертвой научного эксперимента. Она погибла в результате заражения препаратом вируса энцефалита, свойства которого изучала. Ее памяти был посвящен специальный том «Архива биологических наук». В него была включена ее последняя научная работа.

У нее остались два сына. Может быть, в их или их детей руки когда-нибудь попадут эти воспоминания. Мне бы хотелось, чтобы они прочли то, что здесь написано о жизни их деда или прадеда, о времени, когда Надежда Вениаминовна была молода, и о друзьях одесского дома Каганов.

Младшая дочь, Лидия Вениаминовна, была моей подругой. Она была старше меня, и я очень многим обязана ее благотворному влиянию. Она была сложным, очень интересным и несчастливым человеком. После перенесенного в детстве туберкулезного коксита она сильно хромала. Это обстоятельство отложило отпечаток на все ее мироощущение. Она считала себя очень непривлекательной и страдала от отсутствия мужского

внимания в собственном доме, где постоянно бывало много интересных молодых людей. Но она была несправедлива к себе. Лидочка, как мы все ее называли, была похожа на отца, у нее было умное интеллигентное лицо, живой взгляд. Все чувствовали, что она добра и превосходный товарищ, щедро делившийся своим вниманием и вообще всем, что имела. Все ее нежно любили и высоко ценили.

Увлекаясь с детства гуманитарными науками, прекрасно владея тремя западноевропейскими языками, Лидочка стала серьезным специалистом по иностранной литературе. Но и ее жизнь оборвалась трагически и безвременно. Она погибла в автомобильной катастрофе.

Публикация Владимира Серебро
Нью-Йорк

Татьяна Щурова

«И в дыме унылом камина...»

В начале 80-х годов позапрошлого столетия редактор-издатель газеты «Одесский вестник» Павел Александрович Зеленый решил выпустить к ней приложение – литературно-юмористический и художественный журнал «Маяк» (1881-1885). Судя по публикациям в сохранившихся номерах, старейшая провинциальная газета России (напомним, «Одесский вестник» выходил с 1826 по 1893 гг.) нуждалась в это время в притоке подписчиков, и редакция предложила своим читателям своего рода «гламурное» издание развлекательного характера со множеством юмористических рисунков, иронических поэтических опусов, обзорами художественной, театральной и музыкальной жизни, причем не только Одессы.

Любознательный обыватель мог почерпнуть, например, сведения о выставке в Санкт-Петербурге картин И. Айвазовского, А. Куинджи или новых работах В. Верещагина, а также о зарубежных новинках – показе в Брюсселе мастеров школы Рубенса, театральной постановке «Нана» по Золя или же фундаментальной «Электрической выставке в Париже». Тут же печатались произведения Брета Гарта «Американские типы и очерки». То есть журнал

пытался быть познавательным и актуальным.

Конечно, «Маякъ» отражал и жизнь своего города. Нужно сказать, ирония уже тогда становилась отличительной чертой одесситов, и поэтому даже о землетрясении удавалось рассказать с улыбкой, не говоря уже об одесском трамвае, нравах провинции с ее чрезмерным увлечением танцами, кафешантанами, пьянством, разновидностями адюльтера, невежеством – в общем, о жизни обывателей с их мелочными заботами и т. д.

С одной стороны, журнал «Маякъ» стремился бороться с нетребовательным горожанином, лишенным желания постичь истинные ценности жизни и нуждавшимся в менторском назидании («растленности полной заметны следы»). С другой стороны, в этой борьбе авторы публикаций настолько погружались в мир обывателя, что порой явно тонули в бытовых нелепых ситуациях своих героев.

Но это неизменно сочеталось с желанием редакции «быть на уровне» и дать на обложках журнала изображения артистов (увы, многие из них совсем забыты сегодня) или же портрет Т.Г. Шевченко в честь 21-й годовщины смерти великого поэта и живописца.

Пошутил «Маяк» по поводу предложения городского головы Г.Г. Маразли построить на его средства дом, где бы размещались музей Одесского общества истории и древностей и городская публичная библиотека, которая к тому времени за 50 лет своего существования не раз меняла адрес. Маразли выделил на это своих 30 тысяч рублей, но архитектор Ф. Гонсиоровский не смог уложиться в смету, и недостающие средства были выделены городской думой. Так появилось прекрасное здание, где ныне расположен Археологический музей. Пресса тут же подхватила тему тщеславия Маразли (критиковать городских голов всегда нравилось). В журнале также появился рисунок – обыватель искренно недоумевал, зачем ему новое здание библиотеки?

Неоднократно обращался «Маяк» к рассказам о Саре Бернар, гастроли которой состоялись в ноябре 1881 года в Одессе. Они прошли с успехом, хотя одесситы отнеслись к игре знаменитой артистки неоднозначно. Однако они охотно читали забавные истории из ее жизни.

Одесса всегда строго судила мастеров сцены, не стесняясь, могла сказать: «Знает всяк, что есть артистки / Поражающие души, / Ты ж, мой друг, своей игрою / Поражаешь только… уши».

Так же бескомпромиссно одессит мог заявить и не очень талантливому поэту: «Ты рифму ловишь безуспешно, / Стихом владеешь так потешно, / Что было б лучше бесконечно, / Когда б, мой друг, молчал ты вечно».

МАЯКЪ
ПОСЛѢ ВЕЧЕРА.

Предлагаем на несколько минут окунуться в забавные, наверно, несколько примитивные стихотворные строчки из давнего одесского журнала «Маяк», которые соседствуют на его страницах с многочисленными довольно забавными рисунками, автором многих из них, кстати, был Леонид Осипович Пастернак, тогда гимназист-восьмиклассник, ставший впоследствии известным живописцем, графиком, иллюстратором и… отцом гениального поэта.

Въ Петербургѣ ходитъ упорный слухъ о скоромъ разрѣшеніи частныхъ театровъ. Говорятъ, въ Петербургѣ будетъ устроенъ также и «общедоступный театръ» для народа.

(Изъ Гейне).

Вечерней порой у камина,
При слабомъ мерцаньи свѣчи,
Читаю я письма подруги
И слезъ проливаю ручьи.

Глотаю слова со слезами;
Едва вспоминаю о ней—
Становится холодно въ тѣлѣ,
А въ сердцѣ еще холоднѣй...

Святыя нарушены клятвы,
Присяга о вѣрной любви,
И въ сердцѣ убитомъ осталось
Волненье и трепетъ крови.

Письмо за письмомъ незабвенной
Бросаю въ горящій каминъ,
И съ тихой тоской о подругѣ
Сижу я безмолвно одинъ.

Проходятъ въ умѣ поцѣлуи,
Что прежде плыли на устахъ,
И въ дымѣ унылом камина
Уходятъ, какъ время въ мечтахъ.

Буян-Вѣдя.

Подражаніе Фету.

Вино насъ веселитъ,
А женщина чаруетъ..
Въ трубѣ такъ вѣтеръ дуетъ,
Льетъ дождикъ на гранитъ...
Кричитъ подъ крышей кошка...
Тѣснится въ грудь печаль...
Сижу я у окошка...
Неужли, ангелъ—крошка,
Тебѣ меня не жаль?

С—нинъ.

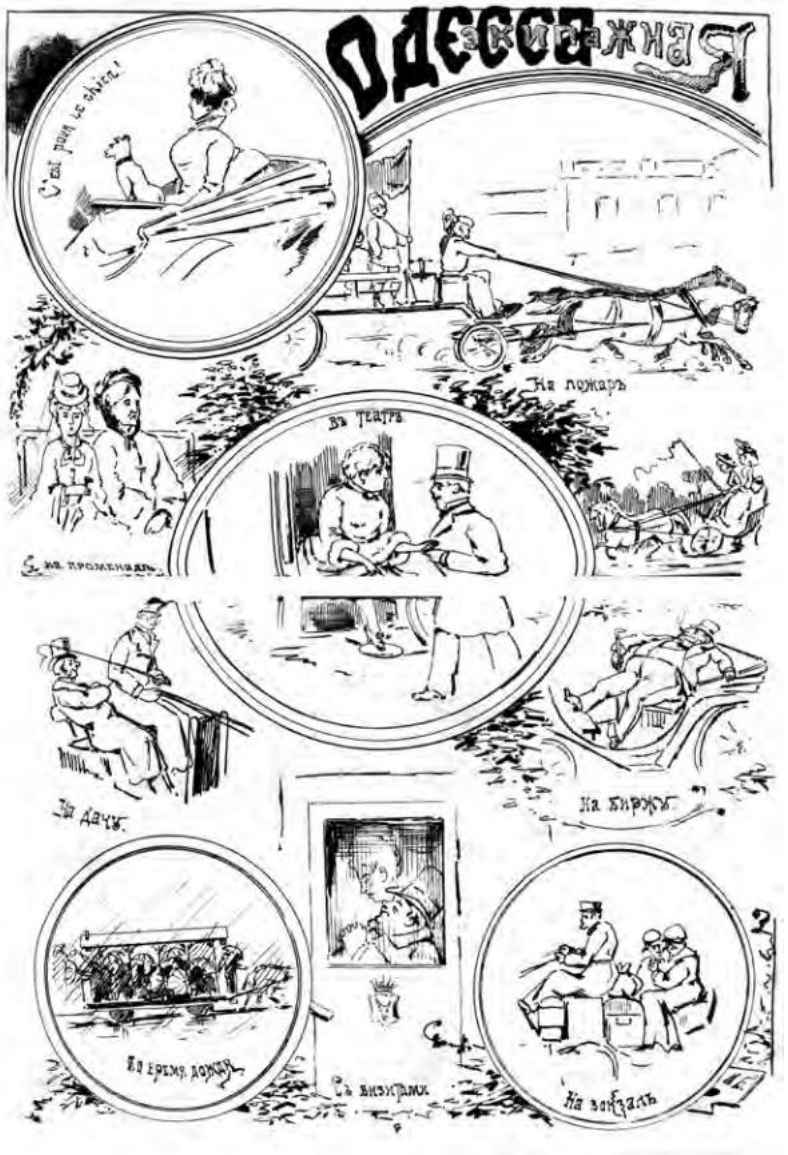

МАЯКЪ
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛЪ
ПРИБАВЛЕНІЕ КЪ "ОДЕССКОМУ ВѢСТНИКУ".
ОДЕССКІЕ ГОРОДСКІЕ ВЫБОРЫ.

НАША ДУМА.

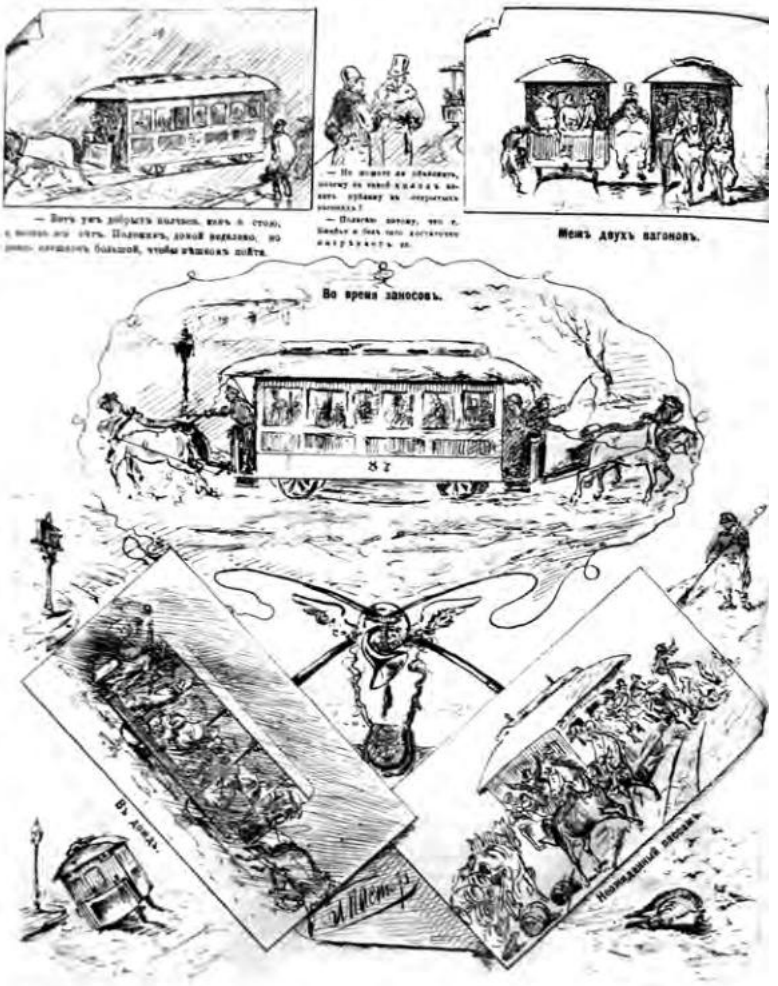
(Подражаніе Фету).

Залъ, освѣщеніе,
Храпъ и сопѣніе
Вздохи сквозь сонъ,
Кашель, сморканіе,
Хохотъ, шептаніе,
Изрѣдка—звонъ.
Лица тоскливыя,
Рѣчи визгливыя,
Скучный юморъ,
Вялость въ движеніяхъ,
Странность въ сужденіяхъ,
Дикость и вздоръ,
Ругань отборная,
Честность притворная,
Ложь и обманъ,
Царство бездушное,
Неравнодушное
Къ слову—карманъ!

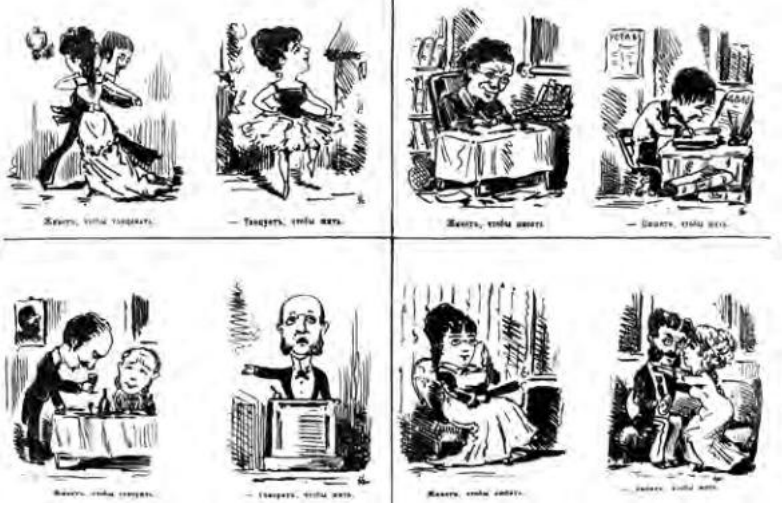
Діогенъ изъ Тамбова

Одесса
Сегодня
Съ утра до вечера!
На пожаръ
Въ театръ
На прогулку
На дачу
На биржу
Во время дождя
Съ визитами
На вокзалъ

ОДЕССКІЙ ТРАМВАЙ

КОНТРАПУНКТЫ ОДЕССКОЙ ЖИЗНИ

СЕРЕНАДА КАССИРА.

Я стою въ аллеѣ темной;
Звучны трели соловья...
Полонъ нѣги, страсти томной,
Жду, Эльвира, я тебя!
Полно счастіе кассира..
Что мнѣ трели соловья?
Для тебя, моя Эльвира,
Кассу всю разграблю я!
Для тебя, моя Эльвира,
За твои глаза и страсть,
Я готовъ всѣ банки міра,
Ночью темной обокрасть!
Обокравши банки міра,
Деньги я тебѣ вручу...
Полюби меня Эльвира:
Я въ Парижъ тебя умчу!

А. Д—ко.

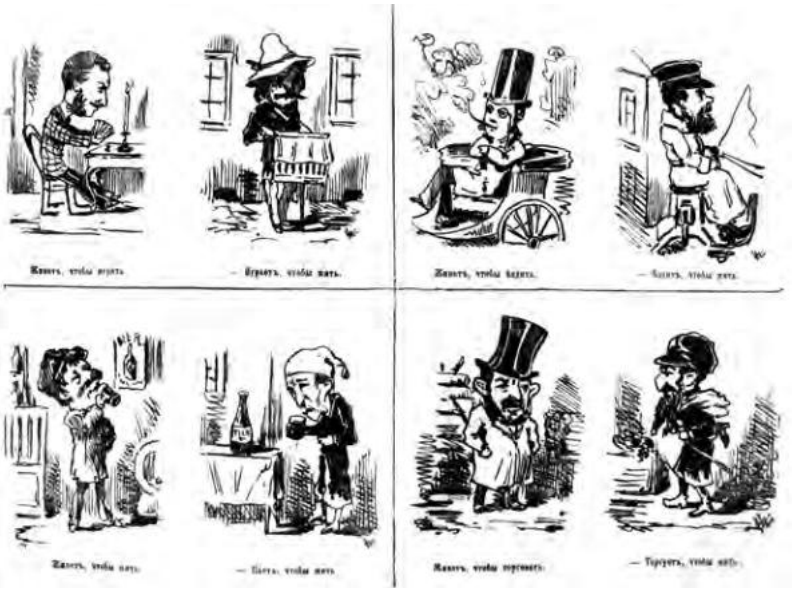
НЕПРИЗНАННОЙ АРТИСТКѢ.

Ты играешь, другъ мой, рьяно
Не жалѣешь свои руки,
И несчастный фортепьяно,
Переноситъ вѣчно муки.

Знаетъ всякъ, что есть артистки,
Поражающія души,
Ты-жъ, мой другъ, своей игрою
Поражаешь только... уши.

Харьковскій обыватель.

НАШЪ ВѢКЪ.

Водевильный и комичный
Бурный, страшный, дикій вѣкъ,
Вѣкъ смятеній, вѣкъ трагичный,
Подлый, низкій, пошлый вѣкъ!
Вѣкъ разладовъ, вѣкъ раздоровъ,
Вѣкъ убійствъ и грабежей,
Вѣкъ револьверовъ, вѣкъ вздоровъ,
Вѣкъ культурныхъ дикарей!
Вѣкъ наживы, вѣкъ безбожный,
Легкій, слабый, шаткій вѣкъ!
Вѣкъ коварный, вѣкъ ничтожный,
Какъ ничтожный человѣкъ!
Вѣкъ развалинъ, вѣкъ фальшивый,
Безсердечный и сухой,
Вѣкъ протекцій, вѣкъ лѣнивый,
Кровожадный и пустой!

В. Л. Л—въ.

* * *

Неминуемо то время,
Неизбѣжно часъ придетъ,
Будетъ съ племенемъ жить племя
Безъ вражды и безъ невзгодъ.

И причудливыя тѣни
Горя лютаго и мукъ
Смѣнитъ свѣточъ наслажденій,
Смолкнетъ злобы бурный звукъ.

Разорвутся злыя сѣти,
Сбросятъ тяжести веригъ,
И въ животворящемъ свѣтѣ
Прояснится солнца ликъ.

Снизойдутъ на землю боги,
Воцарится миръ златой,
И богатый и убогій
Будутъ жизнью жить одной.

И любовь наполнитъ груди,
Будетъ жизнь—какъ сладкій сонъ...
О, тогда, навѣрно люди
Побредутъ на небосклонъ!
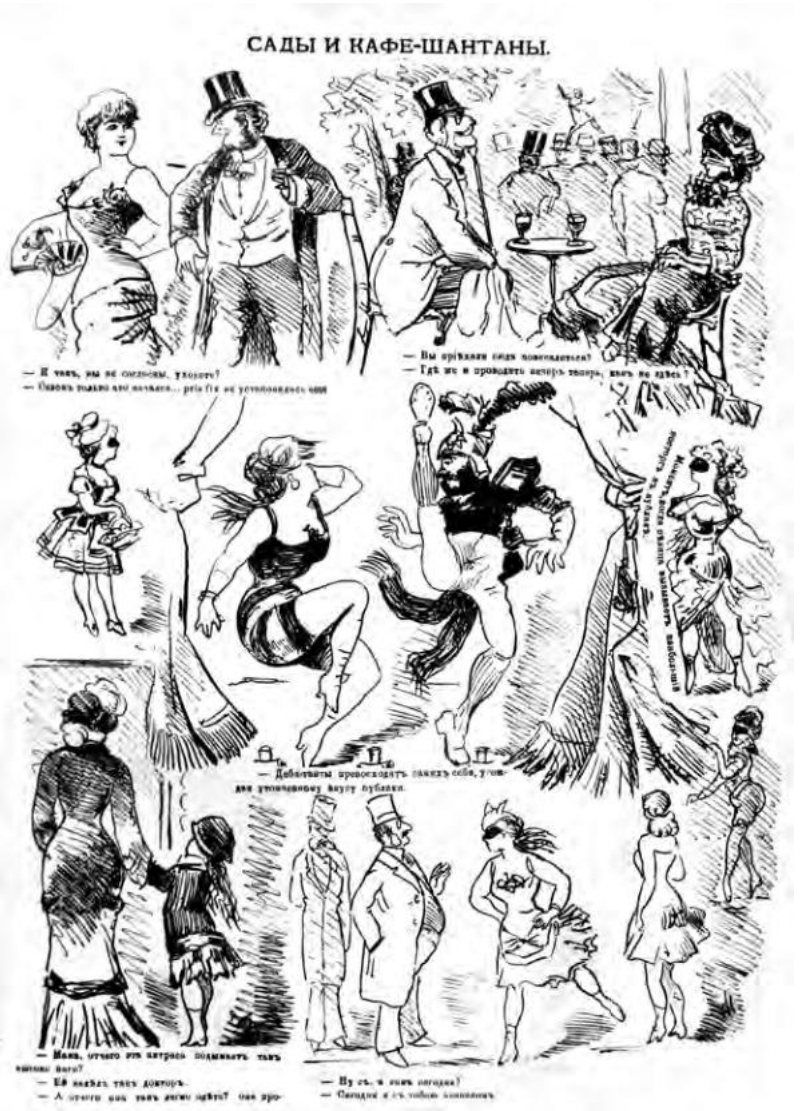
Буки Вѣди.

Сара Бернаръ, обогатившись американскими долларами, забавляется теперь ядовитыми насмѣшками противъ янки. Между прочимъ, по ея словамъ, американцы обыкновенно вечеромъ, у входа въ театръ, покупали себѣ книжки съ пьесою, въ которой она играла. Разъ въ одномъ маленькомъ городкѣ давали «Фру-фру». Кассиръ забылъ захватить съ собою книги и имѣлъ при себѣ только «Федру». Чтобы, одна-

ко, удовлетворить публику, онъ продавалъ въ этотъ вечеръ трагедію Расина, вмѣсто комедіи Мельака и Галеви. Американцы прилежно читали во время представленія, а артистка на сценѣ едва удерживалась отъ смѣха и ей не мало стоило усилій доиграть комедію до конца.

САДЫ И КАФЕ-ШАНТАНЫ.

ЛѢТНІЙ СЕЗОНЪ.

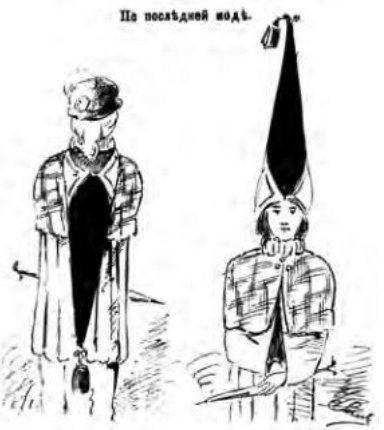
Дамскіе головные уборы.

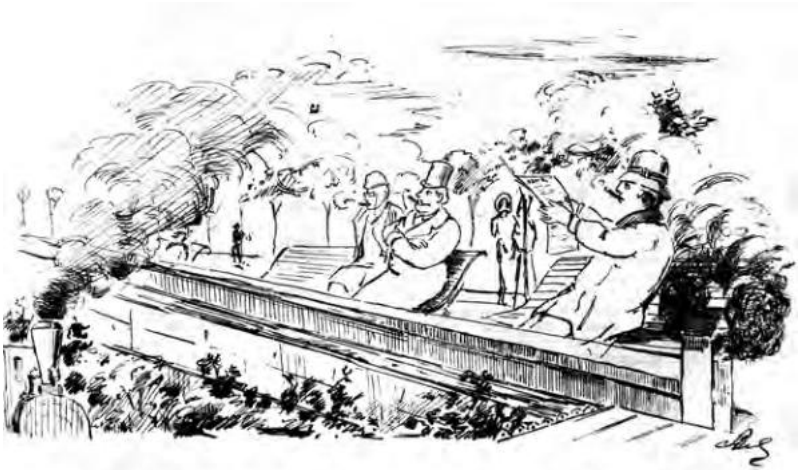

Костюмъ à la sirène.

По послѣдней модѣ.

Не правда ли, удобно!?

— По вечерамъ одесситы любятъ ходить на Николаевскій бульваръ и дышать свѣжимъ и чистымъ воздухомъ.

— Ну, какъ пошла здѣсь новая пьеса?
— Ахъ, новая пьеса?... Очень *пошла*!

Иван Липтуга

Маевка на Олимпе

Так получилось, что за все годы путешествий по разным странам мира я ни разу не побывал на родине своих предков по линии отца – Греции. Еще в школе, не знаю почему, на каком-то подсознательном уровне я очень гордился своей одной восьмой частью греческих генов, о чем с гордостью заявил в первом классе и с такой национальностью был занесен в журнал. Папа с детства прививал мне любовь к мифам Эллады, и я лучше знал двенадцать богов, восседавших на Олимпе, чем десять заповедей Моисея. О своем прадеде Янисе Ликардопуло мне было известно очень мало, так как после сталинских гонений на греков, в результате которых он погиб, в семье практически ничего не сохранилось, кроме одной его фотографии. Но Греция всегда занимала особое место в моем сердце.

Незадолго до майских праздников друзья предложили нам съездить семьями на машинах в Грецию – на маевку. Мы еще никогда не отправлялись в путешествие на автомобиле прямо из Украины, обычно прилетали в страну назначения и арендовали авто на месте, но в этот раз решили рискнуть. Ранним солнечным не по-апрельски жарким утром мы выехали из Одессы тремя машинами в направлении Болграда. Мы зарядили свои навигаторы на конечный пункт назначения – Салоники, они показали нам расстояние 1250 км, и мы двинулись в путь. Со мной была жена и наши мальчики, поездка по умолчанию не могла быть скучной. Дорога, а вернее, то, что от нее осталось, через Арциз, отняла у нас три часа жизни, после чего мы наконец-то доехали до границы Украины в Болграде.

Простояв с полчаса в очереди для отметки в паспортах, мы с облегчением вздохнули, решив что самый сложный участок уже

позади, и, как Остап Бендер в «Золотом теленке», сказали: «Все нужно делать по форме. Форма номер пять – прощание с родиной…». Помахали рукой и пересекли границу. Не успев даже разогнаться, мы остановились на границе Молдавии. Милые пограничники и таможенники братского народа, надежно охраняя пять километров государственной границы между Украиной и Румынией и сильно заботясь о природе, собирают экологический налог с каждого проезжающего транспортного средства. Налог относительно небольшой и к тому же официальный, поэтому к каждому у них подготовлен ряд дополнительных экзаменационных вопросов. Я попался на таком: а почему у вас в загранпаспорте и техпаспорте фамилия написана по-разному? Я попытался было объяснить что-то про службы ОВИРа и ГАИ, но мне сразу дали понять, что ответ неверный, и начали заполнять протокол. Некоторое время я продолжал симулировать слабоумие, после чего достал и положил на стол десять долларов. Пограничник поменялся в лице, улыбнулся, отодвинул протокол в сторону и сказал: «Ну, нас ведь трое…» – намекая, что правильный ответ в задаче – данная сумма, помноженная на три. Я тоже поменялся в лице и серьезно сказал, что за различия в правилах транслитерации фамилий в различных ведомствах МВД Украины пограничникам на молдавской границе больше чем двадцать долларов не заплачу. Видимо это прозвучало слишком громко и убедительно, так что на этом торг был окончен.

Проехав еще несколько сот метров, мы остановились в новой очереди. Это была очередь на въезд в Румынию. Несмотря на то, что машин было не много, мы провели на границе около трех часов. Когда подошла наша очередь, и к нам вышел пограничник, по его цыганским глазам я понял все и сразу. Мне снова вспомнился бедный Остап Бендер, повстречавшийся с румынской сигурацей, видимо, в том же самом месте, что и мы. У этих пограничников, в отличие от молдавских, есть целый ряд стандартных требований к каждому автомобилю. Необходимо иметь страховой полис – зеленую карту, аптечку, аварийный треугольник, аварийный жилет и огнетушитель. На случай, если все из перечисленного имеется, у них есть перечень дополнительных вопросов, как, например, тонировка стекол или еще что-то, о чем у нас уже дав-

но не спрашивают. Но вопросы есть ко всем. Сильно принципиальных заставляют вынимать абсолютно все вещи из багажника, снимают резину с запасных колес – ищут наркотики, оружие, сигареты и алкоголь.

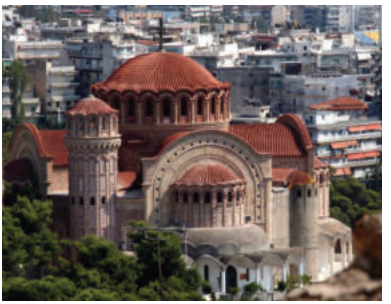
С нами было все просто, у нас не оказалось жилетов. Пограничник, несмотря на три часа нашего простоя в очереди, очень легко, практически равнодушно сказал: «Вернитесь в Молдову и приобретите там жилет». Мое выражение лица была самодостаточным, и он сразу добавил: «Если не хотите, положите пятьдесят евро в паспорт и передайте моему коллеге во втором окошке». Никаких стеснений, никакой застенчивости или неудобств, все просто и понятно, по-румынски и в соответствии со стандартами Европейского Союза. Как впоследствии выяснилось, размер взноса за отсутствие жилета определяется на глаз по марке автомобиля. У наших друзей на «Рено» это же злостное нарушение обошлось в пятнадцать евро. Эти же пограничники уже на обратном пути спрашивают в придачу ко всему дорожную виньетку, которую ты обязан был купить, въехав в страну. О ней никто никому не сообщает, поэтому большинство выезжающих обратно опять же передают во второе окошко энную сумму. Система отлажена и функционирует прекрасно и, судя по всему, устраивает всех, и даже регулярно наведывающихся инспекторов Европейской миссии по приграничной помощи Украине и Молдове.

К пяти часам вечера нам удалось пересечь границу Еврозоны. Это была лишь четверть нашего пути, но на нее мы потратили почти весь день. Дальше мы ехали довольно быстро, потому что таких дорог, как у нас, больше нет нигде. Даже в Румынии и Болгарии, которые, не считая столиц, в общем, производят довольно мрачное впечатление, дороги на порядок лучше, чем у нас. До Греции мы не доехали и остановились на ночлег в болгарском Плевне. Мы поселились в единственном, по-моему, отеле Плевна постройки времен тесной любви и дружбы с СССР под названием «Ростов». Типичный совковый отель в стиле одесских гостиниц «Юность» и «Виктория» с такими же совковыми номерами, мебелью и даже талончиками на завтрак…

К обеду следующего дня мы добрались до Салоник. Уже подъезжая по территории Болгарии к Греции, было невозможно не об-

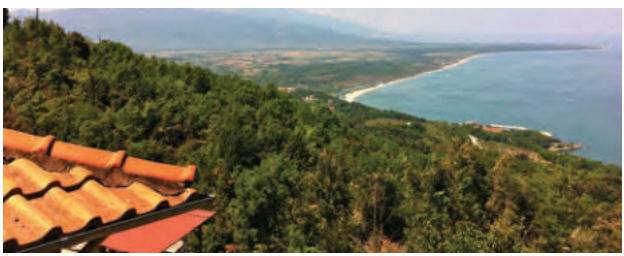

PLASKE
ПЛАСКЕ
Energy in motion

ратить внимание на красоту горных пейзажей. Греческие горы отличаются от Альп, к примеру, своей пологостью и бархатистыми изумрудными лесами, которые полностью покрывают склоны. Дороги в Греции ничем не уступают любым в Европе, поэтому путешествовать по ним на автомобиле – одно удовольствие. Автобаны, правда, платные и обходятся примерно в три-пять евро за каждый въезд.

Салоники, второй по величине город Греции после Афин, напомнили мне французско-итальянскую Ривьеру. Типичная для этих городов узкая линия прогулочной набережной отделяет собой линию моря от близко расположенных красивых жилых домов и отелей. Все первые этажи заняты под кафе и бары, полны людьми как внутри, так и на улице. Также, как в Италии и Франции, на улицах много торговцев из братских африканских республик. Они ходят с целыми подносами дешевых подделок дорогих часов, продают солнцезащитные очки, сумки, кошельки и спортивную обувь. Торговля идет не бойко, поэтому они навязчиво прилипают к каждому, кто проявил хоть каплю любопытства, и не отпускают без покупки.

На набережной стоит Белая крепость, построенная еще турками в XVI веке, служившая в свое время даже тюрьмой и местом для казней. Сейчас это одна из центральных достопримечательностей Салоник: сверху открывается прекрасный панорамный вид на набережную, город и порт. Улицы узкие, как во многих средневековых городах, в основном, с односторонним движением. Припарковаться негде, чтобы выехать с парковки, приходится расталкивать бамперами стоящие рядом автомобили.

На каждом квартале минимум две кондитерские с необычайным разнообразием тортиков, пирожных, печений и мороженого. Все очень вкусное и красивое, хочется купить все. Мы ужинали на набережной в ресторане морепродуктов и рыбы. Прекрасно приготовленные кальмары, осьминог и рыбное ассорти заставили нас забыть дорожные приключения и переключили в режим отдыха.

На следующий день мы отправились на экскурсию в район гор Метеора. Уникальный в своем роде архипелаг представляет собой множество гор, скорее напоминающих огромные камни с от-

весными стенами, гладкими, как морская галька. На фоне остальных лесистых гор, которые окружают Метеора, эти кажутся мистическими сооружениями, установленными здесь неземными цивилизациями. Кроме своей уникальной природной красоты эти горы знамениты расположенными на их вершинах монастырями. Монашество берет здесь свое начало в XI веке, а первый монастырь был построен в XIII-м влиятельным монахом из Агиос-Орос по имени Афанасиос. Монастыри, как гнезда, расположены на высоте около шестисот метров и снизу кажутся неприступными. В древности людей и провизию поднимали наверх вдоль отвесной стены в сетке на специальном приспособлении. На стене одной из гор можно увидеть выбоину естественного происхождения, внутри которой пестреют ленточки разных цветов, привязанные там всеми добравшимися до этой точки альпинистами. Мы остановились у подножия одной из гор в семейном ресторанчике. Колоритный пожилой грек приготовил нам сувлаки и угостил домашним вином. Затем он пел греческие песни моим сыновьям, а они аккомпанировали ему на приобретенной в сувенирной лавке деревянной сопилке.

К вечеру мы прибыли в город Ларисса. Это областной центр на северо-востоке Греции в пятидесяти километрах от Эгейского

моря. Приятный небольшой городок, в котором проживает около двухсот тысяч человек, жизнь которых, кажется, проходит в уличных кафе и барах. Все центральные улицы заняты столиками, за которыми сидят с утра до вечера греки, пьют кофе, едят и страстно обсуждают политические события, связанные с выборами. Вообще, у греков интересный режим работы. К девяти часам открываются магазины и офисы, к часу дня они закрываются до пяти на сиесту и после этого, вечером, снова открываются до восьми-девяти часов.

Знакомые наших знакомых в Лариссе порекомендовали нам съездить на несколько дней к морю в отель «Дохос». Гостеприимный хозяин, не говорящий, кроме греческого, ни на каких языках, лично приехал за нами. Больше всего нас удивила цена – пятьдесят евро за один номер. По горному серпантину мы поднялись на горы и заехали во дворик его отеля. Перед нами открылся потрясающий вид на гору Олимп и побережье Эгейского моря. Отель был полностью в нашем распоряжении. Два бассейна под открытым небом, прекрасный вид и личная забота хозяев заведения оставили неизгладимое впечатление.

Мы объездили за несколько дней все окрестности. То ли из-за кризиса, то ли из-за начала летнего сезона все отели, рестораны и пляжи были пустыми. Казалось, что все побережье работает только для нас, других туристов не было. Во всех ресторанах – свежий улов рыбы и морепродуктов. Каждый обед или ужин на нашу компанию, состоящую из девяти человек, обходился не более чем в 80-90 евро. Все просто, вкусно, никакого культа еды и никаких излишеств. Несмотря на сложное экономическое положение Греции и парламентские выборы, которые как раз проходили в эти дни, никто почему-то не пытался воспользоваться моментом и срубить со случайных туристов по максимуму, как это принято у нас.

Мы провели в Греции на берегу моря у подножия Олимпа несколько прекрасных дней, наслаждаясь гостеприимством и радушием хозяев. Боги с Олимпа были также к нам благосклонны, и все дни стояла прекрасная теплая погода. Лишь однажды для полноты ощущений Зевс продемонстрировал нам всю силу и красоту летней грозы.

Иосиф Райхельгауз

С черного хода к Черному морю

– Был в Сочи.
– Как отдохнул?
– Жутко устал.
– Купался?
– Не успел.
– Добирался поездом или самолетом?
– Нет, своим ходом.

Из мобильного разговора

Рвануть на недельку к Черному морю, в Сочи, в нежарком начале южного лета, когда все цветет и благоухает, а отдыхающие еще не заполонили главный российский курорт, оторваться от всесезонно шумной Москвы, спрятаться от дел, залезть в не прогретую еще соленую воду, лечь на спину, качаться на волнах, щурясь от яркого солнца, – это ли не мечта? Конечно же, я не мог отказаться от такого предложения. Приглашение присоединиться к очередной экспедиции исходило от Миши Абызова, а составлением и прохождением маршрута руководил Саша Давыдов. От него я узнал, что мы будем двигаться к Черному морю не как все, строго на юг от Москвы, а с тыла, через Прикаспийскую степь и Кавказские горы. Не через парадное, а с черного хода.

Поэтому летим не до Адлера, а до Астрахани. Приземлились вечером. Аэропорт совершенно пустой, людей нет. Наверно, все, кроме нас, полетели в Адлер. На площади нас ждут одиннадцать джипов, багги, пять мотоциклов и вертолет сопровождения.

Позже на одной из стоянок удалось полетать на этой машине с Сашей Давыдовым, который, как оказалось, с вертолетом справ-

ляется не хуже, чем с любым другим видом транспорта – наземным, наводным, наснежным, каким угодно! Кажется, неуправляемого транспорта для него просто не существует.

Из аэропорта на джипах уходим в лагерь на берегу Волги. Ночевка, и уже рано-рано утром выдвигаемся на гидроциклах в сторону Каспийского моря. За несколько десятков километров от моря Волга начинает распадаться на огромное количество судоходных и несудоходных канальчиков, десятки и сотни речушек и ручейков. Их количество сильно превосходит то, что можно увидеть на географической карте. Центральное русло остается судоходным до самого Каспия, очевидно, по нему и совершаются всякие плавания и круизы лайнеров с экскурсантами на борту. Мы же (а как иначе!) пошли не по широкой и судоходной реке, а по узким труднопроходимым протокам. Кто-то наматывал прибрежную осоку на винты гидроцикла, кто-то просто терял скорость, путаясь в зарослях или тараня дном неровности из песка и ила. Протоки почти все довольно мелкие, но когда я, припарковав гидроцикл к берегу, смело спрыгнул в воду, дна под собой не обнаружил и нырнул с головой. Именно в этом месте река сделала углубление!

За пять-шесть часов мы преодолели положенное расстояние, вышли в Каспийское море, проплыли часть пути по открытому морскому простору и причалили. Следующий участок маршрута до Элисты предстояло пройти на джипах. Въехали в Калмыцкую степь. Поначалу это была не степь даже, а смесь степи и пустыни, или полупустыня, или еще что-то. Негустая растительность хваталась корнями за мягкий песок, точь-в-точь такой, какой требовался в огромном количестве для строительства дома в подмосковных Жаворонках. Здесь его просто миллионы тонн, и бесплатно. Наверно, присутствие рядом крупных российских бизнесменов подвигло меня на то, чтобы начать рассчитывать экономическую целесообразность переброски калмыцкого песка под Москву.

Дороги, естественно, нет, но нет и больших сопок, песок почти везде покрыт травой. Ехали долго, но без видимых трудностей, и добрались до какого-то источника. Очевидно, его уже заранее приметил Саша Давыдов и распорядился разбить лагерь. Уснул в палатке. Сразу…

Утром вертолет в несколько ходок перебросил Чубайса, Мишу Абызова и еще нескольких ребят за двадцать километров от наше-

го лагеря, где стоят багги и мотоциклы, а может, даже и квадроциклы. Мы ждем, когда они там экипируются и сядут на свои машины, а мы подгоним джипы и таким образом двумя колоннами двинемся по степи в сторону столицы Калмыкии Элисты. Пойдем, естественно, по бездорожью, по какому-то заповеднику, где очень много сайгаков и прочего зверья. Ночевать будем в степи, вечером следующего дня достигнем Элисты, а дальше двинемся в сторону Эльбруса, вроде на Кисловодск. Я живо представил себе мраморные лестницы и белые колонны ведомственных санаториев сталинской эпохи, мимо которых торжественно проезжает колонна нашей техники: заляпанные грязью джипы и ревущие мотоциклы, причем лица водителей покрыты пылью и грязью не меньше, чем машины.

День в степи был просто удивительным: то на горизонте появлялось стадо сайгаков, то пролетали совершенно неведомые птицы, то открывались поля красных степных маков. Бесконечно кричат суслики или другие неведомые зверушки, прошмыгивающие в мгновение ока от норки к норке. Треск цикад, насыщенные травяные запахи… Я, конечно, вспомнил чеховскую «Степь» и буквально кожей прочувствовал мощь, идущую от земли, необработанной, незасеянной, ничем не засаженной… Растет то, что должно расти. Птиц в небе столько, сколько их должно быть. Сайгаков столько, сколько родилось. И ширь до горизонта, и вроде бы должно быть ровное однообразие, но эта мощь, это чувство покоя и величия дает невиданное разнообразие переживаний и ощущений. Бесконечность и свобода. Я завидовал Чехову, представлял, как он неспешно передвигался по этой степи на бричке, телеге, пешком, созерцал и обдумывал, как каждая травинка становилась его персонажем, а я всего этого не вижу, не успеваю разглядеть, потому что нам степь дана, для того чтобы ее пройти, проскочить на скорости, преодолеть, а вовсе не для того, чтобы познавать и наслаждаться. Наслаждаемся мы Чеховым.

За весь день никто никому не сказал ни слова, все шли молча и жестко. Час, два, три, четыре, пять, шесть. Вроде бы ощущение ровного твердого перспективного пути. Я иду вторым, за штабной «пятеркой». За ее рулем сегодня Арсен. У него, как и у Саши Давыдова, удивительная чуткость к рулю, к автомобилю, к дороге, которой нет, точнейшее предощущение того, что будет через

несколько метров или через несколько десятков метров. Иду за ним и не понимаю, почему он тормозит. Только потом сообразил, что если бы я не нажал на тормоз вслед за Арсеном, влетел бы в полутора-двухметровую яму. Он издалека ее чувствует и огибает, причем точно с нужной стороны, потому что с другой стороны еще более глубокая яма или коварная кочка.

К вечеру я просто не ощущал себя, с трудом поставил палатку. Тело болело так, как будто каждая кость была тронута неведомым массажистом. Я прислонялся плечом или боком к машине, и казалось, что прислоняюсь скелетом. Фантастическое ощущение, что действительно работал и действительно устал. Экспедиция проходит уже третий день, и видно, что первые удивления прошли, быт стабилизировался, стал четким и необходимым. Я наблюдаю, как четко все подъезжают к месту стоянки, расставляют палатки, рано утром точно собираются, кто-то моет посуду, кто-то упаковывает снаряжение, кто-то заправляет технику бензином. Кажется, что все всё делают сами. Безусловно, все это держат в голове Давыдов и художественный руководитель экспедиции Миша Абызов, но тем не менее, есть чувство общности и ясности дела, когда поставлена цель, и каждый участник экспедиции делает определенную работу, обеспечивая движение себе и другим. Движемся по-прежнему по степи в сторону Элисты.

Технику пришлось оставить километров за двадцать от города и пересесть в автобус. В Элисте трудно найти стоянку для такого количества джипов и квадов. Была запланирована остановка с обедом, где Чубайса пытались в очередной раз удивить местными обычаями. На сей раз повязали какие-то почетные шарфики с текстом «400 лет вхождения калмыцкого народа в состав России». Съездили на экскурсию по городу, посмотрели недавно отстроенный буддийский храм. Он называется здесь «новым», а «старый» выстроен в степи лет десять тому назад. Высота «нового» храма 64 метра. На наш вопрос, почему именно 64, нам отвечали, что президент Республики Калмыкия Кирсан Илюмжинов – по совместительству шахматист и президент ФИДЕ, а на шахматной доске, как известно, 64 клетки. Понятно, что если храм соединен с шахматами, то, конечно, Нью-Васюки здесь во всем. Передо мной стоит украшенная позолотой статуя, возле нее разбит газон, на газоне растет сорная трава. Степная трава.

Ночевали в Элисте. Чубайс сообщил с утра, что мы с ним идем на багги. Это очень хорошо, но чуть страшновато. Хотя страшновато только снаружи, потому что когда уже внутри, вроде все на месте и все нормально.

Стою, спокойно надеваю шлем, Чубайс тоже надевает защиту, и мы готовимся уезжать. Вдруг к месту стоянки подъезжают две машины, из них выскакивают люди с телекамерами, женщина с микрофоном, и вся эта группа несется в нашу сторону. Чубайс произнес что-то вроде «Ну вот, сейчас начнется!» и безнадежно отвернулся. Группа местных журналистов тем временем достигла цели, и запыхавшаяся женщина, улыбаясь, обратилась ко мне: «Иосиф Леонидович, мы так боялись, что вас не застанем. Расскажите, пожалуйста, о ваших творческих планах…». Чубайс в недоумении повернулся к журналистке. Та продолжала меня интервьюировать. Чубайс удивленно поднял бровь. Журналистка вынула из сумочки мою книжку «Не верю» и попросила автограф. Чубайс придвинулся к нам вплотную. Женщина горячо меня поблагодарила и в эйфории оттого, что сняла сюжет с Райхельгаузом, прыгнула в машину и умчалась в степь. Я принес Анатолию Борисовичу извинения за то, что местные СМИ проморгали возможность сделать интервью с Чубайсом.

Дальнейший наш маршрут – по сильно пересеченной местности. Мощно шли по холмам, по курганам, вышли из Калмыкии, плавно въехали в Ставропольский край. Изменились и природа, и ландшафт, и поля уже обработанные, и ощущения другие. Мелькают дорожные указатели на Кисловодск, Минводы, Пятигорск. Всюду жизнь, всюду дороги! Но мы по ним не едем, мы их объезжаем… Идем в горы, чтобы перебраться на ту сторону Кавказского хребта и наконец-то оказаться в Сочи. За несколько часов попытаемся достичь подножья Эльбруса.

Из всех видов транспорта – джипов, гидроциклов, снегоходов, мотоциклов, плотов для рафтинга, меньше всего мне нравится квадроцикл и вся к нему подготовка. Еще костюм не нравится. По горам я шел как раз на квадроцикле, допустил ряд ошибок и поплатился за них. То есть ошибся я еще в Москве, когда легкомысленно вычеркнул из списка обмундирования легкое и теплое термобелье. Давыдов написал: температура на маршруте от плюс со-

рока до минус пяти. Плюс сорок я хорошо запомнил, взял с собой много маек с короткими рукавами, а минус пять не учел вовсе. Мы уходили в горы все выше и выше. Погода сильно ухудшалась. Солнце сменилось сначала просто пасмурным небом, потом пошел дождь, потом град, снег, и после всего этого задул невозможный шквалистый ледяной ветер. Было чувство, что меня положили в бытовой холодильник в морозильную камеру. Обычно оттуда достают цыплят или крабов. Я был примерно в таком же состоянии. Все окоченело, снег бил в лицо и глаза, подшлемник я надел не совсем правильно, поэтому, как мне объяснил Саша Давыдов, от моего горячего дыхания запотевали очки, я их снял и практически всю дорогу так и ехал, отчего сейчас у меня корка на носу и на щеках. Мы шли по очень сложному маршруту. Несколько раз я чувствовал, что вот-вот рухну в пропасть, несколько раз вспоминал свои первые проезды на квадроцикле в Узбекистане и тем самым пытался отвлечься от нехороших мыслей. Но на некоторых поворотах, дерзких и крутых с одной стороны и сразу под острым углом идущих вверх с другой, меня пару раз прилично заносило. Казалось, что еще чуть-чуть – и я повторю свой узбекский кульбит в горном ущелье.

Шли таким образом более трех часов. Эльбрус невозможно было разглядеть из-за жестокого мелкого колючего снега, града и ветра. Все это сдабривалось грязью, которая летела от впереди идущего квадроцикла, черной коркой покрывала одежду и начинала тут же леденеть на ветру. Мы пробивались выше и выше. Когда до лагеря оставалось километра три-четыре, дорога оказалась перекрытой. Какие-то альпинисты перевозили свое снаряжение, и их спортивный грузовик перевернулся, перегородив проезд. Он уже сутки лежал здесь на боку и не мог выбраться, а мы, естественно, не могли пробраться дальше. Пришлось разворачиваться на узком промежутке между скалой и пропастью и спускаться вниз. На морозе (было-то всего три-пять градусов, но казалось, что это какая-то невозможная температура!) ставили палатки, и Чубайс окоченевшими пальцами разводил костер. Я пытался ему помочь. Сказал оператору Василию: «Сними Чубайса у костра». Вася ответил, что за все экспедиции можно уже собрать многосерийный фильм под названием «Чубайс разжигает пламя».

Я чудовищно промерз, чувствовал себя очень плохо, но, собственно, все чувствовали себя неважно. Не было сил идти в холодную палатку, встряхивать спальный мешок, раздеваться, поэтому я влез на пассажирское кресло нашего джипа, завел двигатель, несколько согрелся и отрубился. Проснулся в шесть утра и не поверил своим глазам: прямо передо мной сияющий Эльбрус со своими двумя шеститысячными вершинами, голубое небо и солнце. Стоило, конечно, мерзнуть, чтобы это увидеть. До вершины восемнадцать километров, но ощущение, что она совершенно рядом. Квадроциклы собираются штурмовать ледник, после чего будут пытаться пробить дорогу в горах. Причем и на квадроцикле, и на машине будет очень непросто: колея за ночь замерзает и становится твердой, а потом под солнцем раскисает снова. Много труднопроходимых селевых потоков. Преодолением этих препятствий мы и займемся, чтобы в итоге дойти до Черного моря. Это еще два дня.

Пока я умывался, Эльбрус затянуло облаками. Было ощущение, что повторится вчерашняя погода. Весь продрогший, я представил, что опять нужно надевать защиту, влезать во всю эту грязь и садиться в проклятый квадроцикл. Я пошел в кузов фуры, которая перевозила между участками маршрута мотоциклы и квады, а на стоянках служила кухней. Там уже сидел Чубайс с компанией, все пили чай и завтракали гречневой кашей с молоком. Как обычно, за завтраком начали определять и распределять экипажи: кто на мото, кто на квадро, кто на джипе, кто на вертолете. Поскольку я не проявлял энтузиазма по поводу мото- и квадроциклов, Чубайс как-то выразительно посмотрел на меня и сказал: «У вас сейчас есть выбор. Вы можете снять эту теплую куртку, без термобелья влезть в защитный костюм, надеть очки, сесть на квадродроцикл, по пути перетаскивать его на себе через полуснежные-полуледяные лужи и получить бешеный заряд вчерашней отрицательной энергии… Но в результате вы ступите на ледник и дотронетесь рукой до Эльбруса. А можете сесть на вертолет… Это нормальный человеческий выбор». Я сделал необходимую паузу и сказал, что выбираю вертолет. Вчерашний день дался мне слишком тяжело. За все экспедиции это был мой первый малодушный поступок, и в тот же момент я почувствовал себя изгоем. Мои товарищи выбирали шлемы и обувь, снаряжались, проверяли тех-

нику, а я бродил без дела. Группа квадроциклов штурмовала ледник, а я обозревал его из кабины вертолета. Буквально через час погода стала просто идеальной. Дима-вертолетчик сделал несколько кругов вокруг фантастического Эльбруса и сказал, что надо возвращаться, воздух здесь разрежен, вертолету не хватает мощности.

Вернулись в лагерь. Я бесцельно бродил вокруг механика Вани, который проверял машины. Приехали наши с восторгами по поводу того, как близко они подошли к вершине. Долго находиться там не могли – погода в одночасье прояснилась, и белейший снег резал глаза. Вообще, по сравнению с предыдущим днем вылазка на ледник оказалась легкой прогулкой. Мой выбор оказался неверным. Жизнь в который раз доказала свою правоту и непредсказуемость.

Двинулись дальше. Я сел за руль джипа и буквально через пятьсот метров услышал сильный стук в правом колесе. Механики возились с поломкой больше часа и в результате отключили передний мост, что означало сильную потерю устойчивости. Меня пытались пересадить пассажиром на исправную машину, но я руля не отдал. Многочасовая уникальная дорога, справа – горы стеной, слева – пропасть.

Я совершенно запутался с географией – Кабардино-Балкария, Черкесия, Ставропольский край. Незаметно сменяли друг друга регионы и автономии на фоне бессменного горного пейзажа, каменистых берегов рек и стремительных водных потоков.

А мы уже в Адыгее, обходим Майкоп по какой-то просеке над рекой Белой. Пересаживаемся на рафты и по этой же реке сплавляемся вниз. Перед самым большим водопадом, который называется Топор, с ужасом осознаю, что мне как однажды отступившему могут предложить спуститься по берегу. Но меня, наверно, простили, и я прошел в гуще брызг по лезвию этого «топора». Остановились в лагере около часу ночи. За поздним ужином Саша Давыдов и другие кайакеры рассказывали ужасы, как на этом водопаде кому-то оторвало ногу, а кто-то ушел под воду навсегда.

Дальнейшее бездорожье – разбитая колея для лесовозов. Последний день. Сейчас начинается бросок к морю. Мы идем через перевал, где будут снег и лед. Приготовлены высокие сапоги и лопаты, чтобы расчищать путь. За перевалом, как говорят, Красная Поляна, Сочи, Лазаревское…

Сначала вел машину Чубайс, а я сидел справа. Чубайс спрашивал, что там внизу. Я отвечал, что внизу огромное ущелье и практически отвесная стена. Ехали спокойно, пересекли несколько горных рек, машина погружалась в воду почти по стекло. В каком-то болоте сломался Миша Абызов, приходилось несколько раз вытягивать его лебедкой. Чуть не перевернулся, висел над обрывом на двух колесах сын Анатолия Борисовича Леша. Я вел машину вниз, уже по сочинскому серпантину. Чубайс глянул в правое окно и сказал: «Глубоко. Хорошо, что я этого не видел, когда был за рулем». На дне ущелья шумела река. Наверху лежал снег. Было начало лета, 1 июня.

Поздно ночью прибыли в пункт назначения – невиданную по роскоши и комфорту частную гостиницу в Сочи у самого Черного моря. Швейцары в ливреях удивленно уставились на группу грязных людей со спортивными сумками и рюкзаками. Хотелось перед ними извиниться за неподобающий внешний вид. Галантный менеджер сообщил нам, что ужин накрыт на террасе. Разбрелись по номерам. Я оглядел необъятную белоснежную спальню со стеклянной душевой кабиной и огромной ванной посредине, бросил сумку у порога и решил, что к ужину переодеваться не буду. Не было сил. Спустился на террасу, где за столом собирались наши, почему-то тоже без смокингов. Официанты в сюртуках белее белого подносили Абызову вина, он крутил бокал, нюхал, пробовал и выносил вердикт: годится или нет. Оценить его выбор почти никто не смог, очень скоро все сдулись, как наши гермы – специальные экспедиционные сумки, из которых вынули вещи и выпустили весь воздух. В десяти метрах плескалось море. Мы даже сделали усилие и прошли эти десять метров, но в воду так никто и не вошел.

Рано утром по пробкам, которые в Сочи, как оказалось, тоже есть, уже на микроавтобусе мы ехали в аэропорт. До Москвы час сорок лету. Я подумал, что как-нибудь куплю билет на самолет и через час сорок окажусь здесь, на пляже, и тогда можно будет залезть в еще не прогретую соленую воду, лечь на спину и качаться на волнах, щурясь от яркого солнца.

Юрий Овтин

Рекомендация в КГБ

История эта произошла в те времена, когда служба в армии была обязательна и почетна для каждого советского мужчины.

Я работал корреспондентом в областной молодежной газете и учился на вечернем отделении политехнического университета на механико-технологическом факультете.

На все шесть лет учебы мне была предоставлена отсрочка от службы в армии. Однако, получив диплом, я был призван на срочную службу. Солдаты с высшим образованием в то время служили один год. На областном призывном пункте я оказался в числе тридцати таких же ребят, окончивших кто институт, а кто техникум, которых уже ждал «покупатель» – командир отдельного военно-строительного батальона в звании подполковника, которого до конца своей службы мы между собой называли Батей. Всем нам предстояла служба во взводе «Военпроекта». Но поначалу мы должны были пройти трехнедельный карантин и приобщиться к незнакомой для нас военной службе.

…Подъем в 6.00 утра. Обязательная ежедневная физзарядка на воздухе при любой погоде. Строевая подготовка на плацу. Строем в сортир, строем в столовую, строем на работу…

Так начались наши солдатские будни. Самым тяжелым поначалу было правильно намотать на ноги портянки и одеться после побудки за 45 секунд. Казалось, освоить это было делом немыслимым. Тем не менее, к концу службы я, заметно похудевший, свободно раздевался и одевался за 30 секунд.

Ярким и запоминающимся событием было и наше размещение после карантина в ротах. Наш отдельный батальон, в котором служила тысяча солдат, состоял из шести рот численнос-

тью от 120 до 180 человек, которые размещались в казармах на трехъярусных кроватях.

Старшина роты показал мне мое место, и я, бросив на тумбочку свои нехитрые пожитки, огляделся было по сторонам, но громкое бульканье и сопение заставило меня обернуться. Здоровенный детина атлетического сложения с наслаждением пил из горлышка мой «Тройной» одеколон. Я оторопел и ошалело глядел на это. Перехватив мой взгляд, солдат оторвался от одеколона и, набычившись, спросил меня:

– Шо, жалко, братан?

Я обалдело и невпопад ответил ему, что готов периодически делать ему подобные подарки, но при условии, что одеколон он будет пить на моих глазах. Так мы подружились с солдатом Васей с Брянщины. К слову сказать, в батальоне, где служили представители тридцати семи национальностей, брянская группировка была самой многочисленной и сплоченной, а потому и доминирующей.

Иногда в казармах вспыхивали драки. В ход при этом шло все. Основным оружием были металлические пряжки на солдатских ремнях с впрессованными на них пятиконечными звездами. Подобно снарядам, с грохотом над головами пролетали табуретки. Драки заканчивались так же быстро, как и начинались, после чего враждующие стороны еще долго выясняли между собой отношения, заканчивая ссору мировой, распив при этом невесть откуда взявшуюся бутылку-другую водки, а то и просто чифира.

Основная задача, которую выполнял наш батальон, была строительство военных объектов и жилья для военнослужащих. Солдаты развозились фургонами на строительные объекты, где работали рука об руку с гражданскими строителями. А потому пачка сигарет, да и бутылка вина или водки проблемы никогда не создавали. И заработать пару рублей на стройке было несложно. Солдаты же нашего взвода работали кто чертежником, а кто и конструктором в военном проектно-конструкторском институте, или сокращенно – в «Военпроекте». Так что на службу, по большому счету, мне было грех жаловаться. Я был на хорошем счету у командиров и через пару месяцев получил звание младшего сержанта.

После ужина я по обыкновению играл с солдатами в шахматы или же в клубе сражался с сержантами в бильярд.

Как-то в курительной беседке мы играли в шахматы «на вылет», когда к нам неожиданно подошел Батя. Он долго молча наблюдал за игрой, а потом неожиданно попросил позволения сыграть с победителем. К тому времени я уже обыграл пятерых солдат. Удача не отвернулась от меня и в игре с командиром. Проиграв две партии, он поблагодарил за игру и ушел в штаб.

После отбоя меня разыскал в клубе влетевший туда дежурный офицер, и заорав, почему я не в роте, приказал бежать во весь дух в штаб, к Бате.

Я влетел в штаб, плохо соображая, зачем мог понадобиться командиру в столь позднее время.

Батя сидел за столом, на котором были расставлены шахматы.

– Садись, – приказал командир. – В последней партии ты играл белыми.

С этими словами он сделал ход.

То ли я переволновался, то ли устал, – в общем, к большой радости командира и окружавших нас офицеров, я проиграл подряд три партии.

Так до конца службы я и остался единственным шахматным партнером комбата, практически ежедневно после отбоя разыгрывая с ним три партии. Силы у нас были примерно равные, игра шла с переменным успехом, я не поддавался и сражался упорно. Батя это понимал, и ему это нравилось.

Незаметно пролетело полгода службы, время подходило к весеннему дембелю, когда в батальоне случилось ЧП. Вусмерть напился и учинил пьяный дебош комсорг батальона прапорщик Дымов. Видимо, и до этого случая у него водились подобные грешки, потому как командование с ним особо не церемонилось, и, недолго думая, Дымова уволили из вооруженных сил. Сейф у него был забит бутылками грузинского коньяка десятилетней выдержки. Думаю, что это послужило последней каплей, переполнившей чашу терпения Бати, который как бы подвел черту под этим эпизоду, процедив сквозь зубы:

– Ишь, что вытворяет, мерзавец! Тут если и выпьешь иногда, да и то трехзвездочный, а он десятилетний марочный коньяк гранчаками жрать приучился…

Надо сказать, что природу этого коньяка в батальоне знали очень немногие посвященные.

В моей роте проходили службу человек пятнадцать грузин. Ребята эти были на редкость коммуникабельные и абсолютно бесконфликтные, со всеми находили общий язык и главное – не лезли на глаза, как бы постоянно находясь в тени. И что весьма существенно – водили дружбу со старшиной роты, матерым прапорщиком, служившим в армии около двадцати лет. По пятницам после работы два-три человека из них не без помощи старшины уходили в увольнительную и появлялись в роте аж в воскресенье после отбоя. И никто не мог догадаться, что их увольнение совпадало с рейсами «Аэрофлота» в Тбилиси и обратно. А в Тбилиси у одного из них отец работал начальником коньячного цеха на винно-коньячном комбинате. В часть ребята возвращались со спортивными сумками, набитыми великолепным коньяком «Тбилиси» КС (коньяк старый), при помощи которого они потом решали множество вопросов (в том числе и перелета на самолетах). Сумки с коньяком прятались в тайниках и схронах, расположенных вокруг территории батальона. Периодически хитрый Батя вместе с офицерами прочесывали прилегающую территорию. Бывали случаи, когда им удавалось разыскать бесценный груз. После этого весь личный состав батальона выстраивался на утреннюю поверку на плацу, и зам по хозчасти с размаху разбивал бутылки об асфальт под сожалеющий вздох тысячи солдатских глоток, вдыхавших на свежем утреннем воздухе пьянящий аромат дорого царского напитка…

Увольнение из армии прапорщика Дымова неожиданно самым радикальным образом повлияло на мою солдатскую судьбу.

За очередной вечерней партией в шахматы Батя, глядя на меня, в присутствии офицеров вдруг сказал:

– А что если мы изберем тебя комсоргом? Опыт на гражданке у тебя определенный есть, писать ты умеешь, и если захочешь, потом можешь остаться у нас на сверхсрочную службу.

Офицеры одобрительно загудели.

Я попытался было сопротивляться, аргументируя тем, что абсолютно не знаком с этой работой.

– А тут особого ума и не надо, – резюмировал Батя и, хитро прищурившись, добавил: – К тому же, иной раз сможем перекинуться в шахматишки и в обед…

…Через пару дней меня избрали комсоргом на комсомольском собрании батальона и присвоили очередное звание сержанта…

Вместе с новыми обязанностями я получил и определенные привилегии, главной из которых являлась свобода передвижения. Если раньше на выходные дни мне приходилось клянчить у ротного увольнительную, то сейчас мне на месяц выдавалось командировочное удостоверение, с которым я беспрепятственно мог передвигаться вне воинской части и днем, и ночью.

Так как в мои обязанности входило контролировать работу нашего медпункта, то вместе с медбратьями я стал ходить «на мослы», или попросту говоря, проверять качество приготовленной в пищеблоке пищи. К тому же медбратья регулярно информировали меня, когда в кисель добавлялся бром, чтобы понизить сексуальную активность солдат.

Я стал обладателем малюсенького кабинета в штабе, где еле-еле умещался письменный стол.

Как и прежде, мы с командиром после отбоя разыгрывали традиционные три партии в шахматы.

И вот однажды после очередной шахматной баталии, когда комбат и офицеры разъехались по домам, а в штабе дремал на посту дежурный солдат, и я уже собирался идти в роту, раздался легкий стук – и в дверь кабинета протиснулся высокий черноволосый солдат из нашей роты. Это был Георгий Кванталиани.

– Разрешите, товарищ сержант, – обратился он ко мне. – Есть разговор.

Я жестом предложил ему сесть за стол.

– Вы не возражаете, товарищ сержант? – осторожно спросил он меня, доставая из-под гимнастерки бутылку того самого «Тбилиси»…

…Суть просьбы Георгия состояла в следующем. Через три недели он должен был уходить на дембель. Его заветной мечтой было поступить в Высшую школу КГБ. Отец обещал ему в этом

помочь. Для этого нужно было обязательно получить по месту воинской службы характеристику-рекомендацию. Георгий обращался с этой просьбой к Дымову, да вот незадача – его уволили… А время идет…

Я обещал солдату сделать все, что в моих силах.

На следующий день перерыл всю документацию, хранившуюся в моем кабинете. Как я и предполагал, никакой характеристики на Георгия там не было. Но я нашел копию подобной характеристики-рекомендации трехлетней давности. Это было уже кое-что. А характеристику-рекомендацию надо было еще подписать у комбата, замполита батальона, начальника штаба, парторга и комсорга, предварительно завизировав ее у командира, замполита и замотеха роты, старшины и взводного. И наконец, утвердить ее в особом отделе и в политотделе строительного управления округа.

Отпечатав документ на пишущей машинке (компьютеров тогда не было и в помине), я приступил к сбору виз и подписей. На все про все ушло более недели.

К чести Георгия, он не одолевал меня напоминаниями, а терпеливо ждал.

И вот, наконец, я сказал ему, что он может зайти в штаб и получить в канцелярии свою долгожданную бумагу, усиленную множеством замысловатых подписей, скрепленных несколькими печатями.

Через пару дней после отбоя Георгий осторожно протиснулся в мой кабинет.

– Уж и не знаю, как вас отблагодарить, товарищ сержант, – сказал он. – Большое вам спасибо! Будете в Тбилиси – вы самый дорогой и почетный мой гость! Вот вам мой адрес. А это, пожалуйста, выпейте за мое здоровье, – продолжил он, передавая мне две бутылки коньяка. – А вот этот подарок лично от моей мамы, наш грузинский чай, высший сорт, – и он поставил на стол красивую жестяную коробочку…

Я был тронут его вниманием, и мы по-братски распрощались.

…На весенний дембель уходило человек двести солдат. Каждый из них приходил и ко мне – я должен был поставить в так называемом «бегунке» подпись, подтверждающую, что комсомоль-

ские взносы уплачены сполна. Некоторым солдатам приходилось платить взносы за несколько месяцев.

Уходил на дембель и мой приятель с Брянщины Василий. В компании с двумя такими же, как и он, мордоворотами, Василий заплатил взносы и, получив «бегунок», спросил:

– А что, комсомол, не найдется ли у тебя чего выпить на посошок?

Я с сожалением развел руками.

– А может, чифирнуться чего найдешь? – не унимался Вася.

Я хотел было отнекаться, как вспомнил вдруг о подаренной мне коробке чая.

– Секунду, – сказал я, – сейчас поищем.

Достав из стола коробку чая, я перочинным ножом поддел жестяную крышку и обалдело посмотрел внутрь коробки. Вместо чая там лежал рулончик денег. Справившись с замешательством, я небрежно швырнул коробку обратно в стол и со словами: – К сожалению, братан, все выпили, – тепло попрощался с Васей.

Закрыв на ключ кабинет, я помчался в роту в надежде найти там Георгия. Однако на мой вопрос старшина роты, мечтательно потянувшись, ответил, что Георгий сейчас, наверное, где-то в горах запивает красным вином шашлык из седла молодого барашка…

С трудом дождавшись вечера и проиграв к вящей радости командира три партии подряд, я заперся в кабинете и, достав из стола чайную коробку, сосчитал деньги.

В рулончике оказалось пятьдесят десятирублевок, сумма по тем временам немалая, а для солдата и просто запредельная.

Обхватив голову руками, я задумался, как мне поступить в столь неожиданной для меня нештатной ситуации…

На следующий день, а точнее, вечером после отбоя, перед традиционными тремя партиями в шахматы я обратился к Бате с необычным предложением:

– Товарищ подполковник! А почему бы нам не усилить свои ощущения от этой прекрасной игры? Скажем, если я выиграю сегодняшний мини-матч, то вы отпустите меня в десятидневный отпуск. Полгода я уже отслужил и по закону имею на это право.

Комбат с удивлением посмотрел на меня и спросил:

– А если проиграешь?

– Тогда с меня две бутылки марочного коньяка, – не моргнув глазом, ответил я.

Комбат на мгновение задумался и сказал:

– Согласен. Но в отпуск я тебя отпущу при условии, если ты выиграешь у меня три партии.

Нас обступили притихшие офицеры, и игра началась.

Первые две партии я выиграл без особого труда – легко и убедительно. А вот третья, в которой я сделал несколько ошибок в миттельшпиле, медленно, но верно шла к своему логическому окончанию – победе комбата.

Спасти меня могло только чудо. И вдруг, ко всеобщему разочарованию офицеров, Батя сделал два обидных «зевка» и сдал партию, после чего пожал мне руку и при всех подписал заявление на отпуск.

Вспоминая эту историю, я до сих пор не могу прийти к выводу: а не подыграл ли мне тогда комбат?

Впрочем, возвратившись из отпуска, я зашел к нему в кабинет и подарил две бутылки марочного коньяка «Тбилиси» десятилетней выдержки.

Евгений Черноиваненко

Пристрастие к фразе

Если вдуматься…

«Предать забвению» – это тоже форма предательства?

Выволочка – это оборотная сторона наволочки?

Может, с точки зрения вечности, «земельная собственность» – это все мы?

Возможно ли что-нибудь более противоестественное, чем «возвращение в лоно»?

«Два сапога пара» – народная единица измерения объема газов?

«Продукты питания»: трудно представить себе нечто менее съедобное.

Обращение «будьте добры», если вдуматься, достаточно оскорбительно.

Вступить в единоборство можно только с самим собой?

«Персил» – древнерусское название силикона?

Может ли аппетит быть неприятным?

Овладеть собой – это извращение?

После «Альфа Ромео» – «Бета Джульетта»?

Эх, люди…

Он выжил из ума или его выжили из ума?

Он зарабатывал так много, что его декларация о доходах могла считаться декларацией независимости.

Настоящий философ: даже камень в своей почке он считал философским камнем.

Как редко мы оцениваем людей по достоинству! Куда чаще мы оцениваем их по недостаткам.

Сознательность: даже свой супружеский долг он воспринимал как гражданский.

Как трудно найти место, которое еще не стало местом общего пользования!

Как мало людей, о которых можно написать книгу «Жизнь и деятельность N»! Куда больше тех, о ком можно написать только «Жизнедеятельность N».

Тоталитаризмы

Король так часто менял министров, что его двор стали считать проходным.

Тогда у нас все товары были вне конкуренции.

Тогда даже массовые волнения были только радостными.

Диалектика социалистического производства: переход низкого качества в большое количество.

Мы все тогда жили в одной большой коммунальной квартире с общим туалетом, благодаря чему могли считаться людьми одного круга.

Можно ли считать историю КПСС историей болезни?

Модернизмы

Образование, основанное на плате и взятках, – это уже злокачественное образование.

Теперь в книгах такое пишут, что выражение «книжный язык» полностью утратило прежнее значение.

Несчастно то общество, в котором умный в гору не пойдет.

При нынешнем состоянии производства в нашей стране государственный доход можно считать нетрудовым.

В эпоху сексуальной революции и брачный договор может быть коллективным.

Наш агропромышленный комплекс всегда был комплексом неполноценности.

Где теперь бодрые телепередачи, как когда-то «А ну-ка, парни!» и «А ну-ка, девушки!»? Теперь это скорее «Порнуха, парни!» и «Чернуха, девушки!».

Вопросы философии

На чем свет стоит?
Чего греха таить?
В чем душа держится?
Сколько душе угодно?
Из чего можно выкроить время?
Разве не всякое число единственное?
Разве не всякое правительство временное?
Можно ли считать всемирную историю естественной?

Опечатки

Министерство странных дел
Коллективный оговор
Внесметные богатства
Дело пошло на ладан
Мать Сыра Вода
Вначале было слово. И слово было убого.
Человек – это звучит горько. М. Гордый.

Реклама

Мафиозные кланы Вилльариба и Виллабаджо, обстряпав очередные грязные делишки, оказались перед проблемой отмывания полученных денег. Клан Вилльариба воспользовался «Фейри», а клан Виллабаджо – обычным средством. И вот результат: клан Вилльариба давно отмыл деньги и уже успел провернуть несколько новых делишек, а клан Виллабаджо все еще отмывает те самые деньги. Да, «Фейри» – действительно выгодное средство.

Владимир Трухнин, Ирина Полторак

«Городок» – пятый угол!

Городок с удовольствием

Дверь в комнате обычной квартиры, в нее стучат, дверь приоткрывается и заглядывает голова Соседа.

Сосед: Виктор Иваныч, вы здесь?

Голос Хозяина: Пока еще здесь…

Сосед смотрит куда-то вверх, явно видит что-то необычайное. У него удивленно вытягивается лицо, он входит в комнату.

Сосед: Что это тут происходит, я не понял?

Хозяин стоит на табуретке под люстрой, с люстры свисает петля, он примеряется засунуть в петлю голову.

Хозяин (*с горькой иронией*)**:** А на что это похоже?

Сосед: А-а… Э-э… (*Подходит ближе, с сомнением-надеждой.*) Люстру вешаете?

Хозяин (*горько*)**:** Господи, люстру-то за что вешать, что она мне плохого сделала… (*Примеряет петлю – маловата, но он пытается все же просунуть голову.*) Ч-черт…

Сосед (*обходя его вокруг, задумчиво*)**:** Нет, не выйдет, петлю надо сделать побольше… (*Спохватывается.*) То есть я хотел сказать – а ну слезайте!

Хозяин: Зачем? Человек создан для счастья! Для радости и удовольствий! А я от этой жизни ничего такого не получаю! Ни работа, ни жена, ни новости – мне никакого удовольствия не доставляют! Поэтому я вешаюсь! Поняли?

Сосед: Я понял. Вы вешаетесь… И вы думаете, что это доставит вам удовольствие?

Хозяин: А вам бы все шуточки шутить… Ну, счастливо вам оставаться!

Сосед: Подождите, Виктор Иваныч, ну нельзя, нельзя же так сразу. Я убежден, что можно найти хоть какое-то удовольствие даже в нашей с вами жизни! (*На секунду задумывается*.) Ну, если, конечно, сильно постараться… Если очень сильно.

Хозяин: А вы думаете, это я сразу? Да я всю жизнь был оптимистом! А теперь понял – каким же я был идиотом! Но сегодня я перестал им быть! Всё!

Сосед: Ну вот! Значит все не так плохо! Вы думаете, что перестали быть идиотом, да? (*Тот кивает*.) Значит, вы и сейчас оптимист!

Хозяин: Спасибо на добром слове. Как удачно, что вы зашли. Мне как раз хотелось напоследок немного потрындеть. Ну, а теперь до свиданья! (*Показывает пальцем вверх*.)

Сосед: Тьфу-тьфу-тьфу, надеюсь, не до скорого. Подождите, Виктор Иваныч, дорогой мой, я уверен – все в вашей жизни еще будет хорошо. Слезайте и поговорим спокойно.

Хозяин: Не слезу.

Сосед: Но вам же так будет удобнее.

Хозяин: Не слезу. Мне и тут хорошо.

Сосед: Ну вот, смотрите, постепенно все налаживается – уже есть место, где вам хорошо!

Хозяин: А сейчас станет еще лучше. Последний вдох, а выдоха уже не будет… (*Делает глубокий вдох*.)

Сосед: Стойте! Вам придется все-таки слезть на минутку – надо же хоть записку оставить. Ну, в смысле «В моей смерти прошу никого не винить».

Хозяин (*выдыхает*)**:** А я написал. Вон она на столе лежит.

Сосед: Вот это вы очень правильно сделали! Знаете, если бы не было записки, вашу жену могли арестовать и посадить. Ну, за доведение до самоубийства, есть такая статья.

Хозяин: Вы думаете, могли бы?

Сосед: И не сомневайтесь! У нас это запросто.

Хозяин: Подайте-ка мне записку, пожалуйста.

Сосед подает, Хозяин ее рвет.

Сосед: Что вы делаете?! Я же сказал: вашу жену могут посадить!

Хозяин: Вот именно!.. Ха-ха! Не могу отказать себе в таком удовольствии… Ну, всего вам доброго, я пошел.

Сосед: Стойте! Может, это вам только кажется, что жизнь лишена удовольствия? Ведь жизнь всегда хуже, чем хочется… Но лучше, чем кажется!

Хозяин: Ничего мне не кажется. Вам бы мою пенсию.

Сосед: Ну нельзя же все мерить деньгами!

Хозяин: А я деньгами уже давно ничего не меряю.

Сосед: И правильно! Потому что для вас важнее духовные ценности!

Хозяин: Нет. Потому что мне уже давно нечем мерить.

Сосед: Слушайте, а давайте лучше завтра в электричку – и на рыбалку, а?

Хозяин: Да вы что?! Если я завтра утром поеду на рыбалку, то вечером жена меня убьет.

Сосед: О! Так зачем вам, скажите, сегодня морочиться с этим дурацким повешением, когда завтра придет жена и спокойненько, аккуратненько, без всех этих мучений вас убьет…

Хозяин: Нет, лучше уж я лишу ее такого удовольствия… Ну вот, сейчас брошу последний взгляд на мир и скажу ему гудбай!

Сосед: И очень не вовремя вы собрались вешаться. Скоро очередной чемпионат по футболу, наша сборная будет играть.

Хозяин: То есть вы хотите сказать, что вот после чемпионата будет как раз вовремя?

Сосед: Нет, я как раз надеюсь на… на… э… (*Безнадежно машет рукой*.) И вообще, впереди много хорошего! Политики обещают, что завтра будет лучше, чем вчера!.. Сказки, конечно, но хочется верить.

Хозяин: А я верю! Верю! Меня только смущает одна маленькая деталь…

Сосед: Какая?

Хозяин: Вчера они говорили то же самое про сегодня… Ну, всё! Не поминайте лихом! И простите меня, я вам, кажется, должен 300 рублей…

Сосед: Стойте! Идея! А давайте поспорим, что если вы повеситесь, то тогда я выиграл, а если не повеситесь – то вы. На деньги! Ну… скажем, на две копейки!

Хозяин: Почему это всего на две копейки?

Сосед: Так все говорят, что вы даже за копейку готовы удавиться. Значит, не удавиться за две копейки – это уж вы точно будете готовы.

Хозяин: Нет, две копейки мало. Я на мыло для веревки больше потратил. Давайте, вот я вам должен триста рублей, да? Вот на триста и поспорим.

Сосед: То есть вы мне просто не будете ничего должны? (*Чешет репу*.) Я, вообще-то, к вам как раз за долгом пришел… Ну да ладно, спорим на триста рублей! Идет?

Хозяин: Стоп… А у вас с собой еще деньги есть?

Сосед: Ну… Ну есть сто рублей.

Хозяин: О! Тогда спорим на четыреста! Идет, да? (*Тот машет рукой*.) Все! (*Спрыгивает*.) Я выиграл! Давайте сотню, и я вам ничего не должен. Я выиграл! (*Берет сотню*.) Выиграл!

Сосед (*несколько огорченно*)**:** Ну вот, видите, все-таки бывают в жизни удовольствия… Только, я вас прошу, веревочку эту отдайте мне, а? А то вдруг вам опять покажется, что все плохо…

Хозяин: Не-не! Спасибо, все уже очень хорошо! Всего доброго! (*Выпроваживает его*.)

Сосед: Но почему?

Хозяин: Потому! (*Закрывает за ним дверь*.) Потому что сейчас другой сосед за долгом придет.

Евгений Голубовский

Книжный развал

Издано в Одессе

Реабілітовані історією.
Одесская область
Одесса, АО «Пласке», 2010

Реабилитированные историей – это всеукраинский издательский проект, в котором должно быть 27 томов, по количеству административных единиц. Вышедшая книга, несмотря на то, что в ней 800 страниц, лишь первая часть одесского тома. Потому что даже трудно представить себе, сколько в годы репрессий – с 1917 по 1985 год, начало перестройки, – было уничтожено, замордовано, выслано наших сограждан. Руководитель программ «Одесский мартиролог» и «Реабилитированные историей» доцент ОНУ им. Мечникова Л.В. Ковальчук в предисловии к книге предполагает, что одесский том будет состоять не менее чем из семи книг. Насыщенность вышедшей книги подтверждает, что такие предположения небеспочвенны.

Принцип составления книги таков, что она становится интересной не только историкам и архивистам, но и широкому кругу читателей, так как раздел «Очерки, воспоминания, статьи», рассказывающий о судьбах людей, оставивших заметный след в истории Одессы, читается как исторический роман, увы, с трагической развязкой.

Всем им, репрессированным советской властью, а затем реабилитированным историей, памятники не установить. И, думается, коллективным памятником всем нашим согражданам, безвинно убиенным, прошедшим концлагеря, отправленным в ссылку, станет это многотомное издание, наряду с «Одесским мартирологом» (уже вышло четыре книги) создающее памятник-документ, приговор истории тоталитарному режиму.

Александр Дорошенко
Сентиментальное путешествие
(поэма)
Часть первая – Гениальная эпоха
Одесса, Optimum, 2011

Это книга прозы, не воспоминаний, а размышлений. А то, что автор назвал ее поэмой, говорит о том, что опирался он на опыт замечательных предшественников – от Николая Васильевича Гоголя до Венички Ерофеева. Вообще, прозу А. Дорошенко отличает то, что он ощущает под собой великий культурный слой, если воспользоваться термином археологов. И в своих книгах осознает, что продолжить великую литературу можно только во внутреннем диалоге с предшественниками.

Новая книга А. Дорошенко – лишь первая часть задуманного четырехтомника, куда войдут не только детство (эта книга сейчас издана), но, вслед за Л. Толстым, – и отрочество, и юность.

Более того, Александр Дорошенко последнюю часть книги собирается сделать футурологической, поведать о своих размышлениях о предстоящем.

«Сентиментальное путешествие» читается на одном дыхании. Это лирическое восприятие мира и трагические страницы жизни страны (и каждого из нас), это размышления без нравоучений. Но главное – это хорошая проза.

Галина Лазарева
Глеб Жеглов. Володя Шарапов. Место встречи изменить нельзя
Одесса, Феникс, 2012

Галина Яковлевна Лазарева, в прошлом – главный редактор Одесской киностудии, продолжает задуманную ею серию – «Имена Одесской киностудии». После блистательной книги, посвященной неосуществленному фильму Киры Муратовой «Княжна Мэри», Г. Лазареву увлек проект – показать читателю и зрителю, как рождался телефильм «Место встречи изменить нельзя», как работал Владимир Высоцкий над воплощением образа Глеба Жеглова.

Автор привлекла огромный материал для создания этой книги. Варианты литературного сценария братьев А. и Г. Вайнеров, режиссерский сценарий С. Говорухина, размышления актеров, снимавшихся в фильме, даже письма телезрителей, в конце концов!

Большая книга, больше чем в 450 страниц, замечательно иллюстрированная не только фотографиями, но и эскизами к фильму В. Гидулянова, читается как… детектив. Да, многое меняется от сценарного замысла к режиссерской разработке, уточняются не только характеры актеров, но и ритм бу-

дущего фильма. И уже завершенная картина вызывает некоторую разногласицу. Неприятие финала Виленом Новаком, который первоначально планировался режиссером фильма. Неоднозначное отношение к Владимиру Конкину, сыгравшему Шарапова…

В этой книге Г.Я. Лазарева не только составитель, но и автор интересной статьи, завершающей сборник. И как настоящий библиофил, она составила подробнейшую библиографию материалов о фильме. Настолько подробную, что я обнаружил ссылку на свои статьи в «Вечерней Одессе», из которых мне наиболее памятно интервью с братьями Вайнерами, взятое мной и Семеном Лившиным в гостинице «Красная» в 1984 году, – «Чем жив детектив?».

Александр Бирштейн
Театр, который был…
(Памяти Берты Яковлевны Барской)
Одесса, ВМВ, 2011

Александр Бирштейн год за годом выпускает книги, связанные со своей семьей – семьей Б.А. Шайкевича – Б.Я. Барской – И.Б. Шайкевич. В этих книгах оживают старые документы, статьи, письма, в конце концов, десятки людей, для которых их дом был родным домом.

В декабре 2011 года Берте Яковлевне Барской исполнилось бы сто лет. К этой дате и была приурочена новая книга. Она действительно о театре, который был тогда, когда активной участницей театрального процесса в Одессе была Берта Яковлевна.

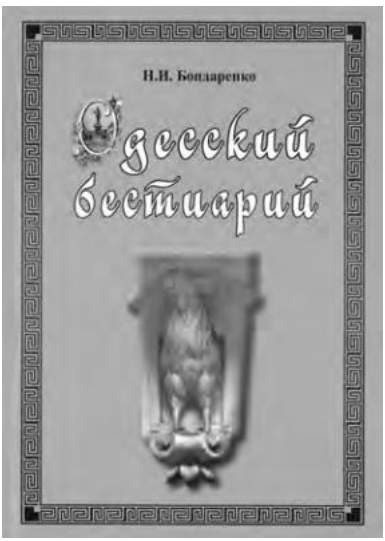
Многое читатель книги перечтет, как, к примеру, старые рецензии в «Знамени коммунизма» и «Черноморской коммуне»,

но кое-что прочтет и впервые, в частности, записи из дневника о репетициях в Одессе И. Смоктуновского.

Завершить рассказ об этой книге мне бы хотелось словами Б.Я. Барской. Александр Бирштейн нашел в ее архиве рукопись о замечательной актрисе Л.И. Буговой и обильно цитирует ее. Поблагодарим автора и последуем его примеру.

«Не всегда удавалось играть то, что хотелось. Время было суровое и сложное. Зачастую приходилось участвовать в пьесах посредственных, декларативных, фальшивых, предписанных к постановке тогдашним начальством (пьесы Софронова, Рачады и др.). Когда же советская драматургия, например, пьеса Розова «В поисках радости», давала достойный материал, Бугова проявляла свой талант «играть не схему, а живого человека…»

Думаю, этой мудрости, взвешенности действительно можно учиться у Б.Я. Барской. И спасибо А. Бирштейну, приоткрывшему читателю ее архив, ее Дом.

Нина Бондаренко
Одесский бестиарий
Одесса, ФЛП «Фридман А.», 2012

Об Одессе часто говорят как о театре под открытым небом. Но, думаю, можно говорить и про зоосад под открытым небом. Во всяком случае, я долгие годы пытался подсчитать все скульптуры львов, украшающие Одессу. Многих не было ни в одном путеводителе, к примеру, того, что находится во дворике на спуске к пляжу 16 станции Большого Фонтана.

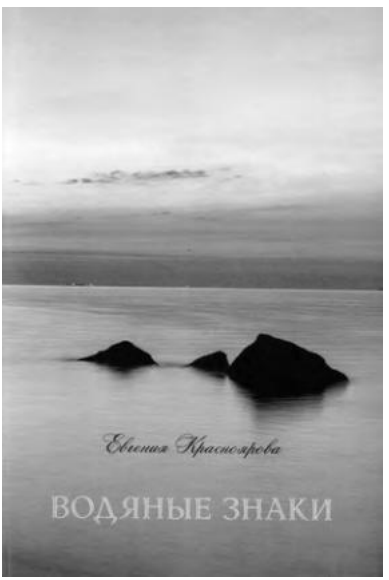
Поэтому приятно, что учитель-методист, который, понимая, как важно детям преподавать историю, культуру родного города не абстрактно, а привя-

зывая ее к конкретным домам, улицам, площадям, взял на себя труд систематизировать весь этот «зоопарк», связав его с адресами, фотографиями и конкретикой нашей жизни, сегодняшними реалиями.

Да, когда-то в Одессе было четыре грифона. Я помню уже два в Кировском (Старобазарном) сквере. Ныне вообще остался один на искусственно созданной площадке «Старая Одесса» у Тещиного моста со стороны улицы Гоголя.

А сколько на наших домах изображений птиц, рыб, лошадей…

Уверен, что «Одесский бестиарий» – не только туристу, но и одесситу даст возможность внимательнее вглядеться в наш город.

Евгения Красноярова
Водяные знаки
Одесса – Дрогобыч, «Коло», 2012

Илья Рейдерман
Я
Стихотворения-медитации
Одесса, КП ОГТ, 2011

Алена Щербакова
Восход на краю колеса
Одесса, КП ОГТ, 2011

Три поэтические книги, вышедшие в последнее время в нашем городе. Фамилии авторов расставил по алфавиту, что с того, что у Е. Красноярoвой и А. Щербаковой – это вторые книги стихов, а у И. Рейдермана – одиннадцатая. Важно, что их книги, очень разные стилистически, эмоционально, философски утверждают одну простую истину – поэзия существует. И сколь бы ни был прагматичен, прозаичен наш мир, всегда есть те, кто пишут стихи, как и те, кто эти стихи читает,

слушает, повторяет про себя наизусть.

Книга Е. Краснояровой стала третьим сборником, выпущенным студией «Зеленая лампа» при Всемирном клубе одесситов, книгу Ильи Рейдермана спонсировал «Интеллектуальный форум», а Алена Щербакова благодарит за помощь в издании книги мецената Евгения Деменка. Подчеркиваю это, потому что настоящей поэзии всегда нужна поддержка. Мы слишком долго зависели от государства, пришло время рассчитывать на себя, на людей, которые в тебя верят.

Приведу короткое стихотворение Евгении Краснояровой:

Меня не почтут почитатели,
Меня не прочтут
прочитатели,
Нулители не обнулят
Хулители не обхулят.
Я вырасту деревом-деревом
Над логовом
зверевым-зверевым.
В дремучем раю, на краю –
Чтоб выдержать ношу свою.

Мне кажется, каждый в своей манере, но согласуясь с этим по смыслу, то же могли бы сказать и авторы двух других книг.

Издано в Нью-Йорке

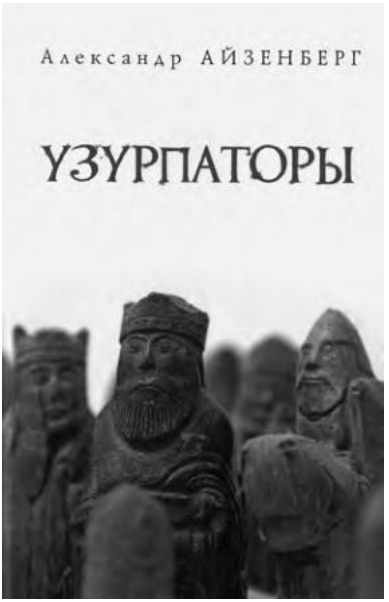
Владимир Серебро
Графоманские уши.
Очерки и рассказы
Нью-Йорк, 2011

В этом году Владимиру Серебро – 80 лет. Время для мемуаров. Первая его книга «Личный архив», вышедшая в Нью-Йорке в 2005 году, была посвящена его профессии инженера, исследователя, литейщика. Нынешняя же включает в себя и семейные хроники, а молодым человеком он вошел в семью профессора М.С. Беленького, и портреты друзей и знакомых, к примеру, Н.А. Полторацкого и С.Я. Борового, трагические истории, связанные с нашей непростой жизнью, – «Последние дни Б.М. Рейнгбальдт», и юмористические – «Отец Мак»... А насколько легко, изящно написаны очерки о братьях наших меньших – «Исповедь собаки», «Кошачьи истории», «Сорока Галя-Галя»...

Несколько эссе, воспоминаний из этой книги В. Серебро присылал из Нью-Йорка в Одессу, и мы публиковали их в нашем альманахе «Дерибасовская – Ришельевская». Да и в этом выпуске публикуются воспоминания Л.Я. Ландесман-Беленькой, подготовленные для нашего альманаха Владимиром Серебро.

Елена Колтунова

Погружения Александра Айзенберга

Александр Айзенберг
Узурпаторы
Санкт-Петербург, Алетейя, 2009

«Узурпаторы» – это уже не первая книга одессита Александра Айзенберга, изданная в Санкт-Петербурге.

«Узурпаторы» – это сборник, в который вошли пьесы, эссе и другие произведения писателя, жанр которых я не берусь определить. Пьеса есть пьеса. Понять это можно, даже не читая. Достаточно взглянуть на расписанные диалоги. А что можно сказать о произведении, на страницах которого идут отделенные друг от друга чертой короткие отрывочные фразы, правда, позволяющие проникнуть в смятенные мысли персонажей? Или последовательно сменяющие друг друга пронумерованные описания эпизодов, как в киносценариях. Или… Нет, я не буду продолжать. Конструкции, по которым строит свои произведения Александр Айзенберг, слишком причудливы и, честно говоря, сложны. Они требует полного погружения в текст.

Собственно, вот я и нашла подходящее название для той манеры, того жанра, в котором работает А. Айзенберг – ПОГРУЖЕНИЯ. К ним я отношу и пьесы автора: «Жди смертный завершающего дня», «Комедия дьявола» и «Узурпаторы», и его эссе – «Тайны ордена Тамплиеров», и исследования: «Против Иосифа Флавия» и «Иудейская война». И тем более такие конструктивно сложные произведения, как «Миф» и «Диадохи».

Уже из названий видно, что фантазия, а точнее – интересы автора переносят его из Древней Греции («Миф», герои которого Геракл, Адмет, Алкеста и кое-кто из жителей Олимпа), в Римскую империю времен Нерона и Петрония («Жди смертный завершающего дня»), или в те времена, когда Пирр – царь Эпира – пытался собрать воедино империю Александра Македонского, растащенную его соратниками-наследниками («Диадохи»).

Автор скачет из одного государства и времени в другое, перепрыгивая столетия и эпохи, как это делает «Асмодей по прозванию Хромой Бес, испанский кабальеро, потом врач «Скорой помощи», потом Тот, кто Все видел…» («Комедия дьявола»). Слово «скачет» в данном случае не вульгаризм, поскольку сам автор свою пьесу «Комедия дьявола» делит не на «явление первое», «явление второе» и т. д., а отделяет эпизоды один от другого «прыжками», «скачками», «подскоками» и прочей, говоря медицинским языком, моторикой, позволяющей переноситься во времени и пространстве.

Продолжая прослеживать сферу интересов Александра Айзенберга, мы попадаем во времена Ричарда III («Узурпаторы»). Нас окружают Андроник, Глостер, Леди Анна и… Ведущий телевидения, пытающийся осмыслить и прокомментировать ту часть английской истории, которую мы привыкли воспринимать в изложении Уильяма Шекспира по его «Хроникам».

Понятно, что в «Узурпаторах» Ведущий – это сам автор, и это позволяет ему (автору) в несколько ерническом тоне комментировать события. Зато в своем эссе о рыцарях-тамплиерах и в исследовании Иудейской войны по Иосифу Флавию, в анализе самой фигуры Иосифа бен Маттафии – Иосифа Флавия – Айзенберг придерживается буквально рефератской скромности в изложении. Собственно, в таком же

плане Айзенберг исследует побудительные причины, экономические и политические предпосылки, связи личностные и межнациональные в своем последнем погружении (мы ведь договорились о таком определении жанра) «Иудейская война». Но потом не выдерживает чинности изложения и переходит на свой обычный метод рванного на отдельные фразы текста, что, по большому счету, оказывается наиболее емким способом донести до читателя всю картину, все образы, все перипетии и взаимоотношения действующих лиц.

В своих исследованиях Александр Айзенберг не только прокручивает варианты развития событий, но проводит и интересные аналогии, вспоминая войну 1812 года с Наполеоном или Испанию времен того же Бонапарта.

Вообще, профессиональный юрист и увлеченный историк Александр Айзенберг очень хорошо чувствует время. И обращаясь к, казалось бы, весьма отдаленным историческим пластам, умудряется вызвать у читателя четкие аллюзии с современной историей.

Не надо уточнять, какие ассоциации вызывает погружение в историю огромной империи Александра Македонского, разорванной на куски его соратниками-диадохами…

Или «Тайны ордена Тамплиеров», который существует по сей день и который, как объявил в свое время телеканал «Интер», спровоцировал «оранжевую революцию». От этого обвинения с возмущением открещивался великий приор ордена Александр Яблонский. Но как бы там ни было, интерес читателя к рыцарям-тамплиерам, угасший вместе с интересом к героям Вальтера Скотта, к рыцарю Айвенго и его врагу Храмовнику, снова ожил. И глава, посвященная тайнам ордена Тамплиеров, не может не вызвать интереса. Тем более что Айзенберг в ней описывает не ристалища, а историю возникновения и экономическую деятельность ордена, например, изобретение такого современного инструмента экономических отношений, как вексель.

А что касается самого названия сборника – «Узурпаторы» (оно относится не только к конкретному «погружению», но и ко всему сборнику), то тут даже не надо объяснять какие аллюзии, какие ассоциации оно вызывает.

Содержание

От редакции 3

История, краеведение

Олег Губарь
Функции Одесского строительного комитета в контексте истории градостроительства Одессы 6

Виктор Михальченко
Жизнь нуждается в милосердии 15

Ева Краснова, Анатолий Дроздовский
«Сказочный фонтан» в Одессе 24

Олег Губарь
Одесская Софиевка 31

Евгений Голубовский
Очарованная душа 36

Светлана Матвеева
Оккупация Одессы 43

Одесский календарь

Сергей Решетов
Дом на Пушкинской, 66 56

Проза

Владимир Наумец
Алкопроза 62

Анатолий Контуш
Голоса 109

Ольга Ильницкая
Мария 115

Наиль Муратов
Четвертый закон робототехники ... 119

Ада Самарка
Репка ... 129

Артем Губарьков
Два рассказа ... 144

Поэзия

Юрий Михайлик
Покушение ... 150

Ефим Ярошевский
Монолог из соседней страны ... 155

Тина Арсеньева
Иберийский бессмертник ... 159

Леонид Якубовский
Стихи ... 167

Первые шаги

Данила Демяненко
Цирк ... 174

Искусство – жизнь – искусство

Сергей Бондарин
Кораблик Паустовского ... 182

Евгений Деменок
Владимир Баранов-Россине – наш человек в Париже ... 190

Муза Одессы ... 213
Феликс Кохрихт
Маргарита и мастера ... 214
Юлия Жаркова
Литургия Кристалла ... 219

Роман Бродавко
Полвека за дирижерским пультом ... 222

Алена Яворская
«Я спутник послушный двух разных планет...» ... 231

Олег Кудрин
Одесское кино ... 243

Оксана Довгополова
«Мастерская человеков» – новая встреча с Ефимом Зозулей ... 249

Геннадий Гребенник
Возвращение Ефима Зозули. 251

Анжела Шпольберг
Размышления о «великом и могучем» 257

Публикации

Дневники княгини Дабижа 270
Публикация Эннио Бордато, Михаила Талалая

Л.Я. Ландесман-Беленькая
Дом на Черноморской. 307
Публикация Владимира Серебро

Наши предшественники

Татьяна Щурова
«И в дыме унылом камина…». 318

Путешествие

Иван Липтуга
Маевка на Олимпе 334

Иосиф Райхельгауз
С черного хода к Черному морю 340

Ах, Одесса

Юрий Овтин
Рекомендация в КГБ 350

Евгений Черноиваненко
Пристрастие к фразе 358

Владимир Трухнин, Ирина Полторак
«Городок» – пятый угол! 361

Издано...

Евгений Голубовский
Книжный развал. 366

Елена Колтунова
Погружения Александра Айзенберга 374

ДЕРИБАСОВСКАЯ РИШЕЛЬЕВСКАЯ

